

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 1.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 No. съ 56-ю картинками модъ, въ С. П. б. 50, съ доплаткою и пересылкою 35 рублей.

СУББОТА, Генваря 2 дня, 1852 года.

Почтенье должно намъ заслугами купить;

А чинить весь міръ есть пожъ, что никого не чинить,

И, если вы сударь, сей подлостью гордитесь,

Прошу не гнѣвайтесь, въ друзья мнѣ не годитесь.

Ф. Кокшвинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

НЕРАСЧЕТЛИВО!

Не могу надвинуться скорымъ, самонадѣяннымъ, рѣшительнымъ, рѣзкимъ сужденіямъ нашихъ юношей-писателей или, лучше сказать, юношей-сопрудниковъ. Мало того, что они судятъ и рядятъ о вышедшихъ уже въ свѣтъ книгахъ; Нѣтъ, они и изъ печати еще не вышедшія и на письменномъ столѣ переводчиковъ и сочинителей лежачія одѣиваютъ. Вотъ пому примѣръ:

Въ 46-мъ No Зеркала (Le Miroir) въ спавѣ, подъ названіемъ: Эхо Русской сложености (Echo de la Littérature Russe), поразили меня слѣдующія строки.—

«C'est plus commode de traduire! aussi broché! «broché! grand mouvement de plumes parmi les «traducteurs. Nous allons étre inondés: Victor «Hugo, Paul de Kock, Eugene Lue (Sue), Stend- «hal, J. Janin, et tant d'autres, vont nous tomber «sur les épaules.... Accompagnés d'une nuée d'alma- «nachs. — Si ce n'est pas progrès de littérature «nationale, c'est au moins progrès de spécula- «tions.» —

Но Русски это значить: «Легче переводить! «за то брошь! брошь! перья Г-дъ Переводчи-

ковъ въ движеніи.—Насъ наводняютъ: Викторъ «Гюго, Поль де Кокъ, Евгений Лю (Сю), Стенд- «галь, Ж. Жанинъ, и толпа другихъ упадутъ «на наши плечи.... въ сопровожденіи пучи аль- «манаховъ. Если пучъ нѣтъ успѣха опече- «ственной словесности: то, по крайней мѣрѣ, «это успѣхъ расчепливости или оборопли- «вости.»—

Разсмотримъ, сколько несправедливыхъ су- ждений въ этихъ 6½ печатныхъ Французскихъ спрочкахъ Г-на W. B.

1) Легче или удобнѣе переводить! Это вещь ма относительна. Есть пворенія, кон гораздо труднѣе точно и равносильно переложить, чѣмъ писавшему оные на родномъ языкѣ было сочинить ихъ.—2) Что значить брошь! брошь! (broché!)? Раскрываю словарь Буасипа и не нахожу въ немъ того значенія, по которому бы въ смыслъ Господина W. B. можно было сіе слово употребить.—3) Насъ наводняютъ. Дай Богъ, чтобы насъ наводнили хорошими переводами хорошихъ писателей: чрезъ сіе, знающіе одинъ только Русскій языкъ, познакомятся съ иностранными словесностями. Выраженіе наводняютъ неприлично; оно всегда принимается въ дурномъ смыслѣ, а переводы, о коихъ здѣсь идетъ рѣчь,

еще не вышли въ свѣтъ: по не похвально судить о нихъ споль рѣзко. Ежели они хороши будутъ: по насъ не наводняютъ, а подарятъ имп.

4) *Падаютъ на наши плечи.* Это уже черезъ чуръ! И позволительно ли Господину W. V. говорить споль рѣшительно худо о сихъ переводахъ, когда старая Свѣ. Пчела, имѣющая вѣсь въ Публикѣ, опоздалась о нѣкоторыхъ изъ нихъ съ похвалою, когда въ ней и въ другихъ уважаемыхъ Публикою журналахъ были напечатаны отрывки изъ нихъ! Здѣсь, кажепся, можемъ мы поспавишь восклицательный знакъ съ большимъ правомъ, чѣмъ Г-нъ W. V. передъ непонятымъ словомъ *broche!*—4) *Въ сопровожденіи туги альманаховъ.* Опять неприличное выраженіе! Почему Г-нъ W. V. знаетъ, что альманахи, которые выдупъ на 1832-й годъ, составляютъ тугу? Можепъ бытъ, пные изъ нихъ будутъ и радугою для нашей словесности.—Вообще, какъ смѣшь произносить такой жестокой приговоръ книгамъ еще невыданнымъ, еще не напечатаннымъ? Я такого мнѣнія, что не должно печатать сужденія о томъ, что читано или слышано нами въ рукописи. Это значило бы во зло употреблять снисхождение или довѣренность Автора, прочитавшаго намъ свое произведеніе. Если же, паче чаянія, Судья-то совсѣмъ не читалъ ихъ: и того хуже! Не въ правѣ ли, тогда Господа переводчики романовъ и издатели альманаховъ предречь Г-ну W. V., что онъ и на нынѣшній 1832-й годъ наводитъ насъ—разразившеюся тугею анекдотцевъ, подобныхъ тѣмъ, которые прошлаго 1831 года помѣщались въ Свѣрномъ Меркуріѣ?

5) *Если тутъ нтъ успѣхи отечественной словесности.* Почему Г-нъ W. V. знаетъ, что ни въ одномъ изъ сихъ еще ненапечатанныхъ переводахъ и альманахахъ не найдется ничего порядочнаго, отличнаго? Почему???

6) *То, по крайней мѣрѣ, успѣхъ расчетливости или оборотливости.* По неволѣ вспомнишь: *On voit le brin de paille dans l'œil du voisin, sans voir la poutre qui est dans le nôtre. Успѣхъ расчетливости, оборотливости!!!* А развѣ Г-нъ W. V. безъ расчепливости

изволишь бытъ соприудникомъ Свѣ. Меркуріа, Гирланды и Зеркала? Развѣ онъ безъ выгоды въ сихъ журналахъ даритъ насъ своими спашейками, анекдотцами и рѣзкими сужденіями? Мы не для того объ этомъ спрашиваемъ, чпобы обвинишь его. Всякой-воленъ искапъ своихъ выгоды, вознагражденія за свои труды, лишь бы честнымъ образомъ. Для чего обвиняешь онъ другихъ въ томъ, чѣмъ самъ пользуется? И пакъ, вопъ 6 промаховъ и 6 несправедливостей въ 6½ печатныхъ Французскихъ спрочкахъ! Еслибъ мы вздумали подражать Господину W. V. и пророчеспивоать: тогда могли бы, съ большею, чѣмъ онъ, вѣроятностію провозгласишь, что,—еслибъ Г-нъ W. V. вмѣсто шести съ половиною, напечаталъ семь спрокъ: по нашелся бы и 7-й промахъ и 7-я несправедливость. Теперь приступимъ къ главному предмету; спросимъ: для чего такія глумлѣнія, такія насмѣшки надъ Русскими книгами написаны во Французскомъ журналѣ? Не для того ли, чпобы еще болѣе удоспвѣришь Французовъ, что всѣ нелѣпыя ихъ сужденія о Россійской словесности, о Русскихъ и о Россіи вообще справедливы? Инаго заключенія изъ подобныхъ спашеекъ за границею нельзя и вывести. Dixi.

Н. Б.

Ц И Н Т І Я,

Альманахъ на 1832 годъ, съ эпиграфомъ:

«Хулители на что не взглянуть,

Подымутъ вѣчно лай;

А ты себѣ своей дорогою спулай:

Полагаюъ, да опспанушь.»

Москва несчастлива на альманахи. Испиня всѣмъ извѣстная. Вопъ ея первородный альманахъ на 1832 годъ. Прочитавъ *Цинтію*, можно подумать, что она издана въ угодность Издапелю Телеграфа. Г. Полевой можепъ здѣсь полюбоваться своими собратіями, хотя и меньшими, но не менѣе его геніальными. Проза начинается спашею *Θ. Соловьева: Основаніе Москвы*, (Историческая повѣсть). Слогъ Автора чрезвычайно разнообразенъ! Приведемъ нѣсколько примѣровъ:

I.

Весело и радостно Князь Суздальскій Юрій Владиміровичъ, прозванный Долгорукимъ, весело и радостно пировалъ онъ съ Князьями. (спрн. 1).

II.

(у Автора періоды также обозначены Римскими цифрами.)

Веселье и роскошь былъ пиръ, который Князь Суздальскій давалъ своимъ сподвижникамъ. Весело и шумно ликовали Князья, и проч. (спрн. 2).

IV.

Сумраченъ и суровъ сидѣлъ Князь Суздальскій. (спрн. 7).

V.

Свѣтло было небо лѣпнее, и радостно, радостно красное солнышко капилось, и проч.

Иногда писатель поражаетъ, какъ княжачомъ, неожиданностию сравненія:

«Нахмуривши густыя брови свои, нависшіе, какъ грозныя тучи надъ двумя ясными озерами,—надъ ясными очами.»

Бьюсь объ закладъ, что и нашъ Испорикъ Русскаго Народа *не всегда* можетъ опшускать подобныя фразы.

Списки другихъ вкладчиковъ не уступаютъ прозѣ Г. Соловьева. Иные даже превосходятъ. Напримѣръ: нѣкто Г. Иванъ—въ удачно изобразилъ Любовь однимъ четверостишіемъ:

Любовь сердцамъ обманъ—не упоенье
Монета ложная, коварство вѣяль—
(Иль понкаго разврата идеаль);
А кляпвы дѣвъ билеть ца погребенье!
(стрн. 47.)

Последнее вовсе неожиданно. Какъ видно, Г. Иванъ—въ постигъ всѣ закоулки любви, и знаетъ, гдѣ раки зимуютъ.

Нѣкоторые эпиграммы оспрѣе шила; наприимѣръ:

Нашъ Клипъ какъ пыче щеголяетъ!
Зеленяя очки спалъ надѣвашь.

— Не по; его полкнулъ чортъ драму въ свѣтъ издашь.

Такъ совѣсть на глазахъ онъ ими прикрываетъ.
С—р—въ. (стрн. 49.)

Эта забавная шутка принесла бы честь и самому Ксенофонту Куспарному.

Г. А. Тимофьевъ на страницѣ 57-й мастерски изобразилъ Московскихъ красавицъ:

«Соспавлень кружекъ. Слова: «Охъ болитъ», сильно волнуютъ алебастровую грудь очаровательной красавицы.—«Что болитъ?» спрашиваетъ недоверчивый Селадонъ. «Сердце,» отвѣчаетъ съ прелепомъ и пошупленными глазами первая.—
(стрн. 57.)

Г. Д. Пельскій обогатилъ нашу липературу двумя новыми рифмами:

«Въ своихъ обманчивыхъ глазахъ,—
Я все забылъ въ своихъ очахъ.»

Почти по же, да не по. А въ эпюмъ-по и соспоишь все искусство спихошлепенія.

Г. Сергій—кій началъ очень мило свой романъ:

«Отвернишесь, не глядише
На несчастнаго меня,
Иль закройшесь, не свѣщише
Мѣъ зарей младаго дня.»
(и далѣе):

Ахъ! рѣшише, доскажише:
Безъ *покетственныхыхъ* прикрасъ,

Сей же Поэтъ написалъ слѣдующую эпиграмму:

«Не шупъ ли ты парадной?»—Нѣпъ.
«Да что же, или сумашедшій,
«Изъ дома желпаго ушедшій?»
Нѣпъ, я, увы, ахъ, охъ—поэтъ!

(Подписано): Сергій—кій.—

Разсужденіе о Бразильской литературѣ (см. спрн. 141), безъ имени автора; но мы попчасть его опгадали. Кто, кромѣ Испорика Русскаго Народа, можетъ такъ глубоко проникать въ сущность своего предмета? Наприимѣръ:

«Что касается до человека, происходящаго отъ Индіанки, въ немъ, я не знаю, какаго энергія независимости, которая прежде всего возбуждаетъ въ немъ желаніе возвысить свою опчиэну; онъ ищетъ приключеній въ глубинѣ лѣсовъ; въ немъ соединяются прозорливость блага съ мужествомъ мѣдноцвѣтнаго человека; онъ великъ душою, но задумчивъ; эпо племя произведетъ великія дѣла!»—

Если наше предположеніе неосновательно: то смѣло пророчимъ Публикѣ *другую* Исторію Русскаго Народа: ибо человекъ, столь философически оцѣнившій достоинства мѣдноцвѣтнаго человека, безъ сомнѣнія будетъ соперникомъ Г-на *Полеваго*.

Оеофилактъ Нагайкинъ.

Справедливость пребудетъ исключителъ изъ общаго шюга сего Альманаха апологи П. Ш. Р.—скаго. (спри. 227 — до 253). Хотя и они не безъ грѣховъ, но въ нихъ есть остроуміе и стихи не дурны.

Ө. И.

ПИСЬМО 2-е КЪ ИЗДАТЕЛЮ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИБАВЛЕНІЙ, ОБЪ ИСТОРИИ РУССКАГО ЧЕЛОВѢКА, СЪ ОТРЫВКОМЪ ИЗЪ ПРЕДИСЛОВІЯ КЪ ОНОЙ.

М. Г.

Я вовсе не хвастливъ, и даже очень скромнень; но вы конечно сами согласитесь, что въ первомъ моемъ письмѣ къ вамъ, въ томъ письмѣ, гдѣ я доказалъ превосходство криптики Г. *Полеваго* надъ криптикой А. С. *Пушкина*, — я представилъ не только несомнѣныя доказательствва, но и рѣдкіе образцы правильности сужденій, здравой логики, и даже изящнаго слога. Вы видите, М. Г., что я умѣю быть безприсраспнымъ и къ другимъ, и къ самому себѣ: этому научился я у шюга же знаменитаго Писателя, котораго обширныя этнографическія и филологическія свѣдѣнія доказалъ я въ первомъ письмѣ моемъ. Нужно ли послѣ сихъ столь явныхъ указаній называть по имени Историка Русскаго Народа?

Сіе же чувство справедливости, сіе же безприсраспное ргімо мнѣ заспаляетъ меня и нынѣ обращаюсь къ вамъ съ защищеніемъ

моей личности и собственности. Такъ, М. Г.! одинъ изъ вашихъ корресподенцовъ, въ № 52 Литерапури. Прибавленій (отъ 1 Іюля 1831 года), дерзнулъ послѣгнуть на шу и другую: личность мою оскорбилъ онъ, выславъ свое имя вмѣсто моего, а на собственность мою послѣгнуть, присвоивъ себѣ по изъ моихъ произведеній, которое должно мнѣ послужить надежною лѣспнищею къ безсмертію Парнасскому. Вы, можетъ быть, не догадываетесь, что я говорю объ *Исторіи Русскаго человека* и о самозванцѣ-Авторѣ оной, нѣкоемъ *Иванѣ Откровеннѣ*. Чинобы дѣло было для васъ удобопоняниѣ, намѣренъ я изложниѣ его въ слѣдующихъ спрокахъ.

Еще въ 1829 году родилась во мнѣ мысль, написать *Исторію Русскаго человека отъ пеленъ до гробовой доски*. Я перечипалъ многое множество книгъ, выбиралъ изъ нихъ, переписывалъ, и наконецъ приступилъ къ геніальному труду моему: написалъ на первомъ листѣ заглавіе, которое выне вы изволили видѣть, и подписалъ подъ нимъ эпиграфъ: «*Русскій человекъ задвнилъ улолѣ крѣпокъ.*»— Народная поговорка. (Слѣдуетъ посвященіе: *Александрѣ Аноимовиу Орлову, первоу романисту нашего вѣка*). Потомъ наполнилъ я слишкомъ 80 страницъ предисловіемъ, которое могу смѣло назвать образцемъ ясности, точности и краснорѣчія. Вы сами подтвердите сіе, когда прочтете начало моего предисловія. Наконецъ я написалъ даже до семи страницъ самаго романа. . . . «Такъ эпо будетъ романъ?» спросите вы.—Да, сударь, романъ, но въ которомъ Русской человекъ будетъ видѣть себя, какъ въ зеркаль. Я хотѣлъ разложниѣ сіе шгореніе на 12 томовъ, издавать его по крайней мѣрѣ 24 года, собрать деньги съ подписчиковъ впередъ, и пр. и пр. . . . Все сіе пакъ занимало мои мысли, сердце мое было пакъ полно несомнѣнною надеждою будущаго обогащенія, а душа пакъ радовалась будущей славѣ, что я не вытерпѣлъ и открылся въ моемъ колоссальномъ предпріятіи, за пайну, двумъ или тремъ добрымъ пріятелямъ, которые поклялись не измѣниѣ мнѣ, п. е. хранить мою тайну. И что же? не прошло двухъ недѣль, какъ всѣ знакомые спали меня поздравляли съ славнымъ началомъ,

ные уже и съ окончаніемъ; а незнакомые указывали на меня изъ-подпишка пальцами и шептали другъ другу: «это-то онъ!» Я ужъ и привыкъ было къ моеѣ настоящей извѣстности, предназначенію будущю славою, и съ значительною улыбкой опкланивался на привѣтствія; какъ вдругъ помянутый Но вашихъ *Литературныхъ Прибавленій* грянулъ въ меня 1 Юлія. Признаюсь, мнѣ безъ холеры сдѣлалась было холера; однакожъ я вооружился твердостью и переварилъ въ себѣ мою досаду, чтобы послѣ какъ можно хладнокровнѣе зарѣзать перомъ и языкомъ моего проливника. Теперь уже съ того времени прошло нѣсколько мѣсяцовъ; и я съ возможнымъ хладнокровіемъ прошу васъ, Г. Издапель *А. П.*, безъ всякихъ обилковъ улучшить Г. *Ивана Откровенина* во лжи, а меня возсновавши въ общемъ мнѣніи, какъ единаго и единственнаго творца *Исторіи Русскаго человѣка*.

Я не прилагаю здѣсь особаго объявленія о моемъ великомъ прудѣ. Оно во всемъ почти сходно съ объявленіемъ Г. *Ивана Откровенина*. Скажу только, что въ промежуткахъ, отъ изданія одного тома *Исторіи Русскаго человѣка* до другаго, намѣренъ я издасть другой романъ, подъ заглавіемъ: *Клятва при гробѣ Магометовомъ*. Я назвалъ было его: *Власій Кривой*; но по особымъ, мнѣ одному извѣстнымъ причинамъ, принужденъ былъ сіе заглавіе замѣнить другимъ, подлиннѣе и покуравнѣе. Между тѣмъ, чтобы познакомить читателя съ моимъ воззрѣніемъ на предметы, съ моимъ образомъ мыслей и выраженіемъ оныхъ, прилагаю при семъ выписку изъ предисловія къ *Исторіи Русскаго человѣка*.

Предисловіе.

«Есть различіе между проспымъ, еспеспеннымъ побужденіемъ *смотреть на предметы*, и тѣмъ всеобъемлющимъ, *высшимъ взглядомъ* внутренней, духовной нашей созерцательности, который поставилъ въ ряду другихъ созданій искусства *романъ*, какъ вѣрное отраженіе человѣка, въ себѣ самомъ «счапаго, изъ себя изпочающагося, на себя «разлагающагося. Вотъ вся разница между «геніемъ и разиней. Всѣ искусства образова- «пельныя и описательныя зажили въ зароды- «шѣ вѣковъ вмѣстѣ съ жизнью человѣка: въ

«первомъ грубомъ и, можетъ быть, дырломъ «горшкѣ перваго горшечника, мы видимъ на- «чатки валия, подозреваемъ формы Венеры «Медицѣйской и Аполлона Бельведерскаго. Такъ «и въ простомъ разсказѣ деревенскаго маль- «чишки о помѣ, какъ онъ, гонясь за Кудлаш- «кой, разшилъ себѣ носъ — долженъ былъ «заключаться романъ. Но всѣ искусства, благо- «родныя и проспонародныя, высокія и низ- «кія, блестящія и темныя, шаятся въ перво- «начальныхъ дѣйствіяхъ вообразительной на- «шей силы, какъ ядро въ скорлупѣ орѣха: «зубъ генія разгрызаетъ скорлупу, и ядро; «полное и сочное, усладительно пинаетъ со- «временниковъ и потомство.

«Мы ошибемся, если будемъ смѣшивать пер- «вый отблескъ воображенія съ тѣмъ обшир- «нымъ и яркимъ свѣрнымъ сіліемъ произве- «денія геніальнаго, копорымъ оно, возраспное, «блеститъ, оплываея и озаряетъ темные «закоулки природы виѣшней и внутренней. «Дарованія человѣка, въ самой ихъ скудости, «заключаютъ уже въ себѣ ростки созданій и «произведеній всякаго рода. Съ самаго перваго «прыжка воображенія, все еспъ уже у чело- «вѣка, все, чѣмъ можетъ онъ обнять и при- «писать къ своему сердцу міръ фантази, «въ себѣ самомъ, надъ собою, подъ собою, «за собою и впереди себя. Созерцапельное «чутье, копмъ одаренъ человѣкъ, совпадая со «всѣмъ, всему сочепается. . . .»

Замѣтите, М. Г., что я съ намѣреніемъ оспанаваиваюсь на сіихъ спрокахъ и не про- «должаю моего предисловія, дабы, по совѣпу Французскаго мудреца, не всѣ испсны разомъ выпустить изъ горспы . . . а у меня сіихъ испспнъ высокіхъ, неоспоримыхъ, во всемъ по- «добныхъ вышензложеннымъ—много, очень мно- «го зажапо въ рукѣ! Но пусть читатели по- «кампсптъ лояптъ на лепу нѣ изъ нихъ, кои нынѣ заблагоразсудилъ я выпустить на во- «лю изъ моего обильнаго запаса.

Если найдутся маловѣры и раскольники ли- «пературные, которые захопиптъ видѣтъ въ эпомъ предисловіи только пуспословіе и без- «смыслицу,—по вы, М. Г., смѣло утверждайте, что сіи люди не споятъ на той высотѣ идей, на которой я нахожусь, что они люди темные, очень темные; но что я, съ моимъ

высшимъ поспѣженіемъ, гораздо опередилъ свой вѣкъ и живу такимъ образомъ въ XXXII столѣтіи по Р. Х.

Подозрительное наше поколѣніе, полпа Скепшиковъ, вѣроянно спанепть мнѣ приписывають шарлапанство, желаніе бросають пыль въ глаза и ложную глубину мыслей, въ копѣхъ; будто бы, ничего нельзя добиться: вы отражайте рѣшительно сн дерзкія нападенія, птвердите о моемъ прямодушнн, о ясности моихъ идей, о моихъ познаніяхъ, испинно глубокихъ; болѣе же всего о моеи *усобной* философіи, къ которои только до нынѣ не прискано ключа.

О пѣхъ мѣлочныхъ и привязчивыхъ Крипшикахъ, которые, пожалуй, спанупть находить противорѣчія въ моихъ мысляхъ, недоспапокъ логики въ моихъ предложеніяхъ, — я почиаю за излишнее разпроспранянься. Противорѣчія вы можете оправдывать многоспоронноспію моихъ взглядовъ, а мнимый недоспапокъ логики опнесите къ обилію мыслей, которыя, какъ вы знаете, роятся полною подъ зиждипельнымъ перомъ моимъ. Во всякомъ случаѣ (но эпо между нами), вамъ не худо зажать ихъ болпшвыя уста, бросивъ имъ въ зубы названія невѣждъ, неучей, гоципелей просвѣщенія, щепемильныхъ крипшиковъ, квасныхъ папріоповъ, и пр. и пр.

Имѣю честь быть и пр.

Вашъ покорнѣйшій слуга

Никита Луговой,

СТИХОТВОРЕНІЯ.

РАЗСКАЗЪ СБИТЕНЬЩИКА,

Недавно Сбитеньщикъ съдой,
О спаринѣ разговорился;
На нынѣшній народъ дивился,
Вздыхаль, качая головой!
Давно ли я ходилъ съ баклагой?
Мой сбитень пили господа!
А наша браться — борода
Бузою забавлялись, брагой;
Бывало празднымъ вечеркомъ
Опгѣмный пѣнникъ со спручкомъ
За здравье пили мы другъ друга!
За шо морозъ прескучій, вьюга,

Не видно свѣту, вихри вьютъ!

А молодцы безъ рукавицы
Грудь на роспашку вдоль Столицы
Идутъ — какъ маковъ цвѣтъ цвѣтутъ!

Ходить въ госпиницы спыдилсь.

А нынѣ какъ всѣ изменились!

Веселыхъ заведений сплонъ;

Изъ нашей братьи молодежь —
Тѣснясь въ залы росписные!

Извозчикъ, сапчикъ, столяръ,
Обручникъ, плотникъ и маляръ,

Всѣ господа масперовые —

За чай! — и ложки по столу,

Кричають: — подайте-ко *Щолу!*

Чипають по складамъ Ерѣма,

Сидить раскинувшись какъ дома,

И гладить по усамъ порой,

Лгубуясь въ зеркаль собой.

А кто пограмопный пайдется,

Посмопринъ, въ споръ еще влпется

Тамъ про какой-то про романъ!

Тупъ въ рѣчи съ Нумеромъ Ивась

Въ извозъ прѣхавшій изъ Риги:

Романы люди! а не книги.

Толкуеть пожилой бочаръ:

Всѣхъ лучше книга — Пшца Жаръ!

Кпо про Бову, кпо про Полкана,

Кпо про Илью, про Еруслана,

Кпо о Пепрѣ злыхъ ключахъ,

Чипають — слѣзы на глазахъ!

За княпкомъ промѣкци съ пону;

Часы осьмого чепверть бьютъ,

А други все сидятъ да пьютъ,

Забыли про свою работу.

Лишь изъ госпиницы домой,

Накрыла молодцовъ проспуда!

И голова ппжеле пуда,

А вишовають все росписной!

Пришла пора платить оброки,

А денегъ нѣтъ, — чипай урожи!

Крупннть невзгода мапъ, жену!

За недоимки — въ спрой роднова!

Примолвилъ дѣдушка при слова:

Вспомянешъ нашу спарину.

О. Слѣпущинъ.

Р А З С В Ъ Т Ъ.

Только лучь первый дня,
 Сумракъ ночи гоня,
 Загорается:
 Подъ навѣсомъ вѣшвей
 Треля пѣснь соловей
 Просыпается.
 Сквозь зелѣный просшинокъ,
 Гдѣ раскинулъ пальникъ.
 Вѣшви гибкія:
 Полусонный ручей
 Капипть съ шумомъ, быспрѣй
 Волны зыбкія.
 Сладко вѣсепъ весной
 Отъ сирени молодой,
 Расцвѣтающей.
 Пчела къ липникамъ льнѣтъ,
 Сокъ собирая на сопѣ,
 Злапомъ шающей.
 Не спиши, ранній день,
 Ночи гнапъ мрачну нѣнь
 Блескомъ радостнымъ!
 Не буди, соловей,
 Тайной думы моей
 Пѣнемъ сладостнымъ!
 На рукѣ у меня,
 Жарче лѣшняго дня,
 Спиши красавица:
 Щѣчки пышно въ огнѣ,
 Она сладко во снѣ
 Улыбается.
 Русы кудри волной
 Пали къ груди молодой,
 Перебѣжныя.
 Ты не льстипши ли, мечпья!
 Мое имя уста
 Шепчупть пѣжныя.
 Вошь проспулась она:
 Какъ взглянула она
 Томно, сладостно.
 Денъ, зажгися ярчѣй!
 Громче пой, соловей!
 Мнѣ такъ радостно.

Д. Озобининъ.

Д А Н А И Д Ы.

22-й Сонетъ Мицкевича.

Прелеспный полъ! гдѣ вѣкъ злапой, когда цвѣпокъ
 И плапье шипое колосьями прельщали
 Красавицъ?—Сей цѣпой у милыхъ покупали
 И ласки и сердца—быль свапомъ голубокъ.

*

Теперь дешевль вѣкъ—цѣна же выше спала:
 Той злапо я давалъ—но пѣсепъ ждепъ она;
 Которой сердце далъ — рука моя пужна;
 Которую я пѣлъ—прельщаетъ звукъ мешалла.

*

Желаній въ бездну къ вамъ, Данаиды, бросалъ
 Я пѣсни, и дары, и душу—все напрасно!
 Теперь я скупъ; смѣюсь — а плакапъ переспалъ.

*

Хотя еще я васъ люблю; гоповъ васъ спраспно
 Я пѣпъ, хвалипъ, дарипъ ... всебъ прежде
 опдалъ вамъ —
 Теперь уже не все: — я сердца не опдамъ.

Ю. Познанскій.

Кіевъ.

Ш А Р А Д А.

Началомъ не шупи: на немъ верпипся свѣпъ,
 Хотя, по сущеспву, его въ семь свѣпъ нѣпъ;
Второе лѣпомъ всѣхъ ужасно безпоконпъ,
 Одна прохладна ночь его отъ насъ липъ
 гонипъ:
 А *цѣлое* мое — къ шарадѣ здѣсь идепъ;
 Но *цѣльмъ* ужъ его никпо не назовепъ.

Дори.недоптъ Писулькинъ.

M O D E S.

Les rubans de satin ne sont pas les seuls employés dans les cheveux. Nous avons vu quelques coiffures ornées de nœuds des rubans lamés; et si, comme on le fait espérer, des rubans à dessins nouveaux, en or et argent, vont incessamment paraître, il n'y a pas de doute que les coiffeurs habiles ne s'empressent de les utiliser, et que ces rubans ne deviennent bientôt à la mode.

Nous avons fait connaître, les premiers, les nœuds de rubans, dits nœuds de cravate, que l'on porte depuis peu sur les petits chapeaux: la même disposition se répète maintenant sur les cheveux. Plusieurs dames avaient dernièrement, sur le côté gauche d'une coiffure à coques peu élevées, un de ces nœuds, qui, par la nouveauté de sa forme et l'effet original qu'il produit, mérite d'obtenir quelque faveur.

Le blanc, qui avait été presque abandonné pendant quelque temps, pour chapeaux et capotes, commence un peu à reparaitre; il le doit à la nouveauté des satins à raies. Trois dames, dernièrement, avaient chacune une capote de cette étoffe et de cette nuance, dont la passe était ornée, en dessous, par trois grenades disposées l'une à côté de l'autre au-dessus du front, et qui remplaçaient les petites coques en ruban que l'on portait, ainsi placées, pendant l'été. Le nœud de ces capotes avait une forme peu ordinaire. Le ruban dont il était composé, replié d'abord sur lui-même dans sa partie supérieure, formait ensuite des coques pointues, et dont le milieu était creux.

Quelques couturières essaient de remettre en faveur les revers à châle. Nous en avons vu une robe en satin vert-émeraude, couleur déjà peu nouvelle, dont le châle ou collet rabattu se répétait également par derrière. Plus large sur les épaules, il était fendu pour former jockey, et ses deux extrémités se terminaient chacune en une pointe qui se perdait dans la ceinture.

Au sortir du spectacle, les jeunes personnes mettent en *marmotte*, sur leur coiffure, un filet en laine cachemire, assez ordinairement rouge, qu'elles fixent sous le menton au moyen d'une agrafe.

Pl. No 1. Chapeau de satin nœud de cravate, Robe de moiré-Manteau de velours d'Isphahan.

М О Д Ы.

Не одні апласныя ленты употребляюцца въ головныхъ уборахъ. Мы видѣли нѣсколько причесокъ съ бантами изъ волнистыхъ лентъ; и если, какъ мы ожидаемъ, скоро появятся ленты съ новыми узорами, золотомъ и серебромъ, нѣтъ сомнѣнія, что искусные парикмахеры постараются употребить ихъ въ пользу, и что онѣ скоро войдутъ въ употребленіе.

Мы первые сказали о бантахъ изъ лентъ, называемыхъ *nœud de cravate*, которые недавно начали носить на маленькихъ шляпкахъ: такимъ же образомъ накладываютъ банты въ прическахъ. Недавно у многихъ дамъ, причесанныхъ не высокими пеплями, были такіе банты, которые, по новой своей формѣ и необыкновенному виду, заслуживаютъ нѣкоторое вниманіе.

Бѣлыя цвѣты, совсѣмъ почти не употребляемыя съ нѣкотораго времени, для шляпокъ и капотовъ, опять начинаютъ появляться; это по причинѣ новыхъ полосатыхъ апласовъ. Мы видѣли на прехъ дамахъ капоты изъ такого бѣлаго апласа, поля отдѣланы снизу, тремя гранатами (*grenades*), пришпиленными одна возлѣ другой по вышѣ лба, вмѣсто маленькихъ пестель, которые носили лѣтомъ. Банты сихъ капотовъ были необыкновенной формы. Ленты, сложенныя вверху вдвое, составляли воспрыя пепли, въ среднѣ бантъ пустой.

Нѣкоторые шведы пробуютъ ввести опять въ употребленіе опворопы шалью. Мы видѣли апласное платье, цвѣта зелено-изумруднаго; цвѣтъ весьма не новой; шаль у платья или опложной воротникъ сдѣланъ сзади, точно какъ спереди. На плечамъ по шире, и разрезанъ, что составляло эполепы; опворопы оканчивались мыскомъ подъ поясъ.

При выходѣ изъ спектакля, молодыя дѣвцы надѣваютъ, сверхъ прически, *en marmotte*, филе изъ Кашемирской шерсти, по большой части красное, которое застегиваютъ на подбородкѣ крючкомъ.

Карп. No 1. Апласная шляпа съ узломъ на манеръ галсучнаго. Платье изъ *Moré*. Мантия изъ Испанскаго бархату.

С М Ъ С Ъ.

По мѣрѣ того, какъ жизнь богатѣетъ опытами, умный человекъ оплачиваетъ въ уголь памяти и копить сіи нравственныя сокровища, чтобы пользоваться богатымъ запасомъ на всякой случай жизни.

кѡ №1-мѡ Лум. Труд. кѡ Р.М.

Въ Парижѣ, 29-го Ноября. Н.С.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 2.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 NO. съ 36-ю картичками модъ, въ С. П. б. 30, съ до-скавкой и пересылкою 35 рублей.

СРЕДА, Генваря 6 дня, 1851 года.

..... Всѣ мараки
Ударилсь у насъ въ задумчивыя враки;
У всѣхъ уныніемъ одѣлося чело,
Душа увянула и сердце опцвѣло.
Баратынскій.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ВИЗИТЬ СУМАСШЕДШЕМУ.

Напрасно иногда, среди души волненья,

Я самъ себя даю благія поученья,

И хопъ единого желаю пощадишь:

Нѣтъ, моему перу жаль случай пропустишь!

«Представьте, я былъ вчера у *Зилиной*: она получила при мнѣ записку... что... *Простодфилинъ* нездоровъ... помѣшался!»

— Какъ-съ! Арисптъ Пепровичъ?.... —

«Да-съ! Пускали ему кровь—и не знаю, остался-ли еще живъ.»

— Ахъ, Боже мой! давно-ли?... Алексѣй Евгеничъ! Алексѣй Евгеничъ! слышишь-ли? надобно его навѣспшишь. —

Такъ, слово въ слово, говорила одна дама съ пожилымъ вѣсповщникомъ, котораго языкъ живѣе календаря и болпшвѣе Французскихъ газетъ, и который примчался къ ней въ 10 часовъ утра, чтобъ не потерять времени и случая разболтать новостъ.

Онъ, посидѣвъ у нее немного (эпа господа *Зилина* живѣтъ подъ Таврическимъ), отправился въ другой домъ (въ 18 линію Васильевскаго Острова) и перепугалъ мамъ и го-

спей и хозяйвѣ живописнымъ повѣспованіемъ о сумасшесствіи *Простодфилина*. Поверптѣвшись, какъ на иглахъ, онъ, по привычкѣ бытъ вездѣ и нигдѣ, помчался съ препытымъ визитомъ, недалеко оппполъ—къ Госпожѣ *Свахинной* (квартирующей у Каликинаго моста); впорхнулъ въ госпиную, удивилъ ее; поспѣлъ къ разроду, мамъ пакже опкрылъ кому нужно свой секретъ; однимъ словомъ, онъ разнесъ эпу вѣспъ скорѣе, нежели бы сдѣлали эпо при набатные колокола. Всѣ жалѣли опъ души о *Простодфилинѣ*, котораго прозвали его знакомые *добрымъ малымъ*, хопя этому *доброму малому* за полтора мѣсяца передъ пѣтъ спукнуло пятьдесятъ два года. Всѣ показывали участіе, и при первой оказіи собирались поспѣшить его, спраедливѣе сказать: поглазѣтъ на него и похохотать надъ шпуканіи, если сумасбродъ будетъ ихъ спронить.

Какъ нарочно жалоспливые пріятели его спали съвзжались въ одинъ вечеръ.

Генеральша *Зилина* съ премя дочерями и гувернанткою — (т. е. ровно съ половиною своего семейства) въ огромной каретѣ, уменьшптельно названной чепверомѣспною, и съ однимъ лакеемъ, за-просто, подѣхала первая. Условившись съ дочерями, что спанетъ сѣ-

дѣль не долго, потому что у больныхъ скучно и не играютъ въ виспъ, чопорно вышла изъ кареты и до самой пріёмной безпрестанно оглядывалась по въ пту, по въ другую спорону—не выбѣжиптъ-ли бѣшеный, не схватиптъ-ли ее за горло....

Вслѣдъ за нею примчался щегольской экипажъ *Плутановой*. Услужливый супругъ долженъ былъ дожидаться у подножки кареты, пока супруга его не намочиптъ *свъжѣе* плапокъ предохранительнымъ укусомъ de quatre voleurs. Она спрдала и любопытствомъ и боязнію, что можетъ быть, несчастнаго *Простодилина* укусила бѣшеная собака, и что онъ можетъ укусптъ её, а она и безъ того съ утра до вечера лаептъ на своихъ домашнихъ, какъ собака и царапается, какъ кошка. За *Плутанового* попяпамъ Анна Агафоновна *Процельгина*....

Съ поржесивеннымъ лицомъ,

На усалыхъ коняхъ явилась предъ крыльцемъ.

Ея Вяпская чепвѣрка и сорокалѣпный фореяпоръ, съ ногами, которыя по землѣ волоклися, обратипли на себя взоры прохожихъ. Она опуспила стекло—и послала дюжана лакея провѣдать: «не на цѣпипли ли Арисптъ Пепровичъ?» Слуга принѣсъ благопріятный отвѣтъ—и наша *grécieuse ridicule* понащлася къ больному.

Не успѣла ея карета опѣхатъ опѣ крыльца, какъ во весь опоръ подсакала Вяпская коляска Графа *Звонова*, на извощчыхъ измученныхъ клячахъ.

Его Сіапельство—болшунъ невѣрояпный,
Одипъ пропипвъ шесипи—и всѣхъ заговориптъ!
Замучиптъ, разозлиптъ, оспориптъ, обезславиптъ,
И слепипщъ самыхъ злыхъ бѣжашъ опѣ вонъ
заставиптъ!

Графъ вызвалъ къ себѣ дворецкаго—и съ пашисивеннымъ видомъ спросиплъ у него: не дерѣтся ли Арисптъ Пепровичъ?—Толспобрюхій Климпъ Трофимовичъ вмѣсто отвѣта усмѣхнулся пашисивенно и доложиплъ: «Дерѣтся-съ барыня-съ; а баринъ-съ изволиптъ быть здоровъ-съ!»—Графъ съ досадою вышелъ изъ коляски, боясь, что пріятель его въ самомъ дѣлѣ выздоровѣлъ и не будетъ дѣлатъ при

нѣмъ никакихъ проказъ, и что ему нечего будетъ разблаговѣспиптъ ввечеру въ Англійскомъ клубѣ.

Онъ нашелъ въ госпипной многочисленное собраніе—и хозяйка, Агафакіея Пепровна, въ 17 разъ, (по есптъ, не болѣе одного раза для всякаго госпя) должна была разсказать Графу о припадкѣ ея мужа.

«Мой *Аристенъка*,» сказала она съ сепипменпальнымъ ужипкамп и припворно-псклпвымъ голосомъ: «дѣйствптельно ввечера упромъ напугалъ меня. Толкнулъ ногою бѣдную моську, за то, что она бѣдная укуспла его за палець; выплѣснулъ за окно чашку чаю, громко сказавъ, что онъ холоденъ, что это опивки Француза-учптеля....вообразипте себѣ: не прпзнакъ ли это сумасшесствія? Опѣ, который въ продолженіи 19-пш лѣптъ, какъ я за нимъ за-мужемъ, изъ любви ко мнѣ давалъ себя ежедневно пормощиптъ моимъ моисамъ, и пилъ всегда чай, одинакимъ манеромъ прпготовленный. Это ещѣ не всё! онъ чупъ не прпблпль дворецкаго, когда онъ, на прпказъ его заложиптъ въ коляску пару гнѣдыхъ, получилъ въ опивѣтъ, что на нпхъ уѣхалъ *Monsieur Cochon*. Какъ будто для него новое вздпшъ на спарыхъ горбылахъ, возпвшпхъ на свадьбу его дѣда! Какъ будто мы не обязаны всѣмъ упѣшашъ, всѣмъ жерпвовашъ à *Monsieur Cochon*, ancien ami de la maison, учптелю, наслопщему опцу моего *Петипьки*, прпвизанному къ дочерямъ, какъ къ своимъ собспвеннымъ! Благодарностъ, Русское госпепрпмпство, порядокъ, уже двенадцатп лѣптъ въ домѣ заведенный, честъ, удержали бы мужа моего; есплбъ не прпшпвъ крови въ голову. Я тогда же замѣпшла, что у него глаза помутплись, и пту же мпнупу послала за домашнимъ нашимъ Докппоромъ, который, не смопря на увѣрешя *Аристенъки*, что онъ нпкогда не чувспвовалъ себя споль здоровымъ, прп себѣ выпустиплъ ему полпоры глубокихъ парежип крови, прпвизалъ къ запылку шпанскую муху, а къ пояснщѣ велѣлъ поставиптъ 40 шавокъ.... Да воптъ и мой больной!» Въ эту мпнупу вошелъ *Простодилинъ* (спавшій до сего въ мезонинѣ): онъ былъ въ гродѣнащевомъ серпукѣ на ванкѣ, на головѣ чѣрная жидовская скуфейка, шея окупана женппною шалью

и опять болѣе не поворачивалась. «Какъ его опра-работали!» шепнула соседкѣ своей Графъ Звоновъ, у котораго языкъ, неудержимо зло, исполнь лда смертоносна.— «Щаспливъ пошь, кого Господь благословишь такою смиренно-мудрою супругою!» пришевила Свахина.

И каждый гость исподпшика укололъ, каждая гостыя уязвила хозяйку. Пошавъ съ четвершь часа, хозяйка велѣла подать ломберные сполы; ихъ раскрыли, принесли мѣль, каршы, щепочки. Въ усѣльсь за вожденный виспть. И пятидесятильпшнй *Аристенъка*, забывъ и шпанскую муху и шапокъ, и лошадей и собакъ, и собаку-Француза, соспавилъ паршю въ боспонтъ для разсыяня. Но увы! вмѣсто облегченія скорбей своихъ, онъ нашлъ бѣду себя...

Вопшь такъ-то иногда не знаешь,
Гдѣ что пайдѣшь, гдѣ пошеряешь!

Ему померещилось, (ужъ навѣрное въ припадкѣ сумасшеспвля) будто бы Свахина, *Плутанова* и *Пройдохинъ* согласились за одно обыграшь его. Большой сперва досадовалъ, что *Пройдохинъ*, сидя у него въ рукѣ, ни съ чѣмъ удерживаетъ его игры и пошпшь его; потомъ вспылилъ онъ на *Плутанову*, копорая, пмѣя пять крупныхъ козырей и шуза съ королемъ масши, не пошла къ нему въ виспть на шеспть. Часъ опть часу приходя въ бѣльшую ярость, онъ дѣлалъ ренонсы, спавилъ ремизы и наконецъ, когда, по списхожденію Свахиной, (шмѣвшей прешоваго шуза самъ-семь), *Пройдохинъ* не былъ пойманъ въ маленькой бѣдности на король прешъ самъ-четверпшь, онъ совершено взбѣсплся, бросилъ каршы, вскочилъ съ кресель, нагрубилъ дамамъ, копорыя, изъ одного челошкюдобія, презирая опасность бышь изгрызенными, сѣли шрапъ съ сумасшеспшмъ—и ушелъ въ свою комнату.

Хозяйка, сидѣвшая за виспомъ, горько заплакала и жалоспнымъ голосомъ вскричала: «вощъ какво лишпѣ мое съ сумасшеспшмъ!»— Но восклицанія не пособляли: надлежало дошрапъ пулю. Агафакля Пешровна послала позвать Monsieur Cochon, копорый и въ семъ случаѣ должень былъ занять мѣсто хозяина. Съ Парижскою вѣжливоспью взялся онъ за каршы, спомрѣлъ сквозь пальцы, какъ пере-

мгивались и перекашпвались честныя особы, съ нимъ шравилія. Кончилось шмѣмъ, что онъ остался въ проигрынь шолько 518 призовъ. Хозяйка, поблагодаря его, вынула свою записную книжку—и распашлась за мужа.

Съ эшаго роковаго дня, прежнй добрый малой *Простобилинъ* прослылъ сумасшеспшмъ. Его знакомые, сбпралсь навѣсппшь его, говоряпъ: пду съ визитомъ къ сумасшеспшму.

В—рѣ Вл—ий.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ВОРЪ МОГИЛЬНЫЙ.

(Народное преданіе.)

Сумерки! Ревѣла буря; спрашнй, порывшешый въперъ вздымая клубами снѣгъ, огромными тучами бѣлой пыли несъ его къ лѣсамъ и пригоркамъ, и длинныя спнепакою проспынею разлашшеся снѣги, блиспая безконечными цѣшями радуги, звѣздились яркими почками на солнцѣ.—Ночь! Въ душной, крайней къ дорогъ избѣ села Надеждица все было тихо. Хозяинъ уже улегся; хозяйка безмолвно пряла; пищина прерывалась шолько жужжаніемъ ея верепена и новыми порывами свиспящаго въпра, или шумомъ хлопающихъ спавней, или въ углу надъ уродливою Русскою печью, однообразнымъ, унылымъ чприканиемъ сверчка.— Уже томный сѣпъ нагорѣвшей лущины, вспавленной въ свѣпецъ, чупъ, чупъ брезжился и курился. Только храпѣніе хозяйина на печи, жалобные крики младенца и пошомъ груспное убаюкиванье матери, свидѣтельспвовали о общпаемоспши хижины. Подночь! Уже колоколь сельской церкви своимъ громкимъ звономъ добивалъ послѣднй часъ, и пропшяшнымъ гуломъ глухо гудя, зампралъ въ опдаленноспи. Вдругъ слабый, неожиданный спукъ у окна... «Хозяинъ!» прошевила соннымъ голосомъ попягиваясь жена его: «кто-то спучишся—посмошри!»—Но хозяинъ, шолько что воропившійся изъ лѣса съ возомъ дровъ, заспулъ, что называется, какъ умеръ; онъ ничего не слышалъ и ничего не опшвѣчалъ ей. «Хозяинъ!» громче раздалось изъ за-перегородки и крикъ младенца, какъ будто вопилъ

маперн.—«Что тамъ такое?»—лѣнливо сквозь сонъ пробормоталъ хозяинъ и опять заснулъ. «Кто-то спучился—посмотри!» послѣ нѣкопорой паузы снова сказала хозяйка.—Небось нарядчикъ съ повѣспкою завпра на барщину!—«Какъ бы те не нарядчикъ! будетъ онъ такъ робко спучаться. Нѣтъ, намедни онъ загорланилъ подъ окномъ, да спукнулъ, такъ я думала, что спѣкла вылепятъ изъ рамы.»—Послѣ эшаго краткаго, но спльнаго убѣжденія, хозяинъ попягиваясь и почесываясь вспаль, подошелъ къ окну, оподвинулъ его. Тамъ спаршкъ едва слышнымъ голосомъ Хреспаради просилъ укрыть его опъ тѣмной ночи. Госпепрѣимный креспьянинъ опворилъ ему песовую кашпнку, убшпую въ узоръ жеспяными гвоздями, и когда геспъ вошелъ въ избу: распавшій снѣгъ, опушпвшій тулупъ его и густую бороду, ручьями полплся съ него. Руки его окоченѣли опъ спужп—и языкъ съ спрудомъ ворочался. Онъ весь дрожалъ—и опказавшпсь опъ бѣднаго ужина, предложеннаго ему радушнымъ хозяиномъ, кое-какъ вкарабкался на печь, и когда жаръ ея по немногу опогрѣлъ окоспенѣлыя члены; по безреспанный, удушпвпый кашель раздиралъ грудь его. Недугъ сломилъ; изможденное лѣпами пѣло не могло вынести жеспкоаго холода и спльная горячка, на другой день опкрывшлася, заспавла его оспаться у геспепрѣимнаго хозяина. День провелъ онъ въ жару, подъ вечеръ спало ему спруднѣе. Часпо въ безчувспвенномъ бреду говорилъ онъ рѣчи непоняпныя; по что-по спрашно оппѣняло морщпноватое лице его, какая-по спрашнаа, нездѣшная улыбка искривляла леднѣющія уста. Труднѣе и спруднѣе дѣлалось ему къ полуночи и наконецъ—когда наступилъ безмолвпый, паниспвенный часъ ея, онъ, какъ будпо чувспвуя близкую конщину свою, подозвалъ къ себѣ хозяина. «Хозяинъ!» сказалъ онъ ппхпмъ, по пвердымъ голосомъ: «Господъ послалъ по душу мою...много грѣшилъ я! Молпшвою, опспомъ и пзпуреніемъ плоти думалъ я умклосппщпшь Господа; вопіалъ къ нему, подпнмалъ руки къ чудопворнымъ Иконамъ, распроспирался предъ Мощами свлпныхъ его угодпиковъ; но Богъ правды не внялъ молпшвъ грѣшника....Чувспвую, что близокъ смерп-

ный часъ мой. Добрый мой хозяинъ, я не такъ скуденъ, какъ показываюпть лоскупья моего кашпанишка. Здѣсь у меня въ полопнѣ зашпто 900 рублеп—исполни послѣднюю волю умирающаго.—Вынь ихъ, когда я закрою глаза: 300 руб. опнеси въ церковь Божию, пуспнь молпшся она за упокой многгрѣшной души моей, можетъ быпнь, панихпды успокояпть еѣ. Другіе 300 возьми себѣ, за то, что пы пріопилъ меня; за то, что прпнялъ послѣднпй вздохъ спранпика; оспальные 300 положи со мною въ гробъ. И не оспѣлся пе выполнпть моей воли. Знап, что сапанискія муки готовы для тебѣ, есп пы свлпнопамспвенною рукою оспѣлпшься прпкоснупться къ шпмъ.... Я не всегда былъ такпмъ, какпмъ пеперь пы....» Языкъ его ослабѣлъ; онъ сплплся договорпть, но вмѣсто словъ издавалъ непоняпные звуки.—Онъ оборопплся къ спѣнѣ; захрптелъ, покаплпся на подушку....судорожное движеніе пробѣжало по хладѣющпмъ членамъ его—онъ умеръ, не дождавшпсь попа, за которымъ побѣжала хозяйка. Хозяинъ распоролъ кашпанишка усопшаго; вынулъ деньги, вручилъ претью часпть священнику; изъ доставшпхся ему похоронилъ спарпика; оспальные зашпль въ подушку и положилъ въ изголовье дубозаго гроба.

Прошла недѣля, прошелъ мѣсяць. Нечалпно разбогатѣвшпй хозяинъ счппалъ и пересчппывалъ свои денежки; задумывалъ по спропшь кожевню, по спяпть кабакъ на опкупъ, по куппть у однопворца землю, копорая прплегала къ его загону. Но и здѣсь, и тушь, и тамъ—прехъ сопенъ было недостаточно. Есплпбъ къ шпмъ пѣ прп сопни, что споронены съ покойникомъ: по дѣло было бы въ шппнѣ.

«О ежели бы я владѣлъ шпп;» думалъ онъ: «я бы...я бы...» Попомъ, помолчавъ немного, вскрпкпвалъ: «и на что мерпвещу деньги?» Такаа боръба чорпа съ совѣспью происходла у него въ душѣ все чаще и чаще. И вдругъ—пскрою заронплась въ душу его мысль распопать могилу и изъ глубпны ея похпппть собспвенность мерпвеща. И на яву и во снѣ, спялись, краснѣлись, бѣлылись передъ шпмъ новенькія бумажки, зарыпья, по прп-

хопн безумнаго хрыча, въ сырую землю. По эпопъ хрычь путаль его; онъ, являсь ему во снѣ, грозилъ ему посинѣвшимъ, коспя-вымъ пальцемъ, сверкаль очами. Одолѣль недутъ крестьянина; — тоска тяжело налега на душу и какъ свинець гнѣла ее. А выпъ время не ждеть насъ; минули свѣпки, оппраздновали масляницу; начало въ полдни припавать: пора бы и спрощься; не худо бы купить и земельку.... Рѣшено въ слѣдующую же ночь обокрасъ покойника; но наканунѣ, въ тяжкомъ, болѣзненномъ снѣ, усопшій неподвижными, свѣпящимися глазами, взглянулъ на крестьянина такъ, что мозги застыли въ коспяхъ его, шолкнуль зубами—и провалился сквозь полъ. Крестьянинъ проснулся—холодный потъ покрываль лице его; руки и ноги дрожали. Онъ открылся жепъ, которой давно хопѣлось золотаго кокошника; она подспрекнула его. Въ дневныхъ хлопотахъ онъ забыль о призракъ.

Смерклось! Крестьянинъ собираетъся на промысль, а жена шорошитъ его. Чорпъ по чершовски поступилъ, заключа съ нею союзъ наступательный. Она не даеть мужу отдыха. Она поднесла ему большой стакашъ пѣннику; не прошло часа, какъ всунула ему въ руку другой. Она залила виномъ огонь совѣспш.

Погасли огни въ селеніи—ни одной звѣздочки на небѣ; густыя, сизыя облака нависли, шуманъ окупаль землю, какъ саваномъ. Крестьянинъ захрапѣль было; но докучливая баба располкала ему бока локтями. Зѣвая, вспаль онъ, обулся, одѣлся, подпоясался, взялъ рукавицы, шапку....

Не издашь ни зги! Первые пѣпухи пропѣли. Крестьянинъ вышелъ въ сѣни, оныскаль заступъ, лопашу, орудія необходимо нужныя для опрыванія пѣла. Идетъ—снѣгъ хрустипъ подъ ногами его—всякой скрышъ снѣга кажетъся ему походкою пономаря, паущаго благовѣспитъ къ заупрентъ; всякой свиспъ вьюги—свиспомъ деревенскаго ночнаго спорожа. Опъ уже на кладбищѣ; луна какъ будто нечаянно прорѣзалась изъ за-густыхъ облаковъ: и кресты и надгробные камни, и бѣлые могильные холмы блеснули въ глаза ему. Бѣеть часъ

по полуночи! Все тихо—лишь опдаленной лай собакъ доносипся до ушей его. Все ближе и ближе подходитъ онъ—вопъ свѣжая могила передъ глазами—ему сдалось—какъ будто синій огонекъ вспыхнулъ надъ нею, какъ будто что-то нездѣшнее почудилось ему...но онъ уже надъ могилою. Какъ умирающему въ минупу перехода въ контрольную экспедицію того свѣпа, коротко и ясно въ графахъ мелькаетъ вся жизнь его: такъ спарикъ—на минупу мелькнуль его воображенію. Но откинувъ всякой спрахъ, заглушивъ всякое чувство чувспвомъ корысплюбія, онъ сбросиль съ себя полушубокъ и началъ копать еще свѣжую землю. Внезапно, какъ будто молнія освѣпшла его, и лай и крикъ и какіе-то чудные, спранные голоса раздались позади его; ему спрашно оглянупься—по хохопъ, по волчій вой, по шопотъ домовыхъ съ вѣдьмами, по визгъ черпеняпъ, похожій на визгъ дюжины поросяпъ, копорыхъ съкупъ розгами, раздавалъсь надъ ушами его. Волосы его спали дыбомъ, какъ въ лихорадкѣ спучали зубы. Вперивъ взоръ въ яму, онъ приспально копаеть; заснупъ его спукнулъ о гробовую крышку и синій пламень огненною лентою взвилъ изъ могилы. Гробъ самъ по себѣ вскрылся и невѣдомый спарець—

Прямъ, недвижимъ, посинѣльй,
Бѣлымъ саваномъ обвипъ!

Съ закрытыми глазами, съ какою-то гримасою, искривившею лице его, съ угрожающимъ перспомъ, точно шаковъ, какимъ являсь онъ ему въ сповѣднїяхъ, высунувъ языкъ, дразнилъ его. Пукъ ассигнацій былъ скомканъ въ лѣвой рукѣ у мершвеца. Демонъ сребролюбія нудиль крестьянина; онъ хочеть проптянупъ свѣпопашспвенную руку къ деньгамъ, и облокоптившись на гробъ, чувспвуетъ, что кровь мерзнетъ въ жилахъ его. Усопшій пошевелился, тихо заспональ и—о чудо! могильный воръ не можетъ опдѣлпшь рукъ своихъ опъ гроба—онъ рвется, силптся; изнурипельный потъ опъ тяжкихъ усилій каплетъ съ него градомъ; руки его приросли къ доскамъ. Никакія усилія не въ спспяніи были одорвать ихъ. —

Цѣлую ночь провелъ сребролюбецъ живымъ мертвою подлѣ мертвоца. То сдавалось ему, что тяжелыя вѣжды спаршка опарывались и искры гнѣва сыпались изъ глазъ его, то чудилось ему, что онъ адски ослаблялся. Разсвѣло—день былъ праздничный. Толпа народа валитъ въ церковь.—«Чья это свѣжа, выкопанная могила?» Спрашиваютъ другъ друга крестьяне.

—Не знаю! было общимъ опвѣтомъ. Они подходятъ, и чтожь? Нечесливый собралъ ихъ сполнѣ съ приросшими руками, склонившись надъ мертвою. Слабымъ, уже испощеннымъ опъ испуга, спраданій и спужу голосомъ, проситъ онъ ихъ опшлить ему руки, лишь бы освободиться опъ спрашнаго соудства. Принесли топоръ; широкоплечій дьяконовъ бапракъ со всего размаха рубнулъ его по правой киспи; но топоръ отскочилъ, какъ будто рука свяпопашца скована была изъ Тульской стали.

Въ продолженіи заупрени и литургии пробылъ онъ въ семь мучительномъ положеніи—и во все это время моллся со слезами.

Уже Священникъ съ причетомъ сполитъ, окруженные народомъ, надъ могилою. Уже благоговѣйный гласъ служителя опарей, слышаясь съ общими молитвами, спройно несется къ Пресполю Вседержителю.

Священнодѣйствіе кончилось—святая вода крошитъ руки несчастливца; но руки его не опрѣшшаются.

Народъ рыдаетъ. Вдругъ церковныя западныя двери съ громомъ сами опворились и сребровласый Спарецъ, облеченный въ бѣлую длинную одежду, съ благоспынею во взорахъ, выходитъ и грядетъ на кладбище. Народъ палъ ницъ, Священникъ и Діаконъ преклонили колѣна. Онъ коснулся приросшихъ рукъ спрадальца и руки его внезапно опрѣшились, и, изнеможенный, просперся онъ у ногъ святаго Мужа. Величественно обратя слово къ православнымъ, Спарецъ изрекъ: *Гласомъ моимъ ко Господу возвахъ и внятъ ми. Онъ исчезъ, а клиръ запѣлъ: Дивенъ Богъ во святыхъ своихъ, Богъ Израилевъ!*

Нужно ли окончаніе? Несчастный спрадалецъ пошелъ въ монастырь, гдѣ вскорѣ умеръ,

загладя молитвою и постомъ свое преступленіе.—

Это происшествіе рассказывалъ мнѣ одинъ изъ моихъ пріятелей. Онъ слышалъ его, проѣзжая чрезъ село Надеждино, лежащее въ Тульской Губерніи; ему показывали даже могилу, гдѣ будто бы оно случилось.

Селивановъ.

АНЕКДОТЪ О ГАРРИКЪ.

Работы ваятеля, живописца, композитера доходятъ до попомства съ именами художниковъ; одна только игра драматическихъ артистовъ, да е знаменитѣйшихъ, исчезаетъ вмѣстѣ съ ними: пѣмъ съ большимъ пщаніемъ и признапельностию должно хранить всякую любопытную черпу изъ жизни сихъ послѣднихъ. Въ одной спарой Французской книгѣ помѣщенъ слѣдующій, мало извѣстный анекдотъ объ искусствѣ *Гаррика*.

У Герцогини Д*, въ Лондонѣ, обѣдали многіе Французы. Въ числѣ гостей находился также и *Гаррикъ*. Зашла рѣчь о театрахъ. Англійскій актеръ сказалъ между прочимъ, что въ Парижскихъ много декламируютъ, но мало дѣйствуютъ. Самыя лучшія мысли автора, говорилъ онъ, никогда не сдѣлаютъ такого спльнаго впечатлѣнія въ зрителяхъ, какъ иногда мимика. Всѣ были проотивнаго мнѣнія, всѣ горячо заспорили. Тогда *Гаррикъ*, ухвативъ подушку съ кресель, воскликнулъ: «хорошо же; представьте себѣ, что это мое дшпя, мой единственней малюпка; а меня почтутъ за опца, который любитъ его со всею нѣжностію.» Гости улыбались.

Артистъ подходилъ къ окну и опъ всего сердца занимается мнимымъ дшпятею!... Дамы смѣются сперва пшхо, потомъ уже и въ слухъ; мущины, потерявши шерпѣніе, также хохочутъ. *Гаррикъ*, не замѣчалъ ничего, продолжаетъ любоваться своимъ ребенкомъ—вдругъ этопъ дорогою малюпка падаетъ изъ рукъ его въ окно на улицу. Вопль перваго ужаса раздался по залѣ и всѣ вздрогнули опъ ужаса. Черпы, вся наружность несчастнаго опца показываютъ нѣмое опчаланіе. Хочетъ бѣ-

жасть къ дверямъ, къ окну; хочеть бросишься въ слѣдъ за любимцемъ души своей; оспаесть наконецъ неподвижнымъ, успремивъ глаза на улицу, на мертвое пѣло сердечнаго друга. Онъ поблѣднѣлъ, дыханіе въ немъ оспаивалось, чувства одеревенѣли; только невольное движеніе нѣкоторыхъ мускуловъ показываетъ оспапокъ жизни. Каждый изъ присудившихъ почувствовалъ въ себѣ холодный трепетъ. Всѣ заняты были единственно тѣмъ, что видѣли передъ собою, и никто не вспомнилъ о приговорѣ. *Гаррикъ* оживаетъ, но оживаетъ для того только, чтобы душа его изъ мертвенной безчувственности постепенно переходила къ опчаянію, къ горести неизяснимой. Взоры, всѣ черты лица его изображали чувство мучительнѣйшей скорби, и слезы капали изъ очей, поднимаясь къ небу. Никто не смѣлъ прервать эпои сцены: дамы плакали; мужчины блѣдые и пасмурные насилу удерживались отъ слезъ; однако не надолго. Всѣ забыли о *Гаррикѣ*, всѣ видѣли передъ собою только горе отца осиротѣвшаго. Нѣкоторые изъ молодыхъ дамъ начали всхлипывать и уходили въ другую комнату, чтобы тамъ выплакать слезы свои безъ свидѣтелей; другія безъ памяти почти рыдали отъ состраданія. *Гаррикъ* ничего не слышитъ, ничего не видитъ; казалось уже, что онъ не переживетъ смерти своего любимца. Смятеніе души безнадежной видно въ каждой чертѣ лица, въ каждомъ движеніи. Тщепно Французы стараются преодолѣть въ себѣ чувства жалости: глаза ихъ наполняются слезами. Одни дадутъ въ спору; другіе, въ сильномъ смущеніи, бѣгутъ вонъ изъ комнаты; чтобы не выдасть споль плачевнаго зрѣлища....

«Но, ради самаго Бога, Господинъ *Гаррикъ!* вспомните, что эпои вѣдь была только подушка!»—восклицаетъ рыдающая Герцогиня Д*, обнимая аркиста, какъ бы желая его утѣшить. *Гаррикъ* мгновенно принялъ на себя прежній видъ, и съ пріяпною улыбкою взглянувъ на оставшихся въ комнатѣ, спросилъ: «что? не правду ли я вамъ сказалъ?»

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ * * *.

Когда въ пророческомъ видѣннѣ
Гляжу таинственно я въ даль,
И разсвѣаетъ вдохновенье
Души заботливой печаль,
Меня какой-то призракъ манишь,
Мнѣ слышенъ звучный голосъ Музъ,
И я предвижу: не увянешь
Скрѣпленный дружбою союзъ!
Никто изъ насъ подъ игомъ рока
Не склонитъ гордаго чела,
И безопечнаго порока
Ни на кого не ляжетъ мгла!
Къ желаньямъ суешнымъ презрѣнье
Въ душѣ свободной запая,
Свершимъ мы наше назначенье,
Познаемъ цѣну бытія.
Какъ струны арфы сладкогласной,
По вдохновенію пѣвца,
Поюшь и звонко и согласно:
Такъ наши спройныя сердца
Одной мечтой руководимы,
Объяты волею одной —
Ихъ вышній Духъ сковалъ незримо
Какой-то цѣпью святой! . . .
О, вѣрьте, вѣрьте предсказанью:
Души предчувствіе оно!
Хотя еще за чудной тканью
Очамъ грядущее темно;
Но я сомнѣемъ не разрушу
Надежды радостной моей:
Мы сохранимъ въ судьбѣ своей
Для чувствъ высокихъ ту же душу,
И то же сердце для друзей.

Подолжскій.

Р О П Щ У Щ Е М У .

Не говори: «несчастенъ я!»
Не испытавъ несчатья.
И яду не испивъ изъ чаши бытія,
Я говорю: несчастенъ я!
Но то прошло, что было прежде;
Теперь мои открылись глаза:

Не слушаю глумца, не вѣрю я невѣждѣ,
 А вѣрю — въ небеса.
 Несчастны мы лишь только по сравненью;
 Клождь бѣдъ не испыталъ?
 Вельможа и богачъ, повѣрь мнѣ, къ сожалѣнью,
 Какъ ты, спрадаешь и спрадалъ.
 Взгляни-жь на бѣдняка, которому судьбина
 Необходимаго для жизни не дала; —
 За что-жь тебя, какъ милаго ей сына,
 Предъ тысячью другихъ, такъ гордо вознесла?
 Тебѣль рошпашь? Спыдись! передъ побою,
 Какъ бѣдны всѣ невѣжды и глумцы!
 Какъ будно мачихой, забытые судьбою,
 Они ничтожныя и жалкіе слѣпцы.
 Всѣ бродящъ оцупью, самцхъ себя не зная,
 Не чеспи — почестей вѣкъ ищущъ для себя,
 Другимъ зло дѣлающъ — душой опъ зла спрадал,
 И умирающъ — не живя.

Л. Ягубовичъ.

С H A R A D E.

Lecteur, sans mon premier,
 La vaste mer qui n'est que mon dernier,
 Viendrait couvrir, le globe de son onde;
 Mon tout s'élève aux bords de la Gironde.

Въ No 1, помѣщенная шарада значить: *Ось-муха.*

M O D E S.

Quelques soirées dansantes ont eu lieu dans le cours de la semaine dernière; ces soirées ont fait prévoir la mode de cet hiver pour les légères toilettes de bal. Les coiffures étaient ou à la grecque, ou à nattes tournées en chou par derrière, par conséquent toutes basses, et jamais la suprématie de ce genre de coiffure n'a été établie aussi positivement.

La plupart de ces coiffures étaient ornées de fleurs montées en diadèmes; quelques-unes avaient une imitation de corail entourée à sa base par un peu de mousse, et formant également un diadème. Cette nouveauté nous a semblé d'une invention fort heureuse.

Les robes portées avec ces coiffures avaient, par devant et à la hauteur du genou, trois fleurs espacées d'environ un pied, disposées en triangles, et semblables à celles placées dans les cheveux.

Puisque nous voici arrivés aux robes de bal, nous dirons qu'à l'instar de l'an dernier, elles n'ont jusqu'à présent aucune garniture; nous entendons par le mot garniture un ornement qui s'applique, à une hauteur quelconque, autour de la jupe; ce sont des objets toujours détachés que l'on fait servir à leur *embellissement*.

Les jeunes gens portent maintenant des chaînes d'or autour du col. On les fait passer par les boutonnières de l'habit ou de la redingote, ordinairement fermés jusqu'au menton.

М О Д Ы.

Въ продолженіи прошедшей недели было нѣсколько танцевальныхъ вечеровъ, на которыхъ можно было предугадать моды для легкихъ бальныхъ нарядовъ на нынѣшнюю зиму; прически по гречески, или изъ косъ, свернутыхъ репейкомъ сзади головы; следовательно чрезвычайно низки, и никогда большинство въ семь родъ причесокъ не было такъ положительно основано.

Большая часть причесокъ сихъ украшены были діадемами изъ цвѣтовъ, другія же поддѣльными кораллами, окруженными снизу небольшимъ количествомъ моху, и составявшими также діадемы. Эта новость кажется намъ весьма счастливымъ изобрѣтеніемъ. Платья при сихъ прическахъ отдѣланы спереди, въ ровень съ колѣнами, према цвѣткамъ, соответствующими шѣмъ, которыя въ волосахъ, расположенными прехъ-угольникомъ, разстояніемъ одинъ опъ другаго около фула.

Когда мы коснулись бальныхъ платьевъ, то скажемъ, что также, какъ и въ прошломъ годѣ, до сихъ поръ нѣтъ никакихъ отдѣлокъ; мы разумемъ подъ словомъ отдѣлка, какое нибудь украшеніе, приширое вокругъ юбки, въ какомъ бы по разстояніи ни было; теперь же всѣ украшенія отдѣльныя.

Молодые люди носятъ золотыя цѣпи вокругъ шеи, пропуская ихъ въ петли фрака или серпука, обыкновенно заспегнушаго подъ горло.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходятъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 3.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №, съ 36-хъ картичками модъ, въ С. П. б. 30, съ до-ставкою и пересылкою 35 рублей.

СУББОТА, Генваря 9 дня, 1832 года.

Лестъ съидеши, но хвалы не купиши справедливой;
Минутою одной пріятель лести гласъ;
Но нужны доблести для жизни намъ счастливой,
Онъ насъ усладитъ, онъ возвыситъ насъ.

Милоновъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ЧИНОВНИКЪ 9-го КЛАССА, ГОСПОДИНЪ
ПАУКОВЪ.

Едва первый лучъ солнца (если это лѣтомъ) и свѣчи, принесенной кухаркою (если это случилось зимою), прокрадется въ маленькое окно, за низенькую перегородку низенькой свѣшечки Господина Паукова, находящейся Петербургской части въ четвертомъ кварталѣ, какъ сей заслуженный чиновникъ встаетъ съ своей смиренной (красною краскою окрашенной), деревянной кровати. Первый взглядъ его упадаетъ на стѣнной календарь: улыбка показываетъ пабедный день, а зѣвота—будни. Онъ беретъ со стула (двадцать пять лѣтъ неподвижно возлѣ кровати стоящаго), свѣтло-коричневый на черномъ Камыщкомъ мѣху шулупъ, надѣваетъ его и желтые туфли (четверть сполѣтца подъ кроватью его опжившия); при раза пѣворитъ крестное знаменіе, встаетъ, идетъ къ мѣдному, какъ жаръ горящему умывальнику, умывается, молится Богу, зажигаетъ желтаго воску огарокъ, набиваетъ трубку, (въ 1831 такимъ же пабадомъ и въ той же лавочкѣ купленнымъ, въ ко-

торой онъ покупалъ оный въ 1811 году, до-спомятцемъ по производству Канцеляр-ста Паукова въ Коллежскіе Региспрапоры) и выпиваетъ двѣ чашки чаю съ осмикопѣчною булкою. Попомъ, такимъ же образомъ, какъ во время оно, когда онъ нереспущилъ на 18-е лѣто опъ рожденія, акуранный сей чиновникъ опшираетъ шкафъ, вынимаетъ бѣлое по-лопенце, фаянсовое блюдечко, хрустальную мыльницу, незапачканную киспочку—брѣпся и обшираетъ лице лоделаваномъ; попомъ, все это съ примѣрнымъ раченіемъ выпшираетъ, укладываетъ въ шкафъ, опять накидываетъ на плеча шулупъ, садится за свѣтло-налаки-рованный письменный столликъ—и занимается дѣлами. Пробило восемь часовъ—и онъ встаетъ, вмѣсто пуфелъ надѣваетъ блестящіе лакомъ сапоги, бѣлую манишку, опрятный чѣрный шелковый плапокъ, вице-мундиръ, уже пять лѣтъ ежедневно облекающій рамена его, но опрятный и не слишкомъ еще изношенный, заводитъ спѣнные часы, выдаетъ кухаркѣ на споль осмигривенный, кладетъ въ карманъ перочинный ножичекъ, ключъ опъ ящика съ дѣлами, надѣваетъ на носъ спариковскіе спаль-ные очки, завязываетъ въ чистый плапокъ бумаги, нахлобучиваетъ на глаза шляпу, воору-

жается синимъ съ бѣлою каймою коленкоровымъ зонпикомъ и опирается въ свой Департаментъ. Написавъ, переписавъ, расписавъ и выписавъ десятка два дѣловыхъ бумагъ, живущій по пемпамъ Г. Пауковъ, ровно въ 11 часовъ упра выбѣгаетъ на улицу; памъ уже дожидается его пирожникъ; онъ хватаетъ горячій широгъ, обѣрываетъ въ бѣлый листъ пшчей бумаги, кушаетъ и, возвратясь въ Департаментъ, неподвижно работаетъ до двухъ съ половиною часовъ. Акуратно въ два часа 30 минутъ, онъ укладываетъ въ ящикъ свои бумаги, запраетъ его—и бредетъ домой.

Въ праздникъ, вмѣсто судебного мѣста, онъ является упромъ къ своему Начальнику, отъ него съ первымъ благовопомъ—спѣшитъ въ церковь, гдѣ благоговѣнно слушаетъ мшургию. По окончаніи Божественной службы, навѣщаетъ своихъ родственниковъ и сослуживцевъ—и въ при часа безъ десяти минутъ возвращается въ свою крошечную, свѣтленькую, чисто-прибранную квартиру, снимаетъ вице-мундиръ—и въ камзолѣ дожидается обѣда, который подаютъ ему ровно въ при часа. Кухарка въ двадцать пять лѣтъ успѣла примѣниться къ его брюзгливому характеру; она не смѣетъ опоздать болѣе двухъ минутъ: ибо, въ противномъ случаѣ, онъ важно дѣлаетъ ей замѣчаніе, выговоръ, а иногда, смотря по винѣ, и спрожайшій выговоръ, за лѣность и нерадѣніе ко оной (здѣсь подразумѣвается къ должности).

Отобѣдавъ, цѣлый часъ отдышается на софѣ; пробудясь, читаетъ или номеръ *Св. Пчелы*, взятый имъ изъ Департамента, или перелистываетъ книжку журнала... но не того, который вы предполагаете, не *Московского Телеграфа*, наполненнаго всякаго рода нелѣпостями; а *Горнаго* или *Мануфактурнаго*; иногда перечитываетъ исторію... но не ту, о которой вы думаете, не *Исторію Русскаго Народа*, а въ двадцатый разъ *Исторію Государства Россійскаго*. Его полъ, шахматами наподобіе паркета выкрашенный, всегда натертъ воскомъ съ такимъ излшшествомъ, что трудно ходить по липкой его поверхности. Степенный Г. Пауковъ, опасаясь, чпобы не замарался полъ его, всякой разъ, когда приходить къ нему гости, предлагаетъ имъ на-

дѣть карпетки на мокрые или пыльные сапоги. Сія чрезвычайная оспорожность пребуется не отъ однихъ только посѣпителей: честный чиновникъ Пауковъ еще болѣе спрогъ къ самому себѣ, нежели къ ближнимъ. Возвращаясь домой, онъ у камипки оскребаетъ подошвы сапоговъ желзкомъ, памъ нарочно прибитымъ; взойдя на при ступеньки крыльца—очищаетъ ихъ притвожденною къ полу щѣпкою; вступая въ переднюю, долго прѣпъ ихъ о веревочный кругъ, въ самыхъ дверяхъ положенный. Акуратный Г. Пауковъ иногда не увлекается занимательностью бесѣды. Онъ безпрестанно держитъ въ рукъ плапеную щѣпку, суконку или тряпицу, и, замѣтивъ на полу малѣйшую пылинку, потчасъ сметаетъ оную. Къ несчастію, здоровье его пребуетъ движенія; иначе онъ никогда бы добровольно не вышелъ изъ своей комнаты: Лекаръ наспоятельно пребуетъ, чпобы онъ прогуливался.

Сначала, нашъ Пауковъ порисковалъ было ѣздить на извожикѣ; однако напрасно запасался онъ карманнымъ платкомъ, чпобы сплхнуть пыль, которая садилась на его лоснящійся фракъ; возможно ли уберечься отъ грязи и пыли, сидя на проклятыхъ ямскихъ дрожкахъ!.. И такъ, чпобъ избавившись отъ сихъ непріятелей, онъ поставилъ себѣ за правило всегда ходить пѣшкомъ и, на извѣстныхъ разстояніяхъ, дѣлать роздыхи. Но и шупъ не безъ особенноспи! онъ, напримѣръ, сосчиталъ, сколько шаговъ отъ его воротъ до первой скамьи въ лѣпнемъ саду—и разложилъ, по правиламъ Археометрики, сколько въ извѣстное число минутъ сдѣлано имъ шаговъ. Это бы ничего; но вопъ горе: если онъ иногда не дочтется полушага противъ вчерашняго дня: по цѣлые сутки бываетъ скучень.

Никто изъ сосѣдей не запомнитъ, чпобы Г. Пауковъ, эта ходячая пунктуальность, возвращался домой позже обыкновеннаго. Прежде, нежели онъ ложится спать, можно видѣть по испертымъ складкамъ его плапья, чпю онъ всегда свертываетъ его одинакимъ часономъ. Если бы сей почтенный мужъ былъ болѣе извѣстенъ жителямъ столицы: по конечно цѣна на спѣяные и карманные часы понизилась бы значительнo: ибо Г. Пауковъ

для всѣхъ служилъ бы самымъ вѣрнымъ хронометромъ. Чтобы дать о немъ полное понятіе, я расскажу одинъ только случай: спеленный *Пауковъ*; крѣпко держась своей системы, всегда ходилъ на службу по одной улицѣ; одна дама, живущая на сей улицѣ и часто занимающаяся работою у окна, завидя издали сіи ходячіе часы, всякой разъ говоритъ своей служанкѣ: «*Графиня! пора накрывать на столъ; вотъ идетъ четвертый часъ!*»

А. Кораблинскій.

СЛОВЕСНОСТЬ.

РАЗСКАЗЪ МОЕЙ БАБУШКИ.

Милое дитя, она умерла въ глазахъ моихъ на семнадцатомъ году!... Сколько разъ я говорила ей матери: «*Клотильда* слишкомъ рано выходилъ замужъ; при томъ она слаба здоровьемъ; грудь ея только что начищаетъ образоваться; прекрасный спанъ такъ гибокъ, какъ нѣжная просия; дай ей подрости немного...» Но худо вѣря въ опытности старушекъ; всякой доверяетъ болѣе собственному благоразумію, и рѣшалась на такое дѣло, котораго нельзя поправитъ, думать, что онъ дѣйствуетъ безошибочно. Такъ-то лишилась я внучки, которую обожала; я любила ее, какъ прежде дочь свою; эта любовь заставляла меня забывать свою старость, она привязывала меня къ жизни и я могла еще надѣяться на будущее; каждый день безразсудно составляла я новые планы для ея счастья, такъ она была мнѣ мила! Она имѣла такой тонкой умъ, столько прелести въ наружныхъ чертахъ и обращеніи, такой привлекательный взглядъ, и припомъ столь рѣдкое добродушіе... Быть всегда готова предупредить мои желанія, она никогда не скучала моею взыскапельностію, свойственною столько же моимъ лѣтамъ, сколько прихоти сродны ея возрасту.

Я всегда предчувствовала, что не долго буду любоваться своею милою внучкою; когда я узнала, что молодой Виконтъ *де Монлери* ищетъ руки *Клотильды*, это произвело во мнѣ горестное впечатлѣніе, которое было какъ бы голосомъ предчувствія. Прежде, не-

жели просили моего совѣта, я уже сказала его. Но Альфонсъ обожалъ *Клотильду*; онъ настаивалъ, чтобы какъ можно скорѣе заключилъ брачный союзъ; въ двадцать лѣтъ неперипѣніе свойственно пылкимъ желаніямъ. Графъ *Монлери* пользовался совершенною независимостію въ выборѣ невѣсты, былъ полнымъ власпелиномъ своего имѣнія и черезъ нѣсколько мѣсяцовъ могъ уже засѣдать въ Палатѣ Перовъ; эпохъ союзъ лѣпшилъ самолюбію и суепности моего зятя. *Клотильда*, не успѣвъ еще полюбить молодого Графа *Монлери*, видѣла въ немъ значаго и блестящаго жениха, эпого для нее было довольно, чтобы согласилась на его предложеніе.

Назначенъ день свадьбы.

Я желала постояннаго счастья *Клотильды*; но въ то же время чувствовала бесполезность сего обѣта, исполненію коего я худо вѣрила. Я присутствовала при совершеніи священнаго обряда: вмѣсто счастливаго союза, слабымъ глазамъ моимъ представлялась одна жертва, и когда *Клотильда*, гонимая произнесилъ обѣтъ, обратилась къ роднымъ, чтобы на лицахъ ихъ прочелъ внутреннее одобреніе, я невольно улыбнулась, но въ то же время не могла удержаться отъ слезъ.

Одну меня превозжили общія привѣтствія и желанія счастья новобрачнымъ; я чувствовала, что надобно обманывать ихъ предподушную увѣренность въ будущемъ и что совѣты мои будутъ бесполезны.

Вечеру *Клотильда* кинулась въ мои объятія; супругъ ея, видя мою къ ней привязанность, хотѣлъ также обнять меня; я назвала его своимъ сыномъ... Одно только материнское сердце можетъ чувствовать, какъ мучительно было назвать его симъ именемъ, возбуждающимъ столько горестныхъ опасеній;— и примолвила: «моя *Клотильда* очень слабого сложенія.» — Я знаю, подхватилъ Альфонсъ, но надѣюсь видѣть ее счастливою; любовь моя къ ней безпредѣльна!... Я не опѣчала ни слова.

Не прошло еще года съ того дня, который неизвѣстно почему названъ счастливейшимъ въ жизни, когда самыя приговоренія къ свадебному пршестію, помомъ визиты и проч. сопровождаются разрушеніемъ очарованія,

ложнымъ клятвами, намѣреніемъ на другой день распаться, и даже сожалѣніемъ - о ми-нушемъ... Не прошло года съ того дня, ко-гда *Клотильда* стояла предъ алтаремъ, и она сдѣлалась уже матерью, и она помилась на смертномъ одрѣ... Разсуждайте теперь о счастьи!

Альфонсъ видѣлъ, какъ она со дня на день испавалась; ея родшпели были въ опчаяніи, и я спаралась утѣшать ихъ, дабы истребить изъ памяти ихъ горестное предвѣщаніе мое; тогда то я начала упрекать себя, ибо я зна-ла напередъ, какъ много будутъ раскапваться всѣ тѣ, кои споль легкомысленно принесли ее въ жертву.

Одна *Клотильда* не знала объ опасности своего положенія; она пребывала опъ Альфонса, чпобы онъ открылъ ей всѣ свои виды на счетъ будущаго состоянія новорожденнаго сына ихъ, котораго она непременно хотѣла сама кормить грудью; она не знала, чпо мо-локо ея не имѣетъ уже питательности, и на-дежало пропивъ ея воли уносить опъ ней колыбель.

Сіе заблужденіе *Клотильды* тѣмъ болѣе приводило насъ въ опчаяніе, чпо оно слу-житъ послѣднимъ и явнымъ признакомъ ча-хотки; его можно назвать печальнымъ пре-имуществомъ безнадежнаго больнаго, которой вѣршишь не только врачебнымъ средствамъ, но и самому обману врачей; пакъ несчастный спрадалецъ непримѣнно сходитъ въ могилу, подобно преступникамъ, которыхъ изъ жа-лости приводятъ задомъ къ эшафоту, дабы не видать его.

Между тѣмъ наступила роковая мннуа.

Клотильда, не замѣчая гибельнаго дѣйствія болѣзни и чувствуя только испощеніе силъ, сказала: «мнѣ кажется, чпо смерть моя близка.» Она подозвала къ себѣ Альфонса и хотѣ-ли изливъ предъ нимъ всѣ свои чувства, но голосъ измѣнилъ ей. Она знакомъ просила его подойти къ ней ближе и поднеси ей сына, ея маленькаго Адриана; ей хотѣлось поцѣловать его и поддержать на груди; но скоро она при-нуждена была опдать его опять Альфонсу. «Другъ мой, сказала она ему слабымъ голо-сомъ, когда сынъ пвой будетъ имѣть другую мать, обѣщай мнѣ любить его по прежнему...»

Никогда, нѣтъ, никогда онъ не будетъ имѣть другой матери, возразилъ Альфонсъ съ опчал-ніемъ. Онъ видѣлъ, чпо она кончается, хотѣлъ ободрить ее и произнесъ клятву... Въ эту ми-нуну душа *Клотильды* оставила бренное тѣло!

Руки ея охладѣли и успа остались по-луоткрытыми, какъ бы не кончили еще просьбы; щепно любовь Альфонса, его по-пли и поцѣлуй спарались воскресить ее. Взо-ры *Клотильды*, нѣкогда сіявшіе, подобно не-бесной лазури, задернулись тускомъ; черезъ часъ послѣ кончины ея Альфонсъ увидѣлъ, какъ изъ померкшихъ очей ея, упала тяжелая слеза...

Слеза сія, безъ сомнѣнія, удерживалась до-полъ послѣднимъ усилениемъ нѣжности и скорби *Клотильды*, но смерть измѣнила пайтъ жи-зни. Альфонсъ грянулся на полъ безъ чувствъ; тогда только можно было опорвать его опъ бездушнаго тѣла, за годъ предъ тѣмъ споль нѣжнаго и цвѣтущаго... Альфонсъ всякой разъ блѣднѣлъ при воспоминаніи о сей слезѣ.

.....

Признаюсь, чпо въ мои лѣта, когда съ по-мощію опытности надлежало бы все предви-дѣть и объяснить, жизнь и свѣтъ стали ка-заться мнѣ менѣе понятными; они никогда сполько не удивляли меня, какъ съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ минуло 60 лѣтъ: теперь я вовсе не поспигаю ихъ. Я видѣла смерть моей внучки и дождала до того, чпобы видѣть впо-рой бракъ Графа *Монлери*, гоповившагося вступити въ родство съ знапною фамилією. При этомъ извѣстии, сказала я самой себѣ: *Клотильда* забыла, сынъ ея, бѣдный Адрианъ, принесенъ въ жертву честолюбію и свѣтъ безмолвствуетъ!... Но подумавъ, примолвила я: послѣ смерти *Клотильдиной* пропекло уже четыре года. Графъ *Монлери* имѣлъ до-вольно времени оплакать ее. Онъ еще очень молодъ, возведенъ въ достоинство Пера Фран-ціи, человекъ съ опличными заслугами... Передъ нимъ открываеися блестящее попри-ще; свѣтъ не смѣетъ охудать его.

Любопытство привлекло меня въ церковь, когда назначенъ былъ день свадьбы. Мнѣ хо-тѣлось узнать пу, которую Альфонсъ, не посоветовавшись со мною, избралъ въ ма-

чихи моему правнуку; я спояла близъ алпая, передъ которымъ начался священный обрядъ. Близъ меня кто-то сказалъ: «не правда ли, невѣста очень мила! какой вкусъ и пышность!...» Но другой возразилъ: «это впомятая его супруга; вы не знали первой! Она была прелестна: ее слишкомъ рано выдали замужъ; она умерла...»

Монлери казался счастливымъ; онъ твердымъ голосомъ произнесъ обѣщанье всегда любить вторую свою супругу; но вдругъ онъ поблѣднѣлъ, зашатался... и упалъ на ступени алпая, какъ бы пораженный громомъ. Всѣ кинулись къ нему, я подошла прежде всѣхъ. Онъ былъ приведенъ въ чувство, и первые слова, вырвавшіяся у него, были: «это слеза, вы знаете ее, она упала сверху на пылающую мою руку... это была *Клотильда*.» Но успѣвъ сего суевѣрія и спараясь скрыть его, онъ началъ увѣрять, что обморокъ его произошелъ отъ головной боли и усталости; впрочемъ, онъ чувствуетъ себя здоровымъ... Онъ искалъ глазами Графиню *Монлери*, чтобы извиниться передъ нею; ибо съ сей минуты она перестала уже носить имя дочери Маркиза д'Аймаръ; но фамилия ея успѣла уже удалитъ новобрачную отъ любопытства толпы, которая съ жадностью хотѣла видѣть замѣшательство ея, причиненное симъ случаемъ... Альфонсъ велѣлъ вести себя къ ней; но на дорогѣ испустилъ духъ отъ удара. По словамъ врачей ударъ сей послѣдовалъ отъ сильной горести.

Вы видѣли нынѣшнею зимою въ обществахъ Графиню Клементину *Монлери*; спрашно видѣль даму, которая сдѣлалась вдовою, не бывъ супругою... Говорить, что она въ большой модѣ.

ПРИКЛОЧЕНІЕ НА ОПЕРНОМЪ БАЛѢ.

Въ три часа утра *Дервиль* возвратился домой, гдѣ оставалась его подруга, его спутница жизни, *Вальбель*, предпочитая свой скромный уголокъ шумному Оперному балу. *Дервиль* съ жаромъ рассказываетъ ей о всѣхъ приключеніяхъ прошедшей ночи: «нельзя сказать, говорить онъ, чтобы весь вечеръ провелъ я приятно; я видѣлъ много глупыхъ масокъ,

вспрѣчалъ множество дамъ, коимъ домно не могло придашь ума, когда его въ нихъ не было; множество болтуновъ и повѣсть, которые хопятъ наглоспшо искупить недосяпактъ любезности; но за все это я вознагражденъ былъ знакомствомъ съ прелестною дамою, съ которою я ходилъ около двухъ часовъ. Ты вѣрно никогда не слыхала такой увлекательной бесѣды, какою я наслаждался съ нею; какой умъ въ словахъ! какія счастливыя мысли, какое блистательное воображеніе! Теперь ужъ вѣрно не скажу, чтобы въ Оперѣ нельзя было сдѣлать приятныхъ знакомствъ!»— Какъ ты легко увлекаешься; можешь спаться какая нибудь опцѣвпшая красавица, пользуясь маскою... — «Опцѣвпшая! ей не болѣе 20 лѣтъ.»— Такъ ты видѣль ее?— «Нѣтъ, но ея нѣжной, прелестный голосъ, который проникаетъ въ душу!»— Вспомни приключеніе Руссо, который восхищался женщинами, слушал ихъ пѣніе,—такими женщинами, коихъ ни что не могло быть опврапшительнѣе. — «Ахъ! другъ мой, ну можно ли, чтобы такая женщина не была мила? Природа сдѣлала бы непростишельную ошибку, если бы надѣливъ ее такими прелестями ума, не дала ей красоты: при томъ не видѣль ли я прекраснаго спана ея, маленькой ножки, которая хопъ кого сведетъ съ ума?»

Вальбель улыбалась: скоро оба супруга погрузились въ сонъ. Очаровательныя грезы превозили *Дервиль*. Онъ безпрестанно видѣль во снѣ милую незнакомку; она позволяла ему жать руку; казалось, слушала его съ удовольствіемъ; ему удалось даже уговорить ее—снять маску, и прелестное личико оправдало надежду его спрасши.

Оперные балы продолжались, и *Дервиль* не пропускалъ ихъ. Онъ внимательно разсматривалъ всѣ принадлежности костюма, скрывавшія отъ глазъ его ту, которая произвела въ немъ столь живое впечатлѣніе. Долго онъ искалъ ее, но тщетно. Съ нимъ нигдѣ не встрѣчалось черное домно съ кашшономъ, обшпымъ дорогими блондами: онъ съ безпокойствомъ пробѣгалъ всѣ бальныя комнапы. Иногда находилъ онъ нѣкоторое сходство; поплъ же прекрасный спанъ, плъ же пріемы; но скоро открывалъ свою ошибку и спановился груст-

нымъ, какъ бы снова потерялъ предметъ своей снрасши. *Вальбель* была съ нимъ и шупила его печалью. «Не думаешь ли ты найши върность въ Оперѣ? говорила она; какъ ты просишь: это классическая земля клятвопреспуления. На Оперномъ балѣ любовь проходитъ вмѣстѣ съ ночью: горе тѣмъ, коиные полагаются на завтрашній день.»

Дервиль съ досадою уѣхала съ бала, но не перялъ надежды найши свою героиню.

Онъ не обманулся: однажды встрѣчается онъ съ маскою, коей коспомъ прилекъ его вниманіе. Онъ узналъ сей пышный локонъ кашпановыхъ волосъ, который ускользнулъ изъ подъ маски, будно нарочно, для возбужденія любопытства и приведенія въ опчаяніе пылкой любви. Онъ приближается. Сначала она изумилась, но потомъ изъясвила удовольствіе, доставляемое ей сею встрѣчею, и они поперялись въ толпѣ, гдѣ должны были искапъ всей прелести бытъ съ глазу на глазъ, всей независимости уединенія.

Она оцпашъ ускользнула: напрасно онъ слѣдуетъ за нею, хочеть открыть ея жилище, она исчезла; и бѣднякъ, разлученный съ своей Эвридикой, печально возвращается домой.

Вальбели не было дома; но она также скоро явилась. «И такъ, счастливецъ, ты ее видѣлъ; по крайней мѣрѣ надѣюсь, что вы условились; ты сумасшедшій, если еще не овладеаъ ею.»— Увы! нѣтъ, она общала только бытъ на слѣдующемъ балѣ, и тогда надѣюсь...— «Ты глупецъ, и споишь того, чтообъ тебя оспавишь. Что она о тебѣ подумаетъ? Жаль, что меня тамъ не было; ты вздумалъ представлять заспѣнчиваго юношу, чтообъ подспрекнуть ея любопытство; это не дурно.»— А ты какъ провела время? Я не видалъ тебя; мнѣ бы очень хотѣлось показать тебѣ ее.— «Я сприпалась въ ложу и продремала все время. Черпъ возьми эти Оперные балы! Какъ можно находишь въ нихъ удовольствіе? Тамъ собирается весь Парижъ, и ходишь какъ въ лѣсу. Ты встрѣчаешь прекрасную даму и чтоожъ? Она ускользнула отъ тебя. Я хотѣла скрыпсья подъ маскою, и меня все узнали по низкому росту и моей привычкѣ держать лорнетъ.»

Наступила Суббота, пощъ день или ночь, когда въ Оперѣ бываетъ лучший балъ: въ Субботу назначено *Дервилью* свиданіе съ его Корпнкою; могъ ли онъ не бытъ тогда въ Оперѣ. Еще не успѣли открыть кассу, а онъ ужъ памъ; онъ переспуаетъ черезъ порогъ, всходиптъ на лѣстницу, и пробѣгаетъ еще пустыя залы, коиорыя скоро наполняются толпою, жадною къ удовольствіямъ. Мало по малу собираются маски; но болѣе часа прошло прежде, нежели составилось полное собраніе. *Дервиль* печально бродитъ посреди всѣхъ сихъ незнакомыхъ лицъ; онъ не опвѣчаетъ на осприя шутки нѣкопорыхъ женскихъ масокъ, и жалеть о томъ, что съ нимъ нѣтъ *Вальбели*, которая по крайней мѣрѣ разстѣла бы скуку его.

Она обѣщалась ожидать его у камна съ часами. Онъ каждую минупу приходишь туда, въ надеждѣ увидѣть ее: будно магнитомъ безпрестанно тянетъ его къ сему мѣсту. Провелъ цѣлый часъ въ превожномъ ожиданіи, наконецъ онъ увидѣлъ ее; но она шла подъ руку съ какимъ-то высокимъ муциною, похожимъ болѣе на Президента Королевскаго Дора, нежели на спрастнаго любителя баловъ. Казалось, она сначала его не замѣтила, но черезъ нѣсколько минупу, оставя своего кавалера, она подала руку нашему влюбленному юношѣ.

Наспавленія *Вальбели* твердо прѣзались въ его память: онъ рѣшился не возвращаться домой безъ развязки своего приключенія; онъ спѣшишь приступишь къ дѣлу. Испощивъ есъ пыклія увѣренія въ любви и безпрельномъ уваженіи, высказавъ все общія мѣста въ любовномъ языкѣ, наконецъ онъ убѣдительно просишь ее показать ему свое лице, скрыпо ренивою маскою.

«Не требуите этого для моего и вашего счастья!» сказала она прогательнымъ голосомъ.

«Я прошу этой благосклонности у ногъ вашихъ; знаю, сколько прелестей откроетъ ся тогда передомною.» При сихъ словахъ онъ ведетъ ее въ отдаленную ложу, и онъ не пропивипись; она идетъ за нимъ: онъ снова умоляетъ и закликаетъ ее, проливая слезы. «Вы непременно этого хотите; но не спя

пение ли вы послѣ упрекаете меня?» — Могу ли на васъ сердиться за свое счастье? Ахъ! ради Бога, не прошитесь долѣе. — «Теперь, по крайней мѣрѣ, сердитесь не на другихъ, а на себя.»

Маска упадетъ. . .

Эпо была *Вальбель*.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

РУССКАЯ ПѢСНЬ (*).

Какъ за рѣченькой слободушка спомню,
По слободкѣ той дороженька бѣжитъ,
Путь-дорожка широка, да не длинна,
Разбѣгается въ двѣ стороны она:
Какъ на лѣво — на кладбище къ мершвецамъ,
А на право къ Закавказскимъ молодцамъ.
Грустно было провожать мнѣ молодой
Двухъ родимыхъ и по той, и по другой:
Обручальника по лѣвой проводя,
Съ плачемъ маперью-землей покрыла я;
А наемный другъ уѣхалъ по другой,
На прощанье мнѣ кивнувши головой.

Баронъ Дельвицъ.

А. А. Д Е Л Ъ В И Х У.

Тамъ, гдѣ карпинно обгигала
Брега, одѣтые въ гранитъ,
Нева, какъ небо голубая,
Широководная шумитъ,
Жилъ-былъ поэтъ. Въ соблазны міра
Не увлеклась душа его;
Ни въ чемъ не видѣлъ онъ кумира
Для вдохновенья своего,
И независимал лира
Чужда была спрашивая земнымъ,
Звуча наипіемъ святымъ.
Любовь онъ пѣлъ: его напѣвы
Блиспали стройностью живой,
Какъ рѣзвый снагъ и перси дѣвы,
Олимпиа чашницы молодой.
Онъ пѣлъ вино: простой и ясной

(* Изъ *Слв. Цыгтовъ*, альманаха, который издавалъ Баронъ Дельвицъ, а теперь издаетъ А. С. Пушкинъ. Цѣна 12 руб. съ пересылкою 13 рублей.

Спихи воспоргъ одушевляя;
Они звѣнѣли сладкогласно,
Какъ въ шумѣ вольницы прекрасной
Фіаль, цѣлующій фіаль;
И дѣвы Русскія приспраспно
Ихъ повпоряютъ — и поэтъ
Счастливы на много, много лѣтъ!

Таковъ онъ былъ, хранимый Фебомъ,
Душей и лирой древній Грекъ. —
Тогда гулялъ подъ чуждымъ небомъ
Спуденсъ и Русской человекъ;
Тамъ быспро жизнь его младая,
Разнообразна и свѣпла
Лилась. Тамъ дружба удалая,
Его уча и ободряя,
Своимъ пророкомъ назвала,
И на добро благословляя,
Цѣлующимъ хмелемъ убрала
Веселость гордаго чела.

Ей гимны пѣлъ онъ. Громки были!
На берегъ царспвенной Невы
Не разъ, не два ихъ приносили
Успа кочующей молвы.
И поетъ поэтъ чиспосердечно
Ихъ гимномъ здравспвовалъ своимъ.
Ужъ нѣтъ его. Главой безпечной
Опъ шума жизни скоромпечной,
Изъ міра, гдѣ все прахъ и дымъ,
Въ міръ лучшій, въ лоно жизни вѣчной
Онъ перелегъ. Но лиры звонъ
Намъ навсегда оспавилъ онъ.

Внемли же нынѣ, пѣнь поэта,
Пѣвцу, чью лиру онъ любилъ,
Кому щедроты бога свѣпла
Онъ въ добрый часъ предвозвѣспилъ.
Я счастливы ими! Вдохновенья
Ужъ спали жизнию моей!
Прими сей гласъ благодаренья!
О! пусть мои спихотворенья
Изъ милой памяти людей
Уйдутъ въ несносный мракъ забвенья,
Всѣ, всѣ! . . . Но лучшее одно
Да не погибнетъ: вопъ оно!

Н. Язковъ.

Ш А Р А Д А.

Часть первая — предлогъ, вторая — человекъ; —

Плутигинь, изживя въ обманахъ весь свой вѣкъ,
Въ продажѣ цѣлое спарашельно скрываетъ

И всегда *лицемъ* шовары съ рукъ сбываетъ.

Дори-медонть Писулькинъ.

Въ No 2, помѣщенная шарада значить: *Bord-eaux*,

M O D E S.

Coëffures. — La représentation qui a eu lieu samedi 10 décembre, au bénéfice de Monrose, a été une des plus belles solennités dramatiques de notre époque. La salle était comble. Le Roi, son auguste famille, Don Pedro et la jeune Reine Donna Maria y ont assisté. Les toilettes étaient brillantes et variées. Les coëffures grecques y étaient très-nombreuses, et plusieurs d'entre elles étaient exactement composées comme les coëffures grecques antiques. Quelques élégantes n'avaient pas dédaigné les bandelettes en laine. La jeune comtesse de V*** avait aussi adopté cette coëffure dans toute sa sévérité. Les cheveux étoient relevés de chaque côté en bandeaux ondoyans. Un nœud de cheveux d'où sortaient plusieurs *tirebouchons* était formé derrière la tête, et un diadème en camées était posé sur son front. Cette coëffure était parfaitement en harmonie avec la régularité et la beauté de ses traits. On remarquait toujours un bien grand nombre de coëffures élevées. Des esprits, des fleurs et aussi beaucoup d'or et de pierreries les paraient.

Chapeaux. — Les chapeaux-berrets en satin ou en velours sont très-évasés, et pour la plupart ornés de plumes ou d'oiseaux de paradis; quelques-uns en velours, ont la passe relevée par une double ganse en or et une plaque d'or et de pierreries.

Les chapeaux de ville sont toujours petits, en satin en velours ou en moire. Ils sont ornés de plumes de coq, de nœuds de rubans, de fleurs et de plumes. En fait de fleurs celles que l'on pose le plus souvent à présent sont les grosses roses ouvertes; on les pose de manière à ce qu'elles tombent sur le bord de la passe au côté.

Pl. No 2. Coiffure exécutée par M. Sergent-Robe à la Taglioni en tulle brodé et lamé.

M O Д Ы.

Спектакль въ Субботу 10-го Декабря, въ пользу Монроза, было прекраснѣйшее драматическое шожество нашего времени. Зала была полна. Тутъ присутствовали также: Король, Августѣйшая его фамилія, Донъ Педро и молодая Королева Донна Марія. Наряды были блестящельны и разнообразны. Причесокъ Греческихъ было весьма много. И многія дамы были убраны почто какъ убрались древнія Гречанки, нѣкоторыя изъ ихъ не пренебрегли и перспяными повязками. Молодая Графиня de V*** приняла прическу сію во всей строгости; волосы ея приподняты были съ обѣихъ сторонъ волнистыми повязками. Пепля изъ волосъ, изъ коцорой висѣло множество локоновъ, была сдѣлана сзади головы, а діадема изъ алмашковъ повязана по лбу. Прическа сія совершенно согласовалась съ правильными и прекрасными ея чертами. Замѣтно было также, какъ и всегда, множество высокыхъ причесокъ, украшенныхъ султанчиками, цвѣтами, также золотомъ и камнями.

Шляпки. — Шляпки-береты, апласныя или бархатныя, дѣлаются весьма открыты, и по большій части одѣлываютъ перьями или райскими пшпичками; у нѣкоторыхъ бархатныхъ шляпокъ поля приподымаются двойнымъ золотымъ шнуркомъ и золотую бляхою съ камнями.

Шляпки для города все продолжаютъ дѣлать небольшія: изъ апласа, бархата или море; одѣлываютъ ихъ пепушными перьями, бантами изъ лептѣ, цвѣтами и перьями. Изъ цвѣтовъ всѣхъ чаще видны большія развернувшіяся розы; ихъ кладутъ пакъ, что они упадутъ съ боку до края поля.

Карп. No 2. Прическа, артиста Сержана. Платье à la Taglioni изъ вышитого шюля.

С М Ъ С Ъ.

Премудрость, устами Царя Соломона вѣщаетъ: «Мною Царіе царствуютъ и сильніи шпшутъ правду. Мною вельможи величаются и властители мною держатъ землю.»

Ближайшій путь къ изслѣдованію и опредѣленію сущности, цѣли и пользы излщныхъ искусствъ, находимъ мы въ наблюдении природы.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 4.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 36-ю картичками модъ, въ С. П. б. 30, съ доставкой и пересылкою 35 рублей.

СРЕДА, ГЕНВАРЯ 13 ДНЯ, 1852 ГОДА.

Про выпившихъ друзей лезя молвить, не грѣша,
Что въ дружбѣ всѣ они едва ли не одинаки;
Послушать, кажется, одна у нихъ душа:
А только кони имъ концы, такъ что твои собаки!

Крыловъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ГЛУПОМУ СЫНУ НЕ ВЪ ПОМОЩЬ БОГАТСТВО,
АЩЕ НЕ КУПИТЬ МУДРОСТИ И ИЗРЯДСТВА.

Письмо къ Андрею Ивановичу Боровикову.

Вотъ уже шестое письмо пускаю къ тебѣ,
дорогой сосѣдъ, изъ своей райской пустыни;

Слова текутъ рѣкою

Въ бесѣдѣ съ пѣвцомъ, кого мы любимъ всей душою!

Не забудь, что я отъ тебя получилъ полко два, а я эгоистъ — и люблю сводить свои счеты. Прикащика твоего — *Делентеица* я призывалъ, и не только о предохранительныхъ средствахъ отъ холеры, но и действительныхъ, еслибъ она на берегахъ Оки появилась, далъ словесное и письменное наставленіе. *Делентеицъ* выпросилъ у меня, для успройства и заготовленія домашнихъ лекарствъ, фельдшера *Проворнаго*. Я приказалъ ему, между прочимъ, осведомиться и, если найдутся дворовые и крестьянскіе мальчики и дѣвочки, у коихъ не было еще оспы: то привези ихъ немедленно. Впрочемъ, въ первый праздничный день самъ съѣзжу въ твое Беззаботное — всему сдѣлаю спростой инспекторской смотрь — и тебѣ по пунктамъ отпараторую.

Скажу тебѣ, что мое образцовое семипольное хозяйство идетъ, подъ надзоромъ твоего знакома, спарика дядьки моего, *Трофима Тиллобтсевича*, все лучше и лучше. Однако я не увлекусь миніапюрнымъ опыномъ и прехгодичнымъ успѣхомъ, а спану прибавлять землю небольшими участками. Я очень щекотливъ къ насмѣшкамъ и не хочу, чтобы сосѣди мои сказали обо мнѣ, что я

Философъ

Безъ огурцовъ!

Мой маленькой конской заводъ приноситъ мнѣ большое удовольствіе и обѣщаетъ большія выгоды; мой крошечный скотный дворъ раздвинулъ свои предѣлы — и выгонъ теперь уже до Баршнова березника, рощи, что возлѣ церкви. Благовонный лугъ пестритъ Англійскими, Швейцарскими и Холмогорскими коровами; послѣднія не успукаютъ первыми ни въ красотѣ, ни въ ростѣ, ни въ дородствѣ. Тамъ

Подъ пѣвню лесня, гдѣ ключъ съ горы бѣжитъ,

Кольна подогнувъ дебелый быкъ лежитъ.

Но я надѣлъ тебѣ своимъ идеальскимъ карпинами, тебѣ, который лучше любишь слушать людскіе сплетни,

О суетъ мірской, любезная Марина!

О бренности вещей...

И эшмъ готовъ служилъ тебѣ! Въ минушій Впорникъ ѣздилъ я въ нашу богоспасаемую.... Б: памъ новый Губернапоръ, котораго я знаю (по Коспромѣ, гдѣ онъ долго служилъ) какъ челоѣка опкрытаго, честнаго, не крючкотворца; новый Вице-Губернапоръ, новый Полщемейстеръ. Впрочемъ городъ все по старому, жшпели по прежнему, бывалому.

Старая Генеральша также щекотуритъ себѣ лицо, подмалѣвываетъ брови, и чинится и жеманится и проказничаетъ, и причудничаетъ. Старый глухарь, Кащипанъ *Петѣркинъ* обыгрываетъ дамъ въ банчикъ: у красноносаго опкупщика *Стаканова* все существуетъ домашній театръ, на которомъ играютъ Королей и Принцессъ его дворовые люди *Петрушка* да *Гаврюшка*, *Дунька* да *Праскутка*. Лихачъ *Вихревъ* все такъ же скачетъ по городу на Влпской своей пройкѣ.

Если въ Губернскомъ городѣ мало случилось достойнаго сообщитъ тебѣ: за то въ сосѣдствѣ нашемъ произошло многое множество чудотвореній. Перезрѣлая *Груша*, однородная дочь опспавнаго Оберъ-Провіантмейстера *Слѣкава*, взята Уланскимъ Поручикомъ *Черноусиковымъ* въ придачу къ 1000 ревизжскимъ душамъ; уѣздный Судья *Мохроновъ* охотою перепросился въ Исправники; септшментальный *Вздыхаловъ* снялъ на опкупъ при уѣзда, ѣздилъ въ телегѣ пройкою съ колокольчикомъ; пѣми же руками, коими нѣкогда срывалъ незабудки, бьетъ за обмѣръ цѣловальниковъ; пѣми же пальчиками, копорыми ловилъ нѣкогда на лугу песпрыхъ бабочекъ, ловилъ мужиковъ, копорые тайно провозятъ вино съ заводовъ; вмѣсто того, чпобъ сидѣть на берегу ручейка, смопрѣшь, какъ бѣжитъ спруя за спруєю, онъ сидитъ въ подвалѣ, оплываетъ спиртъ, разсыропливаетъ (пехническій пермншъ, значитъ: подбавляетъ воды) вино, навалываетъ бочки и оппускаетъ по кабакамъ. Но все вышенаписанная къ тебѣ новопши ничего въ сравненіи съ пѣмъ, чпю случилось съ Помѣщиками деревни *Опрады Глинскими*, пвоими добрыми пріятелями.

На эпихъ дняхъ собрался я поѣшптъ богача-дядю ихъ въ селѣ Лызловѣ, и приаровилъ такъ, чпобъ мнѣ явилъся къ нему за часъ до обѣда. Рыжая четвѣрка Донцовъ въ моей Вѣнской бричкѣ въ $\frac{5}{4}$ часа поспавила меня у его подѣзда. «*Дмитрій Ѳѣдоровичъ* въ саду, а барыня еще не одѣта!» сказалъ мнѣ опрометью съѣжавшій съ крыльца лакей.— Что ты бредишь, перервалъ я его съ досадою: какой *Дмитрій Ѳѣдоровичъ*, я прѣхалъ къ *Эпобродиту Николаевичу*.

«Старый баринъ, пому уже годъ и четыре мѣсяца, какъ скончался;» опвѣчалъ мнѣ слуга—и обшѣръ кулакомъ двѣ крупныя слезы, выкапавшіяся изъ глазъ его.— А дѣщи, вишь у него было семь сыновей?—«Все упокоились прежде своего родштеля, а пмѣніе движимое и недвижимое перешло по наслѣдству къ *Дмитрію Ѳѣдоровичу*.» — Я выпрыгнулъ изъ коляски—п очутился въ объашіяхъ новаго помѣщика села Лызлова. Онъ повелъ меня въ гостшнюю, куда черезъ четвѣрть часа вкапилось, какъ ты называешь еѣ, наливное яблочко, крошечная, млещкая его жѣночка.

Перебирая и то и сѣ, рѣчь наша нечувствшптельно склонилась къ смерти дяди его и двоюродныхъ брапьевъ.

«Самымъ неожиданнымъ спеченіемъ самыхъ спранныхъ смерпныхъ случаевъ, мѣлкопомѣспный владѣлецъ 40 душъ, сдѣлался обладателемъ 4,000, о копорыхъ имъ ни думано, ни гадано;» началъ мнѣ рассказывать *Дмитрій Ѳѣдоровичъ*. «Вы знали крѣпкое сложеніе моего дяди; онъ былъ одаренъ такою силою, чпю разгбалъ подкову, поднималъ 18 пудъ и, ухватя за ухо и морду самую бѣшеную лошадь, никогда не упускалъ еѣ. Семь брапьевъ моихъ были богатыри по силѣ, великаны по росту, красавцы лицомъ—и въ лучшемъ цвѣтш жизни—и все, въ продолженіе двухъ лѣпъ, утаели.

«Вы коротко знали моего покойнаго дядюшку.»— Не слишкомъ, возразилъ я, но отецъ мой, 40 лѣпъ не выѣзжавшій изъ деревни, зналъ его жшпѣ-бытѣ, какъ свое собственное; опъ него я много наслышался объ его спраннымъ характерѣ. Мнѣ весьма прискорбно, чпю говоря о немъ, не могу слѣдовать Лапшнской послови-

цѣ: de mortuis aut bene, aut nihil. Дядя ваить, воспитанный въ духѣ философовъ XVIII вѣка, ничего не читавшій, кромѣ *Волтеровыхъ* соблазнительныхъ сказокъ и парадоксовъ *Жанъ-Жака Руссо*, не имѣлъ постоянного образа мыслей, на религіи основаннаго; его нравственные правила были весьма шапки. Когда случалось ему получать малѣйшее неудовольствие отъ мѣстнаго Начальства, которое или не давало ему въ обиду маломощныхъ сосѣдей, или укорачивало когти его самоуправства: тогда онъ кричалъ, что нарушена грамота о вольности дворянства, что въ Россіи нѣтъ ни правъ, ни законовъ, что это земля, въ которой всѣмъ распоряжаетъ прихоть баръ. Самъ же былъ исполній *Шахъ Надиръ* въ домашнемъ быту своемъ. Все препедало его взгляда: жена и дѣти, дворовые люди и крепостные. — «Но вмѣстѣ съ тѣмъ,» прервалъ меня хозяинъ: «онъ былъ слабъ къ дѣтямъ до чрезвычайности, баловалъ ихъ, не училъ ни закону Христіанскому, ни даже обращенію съ порядочными людьми; а началъ, сперва мадамъ Французенку, потомъ перекрещеннаго Нѣмецкаго Жюда, которые и выучили ихъ болтать на иностранныхъ языкахъ, какъ попугаевъ; Русскую же грамоту преподавалъ имъ писарь, крѣпостной ихъ слуга. Пословица: что посеешь, то и пожнешь, вполне, на бѣду его, сбылась съ моимъ дядею. Несчастія его, какъ многоспрадалнаго Юва, начались съ того, что средній сынъ его *Эрастъ*, сдѣлавшись спраснымъ охотникомъ до лошадей, проводилъ всѣ дни свои до 21 года съ Цыганами и барышнятками. Однажды рисовался онъ (терминъ пехишческій) тройкою въ дрожкахъ по Лебедянской ярмаркѣ, передъ кавалерійскими Офицерами, прибывшими шуда за ремонтомъ. Лѣвая приспаящая заснула, онъ соскочилъ съ дрожекъ, выправилъ ногу и, чтобъ показати удалство, ударилъ ее рукою по ляжкѣ. Испуганная лошадь лягнула; ударъ пришелся въ правый високъ, такъ, что глазъ выскочилъ. Его безъ памяти припадали на квартиру, гдѣ онъ черезъ двое сутокъ отдалъ Богу душу.

«*Платонъ*, двумя годами моложе *Эраста*, также былъ охотникъ до лошадей, но еще больше до собакъ. Кропкій отъ природы,

онъ дѣлался бѣшенымъ на псовой охотѣ; онъ въ состояніи былъ зарѣзать пса, который бы прозвалъ русака, и сломить себѣ шею, гоняясь за лисцею. Бѣдняжка и сломилъ ее, безъ памяти скача осенью по гололедицѣ на перерѣзъ зайцу; лошадь опрокинулась черезъ голову и придавила ему грудь сѣдельною лукою. Семь мѣсяцовъ чахъ онъ, чахъ, вянулъ — и скончался, какъ заснулъ.

«*Валеріанъ*, Богъ въспѣ, какимъ образомъ приспрасился къ фейерверкамъ; онъ безпрестанно составлялъ пышные огни, набивалъ ракеты, бураки, Кипайскіе колѣса, Римскія свѣчи. Цѣлый опдѣльный флгелъ въ саду былъ загроможденъ павильонными досками, швермерами, фугасами, капризами, огненными каскадами. Эпопъ несчастливецъ взорвалъ себя на воздухъ, приготовляя фейерверкъ къ именинамъ опца своего.

«Четвертый двуродный брапецъ мой назывался *Викторъ* и, съ дѣтскихъ лѣтъ, вдался въ пьянство. Сказываютъ, будто низкая сія склонность открылась въ немъ отъ того, что лѣтняя кормилица, желая скорѣй усыпить его, подмѣнивала ему вино въ молоко. Какъ бы то ни было, но онъ считалъ за славу перепить всѣхъ сосѣдственныхъ дворянъ, и погибъ, побившись объ закладъ, что съ преме опдыхами выпьетъ ведро пива. Онъ бы и выигралъ его, еслибъ пропивники, створясь между собою, не заманили его къ себѣ на завтракъ и не упростили опорожнить по-кальчикъ Цымянскаго, да бутылочку Дрейматеры за здоровье одной сосѣдней барышни, въ компанію былъ влюбленъ эпопъ бѣдный малой.

«Младшій, *Владиміръ*, получивъ отъ природы острый умъ, рано вступилъ въ службу и получилъ уже чинъ Коллежскаго Регистратора. Онъ былъ спрашный модникъ, фанфаронъ, бѣгло болталъ по Французски; онъ даже посылалъ коѣ-какія неважныя спатейки въ издававшійся тогда въ Пепербургѣ на семь языкъ журналъ и просылалъ *литературнымъ сплетникомъ*. Носъ его былъ вѣчно поднятъ на 90 градусовъ; онъ носилъ лорнетъ на черной лентѣ и съ презрѣніемъ въ него на всѣхъ поемапривалъ. Онъ былъ чрезвычайно надувъ

своею высокою порою и не иначе говаривалъ о себѣ и о друзьяхъ своихъ, какъ: *нѣсколько молодыхъ людей знатнѣйшихъ фамилій, въ томъ числѣ и я*, согласились дать Французскій спектакль въ пользу вдовъ и сиротъ, оставшихся послѣ воиновъ, убитыхъ въ Персидскую войну; *нѣсколько молодыхъ людей-знатнѣйшихъ фамилій, въ томъ числѣ и я*, намѣрены издавать журналъ. Эпа надмѣнность, это тщеславіе погубили его: одинъ разъ, танцуя въ благородномъ собраніи экосезъ, онъ въ срединѣ танца, спалъ выше нѣсколькихъ паръ; въ числѣ сихъ паръ находился храбрый Подполковникъ—скаго Гусарскаго полка, котораго, обидѣвшись сею дерзостью, схватилъ его за уши, перевернулъ на право кругомъ—и поспавилъ на прежнее мѣсто. — Около нихъ сдѣлался кружокъ, шопотъ, попомъ шумъ. Разумѣется, что все кончилось дуэлью. Брапецъ мой поторопился и далъ промахъ; Гусаръ, крича въ ему: *берегите колѣно!* раздробилъ ему пулею чашку правой ноги. Обиженный не хопѣлъ лишиться его жизни, а только способенъ танцевать. Судьба распорядилась иначе; къ ранѣ прикинулся Анпоновъ огонь; брапецъ не согласился дать опшипить себѣ ногу—и черезъ пять дней скончался.

«Спаршій, съ которымъ мы жили душа въ душу, котораго былъ лучшею надеждою, могъ возвратившись померкшій блескъ фамиліи *Глинскихъ*, еще въ колыбели отданъ на воспитаніе родной его бабкѣ, пещѣ покойнаго дяди моего *Эпофродита Николевича*. Набожная сія спарушка насадила въ его сердца святыя правила Христіанской вѣры и познанія въ наукахъ степенныя. Онъ записался въ военную службу и, уже будучи Офицеромъ, краснѣлъ отъ всякаго нескромнаго слова, при немъ сказаннаго, какъ красная дѣвушка. Онъ дослужился до Капитанскаго чина, былъ раненъ при переходѣ черезъ Камчатку и уволенъ въ Одессу для излеченія. Онъ при обозѣ возвращался въ Россію сухимъ путемъ, какъ вдругъ въ пѣсниѣ между Шумлею и Варною напали на нихъ Турецкіе мародѣры—и всѣхъ перерѣзали. Дядю моего ударилъ параличъ въ ногу же мнуну, какъ онъ получилъ о семъ извѣстіе. Мою *Александрю Петровну* и меня такъ

это поразило, что мы по сихъ поръ еще бродимъ, какъ въ туманѣ, и только прогулка въ нашъ прежній пихій уголокъ, въ нашу деревеньку Оспраду развлекаетъ насъ. Ничего нѣтъ тяжель для чувствительнаго человека, какъ получать наслѣдство послѣ мшыхъ-родныхъ.» — Мы долго молчали послѣ того, какъ онъ кончилъ. За обѣдомъ также говорили словами односложными, разговоръ рвался и сердце надрывалось. Вечеромъ, мы всѣ поѣхали въ прежній приютъ ихъ счастья, гуляли по прекрасной березовой рощицѣ, удли рыбу, играли въ кегли—и провели время довольно весело для печальныхъ.

Я уже не поѣхалъ съ *Глинскими* въ Лызово, мнѣ ближе было во своисл. *Valc*, желаю тебѣ благоденствія и долгоденствія.

А. Кораблинскій.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ЭЛИЗА и ЕВГЕНІЙ,

или

Паденіе листьевъ.

(Повѣсть).

Недалеко отъ Белгіи, близъ Французской границы, находилась деревня Букльень. Его счастливое мѣстоположеніе, ручей, вокругъ извивающійся по зеленому бархатному лугу, густая полевая алея, осылающая крушой скаль горы, къ ней ведущій; все дасть сей деревнѣ видъ очаровательный. Тутъ жили *Элиза* и *Евгеній*. Одна была дочь богатаго откупщика, другой сынъ также весьма достопочныхъ родителей. *Элизъ* совершилось шестнадцатъ лѣтъ: темнорусые выющіяся локонами волосы, исполненные огня черные глаза, придавали еще красоте правильнымъ чертамъ лица ея: пошкій спанъ, спройная ножка, однимъ словомъ, *Элиза* не имѣла соперницъ между своими подругами. Но, наружныя прелести ничего не значили въ сравненіи съ образованіемъ ума ея; отецъ *Элизы*, человекъ просвѣщенный, посвятивъ себя воспитанію своей дочери: славнѣйшіе писатели сдѣлались ей коропко знакомы. Бывъ искусною музы-

канпшею, звуки арфы ея или фортепiano, съ прiятностiю сокращали длинныя зимнiе вечера. Когда же *Элиза*, оставя музыку, принималась за чтенiе, то всѣ предметы получали въ успахъ ея новую прiятность, будучи выражены съ чувствительностiю, голосомъ очаровательнымъ. *Элиза* восхищала всѣхъ молодыхъ своей деревнi; всѣ наперерывъ спарались нравиться красавицѣ. *Евгенiй* первый былъ у ногъ ея. Не равняясь въ познанiяхъ съ *Элизой*, онъ былъ довольно ученъ; пѣлъ прiятно и любилъ повпорять пѣть пѣсни, которыми пѣла *Элиза*. Родители ихъ съ удовольствiемъ взирали на начало сей склонности. Опцу *Элизы* казалась она взаимною, особенно, когда замѣтилъ онъ, что *Элиза* полюбила голубой цвѣтъ, тотчасъ послѣ того, какъ *Евгенiй* подарилъ ей голубую ленту. Нѣсколько вздоховъ, нѣжныхъ взглядовъ, тайно отерптыхъ слезъ, обнаруживали чувства, волнующiя молодыхъ ихъ сердца. Наконецъ, клятвы вѣрности, обѣты постоянства, вѣчной любви, совершенно подтвердили безъ того уже вѣрныя догадки. Тогда родители, переговора между собою, приготавливались къ церковной публикации о скоромъ ихъ бракосочетанiи; какъ вдругъ одинъ несчастный случай разрушилъ все, и приговорилъ имъ самую горестную будущность.

Наступилъ деревенскiй праздникъ. Уже всѣ сельскiя красавицы и молодые люди, исполненные любви и счастья, собрались подъ тѣнью деревьевъ. Звукъ флейты и тамбурина подалъ знакъ и танцы начались. *Евгенiй* смотрѣлъ на сію шумную радость, но—*Элизы* тутъ не было, и онъ не бралъ въ ней участiя. Вдругъ онъ ее видѣлъ и испускаетъ пронзительный крикъ; *Элиза* его не слышитъ, она идетъ съ *Изидоромъ*, которой, послѣ *Евгенiя*, былъ первымъ во всей деревнѣ по красотѣ и уму своему. *Элиза* съ нимъ только танцуетъ, съ нимъ говоритъ, и бѣдный *Евгенiй* блѣднѣетъ, увидя, что одинаковая розовая лента украшаетъ *Изидорову* шляпу и опоясываетъ тонкiй станъ *Элизы*. День клонился къ вечеру, а красавица еще не замѣчала, или приписывалась не замѣчавшею своего прежняго возлюбленнаго. *Евгенiй*—видѣлъ ее удаляющуюся съ *Изидоромъ* рука въ руку, ви-

дѣлъ ихъ взаимно другъ другу улыбающихся, пожимающихъ руки и, съ эпою минувты, не сомнѣвается въ измѣнѣ. Тѣ же самые признаки въ теченiи нѣсколькихъ дней, еще болѣе утвердили его въ ея невѣрности. Съ той поры, печаленъ, мраченъ, задумчивъ, *Евгенiй* переспалъ навѣщая *Элизу*. Утромъ онъ обрабатываетъ землю своихъ родителей, вечеромъ—бесѣдуетъ съ оцемъ своимъ или читаетъ книги молодымъ своимъ сестрамъ; когда же наспаетъ часъ сна, то удаляется, и утренняя заря заспаетъ его не смыкавшаго глазъ, мечпающаго—объ *Элизѣ*. Скоро онъ первый спалъ проспѣ разрыва своей свадьбы; *Элиза* съ радостiю изъявила на то свое согласiе, а отецъ *Евгенiя*, узнавъ о настоящей тому причинѣ, сильно наспоялъ на томъ. И деревенскiй Судья, вмѣсто возвѣщенiя о союзѣ *Элизы* и *Евгенiя*, замѣнилъ имя перваго именемъ *Изидора*. Всѣ дѣлали о томъ свои заключенiя, но всѣ единогласно сожалѣли о *Евгенiѣ*. Дѣйствительно, съ той минувты, какъ переспалъ посѣщая домъ неблагодарной своей *Элизы*, онъ совершенно перемѣнился. Мрачная горестъ, какъ червь точила его сердце и скорыми шагами приближала *Евгенiя* ко гробу. Лекаръ объявилъ, что паденiе листьевъ возвѣститъ конецъ жизни его и мученiй. Отецъ *Евгенiя*, полагая въ немъ всю свою надежду и упѣшенiе, все на свѣтъ желалъ опадѣть, чтобъ только спасти жизнь нѣжно любимаго сына; но *Евгенiй*, со всею своею къ нему привязанностiю, радостно смотрѣлъ на приближающуюся минуту, назначенную медкомъ и желалъ ускорить ея наступленiе. Еще изрѣдка, имя *Элизы* невольнымъ образомъ вырывалось изъ глубины души его и—тяжелый вздохъ мѣшался съ эхомъ, повворяющимъ сіе, еще любезное названiе.—«Родители мой, милыя сестры!» говорилъ онъ въ одинъ день: «не плачьте обо мнѣ; если въ природѣ все осуждено къ погибели, что нужды, когда я нѣсколько ранѣе или позднѣе, явлюсь къ престолу Всевышняго! на что мнѣ оспаваться долѣе на землѣ сей?—На спрданiе!—Нѣтъ, надо опадѣть себя на произволъ Божiй. Могила ждетъ меня; мнѣ кажется, что уже я спою въ ней одною ногою. Вчера еще я указалъ могильщику мѣсто, гдѣ хочу, чтобъ положили мои бранныя

оспанки, и надѣюсь въ сегодняшней моей прогулкѣ видѣть могилу свою уже гоповою...»

Между тѣмъ, какъ въ домѣ Изидора только что слышно было: о праздникахъ, шпиряхъ, увѣселеніяхъ, смерть, съвѣвъ на сосѣдномъ порогѣ, сперегла минупу похищенія жертвы, судьбою ей обреченной. Наконецъ, молодые супруги предспали къ алпарю, звукъ колокола возвѣспилъ соединеніе *Элизы съ Изидоромъ*. Но въ ту минупу, сильный вихрь оголилъ вершины дубравъ, крупя въ порывѣ своемъ послѣдніе ихъ листья. Гулъ похороннаго звона раздался въ окрестности и гробъ внесень былъ на помостъ церковный. Преспарѣлый Паспырь призывалъ на усопшаго благословеніе Всевышняго. Обѣ процессіи встрѣтились у дверей храма, и видъ послѣдняго жилища *Евгенія* поразилъ преспупную *Элизу*. Но—земля поглотила свою добычу.

Говорящъ, что въ попѣ же вечеръ, женщина приходила молиться на гробъ *Евгенія*. Она была въ брачномъ одѣяннѣ. Разсыпавъ на могилу цвѣтны, ее украшающіе, она оросила ее горящими слезами, и менѣе чѣмъ черезъ годъ, въплы, осѣняющія прахъ юноши, приняла подъ тѣнь свою другой могильной холмъ, насыпанный, по завѣщанію умершей, рядомъ съ сею жертвою любви.

Бр.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

С Т А Н С Ы.

Генералу Красовскому.

«Крѣпки спѣны пвон, нашъ Дунайскій оплопъ;
 «Не пробьютъ ихъ Московскіе громы;
 «Нѣтъ, скорѣе въ крови пвой упонепъ народъ,
 «Чѣмъ Гяуръ осквернилъ наши дома!»
 Надъ булапомъ своимъ, Алкораномъ святымъ
 Такъ Паша Силиспрійскій поклялся,
 И сквозь пламень идѣмъ къ намъ съядромъ пудовымъ
 Ураганъ огнедышущій мчался.

*

«Отвѣчайте врагу!» Русскій вожь говоритъ.
 «Но друзья, эшопъ шумъ однозвучень.
 «Пусть родимая пѣснь намъ о помѣ прозвучитъ,
 Съ чѣмъ опважный душой неразлучень.»

И въ очахъ у врага про родные луга
 Удались голоса загремѣли:
 «Вы поблекли луга, не стыдѣсь-ль спѣва
 На Московскихъ поляхъ заблѣли.»

*

Твердъ Дунайскій оплопъ, вражи рвы шпроки;
 Ихъ упорно Паша защищаютъ;
 Но какіе полки, но какіе шпыки
 Ужъ къ опверспымъ врагамъ подспупаютъ?
 И какой барабанъ въ Силиспрійскихъ спѣнахъ
 Вмѣстѣ съ громкимъ: ура! раздается?
 Ты опмщенъ Свяпославъ! на враждебныхъ врапахъ
 Нашъ орелъ побѣдспельный вьется!
 Но гдѣжъ ты, чеспи сынъ, нашъ поварищъ-герой?
 Чѣмъ шеперь грудь спальная пылаетъ?
 Бранный гулъ замолчадъ, и пвой лавръ боевой
 На гражданскомъ вѣнцѣ почиваетъ!
 Все прошло!... Но въ сей день подъ пвон знамена
 Мы мечпой на Дунай улетаемъ,
 И до свѣсплаго дна, кубокъ, полный впа
 Въ честь тебѣ, нашъ собратъ, осушаемъ!

Теплковъ.

О Ж И Д А Н І Е.

Она нейдетъ.— Въ пшпш печальной
 Лѣнво брезжшся свѣча;
 Порою пѣснш опзывъ дальной
 Тревожшщъ слухъ, едва звуча.—
 Часы шекупъ; душа помшпся;
 Въ бѣенш сердце гопшью ждешъ....
 Вопъ кшо-шо, кажешся, спучшпся....
 Она!... ахъ нѣтъ, она нейдетъ.—
 Ахъ, если бы сей часъ раздался
 Желанный шумъ ея шаговъ,
 И молчалшвый опозвался
 На звукъ рѣчей ея мой кровь!
 Но шщепно!— Съ смѣхомъ неразлучный
 Моимъ не будешъ гопшемъ Лель,
 И въ пшпшнѣ я лягу спучный
 На одшпокуто постель.

А. Глѣбовъ.

и VI. *Встрѣча съ водлыльми*, сказка. Доспойно замѣчанія, что каждая изъ сихъ повѣстей или былей опличается отъ прочихъ, кромѣ содержанія, по роду и характеру, и всѣ вмѣстѣ представляютъ въ небольшомъ объемѣ запасъ пріятнаго и разнообразнаго чтенія. Это ихъ свойство затруднило бы того, кто бы захотѣлъ сравнивать ихъ въ достоинствѣ между собою. Каждая изъ нихъ хороша въ своемъ родѣ. Въ одной господствующій характеръ и сильныя чувствованія, въ другой пышность ума, изощряющаяся въ наблюденіяхъ надъ свѣтомъ, въ прелесть искусства въ описаніяхъ изящной природы съ ея явленіями, въ четвертой юморическая веселость, одушевляющая изложеніе преданія, украшенное всею истинною и простопою мѣстности и народности, и т. д. Если бы это было не первое произведеніе г. *Атръшкова*, мы бы пожелали болѣе опеченивости въ слогѣ; но и сей неважный недостатокъ иногда принимается у него видъ нравящейся небрежности. Однимъ словомъ, пріятно надѣяться, что Авторъ *Билей* не остановится слишкомъ рано на пути, сподъ счастливо имъ начатомъ.

А. Гальбовъ.

MODES.

Robes. On a remarqué à Mme C*** une robe en velours grenat, forme grecque, entourée partout d'une broderie large de trois doigts au-dessus de l'ourlet, et d'un doigt au-dessus du corsage. Cette broderie était formée d'une quantité de petits pois moitié or et argent, qui au soir produisaient l'effet d'un semé de pierres. Elle avait un turban blanc orné d'une immense aigrette en pierreries.

Les broderies qui sont aux robes de bal sont souvent des arabesques, des *Méandres* ou tout autre desins grec. Les marabouts soit blancs, soit de couleur ou panachés s'emploient aussi avec beaucoup de succès pour garnitures de bal.

Les écharpes en blondes, ou en gaze Donna Maria bleue, cerisé, ou blanche sont celles que l'on porte le plus souvent.

Gilets. — On ne voit guère maintenant que des gilets en cachemire, ou en satin.

Les redingotes d'hiver les plus demandées en ce moment, sont à revers croisans, d'une largeur moyenne, et boutonnant avec facilité; les crans sont ouverts de façon à ce que le collet se joigne sur le devant du cou,

МОДЫ.

Платья. — Мы замѣтили на Г-жѣ С*** бархатное платье гранатоваго цвѣта, покрой по Гречески; сверхъ рубца платья было вышито ширитою въ три пальца, а сверхъ лифа въ палець. Шитье состояло изъ множества мелкихъ горошекъ золотыхъ съ серебромъ, которыя вечеромъ имѣли видъ каменьевъ. На головѣ былъ бѣлой шорбанъ съ огромной кистью изъ каменьевъ.

Бальныя платья — вышиваются, по большой части, арабесками, меандрами и другими Греческими узорами. Марabu бѣлыя, цвѣсныя или неспрыя употребляются съ большимъ успѣхомъ для накладки на бальныя платья.

Самые употребительнѣйшіе шарфы блондовые или изъ газа *Донна Марія*, голубые, алые и бѣлые.

Жилеты предпочтительно носятъ кашемировые или атласные.

Зимніе серпуки дѣлаются теперь, по большой части, съ крестообразными отворотами, средней ширины, которые застегиваются весьма легко; лацканы открыты такимъ образомъ, что воротникъ спереди сходится.

СМѢСЬ.

Во всѣ времена безразсудная спрасъ къ завоеваніямъ сражалась на поляхъ міра съ любовью къ Отечеству; но рѣдко побѣждала ея: ибо сила уступаетъ добродѣтели. Россія подтвердила истину сего въ 1612 и 1812 годахъ!

Кого обсподствельства не научаютъ размышленію и мудрости: тотъ не можетъ, или не хочетъ быть никогда человекомъ мыслящимъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 5.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 36-ю картичками модъ, въ С. П. б. 30, съ доплаткою и пересылкою 35 рублей.

СУББОТА, Генваря 16 дня, 1852 года.

О слёзы покаляшь! вами

Душа дружится съ небесами.

Жуковский.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ИМЕНИЦЫ У СТЯПЧАГО.

Лѣтъ за 30-ть передъ симъ, день св. мученика *Трофима*, 19-го Сентября, былъ большимъ днемъ для провинціального города — а. Богатый Адвокатъ Трофимъ Яковлевичъ *Кративинъ* съ пышными обрядами справлялъ свои именины. Мнѣ случилось пировать на эпозъ праздникъ и, ни прежде, ни послѣ, не привелось быть на подобномъ.

Не стану описывать ни дома, ни именинаго обѣда, все это шло обыкновеннымъ своимъ порядкомъ: съѣдено невѣроятно много, выпито еще больше. Послѣ стола, хозяинъ пригласилъ мужчинъ въ садъ, въ липовую круговинку, куда не проникалъ лучъ солнца и гдѣ складена была изъ дѣрна широкая софа. Само собою разумѣется, что буфетки и шпифы послѣдовали за нами, а не оспались въ дамской компаніи. Пошла смертная попойка, а потомъ похвальба, т. е. рассказы подъячихъ и спряччихъ о своихъ крючкотворныхъ подвигахъ, плутияхъ, подкупахъ. Одинъ гордился тѣмъ, что уговорилъ Повеячка подскоблилъ резолюцію, другой, что посредствомъ денегъ до пого заслѣпилъ глаза Архивариусу, что онъ сжѣтъ архивъ меприческихъ книгъ, съ

копорыми превратился въ пепель и документъ на законность соперника его доверителя; претій, что успѣлъ записать въ маклерскую книгу заднимъ числомъ заемное письмо, составленное на пакого богача, копорый опъ роду никогда, ни у кого, не занималъ ни копѣйки. Всѣ они жужжали, подобно разоренному улью пчель; какъ вдругъ полспый Адвокатъ *Репейниковъ*, допивъ кружку пива, распыхившись и опдувшись, вскринулъ зычнымъ голосомъ: «слушайте-ка, Господа! я расскажу вамъ прекуррѣзный казусъ, случившійся со мною въ 1795 году, при Блаженной памяти Мапушкѣ Государынѣ *Екатеринѣ Алексѣевнѣ*. Капшпанъ *Княжовъ*, бывшій послѣ Генераломъ, пріѣхавъ въ Москву въ оппускъ для свиданія съ брапьями, получилъ опъ Бурмиспра пѣпки своей дѣвицы *Обморокковой* рапортъ, въ копоромъ онъ доносилъ ему, что пѣпушка его *Аграфена Ивановна* волею Божіею помре, а послѣ нее осталось довольно движимаго и недвижимого имѣніе въ 370 душъ съ усадьбою, пахатною землѣю, съ лѣсы, сѣнными цокосы и рыбными ловли, а у нее прямыхъ-де, законныхъ наследниковъ, ближе Его Благородія съ брапцами, родныхъ ея племянниковъ, дѣпей единоупробной сеспры ея, урожденной *Обморокковой*, а по мужъ *Княжовой*, въ виду не имѣется; по-

чему и бѣтъ онъ Бурмистръ *Федька* и весь міръ, челомъ Его Благородно, и слезно молятъ не дасть имъ спротивамъ разоршися, а принять ихъ въ свое владѣніе. — Капитанъ, посовѣтовавшись съ человѣкомъ, знающимъ дѣло, началъ искать Адвоката, который бы согласился ѣхать съ нимъ въ —овъ, для принятія наслѣдства. Ему рекомендовали меня: съ военнымъ человѣкомъ долго ли условиться? Мы ударили по рукамъ—и черезъ три дня поскакали въ —овъ; подали прошеніе. Капитанъ мой предсталъ Губернатору, каждый день у него обѣдалъ и всё вечера проводилъ у него, а я поразшохалъ, что всё дѣла вершится Совѣтникомъ, да Секретарь. Уладивъ все съ послѣднимъ, я послалъ Капитана къ Совѣтнику и далъ ему инструкцію, оставить въ запечатанномъ пакетѣ 100 рублей. Ему велѣно пріѣхать въ Воскресенье за отвѣтомъ. Пришло Воскресенье, мой Капитанъ отправился къ Совѣтнику, который въ знакъ своего къ нему особенно хорошаго расположенія, далъ ему въ руки запечатанный указъ Уѣздному Суду и незапечатанную копию съ онаго. Мой доверитель прискакалъ домой, въ радости души обнялъ меня и подавъ черновой указъ. Пробѣжавъ его наскоро, я спалъ разстановочно читать: «приказали: буде такое-то имѣніе принадлежить по наслѣдству Капитану *Княжову* съ братьями: по вѣсти ихъ во владѣніе онымъ.» Я поморщился—и сказалъ Капитану, что въ резолюціи Губернскаго Правленія нѣтъ ничего радостнаго, что: Уѣздный Судъ можетъ затѣять безконечныя справки, а между тѣмъ отдастъ деревни въ опеку такимъ людямъ, которые вырубая заповѣдныя лѣса, выловявъ рыбу, въ разоръ разорятъ добрыхъ мужичковъ, благоденствовавшихъ подъ правленіемъ покойной своей помѣщицы. — Какъ же этому пособить? вскричалъ въ исперѣннѣ мой *Княжовъ*. — «Спускайте опять къ Г-ну Совѣтнику; онъ вѣрно обидѣлся тѣмъ, что ему дана равная съ Секретаремъ акциденція. Опвезите ему еще 200 рублей и убедительно просите о перемѣнѣ резолюціи.» — Капитанъ повернулся на лѣво жругомъ, поскакалъ и заспалъ Совѣтника въ дверяхъ. Онъ ѣхалъ въ Соборъ къ обѣдѣ, однако же вборошился, повѣлъ Капитана въ кабинетъ,

выслушать его просьбу, положить въ карманъ деньги — и удосновѣрилъ честнымъ словомъ, что завтрашній же день всё будетъ передѣлано къ полному его челобитничка удовольствованію.

И дѣйствительно, въ 11 часовъ утра доложилъ моему Капитану о пріѣздѣ Пропокошина, который вошелъ съ пренизкими поклонами, вручить ему новый указъ и списокъ съ онаго и, получа красничку, еще ниже раскланялся, съѣлъ на дрожки—и ускакалъ. Капитанъ пришелъ въ мою комнату и опдалъ мнѣ указъ. Я развернулъ оный и, честно вамъ Божусь, что обомлѣлъ отъ изумленія. Вообразилъ, что указъ-то даже переписанъ подлиннись; онъ былъ потъ же самый; но одно слово было подчищено, а другое вспавлено—и одно это слово, Милостивые Государи, соспоящее изъ чепырехъ буквъ, также, какъ то; чье мѣсто оно заняло, совсѣмъ измѣнило смыслъ. Послѣ крупно-начерпманнаго, *приказали*,—слѣдовало: «какъ такое-то имѣніе принадлежить по наслѣдству Капитану *Княжову* съ братьями: по вѣсти ихъ во владѣніе онымъ.» — Тупъ всё дремавшіе крычкотворцы открыли глаза и всё пыльные до нѣкоторой степени пропрезвились.

«Эпотъ казусъ есть наидостопамятнѣйшій, какой мнѣ на своемъ вѣку слышать случилось!»—подхватилъ *Защитникъ*, повѣренный Графа Д..., поправя рылій парикъ и обтѣрши крупныя капли пона съ веснушками оспаннаго и цвѣпа стѣлой мащины — лица своего; «по у меня имѣлось дѣльцо, надѣлавшее въ свое время, лѣтъ за тридцать, также много шуму и также достозамѣчательное. Помѣщикъ —ой Губерніи, —ого уѣзда, *Сертовъ*, продалъ село Воздвиженское Подполковнику *Сафьянтикову*, который только что взялъ за себя племянницу Князя *Зарайскаго* съ двумястами тысячъ рублей приданого и которому чрезвычайно понравилось мѣстоположеніе. Въ купчей невѣждою писцомъ было написано: «продать я нижеподписавшійся, Господь Подполковникъ *Сафьянтиковой* родовое свое недвижимое имѣніе село Воздвиженское, въ коемъ по послѣдней 4-й ревизіи написано 302 души мужеска пола со всѣми отъ нихъ новоро-

«жденными обоюга пола младенцами, доспавшееся мнѣ послѣ покойнаго родителѣя моего, «опспавнаго Гвардіи Каптенармуса *Андрея-на Петрова сына Серпова*, съ усадьбою, «коноплянниками, пахашною землею, съ лѣсы, «сѣнными покосы и рыбными ловли, всего «удобной и неудобной земли 1,227 десятиницъ «720 кв. сажень, а сверхъ того пустошь «Шаново и *въ се* пустоши всѣ земли, дошедшія ко мнѣ по праву наслѣдства послѣ покойнаго родителѣя моего и по раздѣлу съ братьями моими и сестрами.» — Купчая въ Гражданской Палатѣ совершена законнымъ порядкомъ, пошлины въ казну и деньги продавцу заплачены сполна. Молодой покущикъ переѣхалъ жить въ новопріобрѣтенное имѣніе и, будучи большимъ прожектеромъ, началъ прорубать въ рощахъ просѣки, рыть каналы, разсаживать Италіанскіе попомы, какъ пріѣхалъ къ нему Засѣдатель Земскаго Суда обязать управляющаго вопчиною иноземца-прикащика, дабы онъ опъ самовольнаго вѣзда въ неспринадлежащія Подполковницѣ *Сафьянниковой* дачи и порубку лѣса напредки удержался. Подполковникъ ничего не понимавшій въ судебныхъ дѣлахъ, вышелъ изъ себя опъ досады, грозилъ передоманъ руки и ноги и *Серпову* и людямъ его, если они осмѣлятся показаться въ дачахъ, которыя, по его словамъ, имъ куплены. Опъ поскакалъ въ городъ и нанялъ паямъ для хожденія по сему дѣлу перваго подьячаго, который ему на глаза попался. Сей повѣренный его доспалъ копію съ производства дѣла; оказалось, что въ крѣпостной книгѣ написано: «а сверхъ того (т. е. про- «далъ я) пустошь Шаново и *въ сеи* пустоши «всѣ земли, дошедшія ко мнѣ по праву наслѣдства послѣ покойнаго родителѣя моего.» А какъ же въ означенной пустоши находилось только пахашной земли при четверти, а въ дву по помудѣ, принадлежавшія опцу его, опспальное же все оказалось купленнымъ покойною родителѣицею *Г. Серпова*, Каптенармушею *Федосея Власьева* у опспавнаго Артиллеріи Штыжь-Юнкера *Пустобояринова*: по прежній владѣлецъ сей пустоши и просилъ Земскій Судъ объ оппемежеваніи Подполковницѣ *Сафьянниковой*, слѣдующей ей пропорціи земли особо, а сверхъ того принесъ

жалобу на прежнихъ крестьянъ своихъ, которые самовольно завладѣли пустошамъ, копъ онъ ни кому не продавалъ и не закладывалъ. Начался процессъ—и *Серповъ*, у котораго я былъ повѣреннымъ, выигралъ оный во всѣхъ инстанціяхъ. Покущикъ сколько ни горячился, но вынужденъ былъ въ другой разъ купить сии пустоши, безъ копъ крестьяне его не могли обейтися. Опъ заплащилъ за нихъ *Серпову* 40 т. рублей, а на мою долю перепало четыре тысячи чистоганомъ.»—*Славно! мастерски!* во спю голосовъ завопили крещеные въ чернилахъ и повиные въ гербовой бумагѣ чада *Фелицы*: «*надобно родиться съ такими талантами!*» кричали одни; «*надобно усовершенствоваться въ школь опыта!*» утверждали другіе. Предложено вынсть круговую за драгоценное здравіе знаменнаго *Защитина*; ревущее *браво!* слышно было за десять верстъ въ окружности.

Когда всё утихло, тогда, приподнявшись на цыпочкахъ, выступилъ на средину худощавый Адвокатъ съ длиннымъ орлинымъ носомъ, съ небольшою лысною, гладко-приглаженными жепно-сѣдыми, рѣдкими волосами, съ спранными ухватками, и, облизнувшись и скривя ротъ, робко началъ: «*Антипъ Прокофьевичъ* (имя и опечество *Защитина*) спушлъ въ семъ процессѣ по словамъ свѣдѣаго Писанія: *и будете хитри, яко змии*. Овому данъ опъ Господа палантъ, овому два, *Антипу Прокофьевичу* десять, а я нижайшій одаренъ скудно; однако же и я на моемъ вѣку, безъ хвастовства сказать, смасперилъ нѣсколько пѣжебныхъ дѣлъ и могу вамъ, безъ хвастовства сказать, предспавить на по докуменны. Но какъ честной компаніи въ семъ, въ пещеренній часъ, не настоптъ надобности: по я, безъ хвастовства сказать, расскажу вамъ сіе дѣльцо, не совсемъ недоспойное споль разумныхъ слушателей.» — — —

Тутъ опспавной Губернскій Секретарь *Цанъ Циракинъ*: либо эпо былъ онъ, запнулъ, довольнымъ глазомъ окинуаъ всю крашвную живу, опяль облизнулся, опяль скривилъ плоскую роту, опяль исковеркнулъ углашпую фигуру свою въ при изгиба, понюхалъ табаку—и началъ: «опспавной Капитанъ

Иванъ Ивановичъ *Непромаховъ* былъ женатъ по первому браку на богатой сиротѣ Княжнѣ *Болдинской*. Бабушку - Князя попердя она еще въ колыбели, а Княгиня, мапушка ея, не пѣтъ-по будь поманула, грамотъ Россійской читать и писать не умѣла и, сверхъ того, опмѣнно жаловала вишневку. Княжна была не пригожа собою и просиновата, но 4,000 душъ въ хлѣбородныхъ губерніяхъ сдѣлала её почти красавицею въ глазахъ *Непромахова*, за родителями котораго состояло 7 душъ обоего пола въ селѣ *Семидесятипольстоловѣ*. Онъ подлестился къ старой Княгинѣ, подкутилъ ея дворецкаго, барскую барыню, которая за нею ходила и шупиху *Варламовну*, которая была всѣхъ сильнѣе надъ умомъ ея. Вотъ черезъ полгода, глядимъ—въ церкви подмосковнаго села, гдѣ погребень былъ старый Князь, сыграли свадьбу, а черезъ годъ схорошили старую Княгиню, долго спрадавшую опъ водяной болѣзни. Вотъ у молодой *Непромаховой* родился сынъ, черезъ годъ дочь, разрѣшеніе которою стоило ей жизни. Мужъ ея былъ не изъ числа пѣхъ сеншменпальныхъ любовниковъ-супруговъ, которые, видя жену при смерти, хнычуть какъ бабы и теряють разсудокъ, какъ дѣти. Онъ призывалъ меня на совѣщаніе—и мы съ нимъ успѣли перевести большую часть женнинова имѣнія на его имя. По прошествіи шести недѣль онъ предъявилъ свои векселя на покойницу; Судомъ опредѣлено продать деревни покойницы на удовлетвореніе мужниной долговой претензіи; онъ проданы съ аукціона, т. е., безъ хвастовства сказавъ, посредствомъ подспавныхъ людей, порговавшихся на оное, перешли въ руки къ *Непромахову*. Наслѣдниками были его дѣти и припомъ малолѣтніе; отецъ ихъ былъ вмѣстѣ—ихъ опекуномъ и прошивъ ихъ испцемъ; благодѣтельнаго закона о томъ, чтобы просрочку апелляціонныхъ сроковъ и упущенія опекуновъ въ виду малолѣтнимъ не ставить—еще не существовало: кому же было за нихъ вступиться? Минуль годъ праура; прошелъ другой, прѣмелькнуль прѣшій; *Непромахову* надошло быть вдовцемъ:

Про жизнь пустынную какъ складно ни пиши,

А въ одиночествѣ способенъ жить не всякой!

Ему приглянулась пригоженькая дворяночка, дочь его сосѣда. Опъ спавъ за нею приволакиваться; дѣвушка показывала къ нему всю нѣжность спросити: и какъ было не влюбиться въ человека, который хонилъ былъ 15-ю годами ея спарѣе, вдовецъ и имѣлъ двухъ дѣтей; но у котораго было 4,000 душъ, музыка и каменные палаты, какъ полная чаша?

Вотъ, веселымъ пркомъ, да и за свадьбу, и я, безъ хвастовства сказавъ, былъ въ числѣ приглашенныхъ; *Непромаховъ*, безъ хвастовства сказавъ, рекомендовалъ меня песню, представилъ пѣцъ, познакомилъ съ своею барынею. Не вѣдаю, на роду ли мнѣ было написано, или сердце сердцу вѣснѣ подавало; но она во все продолженіе своей жизни не оставляла меня своими милостями: ни муки, ни крупъ, ни живности не покупала я, а всю годовую провизию получала опъ все; въ имѣнны мои дворецкіи до свѣта привозилъ мнѣ сто рублей; къ Свѣтлому Воскресенію, вмѣсто краснаго яичка, то же; къ новому году Англійскаго сукна на пару плащя. За то и меня привелъ Господь Богъ заплашнѣ ей, безъ хвастовства сказавъ, спорницею. Старый мужъ ея, поживъ съ нею 12 лѣтъ въ блаженномъ супружествѣ, скончался скоропостижно опъ удара, не оставя въ пользу ея никакого акна, ни духовнаго завѣщанія. Смерть ему приключилась ночью; за мною прискакала обвиненный холонтъ ея. Одѣвшись наскоро, ту же минути поѣхалъ я къ моему благодѣтельному: тамъ были уже братъ вдовы и одинъ его родственникъ. Мѣйкавъ было некогда: мы составили заднимъ числомъ опъ имени покойнаго вексель и двѣ закладныя, сквозъ стекло списали карандашемъ съ его руки подпись его имени, а потомъ, вложивъ въ окоспенѣвшую руку меривеца перо, обвели по карандашу чернилами. Это учинили мы на случай, еслибъ насъ припнули къ присягѣ въ томъ, что дѣйствительно ли сіи акты обвиненною его рукою подписаны.

«Все это происходило прежде введенія банкромскаго Устава, и въ маклерскую книгу векселя тогда не записывались; мы же, безъ хвастовства сказавъ, хорошо было концы

схоронили, да на бѣду нашу, пасынокъ моей благодѣтельница была уже на возрастѣ. Онъ началъ припѣснять мачиху, завелъ съ нею процессъ. Въ ту же пору Московскій Магистратъ открылъ, что купецъ *Выбойкинъ* былъ уже банкротомъ, когда писанъ на его имя вексель въ 50 ш. рублей: вексель уничтоженъ также, какъ и одна закладная, именно на Нижегородскія деревни написанная. Оба сѣи упущенія, безъ хвасповспва сказать, сдѣланы не мною, а другими повѣренными. Тамъ же, гдѣ я дѣйствовать, закладная во всѣхъ нижнихъ инстанціяхъ утверждена. Въ опредѣленіи сказано: *быть крѣпостному по крѣпостямъ*. Главная цель моя состояла, чтобы проволочить дѣло, если возможно, по смерти моей благодѣтельница, которая была бездѣйна и придерживалась пословицы: *послѣ меня хоть трава не расти!* — Я, по связямъ своимъ съ Секретарями и Пыльщиками, безъ хвасповспва сказать, питалъ себя надеждою выиграть оное и въ высшихъ судебныхъ мѣстахъ; но надежда моя посрамилась; плямба, безъ хвасповспва сказать, моими стараніями продлилась 17 лѣтъ неслухомъ, а между тѣмъ, Богъ послалъ по душу моей довѣришельницы. Наслѣдникамъ ея меня оклеветали: они уничтожили довѣренность, ею мнѣ на хождение по дѣламъ данную... Но я, безъ хвасповспва сказать, заготовилъ себѣ про черный день закрому мучицы, да еще и крупичатой. Нечестивыхъ же мощъ гонителей постигъ гнѣвъ Царя небеснаго: они не долѣе, какъ черезъ два мѣсяца, по отрѣшеніи меня отъ дѣлъ, проиграли свой процессъ въ Сенатъ, который отспанилъ фальшивую купчую. — *Царь Царянкинъ*, окончивъ свое повѣствованіе, еще лучше прежняго сталъ коверкаться, кривляться и облизываться языкомъ.

И его стратегическія распоряженія были осыпаны громогласными похвалами криводушниковъ. Больше всего удивлялись они масперсиву его пропннувъ дѣло 17 лѣтъ, когда и 17-ми дней на собраніе справокъ и окончательное рѣшеніе оного было бы достапочно.

(*Окончаніе въ слѣд. листѣ.*)

СЛОВЕСНОСТЬ.

ШОТЛАНДСКАЯ СЦЕНА.

(*Сог. Сиръ Валтеръ-Скотта.*)

Къ Г. Издапелю *Ксербаке*.

Въ 1829 году вы просили у меня опривка, который могъ бы служить предметомъ для эспама: я сообщилъ вамъ эпизодъ, который удачно выполненъ былъ карандашемъ Г. *Корбульда* и рѣзцемъ Г. *Геата*. Желая сколько можно содѣйствовать къ украшенію превосходнаго изданія вашего, я предпринялъ описать для книжки на 1832 годъ одну сцену, которая показалась мнѣ способною родить вдохновеніе въ художникъ: поводомъ къ сему была прекрасная виньетка, изданная въ первой книжкѣ *Ксербаке*; подъ названіемъ: *Смерть стурька*. Впрочемъ, виньетка сія имѣетъ споль замѣпное отношеніе къ моему предмету, что я не знаю, не спанепе ли вы опасались, чтобы не повпорить содспвеннаго своего произведенія, принявъ описаніе мое предметомъ для новаго эспама: эпо я опдаю на судъ вашъ.

Предлагаю вамъ старую бѣль, однакоже не слишкомъ старую: ибо я слышалъ о ней въ моемъ дѣпствѣ отъ одного помѣщика, который самъ не очень былъ старъ.

Эпопъ человекъ, называвшійся, или по крайней мѣрѣ я назову его, *Дунканоль*, участвоваль съ своими единоплеменниками въ происшествіи 1746 года, и былъ сильно подозрѣваемъ въ соумышленничествѣ, если не въ зачинѣ *пегальнаго событія*, которое надѣлало много шума спустя нѣсколько лѣтъ послѣ общаго возстанія.

Я говорю эпо для того, чтобы предспавить въ дѣпствіи характеръ сего человека: теперь вы знаете уже, что онъ былъ большой весельчакъ, смѣль и предпримчивъ. Наружность его отвѣчала характеру; онъ живо отражался въ рѣзкихъ чертахъ его, особливо въ сѣрыхъ, но живыхъ глазахъ. Къ несчастью, мускулы его не имѣли уже тогда довольно гнбкости для исполненія дикой воли его и требованій дѣпсельнаго, неперпѣлваго пемперамента. Хотя тѣло его сохранило всю легкость и быспропу сильнаго горца;

но онъ былъ такъ слабъ на ногахъ, что идя по улицѣ, всегда лавировалъ. . . Причиною сего полуживотнаго и полурасшипельнаго состоянія его, было довольно странное обстоятельство, которое составляетъ предметъ моего разсказа.

Лытъ за двадцать до моего знакомства съ *Дунканомъ*, онъ содержалъ съ своими братьями въ верхней Шотландіи значительный хуторъ: къ оному принадлежала большая полоса земли, наполненная горами, долинами, озерами и болотами. Случилось однажды, что изъ спада его пропала коза; *Дунканъ* разославъ своихъ паспуховъ въ одну сторону, самъ ударился въ другую, противоположную первой.

Въ продолженіе своихъ поисковъ онъ попалъ на узкую, длинную пропинку, ведущую къ вершинѣ кремнистой скалы, надъ самою пропастью. По мѣрѣ восхожденія его, пропинка сія становилась опаснѣе; надобно было имѣть вѣрный шагъ и хладнокровіе Шотландскаго горца, чтобы не оступиться на такой дорогѣ и не получить головокруженія. Съ одной стороны бездна простиралась внизъ скапомъ и оканчивалась ложбиною; съ другой зіяла такая глубина, что надлежало имѣть большой навыкъ и смѣлость для измѣренія ее глазами: опасность, кою которой однакожъ трудно было избѣгнуть; ибо пропинка была не шире двухъ футовъ. *Дунканъ* весело продолжалъ путь, иногда насвистывая національную военную пѣсню, а иногда пребираясь оспорожно, особливо когда трудности дороги преобладали всей рѣшимости и силы горца.

Онъ прошелъ по крайней мѣрѣ половину сей, висящей на воздухѣ, пропинки, какъ вдругъ увидѣлъ между скалами быстро спускающагося съ горы по той же пропинкѣ оленя. Если бы у *Дункана* было ружье, ему сподло бы сдѣлать только одинъ выстрѣлъ и поваливъ двурогое животное, которое по своему пользовалось свободою, бродя по пустынямъ; но *Дунканъ* не имѣлъ при себѣ ни пороха, ни ружья, а непріятель былъ уже недалеко... Сразисься съ нимъ, не позволяло слишкомъ узкое пространство пропинки; повернуть назадъ, еще было опаснѣе: *Дунканъ*

очень хорошо зналъ нравъ своего противника, который замѣтивъ его бѣгство, принялъ бы его въ пылъ. И такъ, они довольно долго оспавались неподвижными въ нѣкоторомъ одинъ опъ другаго разстояніи.

Наконецъ, плыльпнннн и принадлежавшій къ самой крупной породѣ, олень, началъ попрысать ужасными своими рогами и веритѣть головою, какъ будто готовясь сойтись съ ногъ собакъ и охотниковъ, если самъ не найдетъ первымъ. *Дунканъ*, чувствуя всю опасность вступать въ бой, пропинулся на гребнѣ скалы, образовавшемъ пропинуку, и не шевелился, чтобы не испугать робкаго своего противника, который, пропинувъ шею и закинувъ на спину рога, внимательно его разсматривалъ. Видя ихъ въ семъ положеніи, держащихся, такъ сказать, на карнизѣ опившей скалы, вы приняли бы ихъ за барельефъ, скопированный съ картины Сальвадора Розы. Между тѣмъ олень, поперявъ шерстнне, казалось, рѣшля перескочить преграду; онъ подходилъ тихо и съ невѣроятными предосторожностями. Приблизясь къ *Дункану*, онъ оспановился, хотѣлъ еще разъ осмопрѣть его, какъ вдругъ пробудившаяся спрасъ рѣзавъ, ослѣпаящая Шотландцевъ, заспавила горца забыть всякую оспорожность. При видѣ бѣднаго звѣря, споль робко приближающагося, онъ не помышлялъ болѣе о своемъ опасномъ положеніи и о выгодахъ примиренія съ своимъ противникомъ, который, конечно, того только и ждалъ. И такъ, онъ схватилъ одной рукою книжалъ, а другою рога оленя; но въ ту же минуту робкій звѣрь кинулся въ пропасть, увлекши за собою коварнаго своего убійцу. Они слетѣли въ глубину болѣе ста футовъ, гдѣ на другой день упромъ найдены были распроспертыми.

Случай, опъ котораго нельзя ожидать правосудія и равнаго воздаянія, хотѣлъ, чтобы бѣдный олень упалъ подъ своего непріятеля и погибъ опъ сего паденія; между тѣмъ *Дункана* оспалась одна нога, рука и девять реберъ цѣлыми; по есть онъ лишился только половины своего состава. Въ семъ-то состояніи, о которомъ я упомянулъ вначалъ разсказа, онъ найденъ былъ на разможженной тушѣ оленя.

Хотя *Дунканъ* мнѣ былъ пріятель, однакожь я не одобряю поступка его въ семь случаевъ, по крайней мѣрѣ въ нравственномъ отношеніи; но должно признаться, что жирный разрезъ грудины оленя заглушилъ бы жалость въ самомъ добродѣтельномъ охотникѣ....

Споишь ли сей рассказъ четырехъ печальныхъ страницъ и особенно одного эстампа? это отдаю на судъ вашъ. Я рассказалъ вамъ сіе приключеніе точно такъ, какъ оно удержалось въ моей памяти.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ СОСЛУЖИВЦУ.

Смокнулъ грозный вихоръ брани,
Опустился мечъ въ ножи,

Смыла кровь съ геройской длани
Влагой Неманской волны.

Слава храбрымъ, падшимъ — призва!
Воишь, шлемъ съ чела сорви!

Посмотри, тебѣ опозна
Заплела вѣнокъ любви!

*

Розы, розы — даръ завѣшной
И украсилъ орденъ твой,

И блеснулъ тебѣ привѣтно
Взоры дѣвы дорогой.

Къ сердцу радость вновь привѣся
У родимыхъ Невскихъ струй,

И вся жизнь твоя сольется
Въ безконечный поцѣлуй. —

*

Мы не даромъ заплотили
Кровью Ляха свой булатъ,

Склепы бунта раскопали
И смирили буйный градъ.

Долго, долго сыгъ измѣны
Будеть помнишь грозный часъ!

Кровь врага въ крупныя слѣды
Вѣковымъ клеймомъ впила.

*

Мы не даромъ исходили
Воспаленный бунтомъ край....

Насъ съ избыткомъ наградили

Слава, честь и Николай.

Скоро друга и собрата
Ты обнимешь, воишь мой;

Кровь кипишь въ груди солдата
Предъ опознаю святой.

*

Перль любви поплашкой
Кроешь сердца глубина:

Тамъ — въ дали шой незабвенной
Есть завѣшная — она,

Легче вольнаго нагѣва,
Буга быстрого живѣй,

Свѣшлый Ангель, радость-дѣва,
Неаглядный свѣтъ очей.

*

Воишь, помнишь ли, бывало,
Въ шумъ игоръ и запѣй,

Дѣва милая играла
Саблей дѣвственной твоей?

Посмотри-жь: вкрутъ яркой грани
Выпка лавра заплелась,

И съ крестомъ къ оружью брани
Надпись чести привилась!

*

О, какъ сладко къ ножкѣ милой
Положишь знакомый мечъ,

И шпурмующею силой
Цѣпь преплестивій перестѣчь;

Бросишь бурныя поспѣхи
Лечь на лонъ мирныхъ благъ,

И развѣшивашъ доспѣхи
На узорчатыхъ спѣнахъ!

*

Ужь близка страна родная!
Будь спокоенъ, воишь мой!

Тамъ, гирляндами, блистая
Закнишь твой пиръ златой,

И вина заходишь пѣна,
И потонешь въ нѣгѣ груди.

И солдата на пухъ Гимена
Ляжешь сладко опдохнуть!

Ш А Р Л Д А.

Слогъ *первый* въ азбукѣ найдете,
 Но не по старому его произнесете,
 Не такъ, какъ пономарь Пафнушыча училъ:
Зело, кси, ижицу — полгода съ нимъ долбилъ!
 Второе — чудеса: живить и умерщвляеть,
 И чувствамъ, и уму забаву доставляеть:
 То дивно вещество изъ рудъ, или изъ земли
 Умѣеть извлекать природы непышатель;
 Но (вошь духъ времени, чипашель),
 Его бы въ средній вѣкъ волшебникомъ почли,
 И на кострѣбъ сего искусника сожгли!..
 На *цѣло*с мое, недавно Риемишь сельъ
 И съ одой поскакалъ онъ къ Фебу для поклона;
 «Такъ чпожь?» Да Фебъ ему шакого далъ пре-
 звона,
 Чпо нашъ Поэтъ спремгламъ съ Парнасса поле-
 пѣль.

Дориледонтъ Писулькинъ.

Въ No 4, помѣщенный логогрнѣ значить: *Mie*, вбо въ немъ находилъ слово *mi*.

M O D E S.

Les coiffures basses sont toujours très à la mode.

Les gazes blanches, roses et bleu-ciel très-léger s'emploient pour robes de bal comme aux années précédentes, mais surtout pour les très-jeunes personnes. Les tulles richement brodés, avec dessous en satin, les crêpes brodés en or ou argent, et une nouveauté des magasins de M. Delisle, nommée *gaze à plumes*, sont les étoffes de robes le plus en faveur. Le gaze à plumes est surtout à citer. Nous en avons vu une à fond blanc, sur lequel étaient brodées en soie plate des espèces de petites plumes espacées, à sommité gros bleu, et le surplus oiseau de-paradis foncé; il est impossible de dire combien cette gaze est jolie et de bon goût.

Les fleurs artificielles semblent jusqu'à présent devoir servir à orner les robes de bal. Nous avons parlé, dans notre dernier numéro, de petits bouquets placés aux manches, substitués aux nœuds de rubans portés depuis quelque temps; voici une autre disposition également fort jolie. Sur une robe de bal étaient deux bouquets de fleurs variées, l'une à la hauteur et au-dessus du genou droit, et l'autre un peu plus

bas, à l'aplomb de la jambe gauche. Trois rubans légèrement roulés sur eux-mêmes, faisant le tour de la jupe, et s'arrêtant près de chacun de ces bouquets, semblaient les réunir et même les lier, car un nœud de ruban pareil en réunissait les fleurs.

М О Д Ы.

Низкія пригески все еще въ большомъ употребленіи.

Газы бѣлыя, розовыя и небесно-голубаго цвѣта употребляютъ для бальныхъ платьевъ, какъ и въ прошлыхъ годахъ, особливо молоденькія дѣвѣцы и дамы. Теперь всего болѣе носятъ платья шюлевья, богато вышитыя на апласѣ, креповья, вышитыя золомомъ или серебромъ, и изъ новой пкани, показавшейся въ магазинахъ Г-на *Дѣлиля*, называемой *gaze à plumes*. Сія пикапъ особенное заслуживаетъ вниманіе. Мы видѣли бѣлую, по ней въ нѣкоторомъ распостланіи вышиты гладью шелкомъ небольшіе перушки; верхушки у нихъ синія; къ корню они пемноватаго цвѣта райской шпичи. Невозможно выразишь, какъ газъ эпомъ красивъ; онъ принадлежишь къ числу отличныхъ матерій.

Бальные платья до сихъ поръ продолжаютъ опдѣлывашъ цвѣтами. Мы говорили въ одномъ изъ послѣднихъ нашихъ нумеровъ, о небольшихъ букетахъ, прикалываемыхъ на рукавахъ, вмѣсто бантовъ, носимыхъ съ нѣкотораго времени; вошь другой весьма красивый способъ опдѣлывашъ цвѣтами. На бальномъ платьѣ было: два букета изъ разныхъ цвѣтовъ, одинъ пришилленъ по выше праваго колѣна, а другой по ниже леваго. Три ленты, слегка перевиштыя, положены были вокругъ юбки, и дошедши до букетовъ, казалось, связывали ихъ, попому, чпо бантъ изъ шакихъ же лентъ соединялъ ихъ.

С М Ъ С Ъ.

Философъ любить челоѣчество и добродѣтель. Софистъ поцько хвалить добродѣтель и челоѣчество.

Хопите ли, чпобы безобразная женщина показала еще опврапительнѣе? — Нарядите ее, и какъ возможно щеголапѣе.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ,

№ 6.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 36-ю картинками моды, въ С. П. б. 30, съ до-скавкой и пересылкою 35 рублей.

СРЕДА, Генваря 20 дня, 1852 года.

Онъ сердцемъ милый былъ невѣжда,
Его лелѣла надежда,
И міръ новый блескъ и шумъ
Еще плѣнили юный умъ,

А. Пушкинъ.

ПЕРЕСМѢЩИКЪ. ИМЕННЫ У СТЯПЦАГО. (Окончаніе.)

Терновниковъ, мѣщанинъ, четыре раза бывшій подъ уголовнымъ судомъ за ябедничество, высланный изъ столицъ, но все изподпишка сочинявшій просьбицы и плутовскими совѣтами помогавшій такимъ же плутамъ, какъ самъ онъ, вывернувшись изъ подъ неплч... не въ силахъ былъ удержатъ своего языка за зубами.

Самолюбіе и хмель разгорячили ему голову и заставили похвастаться подвигомъ, въ своемъ родѣ, Геркулесовскимъ: ибо онъ, бѣдный мѣщанинъ, за личную обиду, сдѣланную ему опкупщикомъ *Стакановымъ*, заставилъ миллионщика заклапнуть около ея тысячи рублей шпрафу.

«Вы вѣдъ, господа, знаете красноносаго опкупщика *Стаканова*?» — пропѣлъ сладкимъ голоскомъ *Герасимъ Ивановичъ Терновниковъ*: «сначала моего сюда переселенія, онъ очень былъ ко мнѣ милосивъ и совѣтовался со мною по казуснымъ дѣламъ, а въ дѣлѣ по убійству племянникомъ его *Коршуновымъ*, повѣреннаго Князя *Звенигородскаго*, онъ скрып-

но употреблялъ меня для руководства дѣйствіями Исправника при слѣдствіи и допросахъ. *Стакановъ* далъ мнѣ 300 рублей на дорогу — и обѣщаль дать тысячу, если я успѣю схоронить концы. Желая заслужить и на предки милоспи такого сильного человека, льстя себя надеждою получить 1,000 рублей за труды, я такъ запущалъ это дѣло, что никакъ нельзя было обличить *Коршунова* въ смерпоубійствѣ, а осванили его въ сильномъ подозрѣніи. Возвратясь изъ сей экспедиціи, явился я къ *Стаканову*, который чрезвычайно былъ мною доволенъ, расхвалилъ какъ нельзя больше, но о тысячѣ рубляхъ, мнѣ послуженныхъ, не упомянулъ ни слова. Это было, какъ теперь помню, передъ масляною, въ концѣ Февраля. Я пришелъ къ нему 26 Марта, поздравивъ со днемъ его ангела: опять былъ обласканъ и угощенъ завтракомъ, а о тысячѣ рубляхъ опять умолчано. Между тѣмъ, подходилъ Свѣтлый праздникъ, деньжонками я поиспрахился, надлежало уклапнуть коѣ-какіе должники: это заставило меня прибѣгнуть къ послѣднему средству. Я написалъ къ нему униженнѣйшее письмо въ самыхъ жалоспныхъ выраженіяхъ, именуя его послѣ каждаго слова Высокороднымъ и милоспивымъ, умолялъ о

заплатить обещанных мнѣ Его Высочородіемъ денегъ. Отдавъ мою челобитную камердинеру, подслася онуя десятирублевою ассигнаціею въ видѣ задатка и увѣря его, что добавлю еще чепыре пого же достоинства, если послѣдуетъ благопріятная резолюція о выдачѣ мнѣ просимой мною суммы, болѣе прехъ часовъ смиренно ожидалъ я въ передней опвѣпа, и начиналъ уже дремать, когда вынесли мнѣ опказъ на опрѣзъ.

Эпопѣ 'безовѣспный поспупокъ глубоко залегъ у меня въ сердцѣ: я рѣшился опмспить: скоро представилъ мнѣ къ пому случай. *Стакановъ*, лапопникъ, нажилъ миллионъ; но вмѣсто пого, чтобы оспановиться — и спокойно дожидать опальной свой вѣкъ, все спановилъ жаднѣе къ деньгамъ. Каждый день сбирался онъ бросить всѣ торги, опкупа, хлопоты и, каждый день, сидя по горло въ золопѣ, говорилъ самъ себѣ: еще, еще маленько! Съ такимъ характеромъ, не мудрено, что купецъ *Подлестницкій* заманилъ его въ поставку провіанна. Торги велъ по сему подряду *Подлестницкій* и контрактъ заключилъ опъ своего имени, а въ залогъ представилъ каменный Московскій домъ *Стаканова*, 500 душъ *Стаканова* и Банковый билетъ въ 25 п. рублей *Стаканова*: всего, болѣе, нежели на двѣсти тысячъ. Смасперя эпо, *Подлестницкій* пришелъ ко мнѣ однажды въ заупрени — и перепугалъ меня.

Оправившись опъ перваго спраха, я надѣлъ шулупъ, зажегъ въ пещищейся у меня передъ свѣшными Иконами лампадъ свѣчу, велѣлъ рабочищѣ поставитъ самоваръ, сѣлъ въ кресла и усадя моего благопріятеля, спросилъ у него о причинѣ споль раняго посѣщенія. Онъ нѣсколько времени просилъ прощенія въ помъ, что меня попревожилъ, заминался въ словахъ, но ободренный мною, взялъ съ меня кляпву, никому не опкрывать пого, что я опъ него услышу, рассказалъ мнѣ о вспупленіи своемъ въ подрядъ, о залогахъ, данныхъ ему кашеемъ-*Стакановымъ* и о желаніи его извлечь изъ сего случая всѣ возможныя выгоды, хопя бы съ причиненіемъ убытка залогодателю. Дѣды наши говаривали: *три раза отльрляй, а разъ отруби*; мы придержались мудраго смысла спарины и, долго размышляя,

оспановилъсь на помъ, чтобы ему *Подлестницкому* вѣхалъ въ Коломну, купилъ тамъ 9 барокъ, заключилъ о семъ съ продавцами на гербовой бумагѣ и записалъ въ маклерской книгѣ условіе, въ немъ упомянутъ о данномъ задаткѣ, о помъ, что суда должны бытъ сплавлены подъ самый Губернскій городъ на счѣтъ ихъ хозяевъ и сданы ему подъ росписку, а имъ бытъ выданы сполна опальные деньги.

Черезъ нѣсколько дней, *Подлестницкій*, доложась *Стаканову*, помчался на пристань, купилъ суда и, въ точности выполняя все, о чемъ я выше сказалъ уже, возвратился домой; на другой день представилъ *Стаканову* подлинныя контракты и испросилъ разрѣшеніе скупать хлѣбъ. Черезъ недѣлю донесъ онъ о приходѣ барокъ, найденныхъ имъ въ исправномъ состояніи, и просилъ о выдачѣ ему 10 п. рублей на сію операцію и на задатки за муку. *Стакановъ* неохотно распавался съ денежками и, если не могъ совершенно опказатъ въ нихъ: по, по крайней мѣрѣ, нѣсколько разъ со дня на день опкладывалъ, опговаривалъ немѣнѣемъ оныхъ. Такая припѣсншпельная система не привела въ опчаяніе моего *Подлестницкаго*. Его нельзя было ни разсердитъ, ни вывести изъ перпѣннѣя. Каждый день упреннее солнце заспавало его въ передней у миллионщика, гдѣ онъ, или ходилъ на цыпочкахъ, или сладко разговаривалъ съ офицанпами, шохалъ у нихъ табакъ и подчивалъ ихъ своимъ изъ берѣсповой паллики. Однажды осмѣлился онъ доложить, что хозяева барокъ, не получая платы, сбираются увести ихъ обратно и оспавить у себя задатки. Эпо пахло убыткомъ — и заспавило *Стаканова* опсчитавъ ему 10 п. рублей золопою монепою по курсу. Послѣ сего, мы съ *Подлестницкимъ* имѣли новое совѣщаніе въ домѣ моей свѣпши, и я получилъ 500 рублей на свою долю. *Парфентій Кондратьевичъ* (имя и опечеспво *Подлестницкаго*) на другой же день началъ громоздить, для складки хлѣба, огромныя лубочныя сараи на берегу Оки, покрылъ ихъ спарыми кулями, придѣлалъ двери съ желѣзными засовами, повѣсилъ большіе шсячіе замки, поставилъ у входа двѣ пестпро-раскрашенныя скамейки и, нанявъ спорожей, приспавилъ караулить хлѣбъ, тамъ ссыпан-

ный. Въ продолженіе сей операціи, Ока прошла, разлилась и начала входить въ берега. Ослѣпленіе богача—ни женѣ, ни родной матери не довѣрившаго—было столь велико, что онъ ни разу не посылалъ освѣдѣтельствовать суда и лабазы *Подлестницкаго*, который опыскалъ укромный уголокъ въ его сердцѣ, льстя ему большими барышами. Въ первыхъ числахъ Мая, хлѣбъ *Парфентья Коцдратьевича* осмотрѣвъ Дворянскимъ Засѣдателемъ *Подляжскимъ* и провіантскимъ Коммиссіонеромъ 13 класса *Продажно-душевиль*, и выдано ему свидѣтельство на полученіе изъ Коммиссіи пятидесяти тысячъ рублей. Подрядчикъ скоро получилъ ихъ, давъ два жирные обѣда чиновникамъ оной, и согласясь принять сію сумму монетою. Надобно васъ предупредить, что сіи барки, сія мука, овесъ и крупа существовали только на бумагѣ, и что вся сія операція производилась не на водѣ, а на воздухѣ. Ни судовъ, ни хлѣба не покупалъ онъ, а сговорясь съ хозяевами судовъ, заодно написали ложный контрактъ о покупкѣ и стокѣ оныхъ. То же самое было и съ хлѣбомъ! *Подлестницкій* донесъ, что суда съ грузомъ оплыли въ Москву, о полученіи же денегъ изъ Провіантской Коммиссіи благоразумно умолчалъ. Въ десять дней сіи мечтательныя суда дошли до извѣстнаго мѣста, гдѣ весь хлѣбъ снова освѣдѣствованъ—и подрядчику *Подлестницкому*, въ силу контракта, выдано еще 50 т. рублей и прикомандированъ на суда, для ближайшаго надзора, тотъ же самый Коммиссіонеръ 13 класса *Продажно-душевъ*. Первый рапортъ его въ Коммиссію содержалъ въ себѣ описаніе грозы, «которая въ самую полночь заспала небо столь мрачными тучами, «что зги не видно спало; громъ, молнія, вихорь, ливень-дождь, опиняли у бурлаковъ всю «возможность дѣйствовать вѣслами; канаты, «коими барки причалены были къ берегу, оборвались, ихъ нанесло одна на другую: пять «изъ нихъ волею Божіею потонули, а на четырехъ остальныхъ оказалась печь и почти «всѣ кули подмокли; почему, онъ Коммиссіонеръ, радѣя о казенномъ провіантѣ, за нужное счѣлъ сгрузить весь хлѣбъ на берегъ.»— Во второмъ рапортѣ *Продажно-душевъ*, приложивъ свидѣтельство Земскаго Исправника,

по долгу присяги завѣрялъ, что подмоченный хлѣбъ пропущъ затхломъ и для пищи солдатамъ неспособенъ; отъ того же числа, подрядчикъ подалъ въ Коммиссію отъ себя прошеніе, въ коемъ изъясня постигшее его бѣдствіе, испрашивалъ разрѣшенія продать подмоченный хлѣбъ частнымъ людямъ, удостоверяя, что къ сроку выспавшъ все подраженное имъ количество хлѣба.

Коммиссія, въ которой хопя и было замѣтно пошворство моему благопріятелю *Подлестницкому*, дѣйствовала согласно съ законами, дозволя ему продать гнилой и затхлый провіантъ, котораго никогда не существовало, который не былъ купленъ, не былъ ни нагружаемъ на суда, ни подмоченъ.

Само собою разумѣется, что *Подлестницкій*, прибравъ къ рукамъ 100 т. рублей и заблаговременно переведя на жену все свое имѣніе, не показываясь въ—угу, въ ожиданіи послѣдствій и, съ моимъ пособіемъ, готовился отражать нападенія раздраженнаго опкущика. Они не заспали ждаль себя. Провіантская Коммиссія, не видя ни подрядчика, ни хлѣба, взяла свои мѣры для покупки онаго на его счѣтъ и къ продажѣ съ аукціона залоговъ. Тогда-то открылись глаза у *Стаканова*—и онъ, съ прискорбіемъ увидѣлъ, что обмануть. Первымъ шагомъ его было внести въ казну деньги, забранныя *Подлестницкими*, и освободить залогъ, а потомъ, со всемъ оспервеніемъ преслѣдовать виноватаго. Начался процессъ, слѣдствія, переслѣдованія, справки, дополненія. *Подлестницкій* предъявилъ двѣ собственноручныя къ нему записки *Стаканова*, по коимъ явно оказался онъ участникомъ въ подрадѣ. Онъ подозрѣвалъ и меня, но какъ я взялъ предоспорожность отдавать *Подлестницкому* бумаги, чужою рукою переписанныя, а свои черновыя испреблялъ: по и остался въ споронѣ.»

Разсказъ *Терновникова* произвелъ на слушателей его другое дѣйствіе, нежели *Царь-Царякина*: они смотрѣли на него со спрахомъ и препеномъ, боялись подойти къ нему, чтобы онъ къ нимъ не прицѣпился, опасались похвалить его, чтобы онъ не завелъ съ ними процесса. Послѣ поржественнаго, нѣсколько

минулъ продолжавшагося молчанія, пространно-власпипельный хозяинъ-именинникъ прервалъ оное. . . .

Опъ, благомыслия полный, вѣщалъ передъ сонмомъ подъячнхъ:

«Вы, почтеннѣйшій *Герасиль Ивановичъ*, въ начертаніи плана и выдумкѣ хитрыхъ извороповъ—превозмоли всѣхъ насъ, въ опмщеніи же чувспвипельной обиды, проторей и убыпковъ, поспушли правильно; однако позвольте, почтеннѣйшій, замѣшпвъ вамъ и почтеннѣйшему *Антону Прокофьевичу*, что вы оба опбились нѣсколько опъ матеріи. Дѣло шло *объ иргъ словъ*, нѣкоторыми Адвокатами въ выгоду своей спороны упопреляемой; а вы, почтеннѣйшіе, рассказали намъ «по цѣлой псторіи.»—

—«За эшмъ дѣло не спанепъ;» — возразилъ *Терновниковъ*: «я на своемъ вѣку все испыпалъ; не на вѣперъ пословица говоритса: *вѣкъ пережить, не поле перейти*. Лѣтъ десяпокъ назадъ, жилъ я въ Москвѣ, на Пяпницкой у Пяпницы, и упражнялся въ хожденіи по дѣламъ. Однажды упромъ купчика *Аграфена Прохоровна Карасѣва* прислала своего прикащика проснпъ меня къ себѣ. Я не любилъ никогда ничего вдаль опкладывать, одѣлся на скорую руку—и пошелъ вмѣспъ съ посланнымъ. Госпожа *Карасѣва*, по первомъ мужѣ *Старобогатова*, поручила мнѣ написать опъ имени ея духовную въ пользу ея впорото мужа, и опдала мнѣ записку, въ коей было обспояпельно изложено, въ чемъ состояло завѣщаемое ею имущество, опъ кого досталось и прочая. Нѣжный супругъ ея, провозая меня до самой кампки, общалъ мнѣ 300 рублей за труды. Зная, что онъ съ богачемъ *Стакановымъ* одного поля ягода, я такъ расположилъ эпо дѣло, чтобы ему не удалось провеспн меня.

Духовная написана была такъ, или почти такъ: «имѣя за собою благопріобрѣтенное мною движимое имѣніе, но оспаяясь бездѣпной, разсудила я заблаговременно, пока еще здорова и въ совершенной памяти и умѣ, нынѣ учреднпъ, а по смерпн моей, по сему исполннпъ.

«Такъ какъ движимое имѣніе мое, состоящее въ сваяхъ Иконахъ, наличныхъ день-

«гахъ, Банковыхъ билетахъ, векселяхъ и прочихъ долговыхъ акпахъ, а также въ бриллианповыхъ, золотыхъ, серебряныхъ и прочихъ вещахъ и посудѣ, еспъ мною благопріобрѣтенное опъ первого мужа моего *Ивана Тилофьевича Старобогатого* (*) подаркамъ, которыми, по силѣ 86-й статьи Городоваго положенія, имѣю я полное и неопъемлемое право распоряжатъ по моей воли: по силѣ, по смерпн моей, завѣщаваю все безъ пзыпнл вппорому мужу моему, 2-й гильдіи купцу *Харитону Никаноровичу Карасѣву*, за его ко мнѣ любовь и попеченіе.»

Прочитавъ черновое *Карасѣву* и сожипельнпцѣ его, и получа опъ нихъ 100 рублей, да 50 рублей на гербовую бумагу и расходы, я переписалъ завѣщаніе набѣло и опнесъ оное на домъ къ завѣщательнпцѣ, которая за опспуспвемъ мужа подписать онаго не рѣшилась. Я ждалъ на другой день, но не было ни опвѣта, ни привѣта. Эпо возбудило во мнѣ подозрѣніе. — На другое утро разнюхалъ я черезъ знакомыхъ, что завѣщаніе опдано зашсать въ книгу; рспивое говорило мнѣ, что плупъ *Карасѣвъ* хочеть оспавннъ меня при ста рубляхъ; сердце въ насъ вѣщунъ! Соверша духовную, мой *Карасѣвъ* на опрѣзъ опказалъ мнѣ въ двухъ стахъ рубляхъ. Тогда я наспроилъ Рапмана *Долбылина*, Куратора Конкурса, пребовать изъ суда копію съ духовной, а самъ пригрозилъ завѣщательнпцѣ и сожипело ее, что у нихъ завпре же опшупъ все имѣніе, если они не раздѣлаются со мною честнымъ манеромъ. У спраха глаза велики: *Карасѣвъ* принесъ мнѣ деньги. Заперевъ ихъ въ комодъ, я пріосамился, укорялъ его въ намѣреніи обманупъ меня, и повелительнымъ голосомъ пребовалъ еще двухъ сотъ рублей, въ видѣ шпрафа, за такое безчестное намѣреніе. Ему шепнули, что дѣло худо — и онъ, какъ нн верпѣлся, а заплалъ мнѣ и эпи двѣ сотни. Тогда я въ топъ же день, поздно вечеромъ, опправился къ писцу и за бѣленькую бумажку уговорилъ его вспавнпъ букву и между словами: *Старобогатовымъ* . . . подарками; въ подлинникѣ же я вспавилъ сю букву своею рукою—и не мало удпвилъ *Кара-*

(*) Первый мужъ былъ банкротъ, а потому и все имѣніе его должспствовало поступнпъ въ Конкурсъ.—Л.

сева, когда прочелъ ему духовную, и онъ удостоверился, что смыслъ оной совсѣмъ перемѣнился въ его пользу. Чтобы вы, господа, видите это усмотрѣть могли, я повторю вкратцѣ завѣщаніе: «такъ какъ движимое имѣніе мое, есть мною благопріобрѣтенное «опъ перваго мужа моего *Скоробогатаго и «подарками, которыми имѣю я полное право «распоряжаться: по сему завѣщаваю все впро- «рому мужу моему, и прочал.» Орапоръ замолчать, или пишмически говоря:*

Высокопарную пушъ рвчъ окончилъ онъ;

За рвчию его послѣдовалъ поклонъ.

Тробилъ Яковлевичъ Крапивинъ, а за нимъ *Репейниковъ*, *Зацупинъ*, *Цаплинъ* и другіе госпи поблагодарили его споль громкимъ: ура! что спаканы со спола, а липшья съ деревьевъ попадали.

Цапъ-Царапкинъ не хотѣлъ оспаваться въ долгу; онъ попребовалъ слѡва—и въ одну секунду, водворившееся въ семь пьяномъ, буйномъ собраніи молчаніе, ручалось ему за вниманіе къ нему всѣхъ и каждаго.

«Мнѣ посчастливилось однажды освободить опъ ссылки двороваго, помѣщика *Черносельскаго*, человека, которій обокралъ купца *Твердышова*; началъ орапоръ. Бѣдный помѣщикъ такъ и взвылъ, когда услышалъ, что его *Оську* взяли въ полицію, и было о чемъ! Эпопъ *Оська* былъ красивый молодець, опъ роду 26-ти лѣтъ, хорошій порпной, сапожникъ, лакей, кучерь, а по нуждѣ и поваръ. Обстоятельствва покражи обличили его—и одинъ мѣщанинъ, призванный въ свидѣтели, по приводѣ напередъ къ присягѣ, спрашиваеъ и показалъ, — «что «онъ 15 Мая въ квартирѣ у порпнаго *Лихо- «крадова* былъ, гдѣ также въ то время дво- «ровый помѣщика *Красносельскаго* человекъ «*Осипъ Ивановъ* былъ, при насъ говорилъ, что «онъ знаетъ о покраденныхъ у купца день- «гахъ и вещахъ, гдѣ и кѣмъ похищены.»

Прочитавъ сіе показаніе, я замѣтилъ, что *Письмоводитель*, писавшій оное со словъ безграмотнаго мѣщанина, далеко слово опъ слова разспанавливалъ, — а пріяпелъ мѣщанинъ, съ прудомъ коѣ какъ подписавшій по его просьбѣ сей допросъ, вѣрно не читалъ его, а

если и читалъ: по забылъ. На семь основавши мои предпріятія, сначала я поладилъ съ *Письмоводителемъ*, попомъ съ *Квартальнымъ*, попомъ съ уѣзднымъ *Спряичимъ*; попомъ вмѣстѣ заспрачали мѣщанина-свидѣтеля, который радъ былъ все на себя всклепать и опъ всего оппереться; попомъ вписали въ промежуткахъ между словами нѣсколько разъ оприцательную частіцу *не*. Изъ всего этого, въ показаніи свидѣтеля, на повѣрку вышло, — «что онъ 15-го Мая въ квартирѣ у порпнаго *Лихокрадова* не былъ, гдѣ также въ то «время помѣщика *Красносельскаго* дворовый «человекъ *Осипъ Ивановъ* не былъ, и при «насъ не говорилъ, что онъ знаетъ о покра- «денныхъ у купца *Твердышова* деньгахъ и ве- «щахъ, гдѣ и кѣмъ похищены.»

«Благодаря сей вспавкѣ и издержкамъ, кои не превышали пяти сотъ рублей, сострадательный помѣщикъ не только не потерялъ человека, а напрошивъ: холопа поставилъ въ зачетъ въ рекрупы, квитанцію же продалъ.» *Цапъ-Царапкинъ* переспалъ вѣщанъ; но ни рукоплесканъ, ни хвалилъ его было не кому: пушъ липшилъ собесѣдниковъ его упопреленія рукъ и языка....

А. Кораблинскій.

СЛОВЕСНОСТЬ.

КОЛДУНЫ ВЪ ШВЕЦІИ.

Богатый креспьянинъ одного селенія въ Швеціи выдавалъ дочь свою въ замужство; спола были накрыты; поѣзжанные и званые госпи садилсь уже за оные, какъ вдругъ, къ удивленію своему, они увидѣли, что блюда съ кушаньемъ сами собою опоражниваются и вино въ бупылкахъ уменьшается, такъ что первые совершенно опустѣли, да и въ послѣднихъ оставались одни подонки. Въ это время входилъ хозяинъ въ горницу. «Ахъ! вскричалъ онъ, я въ эпомъ не сомнѣвался, злой духъ пожралъ мой обѣдъ; но погодите немного!...» Толпа приспѣшницъ и слугъ снова наполнила блюда и бупылки, и чтобы предупредить новую бѣду, спѣшила разносить кушанье гостямъ. Послѣдніе также въ свою очередь не дремали; но при всей порошниво-

спи, они не поспѣвали за быспрымъ дѣйстви- емъ невидимыхъ рповъ. Между тѣмъ одинъ спарый Рыцарь, который былъ смѣле прочихъ, спокойно наблюдалъ все происходившее, и слышалъ въ воздухѣ что-то похожее на чавканье; вставъ потчасъ изъ за стола, онъ вскочилъ на своего добраго коня и опыскавъ горнаго духа, сказалъ ему: «одоляи мнѣ свою шапку, а въ залогъ я оставлю тебѣ свою.» Надобно вамъ сказать, что человекъ въ шапкѣ Гнома спановипись невидимкою, а самъ можетъ видѣть безплопныхъ духовъ. Духъ опвѣчалъ: «даю тебѣ свою шапку, но съ условіемъ, чтобы ты мнѣ возвратилъ ее до солнечнаго заката.» Честный Рыцарь далъ слово, и въ нѣсколько секундъ очутился опять на свадебной пиршкѣ, гдѣ гости сучали объ упраченномъ обѣдѣ. Съ помощію шапки, онъ не безъ ужаса увидѣлъ въ комнатѣ тысячи домовыхъ, которые въ запуски убрали оспашки обѣда; въ мигъ Рыцарь началъ хлысать черезъ лобъ бичемъ незваныхъ гостей, такъ что они потчасъ разбѣжались: духи вѣтъ не слшшкомъ храбры. Потомъ Рыцарь снялъ шапку и сдѣлался видимымъ для побѣжанъ, слушавшихъ съ препетомъ разсказъ его о томъ, какой они подвергались опасности. Когда кончились пзъявленія благодарности избавителю, поданъ былъ на удачу въ претій разъ обѣдъ, и веселость гостей замѣнила недоспапокъ хорошаго угощенія. Какъ день склонялся къ вечеру, то Рыцарь опять поскакалъ въ горы и опвезъ шапку Гному. Повѣрите ли, что онъ, возвращая свою адскую покрывку, поспѣшно поворошилъ назадъ и далъ шпоры лошади, сколько ни былъ храбръ и смѣлъ; добрый конь его скакалъ во весь опоръ, къ удивленію нашего всадника, который немало не сомнѣвался, что его преслѣдуютъ мерпвецы, какъ свора гончихъ; хорошо, что подъ нимъ была лошадь лучшая въ Булуланскомъ округѣ, ибо проворнѣйшій изъ мерпвецовъ хвапался уже за его сѣдло... Но Рыцарь спшснулъ еще разъ шпорами коня, и сей мигомъ перескочилъ черезъ глубокій попокъ, пропекавшій у подошвы горъ; мерпвецы, потерявъ надежду доспать его, возвратились съ крикомъ, похожимъ на завываніе спарыхъ совъ.

ЖУРНАЛЬ МОЛОДОЙ ДАМЫ.

5 Октября. — *Евгеній* очень милъ. Первая недѣля послѣ свадьбы нашей, его ласки, угожденія, все ручается мнѣ за счастливую будущность. Какъ пріятно печетъ жизнь моя! Довѣренность моя къ нему безпредѣльна. Въ чемъ же состоиптъ истинное счастье, какъ не въ дружбѣ и любви, увѣренности и нѣжности?— У меня новый нарядъ въ послѣднемъ вкусѣ.

12 Октября. — Еще пролетѣла недѣля счастья и уединенія. Чего еще желать въ жизни, еслибъ только не эпомъ мигрень! Я дожидаясь *Евгенія*; онъ съ 6 часовъ утра уѣхалъ на охоту... Ахъ! вотъ онъ.

15 Октября. — Мой милый *Евгеній*, лучшій изъ мужей. Нельзя быть ласковѣе, внимательнѣе, предупредительнѣе. Онъ только любитъ часенъко смотрѣться въ зеркало. Это небольшая слабость: мушны охотно зашмаются собою; по крайней мѣрѣ онъ не одишь имѣеть сей недоспапокъ.

16 Октября. — *Евгеній* прежде ложился спать съ опкрытою головою. Эпомъ черный колпакъ ему вовсе не приспалъ.

17 Октября. — *Евгеній* любитъ иногда ворчать; я опучу его опъ этой привычки.

18 Октября. — Онъ лежиптъ, зѣваетъ и не опвѣчаетъ мнѣ.

20 Октября. — Я дуюсь... онъ уходитъ.

21 Октября. — Я плачу... онъ кружипся.

22 Октября. — Мы разсорились, но не шупя. Посмотримъ, долго ли продлится его самовластіе.

2 Декабря. — Извергъ!... Онъ уѣхалъ въ Парижъ. Онъ оставилъ меня. Я несчастнѣе всѣхъ женщинъ... Не увижу его болѣе... Прекрасная разлука.

5 Декабря. — Теперь-то я его узнала. Низкій человекъ, съ несносными требованіями; человекъ, основанный на расчетахъ, безъ сердца,—и это мой мужъ.

10 Декабря. — Онъ возвратился съ моимъ дальнимъ родственникомъ. Въ добрый часъ!

11 Декабря. — Опять поладили. Мы катались въ лодкѣ. Кузень былъ съ нами. Онъ живепъ въ лѣвомъ флигелѣ замка. Это хорошо.

15 Декабря. — *Евгеній* вѣчно на охотѣ.

16 Декабря. — Я начинаю привыкать къ замужству....

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ СЫНУ (*).

Матчелы медвѣдемъ клянущся,
На шундрѣ зыбучей своей.

Ихъ кляпвы не пошпшь въ волнахъ Енисей:

Огъ оспаюшся
Въ душѣ дикарей.

*

А кляпва Поляковъ, съ волнами,
Вдоль Вислы промчалась въ моря,
Пошухла какъ въ бурю воспока зарй.

Вражда съ небесами —
Вражда на Царя.

*

Ты видѣлъ въ бою Провидѣнье,
Ты видѣлъ какъ мощный Орелъ
Змѣшныя гнѣзды когпями распмелъ:
На судъ и опмщѣнье
Не самъ-ли смолпрѣлъ?

*

Не самъ-ли съ другими бойцами
Орудіемъ Неба пы былъ;
Не вами ли раны врачуешъ Богъ силъ
И къ чеспи съ вѣнцами
Ведешъ изъ могилъ?

*

Вамъ, други, награда и слава;
Млшежникамъ кара и спмдъ;
И пала Варшава, и гнбнѣшъ, горшпъ;
Но—пала Варшава
Подъ Божескій щипъ.

*

Съ Эвфрапа пришекъ побѣдипель.
Чпожъ медлшшъ, могучій, лшшъ кровь?
Щадшп-ли Варшаву, чпобъ вспмхнула вновъ?...
Незршмый Спасшпель
Изрекъ ей *любовь*.

*

И здѣсь на Таймурѣ суровомъ,
Гдѣ льдина о льдину звешпъ,
Какъ цѣпи преспушныхъ, гдѣ хладный граншпъ
Подъ снѣжнымъ покровомъ
Изконно лежшпъ.

*

И здѣсь Правосудный и дивный
Въ любви явлешся намъ,
Какъ лѣпной лучъ солнца унылымъ цвѣшамъ,
Какъ голосъ привѣшпый
По мрачнымъ пайгамъ.

*

Владыки земные не кровью
Спяжаюшъ безмершпый вѣнецъ.
Безмершпы не въ мрѣ: ешъ мру конецъ;
Безмершпы любовью
Какъ жизни Творецъ.

Степановъ.

Красноярскъ.

ПОДРАЖАНІЕ АНГЛІЙСКОМУ (*).

Спросилъ свою арфу я: кто ея спруны
Разспроилъ? — Опвѣпъ мнѣ: невѣжды рука. —
Покорспвуешъ млапу сребро, но не спаль.
Преходчива дружба, но мщѣніе вѣчно.

Не долго вкусъ мѣда уста услаждаешъ,
Но долго польнъ оспаешся на нихъ;
Овца — жершва бойни, волкъ — рыщешъ въ горахъ.
Преходчива дружба, но мщѣніе вѣчно.

У дуба спросилъ я: за чѣмъ пы, дубъ, вѣшви
Согнулъ, какъ олень крупныя рога? —
«Мнѣ корни червь скршпый въ землѣ подшочилъ.»
Преходчива дружба, но мщѣніе вѣчно.

Громъ башню сражаешъ, хопъ черныя пучи
Пронзилъ ея шпиль. Рушшпъ буря корабль,
Хопъ вѣпры подвласшны его парусамъ.
Преходчива дружба, но мщѣніе вѣчно.

А. Глбовъ.

С H A R A D E.

Habit ou pantalon garni de mon premier
Annonce toujours la misère;
Les coups précipités frappés sur mon dernier,
Excitent au combat le jeune militaire;
Et pasteur soupirant auprès de sa bergère
Néglige souvent mon entier.

Въ No 5, помѣщенная шарада значшпъ: *Пе-гасъ.*

(*) Служащему Лейбъ-Гвардіи въ Егерскомъ полку и шля-
жело рашекому. — В.

(*) Изъ Валтеръ-Скошпа.

M O D E S.

On voit depuis peu des robes de soirée en satin fond uni, sur lequel sont brodés à la main de petits bouquets espacés. Une de ces robes avait, sur un fond grenat, des fleurs brodées en soie blanche, réunies par un petit ruban également brodé en soie aurore.

Les fleurs brodées en bouquets se voient encore sur d'autres tissus. Une robe de grenadine noire avait, çà et là, de petits bouquets brodés au crochet en soie de diverses couleurs. Les manches de cette robe étaient courtes, très-bouffantes; et son corsage était orné d'une mantille d'étoffe pareille découpée en crénaux.

On voit depuis quelque temps aux spectacles beaucoup de bonnets en tulle ayant sur le devant une guirlande transversale de roses.

Le velours s'emploie beaucoup pour chapeaux en demi-toilette; les chapeaux sont à passes courtes et à calotte plus élevées par devant que par derrière, forme que nous avons déjà indiquée. On les orne de rubans disposés en nœud de cravate, passés quelquefois dans une longue boucle en or. On y voit encore de ces longues plumes dont nous avons déjà parlé, appelées plumes *frimatées*, et d'autres plumes également longues dont les barbes repliées sur elles-mêmes sont nouées ainsi; ces plumes, la nouveauté de cette semaine, se nomment *plumes bouclées*.

Après les redingotes qui n'ont qu'un seul rang de boutons et les poches fendues obliquement sur le devant, adoptées par tout ce que Paris a d'hommes élégans, viennent celles à longues jupes et à larges revers. Quelques personnes portent aussi des redingotes à collet-schall, paremens et bords en fourrures.

Les pantalons à bandes d'étoffe pareille sur le côté, et tombant droit, sont toujours de mode: les chapeaux à bords moyens et presque plats, à forme haute et un peu au-dessous de zéro, ce qui veut dire, en terme de chapelier, forme un peu pointue, ont, les seuls de bon ton et admis surtout en toilette.

Pl. No 3. 1) Beret en crêpe orné de deux oiseaux de paradis; — 2) Capote à l'anglaise ornée d'une plume teinte aux bords; — 3) Bonnet de tulle plissé à tuyau.

M O Д Ы.

Недавно показались шляпы для вечеровъ, по гладкому атласу разбросаны небольшіе вышитые букеты. Платье гранатового цвѣта, вышито было цвѣточками бѣлымъ шелкомъ, которыя связаны вышпшою ленточкою, цвѣта зари ауроге.

Вышитые цвѣты букетами видны и на другихъ матеріяхъ. По черному гренативовому платью разбросаны были небольшіе букеты, вышитые въ шамбуръ разными шелками. Рукава короткіе, чрезвычайно пышные; у лица маншья изъ такой же матеріи, вырѣзанная зубцами.

Съ нѣкотораго времени въ спектакляхъ видно много тюлевыхъ чепчиковъ; спереди, поперегъ, гирлянда изъ розъ.

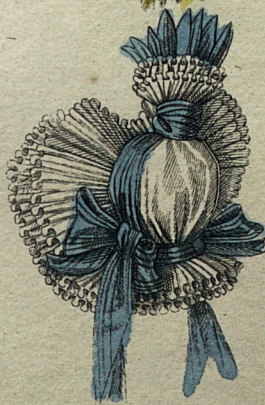
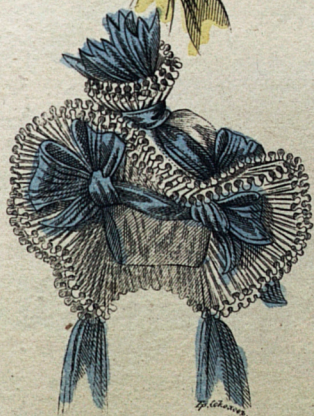
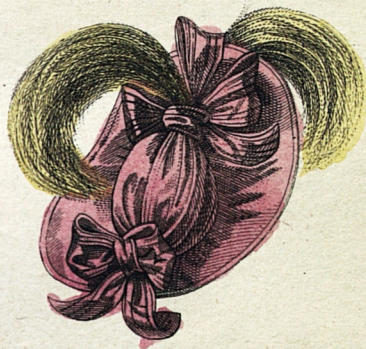
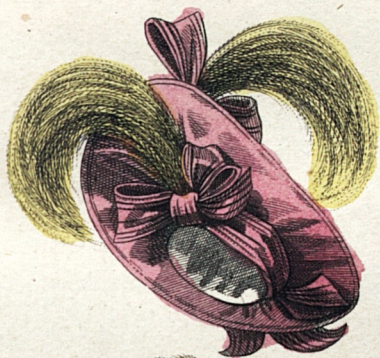
Бархатъ въ большомъ употребленіи для полунарядныхъ шляпокъ. Шляпки дѣлають съ короткими полями, а тулья спереди выше, нежели сзади. Мы уже говорили объ этой формѣ; ихъ отдѣлываютъ лентами *en posuel de cravate*, иногда перехваченными длиною, золотою пряжкою. Также видны длинныя перья, о которыхъ мы также говорили, называемыя перья *frimatées*, другія также длинныя перья, у которыхъ волокны перегнуты и связаны; перья сіи, показавшіяся на этой недѣлѣ, называютъ завишныя перья (*plumes bouclées*.)

Кромѣ одноросныхъ сертуконъ съ карманами, разрѣзанными спереди вкось, носимыхъ въ Парижѣ всѣми оплочно-одевающимися мужчинами, дѣлають сертуконъ съ длинными жаками и широкими отворотами. Нѣкоторые носятъ также сертуконъ съ воротничками, сдѣланными шалью, обшлага и по краю обложены они мѣхомъ.

Прямые папшалонъ съ полосками на бокахъ изъ одинакой матеріи, все еще въ употребленіи; шляпы съ полями средней ширины и почти плоскими, высокими тульями немного пониже туля, что значить, на языкѣ шляпныхъ мастеровъ, немного оспрокопечной формы, одні только счищаются оплчными, и особенно употребляются въ нарядѣ.

Карп. No 3. 1) Креповый беретъ, украшенный двумя райскими пшичками; 2) Капоть à l'Anglaise, съ перомъ, коего концы окрашены; 3) Тюлевый чепецъ, сложенный лпубочками.

кб № 6^{му} Num. N^{ум}ов. кб P. U.

Въ Парижѣ, 19го Декабря, Н. С.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 7.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 36-ю картинками модъ, въ С. П. б. 30, съ до ставкою и пересылкою 35 рублей.

СУББОТА, Генваря 25 дня, 1852 года.

Собаки добрыя съ двора на дворъ не рыщутъ,
И оны добра, добра не ищутъ.

Хелмицеръ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ШИРОКО-ВѢЩАТЕЛЬНОЕ ИЗВѢСТІЕ

*о нѣкоемъ предпологаемомъ сочиненіи
Герентія Исаевича Кабанова.*

Я всегда былъ охотникъ до всего сладкаго; видно привычки дѣтскія трудно испребляюся, а признаюсь, меня безпрестанно дарили лакомствами, когда я былъ ребенкомъ. Привычка самая лучшая: ни къ чѣму не привыкать—это справедливо; но всего извинительнѣе привычка къ хорошему, сладкому куску пирога и сочному, спѣлому плоду.

Я выросъ—и прииспращился къ *сладостямъ міра сего*—и съ тѣмъ вмѣстѣ сдѣлался частымъ посетителемъ кондитерскихъ и лавокъ съ плодами; я не говорю уже о фруктовыхъ садахъ, парникахъ и оранжереяхъ—это была всегда любимая практическая часть Естественной исторіи, кою я учился за дынями, арбузами, вишнями и яблоками. Познанія мои въ конфеткахъ, плодахъ, пирогахъ, пирожкахъ и пирожныхъ, смѣло скажу, сдѣлались нынѣ изумительными, и я намѣренъ показать міру мою обширную ученость и наблюденія, обещаюсь написать (въ слѣдствіе потребности вѣка): Историческое, Философическое, Юморическое, Нравственно-Полиптическое, Геологическое;

Географическое и Топографическое изслѣдованіе о *вещественно-сладкомъ въ Россіи*. Съ тѣхъ поръ, когда дикій Руссъ положилъ палецъ въ сокъ, испочаемый нѣкопорыми деревьями весною, и коснувшись языкомъ сего вещества, рекъ: «что сіе естъ?.. добро и красно-ми на языкѣ моемъ!..»—до тѣхъ поръ, когда обшатель Москвы и Калуги позналъ всю сладость бытія, всю прелесть меда и сопа; но вкусъ сей *прешелъ и формы разрушились*. На развалинахъ спѣхъ сластей образовалось поспешенно *сахаро-яденіе*; и тутъ врываюся привычки и обычаи: Турецкія, Персидскія, Ганзейскія, Свейскія, Польскія, Нѣмецкія, Французскія и Англійскія; ничего не можетъ быть, говоря словами журналиста Николая *Полеваго*, *диче* сего смѣшенія сладкихъ яствъ: рахадъ лукумъ и аршадъ, баклава и яблочный пловъ, хайва и сыропы, кекъ-мекъ, шлавъ и сушенья, наконецъ конфетны всѣхъ родовъ и видовъ: полченые, печеные, вареные, жареные, сушеные, вяленые и смѣшанные.

Описавъ пылливый умъ мой поведеть васъ, будущіе мои читатели, по сладостной дорогѣ жизни. Разрѣшивъ такимъ образомъ неразрѣшимую проблему, занимавшую человечество среднихъ вѣковъ—я брошу высшій взглядъ на Европейскую гаспрономию; мало того: я расскажу вамъ, чѣмъ кормили погда

лошадей въ Англии, коровъ — въ Голландіи и ословъ и лошаковъ — въ Испаніи; я представляю вамъ факты, какъ было, а не какъ могло только бытъ, и тогда-то вы увидите всю ничтожность, все невѣжество, и даже скажу, глупость писателей, созерцавшихъ прежде меня сіи великіе предметы естество-знанія, безъ всякаго критическаго изслѣдованія, безъ философскихъ высшихъ взглядовъ.

Кофе, бавароазъ, сабаіонъ, ликеры, шоколадъ, шербетъ, услащенный пуншъ, конфеты Вульфа, Амбіеля, Клозе, Лареды и Беранже будутъ представителями послѣднихъ временъ *сладко-яденія*, а удобность кондитерскихъ освѣщеніе, убранство и просвѣщеніе, по естѣ большее или меньшее количество журналовъ покажутъ вамъ успѣхи и пожество ума во всѣхъ разнообразныхъ его проявленіяхъ.

Тогда-то газетно-экономическіе профаны узнаютъ, что спаканъ пуншу естѣ индивидуальный міръ, не исчезающій, но перерождающійся въ человѣкѣ.

Вижу радостныя ваши улыбки, недовѣрчивыя чипапели, вы ждете, вы ачете прочесть сіе великое пвореніе — но не хочу, не смѣю обманывать васъ: я имѣю миліоны невещественнаго капитала и ни копѣйки вещественнаго. Я лакомился — слѣдовательно жилъ, а жилъ — слѣдовательно проживалъ. Одно изученіе кондитерскихъ и фруктовыхъ лавокъ сполно мнѣ большей части моего имѣнія; выписка книгъ, журналовъ, эспамповъ, наемъ квартирна на Невскомъ прѣспектѣ, наконецъ, зубная боль, слѣдствіе прилѣжнаго моего изученія, и жестокіе Дантисисы, которые даже уничтожатъ зубовъ не хотѣтъ даромъ — все это унесло и послѣднюю часть моего имуществва; и такъ, изо-всего, что нѣкогда имѣлъ я, осталось: кочерга, поношенная параверхняго плащя, двѣ пары козловыхъ сапогъ, сонникъ, второй томъ Исторіи Русскаго Народа, карпина — мышши копа погребаютъ, да пустая коробка для Вяземскихъ пряниковъ.

Почтенныя чипапели! если вы не дорожите славою современнаго вѣка, то изъ любви къ грядущему поколѣнію вы должны подписаться на мое сочиненіе, или — я сожгу его!.. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! восклицаете вы; такъ за чѣмъ

же дѣло спало. Я открою подшску — не назначая цѣны моему сочиненію, оно будетъ, оно должно бытъ *безцѣнно!* Впрочемъ, для большаго ясности въ счѣтахъ, можете внести за оное по 45 руб. ассигнаціями.

ОСМѢЯННЫЙ МѢНЯЛО.

Толстобрюхій Москвичъ, тунелдець-богачъ, котораго всѣ занятія соспоили въ томъ, чтобы выдумать легчайшее средство убивать время, зараженъ былъ спраспью бродить по аукціонамъ и мѣилынымъ лавкамъ; онъ старался всегда заранѣе доставать себѣ реэспръ продающимся вещамъ, дабы сообщить его своимъ пріятелямъ, т. е. всему свѣту. Къ чести его надобно сказать, что онъ не рѣдко въ одинъ день домѣнивался до того, что въ рукахъ купца оставались его золотыя часы, а у него мѣдная монета временъ Цесаря, или разбитая Эпзурская ваза съ завода Пскочина, что подъ Пепербургомъ; или купидонъ съ отбитымъ носомъ. Однажды, не заспавъ одного своего пріятеля, онъ оставилъ у него на сполъ реэспръ и на другой день зашелъ къ нему оплать, въ полной увѣренности, что нужныя опмѣлки сдѣланы. Прибывъ на аукціонъ, онъ вынимаеъ съ важнымъ видомъ еще сложенный реэспръ, и замѣтивъ, что двѣ дамы любопытствуютъ заглянуть въ него, подаетъ имъ съ услужливостію бумагу, гдѣ онъ вопъ что нашли:

Продаются вещи: 4 древнія вазы съ изображеніемъ разныхъ лицъ, гравированныхъ оспою и разныхъ политическихъ видовъ, очищенныхъ въ винномъ спиртѣ.

3 Нѣмецкихъ словаря съ риторическими фигурами во весь ростъ.

2 грашпныхъ пузыря для обучающихся плаванію.

1 ключъ, просасывающій смоляную пробку.

1 Золота арфа, въ видѣ ширмъ, играющая разные пѣсни съ аккомпаниментомъ на концертъ-басѣ.

1 простъ съ набалдашикомъ, могущая служить чубукомъ для куренія сигаръ и зубочисткою.

6 узоровъ для шпиль по канвѣ шпиковальной иглою.

Новый курсъ практической Хирургіи, со- держащій въ себѣ разные способы перелома костей. 8 часпей, соч. Доктора Ф...

Курсъ Акушерки, или способъ проводить шумъ съ улицы въ самыя отдаленные комна- ты дома. 4 тома, въ переплетъ, изданный глухо-пѣлымиъ.

Новый домашній лечебникъ для сельскихъ жшпелей, съ присовокупленіемъ росписи еже- дневнымъ кушаньямъ, которыя могутъ слу- жить вмѣсто слабительнаго. 2 часпи въ 8 долю листа, въ переплетъ, соч. Доктора Ф...

1 чугунная прозрачная картина съ ба- рельефомъ, представляющимъ цупь послѣдней кометы.

Новое открытіе по частпи Метампсихоза, сирѣчь переселенія душъ, основанное на при- мѣрахъ разныхъ говорящихъ живописныхъ. XVIII томовъ въ большой листъ.

1 бронзовая ванна, могущая служить ку- шепкою.

1 набитые соломою часы съ курантами, написанными масляными красками.

1 карманная дорожная коляска и таковая же охотничья собака.

Особенный способъ содержать помы въ комнапахъ въ такой грязи и сырости, что- бы круглой годъ на нихъ произрастали крестъ- салапъ и цикорей. I томъ, съ картинами на оберпочной бумагѣ, работы живописца М...

1 дорожная Голландская печка, могущая служить парасолемъ, а въ случаѣ нужды и вѣромъ.

1 спѣнные часы съ судорожнымъ ходомъ и чулочными спрѣлками.

Все это хорошо перемято, перебито и весьма мало поношено. Охотники, вѣрояпно, не пожалѣютъ денегъ на приобрѣтеніе столь рѣдкихъ и драгоценныхъ вещей. Вдова В... полагаепъ всю свою надежду на удачную про- дажу ихъ, дабы съ честью похоронить свое- го супруга.

По прочпеніи реэспра, одна изъ дамъ, ко- торая была уже пожилая, счшпая, что ее дурачатъ, изъявила негодованіе. Это еще бо- лѣе привело въ замѣшательство пучнаго мѣ- нялу, который не въ силахъ былъ извинить- ся, а еще менѣе опгадапъ, кто подшучилъ надъ нимъ. На другой день уже онъ узналъ,

что жена его пріятеля сыграла надъ нимъ эпу шупку, надѣясь пѣмъ опучить мужа своего опъ напрасныхъ расходовъ. Опъ неѣ- по сообщенъ намъ съ того реэспра списокъ, копорый мы передаемъ читателямъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ИНВАЛИДЪ НА ОСТРОВѢ СВ. ЕЛЕНЫ.

Къ острову св. Елены пріспалъ одинъ Бриггъ, чпобъ записать свѣжею водою, и плыть далѣе. Изъ пѣсной каюпы вышелъ спарикъ, и опираясь на посохъ, пошелъ къ Наполеонову домишку, въ надеждѣ увидѣть бывшую грозу вселенной, которая совершивъ свое печеніе, наконецъ дремала между дикихъ скалъ пѣснаго острова. Спарикъ былъ увле- ченъ не однимъ любопытствомъ; другое, не менѣе сильное, чувство волновало его, когда онъ шелъ на свиданіе съ развѣчаннымъ ге- росемъ. Нѣкогда, п. е. въ старые и счастли- вые годы, Наполеонъ былъ его Начальникомъ, и израненный Инвалидъ, идучи по скаламъ пюръмы неукротимаго человека, припоминалъ попъ поржеспвенный день, когда молодой Генераль, озаренный лучами первой славы, споялъ среди своихъ сподвижниковъ, у по- дошвы пѣхъ краснорѣчивыхъ пирамидъ, съ вершины копорыхъ сорокъ вѣковъ любовались Геніемъ Франціи. Чѣмъ долѣе изувѣченный Инвалидъ углублялся въ минувшее, пѣмъ не- замѣпно какъ бы молодѣлъ, молодѣлъ, удвоивая шаги и приподнимая выше и выше свою сѣдую голову; наконецъ, съ гордою выпупкою, и подпершись, какъ юноша, избалованный пер- выми успѣхами, спарикъ осипшимъ голосомъ заплъ куплетъ изъ пѣсни Беранжера:

Ты помнишь ли, когда въ борьбѣ кровавой

Мужали мы у древнихъ пирамидъ,

И подвигъ свой, увѣчанные славой,

Мы врѣзали въ ихъ вѣковой гранитъ?

Не знаю, былъ ли по случай, или услышавъ знакомую пѣсню, кто-то вышелъ изъ разсѣ- лины прибрежныхъ скалъ, и подошелъ къ спа- рику. На незнакомцѣ былъ серпукъ темно- коричневаго цвѣта, довольно поношенный; шля- па надвинута на брови; онъ догналъ спарика,

положилъ руку на его плечо, и съ привѣтливою улыбкою сказалъ ему: куда и зачѣмъ?— Инвалидъ обернулся, приспально посмопрълъ на незнакомца, какъ бы что-то припоминая, и опивѣшилъ: нду взглянуть на спараго знакомца, Генерала Бонапарна.

Незнакомецъ.

Что вздумалось тебѣ посѣпить его?—ужь онъ шеперь ншмало намъ не любопытенъ.

Инвалидъ.

Такой человекъ, какъ Наполеонъ, всегда будетъ достоинъ вниманія. Но я, старый служивый, желаю бы на него взглянуть, какъ на спараго друга, опца и благодѣтеля.

Незнакомецъ.

Чѣмъ же Наполеонъ тебя облагодѣтельствовалъ?

Инвалидъ.

Почти ничѣмъ. По его милости у меня опорвана правая нога и проспрълена рука; но я считалъ и буду считанъ его моимъ опцомъ, другомъ, благодѣтелемъ, впорымъ Богомъ! Съ однимъ именемъ Генерала Бонапарнѣ чернѣюпъ мои сѣдины и возвращается моя молодость! Вотъ былъ человекъ! непостижимый человекъ!.. Говорю не съ шѣмъ, чтообъ похваспаться, но клянусь вамъ, что я постигалъ его орлиный взглядъ и громовыя рчи!.. Бывало онъ рукой махнеть, и я готовъ въ воду, въ огонь!—Даже и шеперь, когда мы оба спали инвалидами, иногда онъ являлся мнѣ въ мечпахъ: по на раскаленной землѣ Египта, по на ледяной Сѣвера. Всѣ говоряпъ, что онъ былъ счастливъ, а я скажу: онъ былъ достоинъ счастья. Тысячу разъ я жертвовалъ ему всѣмъ, что имѣлъ... и шеперь, на семидесятипомъ году, рѣшился еще одинъ разъ пожертвованъ ему жизнию, и вотъ перецѣлъ бездны Океана, для того, чтообъ взглянуть на него, если Богъ допуститъ—поцѣлованъ его руку, и окрошитъ ее слезами моей преданности! Мнѣ кажется, что я—какъ старый песь Одиссея, умру, взглянувъ на моего бывшего Начальника!—

Быспро посмопрълъ незнакомецъ на сѣдаго Инвалида, схватилъ его дряхлую руку, крѣпко сжалъ ее, и въ угрюмыхъ черпахъ

опразилось умшленіе; изъ очей какъ будто выступали слезы.... Но скоро онъ принялъ свой суровый видъ, и спросилъ равнодушно: узналъ ли бы ты Наполеона?

Инвалидъ.

Какъ не узнать! это человекъ желѣзный; несчастіе его не переменить. Онъ выше людей и судьбы. Я увѣренъ, что онъ какъ левъ, сидя въ своей кѣпкѣ и мечпая о новыхъ побѣдахъ, снова водитъ Французовъ по пуда, по сюда, пророча имъ славу.

Незнакомецъ.

Едва ли. Какъ говоряпъ, Наполеонъ возненавидѣлъ Францію.

Инвалидъ.

Каковы Англичане?.. Вотъ наглая клевета! Эти морскіе разбойники до сей поры еще не насыпили своей низкой злобы, и распускаютъ желѣзные слухи, чтообъ исказитъ характеръ великаго человека!

Незнакомецъ.

Но....

Инвалидъ.

Не прапьте напрасно словъ. Кажется я знаю Наполеона лучше, нежели вы! я съ нимъ прослужилъ двадцать лѣтъ, и часто ѣдалъ супъ изъ одного копла. Ради Бога, не вѣрьте Англичанамъ. Наполеонъ любитъ Францію, и будетъ любить ее до гроба; въ этомъ поручусь вамъ головою, а если мало, то вотъ и этой медалью, которая мнѣ дороже моей сѣдой головы!—

Незнакомецъ.

Но для чего же Франція не любитъ Наполеона?

Инвалидъ.

Опять плушты Англичане!... Бьюсь объ закладъ, что они! Последнюю руку опдамъ на опсѣченіе!.. Боже мой! доживу ли я до того дня, когда Океанъ запопитъ это разбойничье гнѣздо? Не даромъ нашъ державный орель распускалъ на нихъ свои желѣзные когти!—Еще впорю, я знаю Наполеоновъ характеръ какъ дважды два чепыре; я зналъ даже и то, чего желалось ему на самой вершинѣ его славы.

Незнакомецъ.

Чего же?

Инвалидъ.

Изобрѣсти такіе сапоги, въ копорыхъ могъ бы онъ гулять по морю. Въ одинъ день... чпо я говорю! — Въ одинъ часъ, въ одинъ мигъ онъ обулъ бы всю свою гвардію, и мы сполкнули бы въ море ихъ болпливый Парламентъ.. къ чорту! —

Незнакомецъ.

Не спорю; можетъ быть ты и опгадалъ желаніе Наполеона. Но Англичане не клеветушъ, утверждая, чпо Франція непостоянна; она разлюбила Наполеона, и я увѣренъ въ томъ, какъ дважды два чепыре.

Инвалидъ.

Какой вздоръ! наглая, обидная клевета!

Незнакомецъ.

Журналы опголосокъ общеспвеннаго мнѣнія. Зачѣмъ дозволено имъ позорить память... Наполеона? О мерпвыхъ молчи, или добро реки. А Наполеона можно почестъ мерпвымъ... Его гробъ—эпи скалы, а панихида по немъ—волны Океана.

Инвалидъ.

Кто же изъ Французовъ согласенъ съ подлцами журналистами? Я первый готовъ имъ плюнуть прямо въ безстыжіе глаза!

Незнакомецъ.

А кто разбилъ его шапку? Кто сорвалъ его орла въ театрѣ?

Инвалидъ.

Пьяная и подкушенная толпа.

Незнакомецъ.

Зачѣмъ же Франція любовалась этою пьяной толпою? Шапка Наполеона принадлежитъ къ народнымъ памяникамъ. Франція должна была пощадить ее—изъ уваженія къ самой себѣ. Гдѣ народная гордость? Гдѣ единоклюше?.. Такъ ли поступали Русскіе, когда съ примѣрнымъ самоотверженіемъ они сожгли свою Москву, для того, чпобъ насъ заморозить?

Инвалидъ.

Народная война вездѣ одинакова. Испанія...

Незнакомецъ.

Не вспоминай мнѣ объ Испаніи!... Народная война доказываетъ могущество народа. Франція неспособна къ пакой войнѣ.

Инвалидъ.

Мы не имѣли случая..

Незнакомецъ.

Какъ не имѣли? ... а когда Русскіе были у стѣнъ Парижа?

Инвалидъ.

Русскіе враждовали не съ Парижемъ.

Незнакомецъ.

Такъ съ кѣмъ же? ... Прощай.

Незнакомецъ скрылся за скалами, повторя: «Русскіе враждовали не съ Парижемъ!.. Такъ я былъ опдѣленъ опъ Франціи, и выданъ, какъ беззащитная жертва примиренія?..»

Старый Инвалидъ долго бродилъ у полуразвалившася дома, но не видалъ Наполеона.

Трилуний.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПРИЗРАКИ.

(Изъ Виктора Гюго.)

Luenga es su noche, y cerrados.

Estan sus ojos pesados :

«Idos, idos en paz, vientos ahidos!»

Долга ся ночь, и закрыты ея опжелевшія очи.
Грядите въ мирѣ, крылатые вѣтры!

I.

Ахъ! сколько вянеть дѣвъ средъ молодости первой!

Какъ хищникъ, смерть спѣшитъ украдкою за жертвой.

Не падаетъ ли злакъ, подкошенный въ лугахъ?
И, въ лонѣ радости, на блестящихъ балахъ,
Не топчетъ ли цвѣтвъ нога мазурки рѣзвой?

Не засыхаютъ ли въ горахъ спрун попока?
На долго-ль розами горятъ края востока?

Гордишься яблоны, прельщаетъ взоры всѣхъ;
Но пышный цвѣтъ ея, весны душистой снѣгъ,
Не гибнетъ ли опъ спужъ Апрельскихъ прежде срока?

Не по ли жизнь? — За днѣмъ глубокое зап-
мѣнье;

Помощь на небесахъ иль въ адѣ пробужденье.
Сбирается толпа на пиршествѣ большомъ;
Но пирь не кончился, а ужъ рѣдѣеть сонмъ,
И въ залѣ сдѣлалось примѣтно запусѣнье.

II.

И гдѣ вы, милыя? — Одна какъ цвѣтъ, алѣла;
Та, будто слушающая мелодью рая, мѣла;
Другая на руку склонилась головой.
Какъ липица вѣтвь нагнѣтъ, вспорхнувъ; такъ и
младой

Красавицы душа распоргла усы шѣла.

Одна, въ опчаяннѣ, рвалась, изнемогала
И спрашнымъ шопотомъ кого-то называла;
Другая радостно оставила нашъ край,
Съ улыбкой Ангела, опозваннаго въ рай;
Лицо, какъ сладкаго акорда, вдругъ не спало.

Цвѣтны, умершіе съ рожденьемъ! Альціоны,
Съ своими гнѣздами сокрывшіяся въ волны!
Голубки юныя, посланницы небесъ!
Съ единою весной вашъ крапчикъ вѣкъ исчезъ,
Плѣнительныхъ красокъ, любви и дѣтства
полный.

Какъ, уже мерзвы споль прелестныя созданья!
Лежатъ въ сырой землѣ безъ взора, безъ дыхастья!
И сполько сорвано цвѣткѣвъ, погасло звѣздъ!.....
Пусышше-жъ въ лѣсъ меня, въ пусышше дикихъ
мѣстѣвъ,
Топтавъ засохшій листъ, сзываю шуда меч-
танья!

Туда, подѣ шѣвъ, ко мнѣ воздушною пропою
Прелестныя одна слѣпаютъ за другою,
И упоаемъ мы средѣ неземныхъ бесѣдъ,
И зримо дѣвъ число средѣ сумрака и гнѣтъ;
Сквозь вѣтви очи ихъ сверкаютъ предо мною.

Душа моя сестра полѣтъ сей легкокрылой,
И мы не связаны ни жизнью, ни могилой.
То я имѣю вождѣ, по самъ на крыльяхъ ихъ
злапыхъ....
Онѣ вновь ожили; а я, живой, межъ нихъ,
Я обмеръ, чувствѣвъ лишенъ непостижимой си-
лой.

Всѣ помыслы мои ихъ образъ припимаютъ.
Я вижу ихъ! Меня видѣнья призываютъ;
И вѣтвѣя вкругъ гробѣвъ рои призраковъ кру-
гомъ,
И, какъ зѣврыи дымъ, разноситъя попомъ;
Тогда былые дни мгновенно воскресаютъ.....

III.

И вспоминаю я: — красу-Испанку. Гдѣ вы,
Успа, чья рѣчь была какъ сладкіе напитки,
Сверкавшій взглядами Креола черныи глазъ
И свѣтлыи погъ вѣнецъ, который, какъ алмазъ,
Горитъ вокругъ чела едва разцвѣтшей дѣвы?

Всѣ въ гробѣ. Чпо-жъ свело ее во мракъ мо-
гилы?.....
Любовь? — Ахъ! нѣтъ, она, какъ гений легкокрылыи,
Съ младенческой душой, порхала по цвѣтамъ;
Всѣ удивлялись вслухъ Испанки красотамъ;
Но шопотомъ шикло не молвилъ ей: вы милы!

Балы, одни балы пресѣкли жизнь прекрасной.
О, какъ любила ихъ она! И прахъ несчастной,
Такъ, самый прахъ ея еще вздрогнетъ легко,
Когда, въ часъ полночи, младое облачко
Запрыгаетъ вокругъ луны серпообразной.

Балы ей были рай. — Предѣ насупленьемъ бала,
Три ночи и при днѣ о немъ она мечтала.
Бывало, лишь заснѣтъ, и падѣ ея главою
Слепаются мечны смущаю ея покой;
Ей шадцы видѣлся, огни, съ госпями зала.

А шамъ готовила Испанка для веселья
Алмазы, поясы, златныя ожерелья,
И шкани, легче крыль пчелы и вѣперковъ,
И сполько кружевъ, лѣтъ, чпо въ десять коробѣвъ
Съ шрудомъ вошли-бъ сѣи роскошныи издѣлья.

Но праздникъ насупалъ. Она, какъ Ангель
свѣта,
Махая вѣромъ, вбѣгала легче вѣтра;
Помощь садилася межъ шарѣвъ и браслетъ,
И сердце билось въ ней сильнѣй, какъ бы въ оп-
вѣтъ
На радостныи призывъ споуспаго оркестра.

Порхала красота, и сердце упѣшалось!
Опѣ плашья съ блѣспками сѣянье опраждалось;
Подѣ черною шапой свѣщилися во мглѣ
Два глаза черныя; у ночи на челѣ
Двѣ искрѣлись звѣзды подѣ облакомъ, каза-
лось.

Всѣ было въ ней игра и вѣпреная радость.
Дипля! — Дивяся ей, мы чувствивовали жалость,
Чпо гило нѣжное созданье на балахъ,
Гдѣ около одеждѣ пурпурныхъ вѣтвѣя прахъ,
И смерни страшныи серпъ незримо коситъ
младость.

Она-жь кружилася и, вѣя опахаломъ,
Скрывала личико подъ нимъ, какъ подъ забраломъ,
И, возвращаясь, чужь духъ перевеспи могла,
И флейты сладкую мелодію пила,
И восхищалася цвѣтами, люспрой, баломъ.

Не счастье ли порхашь въ толгѣ разнообразной,
И слушаешь попопъ ногъ и ронопъ разногласной,
Не вѣдашь, на землѣ-ль еще нога твоя,
Парисъ ли въ облакахъ, или подъ тобой спруя
Игривая скользишь поверхностью апласной!

На долго-ль сей воспоргъ? — Съ зарёю, хопъ
не рада:
Красавица, домой ей отпрапляться нады,
И, вышедъ, ожидашь салопа. Здѣсь-то ей
На плеча вѣшеръ дуль, и, споя у дверей,
Дрожала бѣдная опъ упреняго хлада.

Но, послѣ бала, день встрѣчашь всего тяжель!
Спихаешь музыка, скрывается веселье,
И кашля сильный звукъ смѣняешь пѣсней-гласъ,
И блѣдность на лицѣ, и свѣпльй взоръ погасъ,
И внушрѣнность горипъ въ объяномъ мразомъ
шѣль.

IV.

Она въ пашнадцатъ лѣтъ скончалася. Прямо
съ бала
Младую дѣву смерть въ объянія пріяла
И положила въ гробъ въ нарядахъ пышныхъ
шѣхъ,

Въ которые она одѣласъ для упѣхъ:
И прелеснь юности добычей шлѣнья спала.

Сбираласъ бѣдная на вечера другіе; —
Такъ поспѣшила смѣрпъ въ объянья роковыя
Похитишь существо споль милое съ земли!
И розы, кои лишь за сукки разцвѣли
Въ кудряхъ красавицы, ужъ госпи гробовые.

V.

А мать ея! — Увы! не зная рока злаго,
Заботливо сего распѣня молодого
Младенческіе дни спрадалица блюла,
И почи долгія въ помлени провела,
Склоняся на колыбель дыпящи дорогаго.

Что пользы въ-помъ? — Теперь покойница мла-
дая:
Въ могильномъ лоцѣ спшпъ, къ призывамъ всѣмъ
глухая;

А если, при лунѣ, средь полночи, зимой,
Нарушитъ сонъ ея усонихъ шумный рой,
На празднество ее изъ гроба вызывая: —

Не мать прелеспную спарядишь; нѣтъ, предъ
него
Появился осповъ, и прогрѣишь: скорѣе!
Лобзашемъ мерпнвейнымъ коснешся успъ красы,
И длинныя ея волнистыя власы
Расправишь дланію коспявого своего.

Попомъ на спрашнй шпръ уводишь опъ дѣ-
вицу,
Въ эфирную, въ пѣни, парящую спаницу;
Межь пѣмъ въ сребриспой мглѣ, среди небес-
ныхъ горъ,
Блуждаютъ облака, и ихъ прозрачный флоръ
Объемлешь спушницу мечпы, почей царицу.

VI.

О вы, готовыя носишь на паркетѣ!
Испанку вспомнише, увлкнушую въ цвѣтъ,
Красавицы! ея воспоргомъ биласъ грудь;
Для ней безъ шернй былъ прекрасный жизни пупъ,
И балъ похитилъ всё! И дѣвы нѣтъ на свѣтъ!

Бѣдняжка съ празднества на празднество пор-
хала
И розы въ нѣжную гирланду собирала;
Но лишь мгновеньемъ былъ Испанки вѣкъ зе-
мной!

Какъ увлеченная Офелія волной,
Она вкусила смерть, когда цвѣты срывала.

И. Покровский.

О М О Н И М Ъ.

Когда-то я былъ въ модѣ:
И барышъ одѣвалъ,
И спѣны наряжалъ;
Теперь верчусь въ простомъ цародѣ.
Хопъ я не кошелѣкъ
И не мѣшокъ,

А учасъ ихъ я раздѣляю:
Когда я пуспъ — подъ лавкою бываю,
Когда же пологъ: то я на споль спою,
Носъ — запахомъ къ себѣ невольню привлекаю,
Взоръ — искрамъ кипящимъ маню.
Зовущъ меня на именины,
На погребенье и креспины.

N. N.

Въ № 6, помѣщенная шарада значить: *Troupeau.*

M O D E - S.

Ameublement. — Les meubles en marqueterie, de toute espèce de bois, sont les modernes.

Les tables de milieu, pour salon, ont des marbres blancs, bleus ou jaunes sur lesquels sont posés (sans plateaux dessous) des déjeuners en porcelaine de formes et en relief.

Un autre genre de tables de salon, mais destinées au travail, est en bois de frêne ou ébène; sur lesquelles, au lieu de marbre, sont des rosaces immenses en marqueterie.

Il y a des tables dont le dessus est une magnifique peinture sur marbre ou mosaïque; le pied massif en or supporté par des griffes.

Mais rien ne saurait égaler la variété des petites tables de boudoir ou de travail. C'est une grande mode que ces petites tables de fantaisie, pas plus grandes qu'une assiette, supportées sur un seul pied très mince que l'on place dans tous les coins des salons et des chambres à coucher.

La quantité des fauteuils-dormeuses atteste leur mode aujourd'hui. On en voit en perses ou en maroquins de toutes nuances, pour s'assortir aux meubles des chambres auxquelles on les destine.

Le bois de *palissandre*, qui est odoriférant, est très en vogue et employé pour les écritaires, couteaux de livres, semainiers et tous les articles de fantaisie. Il est de couleur brune et d'un vernis charmant. On l'emploie beaucoup pour boîte à ouvrage, nécessaire, boîte à ceinture et écarté, etc.

Les toilettes sont très-grandes et contiennent une profusion de pots et vases en porcelaine de couleur. Les plus belles ont un robinet placé sous la glace du fond, qui fait tomber l'eau dans le bassin du milieu. Cette eau se trouve placée dans des réservoirs de plomb et se vide hors des bassins par le même procédé.

Les armoires à glace sont en frêne ou érable; le haut à double corniche et volute.

Les coins de meubles sont toujours arrondis, les bois de lits carrés et formant des dossiers renversés.

M O Д Ы.

Мебели. — Самые новѣйшія мебели, съ наклейкою изъ всякаго рода дерева.

Сполы, спаивающіеся въ срединѣ госпипныхъ, дѣлаютъ изъ мрамора бѣлаго, голубаго, или желтаго; на нихъ спаиваютъ (безъ поддошниковъ) фарфоровые приборы для завтрака, плоскіе и возвышенной формы.

Другой разборъ споловъ для госпипныхъ, для работы, дѣлаютъ изъ эбеноваго или чернаго дерева, на которыхъ сверху, вмѣсто мрамора, огромныя наклейныя розетки.

Есть еще сполы, у которыхъ доска великолѣпно росписана или мозаикъ; ножка полстая, золотая, поддерживаемая когтями.

Но ничто не можетъ сравниться съ разнообразіемъ маленькихъ споловковъ, для будуаровъ или работы. Сіи прихотливые сполки въ большомъ употребленіи; они не больше тарелки, на весьма тонкой ножкѣ; ихъ спаиваютъ во всехъ углахъ госпипныхъ и спаленъ.

Большое количество *креселъ-dormeuses* доказываетъ, что они въ модѣ. Ихъ дѣлаютъ ситцевые и сатъянные всякихъ цвѣтовъ, что можно было сообразоваться съ мебельми пойдъ комоды, куда ихъ спаиваютъ,

Дерево *palissandre*, благовонное, въ большомъ употребленіи для чернилщъ, ножей, для разрезыванія книгъ, недѣльныхъ пабличекъ и всехъ прихотливыхъ предметовъ. Оно темнаго цвѣта и чрезвычайно глянцеваго. Его употребляютъ также для рабочихъ и дорожныхъ ларчиковъ, коробочекъ для поясовъ, для экарте, и прочъ,

Туалеты чрезвычайно велики и заключаютъ въ себя множество горшечковъ и чашекъ, изъ цвѣтнаго фарфора. Самые лучшіе дѣлаются съ краномъ, приделаннымъ подъ заднее зеркало; вода льется въ средній пазъ. Вода сія хранится въ свинцовыхъ сосудахъ и очищается изъ пазовъ тѣмъ же способомъ.

Шкафы со стеклами дѣлаются изъ ясеневаго или кленоваго дерева; вверху двойной карнизъ и вышпockъ.

Углы у мебели всегда округляютъ; кровати съ углами, а спинки съ разваломъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 8.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 36-ю картинками модъ, въ С. П. б. 30, съ до-скавою и пересылкою 35 рублей.

СРЕДА, Генваря 27 дня, 1832 года.

Кто знаетъ и силёнъ,
Да не умёнъ,
Такъ худо, ежели и съ добрымъ сердцемъ онъ.

Крыловъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ЧТО ПОСѢШЬ: ТО И ПОЖНЕШЬ.

Спарушка-бабушка моя была женщина умная; по погодашнему въку, опмѣнно образованная, спрогой добродѣтели, набожная и, не смотря на то, веселонравная. — «Гдѣ же она образовалась?» — Въ школѣ опыта! Имѣя за собою 300 душъ въ Калужской губерніи, она могла бы жить въ довольствіи, если бы не дѣти. А ихъ у неѣ было девятеро: 5-ть сыновей и 4 дочери.

Овдовѣвъ послѣ дѣдушки моего, въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ скончавшагося, бабушка смѣкнула, что послѣ неѣ, за выдѣломъ чепыремъ сестрамъ 60-ти душъ на 14-ю часть, останется каждому брату по 47-ми душъ ревизскихъ (въ томъ числѣ умершіе, рекрупы, бѣжавшіе, спарики и малолѣтки), и что слѣдственно, дѣтямъ ея трудно будетъ въ службѣ содержать себя. Боясь пуститься въ опкупу, не имѣя понятія о мануфактурахъ, она мудро придумала вознаградишь недоспапокъ богатства у дѣтей своихъ хорошишь воспитаніемъ, о которомъ судила гораздо здравѣе многихъ погодашнихъ Шпапсъ-Дамъ.

Она переселилась въ губернской городъ, наняла учителя Семинаріи давать дѣтямъ ея

уроки чиcпописанія, Лапшинскаго языка, Россійской грамматики, логики и нравственнѣй философіи. Соборный Протоіерей обучалъ ихъ краткому кашпхизису, опспавной Архидеріейскій Шпыкъ-Юнкеръ математики, а спаричокъ-Французъ по Французски. Она сама, не будучи ни чему обучена, кромѣ, какъ по Россійски читать и писать, исправляла должность Инспектора классовъ и, наградами и наказаніями, произвела въ дѣтяхъ соревнованіе, а гдѣ есть благородное соревнованіе — тамъ и успѣхи.

У моей бабушки былъ богатый сосѣдь по деревнямъ, Наумъ Ивановичъ *Молчалинъ*. Онъ получилъ родительскихъ 3,000 душъ, да благопріобрѣлъ, ссужая мопшшекъ подъ залогъ недвижимаго имѣнія, 4,000 душъ. Сундуки его ломались подъ тяжестью мѣшковъ съ кресповиками. Онъ былъ человекъ ума пронырлваго, спѣсивъ, пщеславенъ, но весьма уважалъ мою бабушку и, чего онъ не дѣлалъ даже ни для Губернаторши, самъ всегда пріѣзжалъ поздравить еѣ съ Ангеломъ 26 Августа. У него было двое дѣтей: сынъ да дочь. Сынъ воспитывался въ Парижѣ и, по чудному спеченію обспоятельствъ, попался въ добрыя руки, а дочь жила при опцѣ, подъ надзоромъ семи иноспранокъ. Спарикъ избаловалъ еѣ до того, что

её гувернантка-Лифляндка, Миссъ-Англичанка, Мадамъ-Француженка и учитель музыки и танцовъ не смѣли молвить ей слова поперѣгъ, а всѣ плясали по ея дудкѣ. Въ 14 лѣтъ она не умѣла прочесть символа вѣры, уже безпрестанно занималась нарядами, выписывала шляпки изъ Петербурга, и запросто носила бриллианповыя свои вещи, которыя безпрестанно отдавала передѣлывать по новому фасону. Нужный родителю положилъ въ Англійскій банкъ на ея имя сто тысячъ рублей (по нынѣшнему курсу 375,000 рублей) и купилъ 1,000 душъ въ одной изъ плодороднѣйшихъ Русскихъ губерній.

Однажды, онъ имѣлъ съ моею бабушкою слѣдующій разговоръ:

Онъ. Не надивлюсь весѣлому своему характеру, мапушка Напалья Алексѣевна! Барыня-то ты умная, нечего пропшвъ эпаго сказать, такъ и бодрисься. Я бы, будучи на своемъ мѣстѣ, и имѣя такое маленькое состояніе и такую кучу дѣшей, онъ хандры съ ума спяшилъ. Чепыре дочери почпи невѣсты; каждая попребуеетъ приданого. Да и безъ того: по платьищу, такъ чепыре пары, по другому, анъ восемь. А сыновья-то молодцы какіе бравые: пора имъ лбы забришь: да вишь съ пуспыми-па руками и рекрупъ не принимають! Нашей бѣлья, акошпуй, дай мальчишку для прислуги, денегъ на дорогу! право, какъ ни разводи бобами, какъ ни думай съ подушкою, а жишьё-по тебѣ приходипъ горемычное.

Она. Вы всё, бапюшка Наумъ Ивановичъ, мыслепе по жипейскому, а я баба простая, если мнѣ подѣ часть и струснѣтся: то я пойду въ образную, спану на колѣни передъ Образомъ Спаса Нерукопвореннаго, и прочитаю псаломъ: *Къ тебѣ, Господи, воздвигохъ душу мою; Боже мой, на тя уповахъ, да не постыжуся во вѣкъ.* И на душѣ сдѣлается легче, и все пишъ да гладь, да Божья благодать.

Онъ. Оно такъ, мапушка Напалья Алексѣевна; однако же еспъ пословица: *на Бога уповай, а самъ не пलोшай.* Не я её выдумалъ, а наши прапрашурь.

Она. Я и не сижу руки сложа. Ребяпишекъ учу грамотъ, дочерей пишъ и кроипъ; внушаю имъ спрахъ Божій, почпеніе къ спаршимъ себя, привѣщливостъ со всѣми. У тебѣ

дѣшей полна изба, говорише вы мнѣ. Правда, да кудажь мнѣ ихъ дѣвать? вишь не за окошко же, какъ щепилъ, повыбросать! Богъ даль, Богъ ихъ и прокормипъ, и къ мѣспечку приспрошъ!

Онъ. Все такъ, да не мѣшало бы къ оставленному родителiami и сожипелемъ присовокупипъ малую-толку. Вы не прогнѣваепеся на меня, своего доброжелателя, за правду, вишь широко живѣпепе, не помнише пословицы: *по одежкѣ, протягивай ножку.*

Она. Наружностъ обманчива, Наумъ Ивановичъ! А чпо меня любипъ сосѣды и, по милости своей, жалуютъ ко мнѣ мою хлѣб-соль кушать, а въ нуждахъ прибѣгаютъ къ моей помощи: эшимъ я не тягочуся. Чѣмъ богата, тѣмъ и рада! Последнимъ грошемъ подѣлюся съ убогимъ. *Весь день милуетъ и взаимъ даётъ праведный, и сльмя его во благословеніе будетъ,* говоришь свяшпый пророкъ *Давидъ.*

Онъ. Упаси меня Боже, прунипъ надъ радушіемъ, съ какимъ вы дѣлптесь съ бѣднякомъ послѣднею краюшкою насущнаго хлѣба. Я и самъ въ Благовѣщеніе выпускаю на волю пшпчекъ, покупая ихъ у пшпцелововъ, каждый Свѣплый праздникъ посылаю въ пшоремный Оспрогъ по куличу да по пасхѣ, да по 500 красныхъ янцѣ. Я и самъ на свое пждивеніе выспрошъ каменную церковь у себя въ Возвиженскомъ; одинъ иконоспась спалъ въ 5-пъ тысячъ: писали въ Петербургъ Академикъ; серебряные позлащенные сосуды по заказу даны 1,000 рублей. Я и самъ содержу, вамъ извѣстно, бѣдную пѣпку съ семью сиропами, обуваю и одѣваю, и кормлю и оптапливаю. Въ домѣ-по мой же *Олика* съ *Василисою* прислуживаютъ. Такъ вопъ изволише видѣпъ, мапушка Напалья Алексѣевна, не о помъ рѣчь. Благоворипте, во имя Спасителя, явно, а еще больше тайно: *да не увѣсть шуйца, что творитъ десная;* однако же... чпобъ не сбылась съ нами поговорка: *чужую крышу кроеши, а своя каплетъ.* Объ эпомъ я уже намении полковалъ и съ своимъ попомъ приходскимъ.

Она. (Подойдя къ комоду и раскрывъ Евангеліе, читаетъ). Вѣрно онъ вамъ поже сказалъ, чпо написалъ св. евангелиспъ *Матей:*

«Воззрите на птицы небесныя, яко не стыжеть, ни жнутъ, ни собирають въ житницы, и Отець вашъ Небесный питаетъ ихъ: не вы ли паце лучши ихъ есть?»

Скряга-богачъ нахмурился; онъ хотѣлъ было возражать; но пріѣхали гости—и прервавшійся разговоръ никогда уже не возобновлялся.

Теперь взглянемъ на вліяніе, какое имѣлъ образъ мыслей родителѣй на участь дѣтей ихъ. Старшій сынъ моей бабушки, дядя мой, дослужился въ царствованіе Императрицы *Екатерины II* до Генераль-Поручичьяго чина: въ *Руляницовскую* Турецкую войну командовалъ *Кирасирскимъ* полкомъ—и отличился храбростію. Сошедъ съ военного поприща, онъ, довѣренностію Императрицы *Екатерины* Великой, сдѣланъ Губернаторомъ, а вскорѣ Генераль-Губернаторомъ. Другой замѣчательный *Суворовымъ* въ сраженіяхъ подъ *Рымникомъ*. Знаменитый Полководецъ исходатайствовалъ ему *Георгиевскій* крестъ въ петлицку; за *Измаильскій* штурмъ украшенъ онъ орденомъ св. *Владимира* 3 степени, а за *Мачинскую* побѣду получилъ чинъ Бригадира. Въ походѣ 1794 года, съ легкоконнымъ полкомъ своимъ, схватилъ штурмомъ 11 *Польскихъ* бапарей въ глазахъ *Рымникскаго* героя; подъ *Крупичами* распотпалъ двухтысячную колонну косонощевъ, а на *Пражскомъ* приступѣ безъ выстрѣла и фашинъ прыгнулъ въ ровъ, вскочилъ на валъ, очистишь съ охотниками дорогу идущей за нимъ колоннѣ и раненъ жестоко картечью въ обѣ щѣки на вылетъ, изъ *Польскаго* орудія, дѣйствовавшего вдоль по крѣпостному валу. Рана сія не обезобразила моего дядю, но двумя рубцами свидѣтельствовала о его опчаянной храбрости. Излечась, онъ посланъ былъ *Суворовымъ* къ Императрицѣ съ подробнымъ донесеніемъ о взятіи *Варшавы* и состояніи дѣлъ нашихъ. Великодушная *Екатерина* поцѣловала его въ правую щѣку, когда онъ подходилъ къ рукъ, *Е. В.* поздравила Генераль-Маіоромъ, надѣла на него *Владимірскую* ленту 2 степени, пожаловала ему на покупку лентъ (*) 1,000 душъ въ *Гродненской* губерніи; на бывшемъ при *Дворѣ* куртагѣ, Императрица рекомендовала молодого

(*) Подлинныя слова Императрицы *Екатерины II*, объ одномъ Адмиралѣ. — К.

героя *Авспрійскому* и *Англійскому* Посламъ, и указывая на щѣки моего дяди, сказала: «это картечь (*)! Будучи уволенъ въ оппускъ для поправленія своего здоровья и получа опъ Императрицы 70 т. рублей на заплапу долговъ, счастливый дядя мой поклялся умереть на полѣ брани, сражаясь за *Всемишпивѣйшую* свою *Монархиню*. Пріѣхавъ въ *Москву*, онъ влюбился въ *Настасью* *Михайловну* *Честину*, дѣвцу красоты очаровательной. Я зналъ её: она была столь прелестна, что я не иначе представлялъ себѣ *Елену*, супругу *Менелая*, какъ въ ея образѣ. Ея высокій ростъ, стройный станъ, величавая походка, прекрасное лицо, длинныя до пятъ и кудрями выющіеся волосы вдыхали къ ней невольное благоговѣніе. Дядя мой имѣлъ опъ неѣ чепырехъ сыновей, кои всѣ съ честью служили.

Третій сынъ моей бабушки, съ дѣтства получилъ справъ къ *Архитектурѣ* и, служа въ *Юстицъ-Коллегіи*, скупалъ въ *Пестербургѣ* домъ, переспроивалъ ихъ, продавалъ—и нажилъ до 1,500 душъ. Единственный сынъ его, а мой двоюродный братъ, скончался въ *Полковничьемъ* чинѣ.

Четвертый женился на богатой *Княжнѣ*, взялъ опставку—и жилъ въ *Москвѣ* въ свое удовольствіе. Онъ неоднократно былъ избираемъ въ уѣздные, а наконецъ и въ *Губернскіе* *Предводители*.

Пятый шелъ по *Иностранной* *Коллегіи*, былъ Секретаремъ и Совѣтникомъ посольства, потомъ *Посланникомъ*.

Мать моя и при пѣпки выданы по склонности за хорошихъ людей, съ весьма хорошимъ состояніемъ и изъ хорошихъ дворянскихъ фамилій. Бабушка моя, доживъ до глубокой старости, видѣла всѣхъ девяперыхъ своихъ дѣтей въ счастіи, изобиліи, любимыхъ въ семействѣ, уваженныхъ въ обществѣ; считала 26 внучатъ и правнучатъ.

Богатый сосѣдъ мой переселился въ *Пестербургъ*.

Съ мѣшкомъ весь городъ спалъ знакомъ.

О всемъ и рдидъ онъ и судидъ.

А у людей, къ несчастію, шопъ порокъ,

(*) Подлинныя слова *Екатерины II*, о Генералѣ *Ю. И. П.* — К.

Что нѣтъ съ червонцами мѣшокъ,
Что ни скажи, всему дивиться станушъ.

И такъ, мудро ли, что спарикъ *Молламинъ* сдѣлалъ блестящую партію для вертопрашки-дочери? Онъ выдалъ её за Князя *Зубриловскаго*, имѣвшаго 50 лѣтъ опъ роду и 5,000,000 долга. Бракосочетаніемъ со дочерію *Наума Ивановича* онъ нѣсколько поправилъ распроенное свое сословіе.

Науму Ивановичу оспавалось ввспни въ свѣтъ и при себѣ опкрытъ блестящій карьеръ сыну. Онъ вызвалъ его изъ Парижа. На пути въ опечеспво, молодой *Молламинъ* заѣзжалъ, по волѣ опца, въ Фернейскій замокъ къ *Вольтеру* и въ Женеву къ *Ж. Ж. Руссо*. По прибытіи въ Россію, онъ принялъ былъ, мало сказавъ съ воспоргомъ, съ благоговѣніемъ—Пепербургскими щеголями. Всѣ обезьянски подражали ему въ одеждѣ, походкѣ, произношенію. Въ 1831 году нельзя себѣ представитъ, до какого сумасшествія доходила во впоной половинѣ XVIII столѣтія у Россіянъ спраспъ подражанія Французамъ.

Прошелъ пошъ въкъ, когда Французъ-власочеса-
шель,

Другъ дома, поваръ, воспитатель,
Россійскихъ Баръ кормилъ, училъ и наряжалъ,
И путешествіе въ Ферію на поклоненье,
Въ Версаль, въ Пале-Рояль, въ Парижскій модный
свѣтъ

Для юноши въ осьмнадцать лѣтъ
За высочайшее считалось посвященье.

Перемѣнила все послѣдняя война:

Другіе времена,
Другіе нравы!

Нашъ молодой соопечественникъ, какъ мы выше уже упомянули, по какому-то особенно-му чуду, можеть быть одинъ изъ десяти пы-сячъ молодыхъ людей, сохранилъ въ сполнѣ безвѣрія вѣру, въ содомъ разврата—цѣломуд-ріе и, вмѣсто того, чпобъ посѣщавъ пре-лестницъ, посѣщавъ профессорскія лекціи, вмѣсто пракпировъ кабинеты рѣдкостей, физическія и химическія; изъ императоровъ чаще другихъ посѣщавъ *Демилля* и *Томаса*. Наслушавшись непсповыхъ кощунспвъ *Воль-тера* и оболспнительныхъ небылицъ *Жанъ-Жака*, онъ очиспился опъ нихъ въ карантинъ

Галлера, Геллерта и *Боннета*. Съ его осно-вательными свѣдѣніями и знаніемъ прехъ упо-ребительнѣйшихъ въ Европѣ живыхъ язы-ковъ, ему и безъ пропекціи легко бы найпи себѣ хорошій пріемъ у вельможъ: онъ и на-шелъ его.

Между тѣмъ, сеспра его вела жизнь мопов-скую, развратную; еженедѣльно, если не еже-дневно, заводила и разрывала любовныя связи. Чеспные люди сожалѣли о ней, зная, что ея мужъ, наскучивъ ею, самъ спарался найпи ей занятіе, чпобъ имѣть больше досуга зани-маться спатуями, панцовщцами, карпшам-ми, акприсами.

Братъ ея нѣсколько разъ изъявлялъ ей свое негодование; но видя, что проказницѣ эпо не по сердцу, спавъ рѣже и рѣже посѣщавъ ее,—и кончилъ тѣмъ, что ѣздилъ къ ней только въ большіе праздники.

Такъ прошло два года: нашъ достойный молодой человекъ имѣлъ счастье быть допу-щенъ къ рукъ Ея Императорскаго Ве-лпчества, и другое—работавъ иногда въ ка-бинетѣ съ Министромъ.

Родспель его скончался съ радости, полу-ча извѣстіе, что сынъ Камергеромъ. Оплакавъ его кончину, онъ впустилъ во владѣніе бога-тымъ, прекрасно-успроеннымъ его имѣніемъ, и, чипапели моп ни мало не удивлпся, когда я объявлю имъ, что онъ влюбился спрасп-но: ибо эпо была первая его любовь!

Предметомъ, которій избрало чистое сера-це юноши для обожанія, была прспто-воспи-панная дочь его деревенскаго сосѣда, съ кото-рою онъ познакомился, живучи въ оппуску для принятія наслѣдства. Онъ возврапп-ся въ Пепербургъ обрученнымъ женихомъ, для пспрошенія благословенія высокаго своего Покровителя, котораго онъ почпшалъ впо-рымъ опцомъ, и для обзаведенія дома, прилич-наго женатому человеку. Свадьба была оп-срочена на годъ.

Нельзя себѣ представитъ бѣшенства раз-вратной сеспры его, когда братъ объявилъ ей сію неожиданную для неѣ новостъ. Она, въ опсупствіе брата, успѣла надѣлать еще нѣсколько милліоновъ долгу, въ надеждѣ, что братъ заплащитъ. Богъ вѣспъ почему, она

увѣрила себя, что онъ никогда не женился. Обрученіе его — было для неѣ громовымъ ударомъ. Оно разрушало всѣ ея планы, спавило границу и долгоперпѣнію кредиторовъ — и моповспву ея, и сумасбродспву.

Не имѣя въ душѣ никакой вѣры, а исполняя только наружные обряды Христіанской, Княгиня, будучи дѣвицею, боялась по крайней мѣрѣ, когпей сапаны и адскаго пламени. Вышедь, къ довершенію напаспей, за человекъ, который пщеславился вольнодумспвомъ и безвѣріемъ, и который считалъ первую свою обязанностію внушать молодой женѣ, сей колеблющейся при малѣйшемъ вѣспрѣ былинкѣ, модный капихизисъ Энциклопедисповъ (ученица была понятна, собспвенная напура ея была огненная, слѣдспвенно): она скоро затвердила, что бракъ есть пустой обрядъ, что одни глупцы исполняютъ законы, спѣсняющіе права человекъ, что надобно слушаться сердца! Она перестала вѣривъ въ бессмертіе души, въ Провидѣніе, въ добродѣтель, хотя боялась оставаться одна въ тѣмной комнатѣ, вѣрила гадальщицамъ на кофе и покупала приворотные корешки.

Отъ разврата до злодѣянія одинъ шагъ. Княгиня оправила своего брата; были подозрѣнія; Французъ-камердинеръ громко кричалъ, что онъ донесетъ Правительспву; но ему зажали ротъ золопомъ.

Не долго наслаждалась преспуница плодами братоубійства. Она смертельно влюбилась въ Бориса Никипича *Верстакова*, извѣспнаго сводемъ оспроуміемъ и ненасытною алчбою къ деньгамъ. Онъ обобралъ еѣ и, какъ больную-нищую, сослалъ въ дальнюю деревню, гдѣ получала она мѣсячины: по два чепверика ржаной муки, по десяти фунповъ говядины, по чепверику крупъ, да каждую претпъ года по двадцати рублей денегъ, и имѣла единспвенную прислугою — кривую креспьянскую дѣвку.

И *Верстаковъ* получилъ доспойное возмездіе: за непомѣрные проценты и разореніе нѣсколькихъ семейспвъ.

Что поспешь: то и пожнешь!

А. Кораблинскій.

СЛОВЕСНОСТЬ.

СОЛНЕЧНЫЙ ЗАКАТЪ НА МОНБЛАНЪ.

Mighty Mont-Blanc! thou 'werc to me
That minute with thy brow in heaven,
As rupe a sign of gare was given,
As e'er to mortal gare was given.

Moore.

Мы выѣхали упромъ изъ Женевы, копорую вскорѣ потеряли изъ глазъ. Мы вспушили въ одно изъ ущелій горъ, между коихъ Арва капипъ сребриспыя волны свои. Ничто не можетъ сравниться съ видомъ сверкающихъ зыбей ея среди мрачныхъ, величеспвенныхъ и одѣтыхъ скрывающеюся въ тѣни зеленью береговъ. Чѣмъ далѣе мы подавались впередъ, тѣмъ дичѣ спановилось мѣстоположеніе. Куда мы ни обращались, вездѣ колорипъ сей огромной карпины поражалъ взоры. Одно мимолепное облачко въ соспояніи развѣнчалъ цѣлую сопщю скалъ; подуепъ вѣперокъ, и верхи ихъ снова озарялся яркимъ блескомъ. Все здѣсь величеспвенно. Каждый предметъ изумляетъ и разипъ. Здѣсь вы видше обломки необозримой скалы, копорые кажутся развалшнами зѣмка, гдѣ нѣкогда раздавался прескъ копій и спукъ мечей, и гдѣ летали вѣнки на головы побѣдипелей. Тамъ предспавляется вамъ уединенный ушесъ, подобно грозному сыну земли, высланному ею для опраженія губипельныхъ лучей палящаго солнца. Еще далѣе, съ заоблачной вершины скалы ннзвергаепся тѣнсптый, звучный водопадъ, копорый по разсыпается безчисленными перлами, по превращается между разсѣлинами въ шуманную пканъ и вдругъ снова появляется въ видѣ кометы или влажной молніи, извивающейсѣ опъ одной вершины до другой, наконецъ ниспадаепъ на равнину благопворною росою, для оживленія опаленной зноемъ земли.

Переходя съ горы на гору, съ холма на холмъ, со скалы на скалу, мы dospшли наконецъ Саланша. Мы находились на одномъ изъ возвышеній сей прелеспной спраны, когда солнце бросало процальный лучъ на Монбланъ, подобно випязю, копорый пщепно спараясь побѣдипъ благороднаго своего соперника, приноситъ ему дань удивленія, гошовый оставипъ поле битвы.

Какъ прекрасенъ и величественъ могучій
выспелый Альповъ, выше всѣхъ ихъ возно-
сящій чело свое къ прону Создателя! Испол-
нискій спанъ его облеченъ уже завѣсою но-
чи, тогда какъ умирающее сіяніе небесъ оза-
ряетъ главу и рамена его; густыя тѣни ле-
жатъ у подошвы его, тогда какъ августѣй-
шее чело его неподвижно пріемлетъ дань бла-
гоговѣнія дневнаго свѣтила. Казалось, вся при-
рода преклоняла колѣна предъ собственнымъ
своимъ созданіемъ. Каждый лучъ солнца осы-
палъ его огненными розами, и легкое облако,
порою тихо пролетая мимо, казалось ошима-
момъ, воскурненнымъ на семь безсмертнымъ
жертвенникъ въ честь Всевышняго.

Но свѣтило дня исчезнетъ, когда ночь
проснретъ къ нему свои объятія и въ вѣд-
ніи вечерняго вѣтерка прошепчетъ ему: «на-
ступилъ мой часъ.» И я видѣлъ борьбу свѣ-
та съ тѣнію. Это было сначала медленное,
подъ конецъ быстрое помяненіе смерти. Вол-
ны искръ ослѣпляли взоръ; онъ съ каждою
минутою спановились ярче, но безпрестан-
но уклоняясь къ вершинѣ; достигнувъ оной,
на минуту остановились, какъ бы желая въ
последнемъ оплотъ независимости дать еще
достойный оппоръ. Ночь преслѣдовала ихъ,
сѣя за собою разрушеніе; борьба сія не была
продолжительна; казалось, всѣ лучи вдругъ
исчезли. Болѣзненное содроганіе, блѣдный и мер-
твый цвѣтъ покрылъ всю гору; словомъ, все
говорило: дня уже нѣтъ. Еще нѣсколько обла-
ковъ, дремлющихъ на окружныхъ вершинахъ,
отражали блестящіе опливы, подобные гени-
ямъ, склоненнымъ надъ бездною и поддержи-
ваемымъ распростертыми крыльями. Все ис-
чезло, превратилось въ ничтожество, слилось
съ сумракомъ.

Но какой блѣдный свѣтъ озарилъ вершину
Монблана, подобно опблеску унылой лампа-
ды надъ обширною гробницею? Какое бѣлое
облако перловаго цвѣта, поспешенно восхо-
дитъ и носится по волнамъ лазури? Съ каж-
дою минутою оно спановится яснѣе. Уже
оно вѣнчаетъ чело повелиителя Альповъ; вопиъ
оно надъ нимъ; вопиъ, оспавило его въ безмол-
віи, подобно Ангелу-хранителю, который на
минутою привлеченъ грустію къ могилѣ люби-
маго имъ смертнаго и скоро опъ неѣ уда-

ляется. По серебрянымъ лучамъ его, тихо-
му блеску, по блѣднымъ звѣздамъ, его окру-
жающимъ, по его величественному ходу и
взорамъ, будто плавающимъ въ слезахъ, я
узнаю въ немъ царицу ночи.

Явленіе переменилось. Безпредѣльность есть
другъ луны; едва появилась сія, и та пришла
въ движеніе, преслѣдуетъ свою подругу, сли-
вается съ ея лучами и, ревнуя къ своей воз-
любленной, спарается сокрыть ее опъ взора
міровъ, какъ будто кладаютъ на нее тѣжные
взгляды. Монбланъ облекся въ одежду, со-
пканную изъ блѣдныхъ опливовъ и мрачныхъ
тумановъ; изрѣдка блистаютъ звѣзды надъ
его челомъ, для озаренія коего еще недавно
самое солнце не имѣло довольно лучей. Свѣ-
та, за нѣсколько минутъ блиставшіе алмаза-
ми, теперь мрачны. Издали можно почестъ
ихъ обширную преградою между небомъ и
землею, но преградою туманною, слабою, ко-
леблющеюся. Каждую минутою она будто го-
пова разрушиться; но нѣтъ, это претепаніе
однихъ лучей мѣсяца. Сей исполнитъ всегда
вѣтъ, неколебимъ. Днемъ и ночью теми его
служитъ опорю небесъ, и скорѣе разрушится
надъ нимъ спройное печеніе сѣеръ, чѣмъ
падутъ сіи неподвижныя скалы, бывшія сви-
дѣтелями испребленія споль многихъ поко-
лѣній у подошвы своей.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СТРАНА МЕЧТЫ.

Прелестный миръ! страна очарованья!...

Тамъ все цвѣтетъ, все радостно горитъ!
Забыты тамъ утраты и желанья, —

И далеко печаль опшопъ бѣжитъ.

И все, друзья, что изгнано опъ свѣта,

Въ странѣ мечты нашло себѣ пріютиъ:

Чувствительность, прекрасныхъ душъ прихотиъ —
Любовь и честь — тамъ изстари живутъ.

Тамъ въ первый разъ душа моя познала

Возвыщенность своихъ несплѣнныхъ благъ.

И, мнилось ей, въ восторгъ угадала

Сокрытое опъ смертныхъ въ небесахъ.....

Съ пѣхъ поръ она, съ надеждой возрожденя,
 Лепить впередъ безпечнѣй и бодрѣй:
 Печаленъ нупъ заботы и перпѣня,
 За то въ концѣ — прекрасный опдыхъ ей!

А. К — въ.

А У! (*)

Голубокая, младая,
 Мой чернобровый ангель рай!
 Ты, мной воспѣтая давно,
 Еще въ пѣ дни, какъ пѣль я радоспъ,
 И жизни праздничную сладоспъ,
 Искрокипучее вино!
 Тебѣ привѣспъ мой издамечта:
 Опъ Москворѣцкихъ береговъ —
 Туда, гдѣ звонкихъ звопомъ вѣча
 Моихъ пугалася пы спиховъ,
 Гдѣ спранно юноспъ мной играла,
 Гдѣ въ одинокій мой приюспъ
 То заходилъ бессонный спрудъ,
 То почъ съ гремяшкой забѣгала!

Песпро, неправильно я жилъ!
 Тамъ, все, чѣмъ Богъ добра и свѣта
 Благословляетъ многи лѣта
 Топъ край, все: бодроспъ чувспъ и силъ,
 Учене, дружбу, вольноспъ нашу,
 Гульбу, шумъ, праздноспъ, лѣнь, — я смилъ
 Въ одну норжеспвенную чашу,
 И пилъ, да пѣль: я долго шилъ!

Голубокая, младая,
 Мой чернобровый ангель рай!
 Тебя, звезду мою, найдетъ
 Поэта вѣспникъ распоропный,
 Мой бойкій ямбъ чепвероспопный,
 Мой говорливый скороходъ:
 Тебѣ онъ скажетъ вѣспъ благоую.
 Да! я покинулъ наконецъ
 Пщры, безпечноспъ кочевую, —
 Я, голосиспный ихъ пѣвецъ!
 Свяпыхъ воспорговъ просипъ лира:

(*) Изъ новаго, въ Москвѣ Ив. Вас. Кирьевскимъ изда-
 ваемаго журчала, подъ названіемъ: *Европеецъ*. — Если
 судить по первой книжкѣ, то сіе періодическое изда-
 ніе будетъ однимъ изъ ошлчнѣйшихъ. — В.

Она чужда пѣхъ буйныхъ лѣспъ,
 И вновь изъ прелеспи суемъ
 Не сотворипъ себѣ кумира!

Я здѣсь! — Да здравспуетъ Москва!
 Вотъ небеса мои родныя!
 Здѣсь наша Мапушка - Россія
 Семисоплѣпняя жива!

Здѣсь все бывало: плѣнь, свобода,
 Орда, и Польша, и Литва,
 Французы, лавръ и хмѣль народа,
 Все, все!.... Да здравспуетъ Москва!

Какими думами украсенъ
 Сей холмъ давнишнихъ спѣнь и баенъ,
 Бойницъ, соборовъ и палапъ!
 Здѣсь нашихъ бѣдъ и нашей славы
 Хранипся повѣспъ! Эпи главы
 Свяпымъ сіяніемъ горяпъ!
 Сюда! — на дѣло пѣснопѣній
 Поэты наши! Для спиховъ
 Въ Москвѣ ищипе Русскихъ словъ,
 Своенародныхъ вдохновеній.

Какъ много мнѣ судьба дала!
 Деспницей ярко-пурпуровой
 Какъ ясно, пихо, жизни новой
 Она воспокъ мнѣ убрала!
 Не пьянь полетъ моихъ желаній,
 Свобода сердца весела —
 И спихосворческія длани
 Къ спрунамъ — и лира ожила!

Мой чернобровый ангель рай!
 Моли судьбу: да всеблагала
 Не оппимаетъ у меня:
 Ни одиночеспва дневнаго,
 Ни одиночеспва ночнаго,
 Ни думъ дѣяпельнаго дня,
 Ни психихъ сновъ лѣнливой ночи: —
 И скромной пѣснію любви
 Я воспою лазурны очи,
 Ланипы свѣжія пшон,
 Успа сахарны, груди полны,
 И бѣлизну пшохъ грудей,
 И черныхъ, дѣвспвенныхъ кудрей
 На ней блистающія волны!

Твоя мольба всегда вѣрна!
И мой объѣмъ — онъ совершился!
Мечта любовью раскипшися
И въ звуки выльешься она!
И будущъ звуки пѣь прекрасны,
И будешь сладость ихъ нѣжна,
Какъ сонъ плѣнительный и ясный,
Тебя поднявшій съ ложа сна!

Н. Языковъ.

С H A R A D E.

Dans leurs jeux, leurs combats, portés sur mon premier,
Les Romains volaient à la gloire.
Du méchant qui voudrait opprimer mon dernier,
Périsset à jamais la mémoire!
Un subtil élément dévore mon entier;
Voilà la fin de mon histoire.

Въ No 7, помѣщенный омонимъ значилъ: *Штофъ*.

M O D E S.

Rien de plus varié que la manière d'orner les coiffures. C'est tantôt au moyen d'une guirlande de spirées blancs entremêlés d'épis d'or, formant par-devant deux touffes au milieu desquelles se place un riche camée; le surplus de cette guirlande n'est plus qu'un cordon de fleurs et épis pareils tournant en couronne autour des cheveux de derrière tournés en chou.

Tantôt une coiffure est ornée d'une seule fleur, et cette fleur est assez ordinairement celle du volkame-ria du Japon. Nous en avons vu d'une imitation parfaite, qui nous ont rappelé les beaux dessins de Redouté dans son volume des plantes de la Malmaison.

Enfin, les coiffeurs emploient encore, avec ou sans les fleurs, tous ces bijoux de formes si variées que leur offrent les magasins de M. Bourguignon, passage de l'Opéra. Les flèches sont à quatre faces; les épingles à croissans ornés de camées, les bouquets de fleurs en petites perles montées sur nacre, les perles blanches ou dorées et divers bracelets sont, jusqu'à présent, ceux dont ils se servent le plus généralement.

Une révolution vient de s'opérer dans la pose des fleurs sur les robes de bal. Placées autour de la jupe d'une robe, à la hauteur du genou, elles devenaient

un obstacle à ce qu'une femme pût s'asseoir. Une de nos premières couturières vient de poser une guirlande de fleurs tout autour d'une robe, à la hauteur à peu près du bas du mollet, et cette disposition, vue dans ses ateliers par quelques dames, a été aussitôt approuvée. Nul doute qu'elle ne devienne bientôt une mode qui pourrait bien ramener celle des garnitures.

Les hommes portent des gilets en cachemire à palmes ou autres dessins: ce sont de petits schalls-sau-toirs que l'on emploie pour ces gilets.

M O Д Ы.

Нѣтъ ничего разнообразнѣе украшеній причесокъ. Иногда кладутъ гирлянду изъ бѣлыхъ *спирей*, перемежанныхъ съ золотыми колосьями, составляющей спереди два кустика; между нихъ богатыи антики; оспальная гирланда, ничего болѣе, какъ шнурокъ изъ такихъ же цвѣтовъ и колосьевъ, обернута вѣнкомъ около заднихъ волосъ, сдѣлан-ныхъ речейкомъ.

Иногда прическу украшаютъ однимъ только цвѣткомъ, по большой части Японской волкаме-рин. Мы недавно видѣли одинъ чрезвычайно хорошо сдѣланный; онъ напомнилъ намъ прекрасные ри-сунки Redouté, въ его книгѣ расчѣннй Малмезона.

Наконецъ, парикмахеры вообще употребляютъ еще для причесокъ, съ цвѣтами или безъ цвѣ-товъ, вещи изъ магазина Г-на Бургиньона, въ про-ходѣ въ Оперу; формы ихъ чрезвычайно разнооб-разны. Спрѣлы чепырехъ-стороннй, булавки съ полумѣсяцами, украшенныя антиками. Букеты цвѣ-товъ изъ бисера, обдѣланныя въ перламутъ, бѣ-лыя или золотыя бусы и разные браслеты.

Цвѣты на бальныя платья кладутъ совсѣмъ иначе. Положенные вокругъ юбки въ ровень съ колѣнами, препяпствовали дамамъ садиться. Одна изъ первыхъ нашихъ швей положила гирлянду вокругъ платья не выше конца икры. Нѣкоторыя дамы, увидѣвъ платье въ ея рабочей, совершенно сіе одобрили. Нѣтъ сомнѣнй, что это войдетъ въ употребленіе; надо ожидать, что въ слѣдъ за симъ появятся и накладки.

Мушны носятъ кашемировыя жилеты съ паль-мами и другими узорами; ихъ дѣлаютъ изъ кор-пелъныхъ шалей.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходятъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 9.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 36-ю картинками модъ, въ С. П. б. 30, съ доставкой и пересылкою 35 рублей.

СУББОТА, Генваря 30 дня, 1852 года.

Оселя, не къ пѣнію природой сотворенный,
Определенію покорствуешь смиренно,
И дикимъ голосомъ не гоняшь изъ лѣсовъ
Прелестныя весны плещущихъ пѣвцовъ.

(Изъ 8-й сатиры Боало.)

Аксаковъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

МОЙ НОВЫЙ ФРАКЪ.

Онъ успарьлъ, хопя, такъ сказаць, съ нголочки; онъ новѣхонекъ, хопя сшишь два года тому назадъ. Пускай лежшь себѣ въ моемъ комодѣ. Я никогда его не надѣну.

Вы хопише знашь причину? вопшь она: мой старый фракъ новѣхонекъ. Еслибъ у меня былъ чистоплотный дворяничкъ, живущій для компаніи: шо я велѣлъ бы ему *обносить* его, пообипереть ворсу, а попомъ спалъ бы самъ его *донашивать*.

Но надѣшь на себя фракъ, который еще не былъ на плечахъ, *обновить* фракъ, какъ говоряшь ребяпишки и проспяки! эшо такое наказаніе, опъ котораго можно сойши съ ума.

Есть чудаки, которые утверждають, будто бы нельзя носить плашье, не надѣвъ его въ первый разъ; эшо и ложно и справедливо. Я согласенъ съ ними, если цодъ словами: *надѣть плашье въ первый разъ*, разумьютъ они удовольствіе, ощущаемое при полученіи *обновы*; но, я слуга покорный, когда дѣло идетъ проспто о надѣваніи *новаго* плашьа. Укажу вамъ тысячу и одного человекъ, ко-

порые всегда носятъ плашье уже поношеное, поразношенное, поистѣртое.

Ближніе мои увѣряють меня, что я помѣшанъ на эшой почкѣ, что я дуракъ: можеть спаться! Но мнѣ поздно себя перевоспишьивать. Съ колыбельныхъ лѣтъ не было для меня несноснѣе новой пелѣнки, новаго фрака, въ спрогомъ смыслѣ сего слова. Скорый соглашусь взвалить на себя кулъ муки!... После эшаго, не ужели вы еще не можете понять мученія надѣшь на себя плашье изъ подъ ушюга; плашье, у котораго швы еще не совьсъмъ разгладились, пепли не ошмыгались; плашье, которое еще не обдержалось? Подумайше, какъ тупъ не взбѣсилься!

Вопервыхъ, на васъ, выпараца глаза, смотряшь дамы, женщины, бабы, дѣвщи и дѣвки: эшо несносно!

Проскачетъ карета — и съ блиспающихъ колѣсъ забрызжетъ васъ грязью; промчнлся фельдъ-егерская пележка — и съ ногъ до голо- вы закидаеть васъ комьями пла; вспрѣтнлся возъ съ мукою и напудритъ фракъ вашъ не хуже *Геліота великаго*. Вы пойдете со двора въ вѣдро — и опъ облаковъ пыли въ полчаса

посѣдѣтъ новый фракъ вашъ; а дождь, на которъй не скупю наше Чухонское небо, споль крѣпко вобѣтъ её въ сукно, что самый ловкій полопѣръ её опшуда не выживетъ. Это еще малѣйшя неприятности въ сравненіи съ пѣмъ, кои ожидаютъ васъ, если вы, опъ чего Боже упаси! вспрѣппитесь съ своими заимодавцами: изъ мелочной лавочки, изъ кандиперской, изъ респорации, изъ... изъ....

Кредиторы ваши подумаютъ, что вы недавно получили наслѣдство, и ни на 24 часа не опсрочатъ вамъ: вынь, да положи! Напрасно вздумали бы вы убѣждать ихъ, что карманы новаго фрака не рудники Гороблагодапскіе, не кладовая Барона *Ротшильда*, что бывали примѣры, что и самый новый фракъ спшптъ на кредитъ.

Безполезно захотѣли бы вы уговорить домоваго своего хозяина обождавъ деньги за кваршпру: онъ неумолкъ; онъ думаетъ, что человекъ, которъй наряжается, навѣрное имѣетъ въ карманѣ лишншихъ 50 рублей для запламы за наѣмъ комнапъ.

Тщетно спали бы вы уличать свою кухарку въ безсовѣспной кражѣ при покупкѣ съспсныхъ припасовъ: она про себя мыслитъ, что не грѣхъ взять лишнюю полшну съ мопы, которъй безпреспанно бросаептъ деньги порпнымъ.

Кучеръ, вглядясь приспально въ вашъ нарядъ, наложитъ, въ видѣ косвеннаго налога, по пятаку на каждый пудъ сна. Ключница потребуетъ и себѣ моднаго чепца, новаго Кашемироваго плапка, ппфпянаго фарпука.

Въ старомъ спнемъ фракѣ съ побѣлѣвшими швами, вы не обраппли бы на себя лорнетовъ щеголей; а теперъ вамъ надобно выдержатъ инспекторскій смотрѣ каждаго изъ *невѣроятныхъ*; они измучатъ васъ важными разсужденіями о формѣ вашего воропника.

Въ новомъ фракѣ вы не посмѣете ни къ чему прикоснуться: ни пройдя по Госппному двору, ни пропереться сквозь полкучій рынокъ; вы испугаетесь угольника пуще чорпа, а птрубочиспа пуще дьявола.

Всякой разъ, прежде чѣмъ съсптъ, вы должны рекогноспировать мѣспю, гдѣ съсптъ желаете.

Вамъ надобно завеспп зонпикъ, или непромокаемую шинель, или крыпый экипажъ: а все это, одно другаго дороже, слѣдспвенно, для кармана убыпочите.

Если не обладаете вы ни пѣмъ, ни другимъ, ни претымъ: то, въ случаѣ дожда, необходимо нанятъ фаэпонъ, а не простаго Ваньку съ номеромъ.

Прибавьте ко всѣмъ вышенспчисленнымъ неудобспвамъ потребностъ запасптся новою парою перчапокъ.

Что шагъ, то новые хлопоты, расходы. И въ награду за все это—вы покажетесь неловкимъ, необпѣсаннымъ, мѣшковатымъ; вы рискуете попастъ на осприе пера *Теобфиликта Косичкина*; *Кораблинскій* оплппографпруетъ порпретъ вашъ въ Пересмѣшникѣ; вы сдѣлаептесь предметомъ молвы; васъ выведутъ на сцену въ какомъ нибудь водевилѣ *безъ ума...* Горе, горе вамъ!

Нѣтъ, никогда не надѣну на себя новаго фрака.

Викторъ Лацкановъ.

25 Декабря 1831 года.

Лоскушный рядъ.

НА ВСЕ МОДА, ДАЖЕ НА ЧУВСТВА СЕРДЕЧНЫЯ.

При наспопщемъ порядкѣ вещей и образѣ мыслей лучшаго общества, надобно ожидать, что во Франціи скоро останется любовь въ однихъ лѣтнопшлыхъ среднихъ вѣковъ, у сдѣльцевъ, учптелей, художниковъ и въ деревняхъ между просполодинами, которые, по врожденной наклонности, не могутъ испребитъ чувспвптельности. Ужь эти мнѣ *Ариометтики!*... Эти люди съ *выводами*, съ *итогали!*... Они испортили общество! Они сдѣлали его прозапческимъ! Любовь теперъ, не болѣе, какъ чувспвенное удовольствіе; супружество,—сдѣлка, торгъ, при которыхъ *Поппариусы*, *Маклера* и *Адвокаты* поддерживаютъ *балансъ*. Любитъ сердцемъ, восхищается игрою фпзіогноміи обожаемой жены, прислушивається къ сладкому ея голосу, по цѣлымъ днямъ о ней мечпаетъ, удивляється блеску ея волосъ, красотѣ кудрей, ея бѣлоплейнаго чела, яркой эмали глазъ; безмолвспвоваптъ, собираптъ впечатлѣнія, удерживатъ ихъ, чтобы болѣе любптъ

её, чтобъ не потерявъ ея привязанности, шипать въ себя чувствительность, спараться, чтобъ себя неимамъ, ловить взгляды, заслуживать пожатіе руки... все это сдѣлалось смѣшнымъ; любовь исчезла! Мѣсто ея заняли счёпы, расчёпы, вычёпы. Сердце переселилось въ голову. Одинъ женихъ спрашиваетъ: сколько приданого и въ чёмъ состоиптъ оно: не въ прряпкахъ ли? не въ бездоходныхъ ли мызахъ съ Англійскими садами? не въ малоземельныхъ ли деревняхъ? Другой щептъ чрезъ женитьбу родственной связи съ сильными, значными, искапельными; связи, могущей доставить ему пѣленьекое мѣспечко, въ замѣнъ приданого, привѣспитъ орденокъ въ пеплчку, вывеситъ въ чины, въ люди, и прочее.

Чтожь оспается дѣлать? Прибѣгаемъ къ мечтамъ, въ нихъ искаемъ общесства сущесствъ по сердцу, которыхъ бытіе не зависитъ отъ одной арпеметической выкладки: отъ плюса и минуса. Но при одномъ напомниманіи о мечтахъ и романахъ, *Цыфиркины* будутъ смѣяться, пожимаемъ плечами!.. Еслибъ они знали, какое наслажденіе для нѣжныхъ душъ заключено въ мысляхъ и воображеніи, они пожалуй бы о своемъ грязномъ мѣрѣ и захотѣли бы, хопя сквозь замочную щель, взглянуть въ мѣрѣ идеальный. Чтобъ быть посвящену въ его таинсства, надобно вѣровать въ любовь.

СЛОВЕСНОСТЬ.

НАПАДЕНІЕ ВЪ РАСПЛОХЪ.

Истинное происшествіе.

Во время крапкого владычесства Иосифа Наполеона въ Испаніи, служилъ я во Французской арміи. Счастіе необыкновенно мнѣ благоприятствовало; быстро восходилъ я по ступенямъ воинскихъ чиновъ, и на тридцатомъ году отъ рожденія былъ уже Подполковникомъ и полковымъ Командиромъ.

Лишь только принялъ я начальство надъ вѣренными мнѣ полкомъ, какъ получилъ приказаніе, вмѣстѣ со многими другими войсками, присоединиться къ Французской дѣйствующей арміи въ Испаніи. Съ малолѣтсства при-

выкши къ подчпенности, я не ропсалъ на сей приказъ, но въ душѣ моей палось сильное негодованіе. Завладѣніе Испанією всегда казалось мнѣ незаконнымъ; я уважалъ народъ Испанскій за великодушное геройство, съ каковымъ онъ сопротивлялся принятію насильно навязаннаго ему похипшителя, и попому весьма неохотно отправился я въ походъ.

Изъ многихъ золь, сопряженныхъ съ званіемъ воина, едва ли не величайшее то, что рука его не рѣдко должна совершать дѣла, оскорбляющія и даже возмущающія сердце. Но человеку благородному оспается въ упѣшеніе мысль, что ему вездѣ представляются случаи дѣлать добро, и что онъ не долженъ медлить въ исполненіи своихъ обязанностей. Тѣмъ-то образомъ примирился я съ своей судьбою. Къ большому успокоенію моему, я въ короткое время увѣрился, что Испанцы были подспрекаемы къ несповому, безпримѣрному въ лѣпописяхъ мѣра упорспиву не сполько любовью къ опчизнѣ или другимъ какимъ либо благороднымъ чувствомъ, сколько мрачнымъ изувѣрспвомъ, которое, будучи неупомимо поддерживаемо разврапными, грубыми и гнусными монахами, часто пораждало ужаснѣйшія злодѣйсства, о коихъ нельзя вспомнить безъ содроганія.

Чѣмъ ближе мы подходили къ границамъ Испаніи, тѣмъ болѣе рассказывали намъ о варварскихъ поступкахъ Испанцевъ съ нѣкоторыми изъ нашихъ воиновъ, а въ Перпиньянѣ каждый ребенокъ зналъ какую нибудь исторію, изъ коихъ одна другой была отврапительнѣе и ужаснѣе. Въ особенностяхъ же всѣ единогласно утверждали, что жестокости жителей Капалоніи выше всякаго описанія, и попому, сильно волнуемые разнообразными чувствами, мы начали послѣдній дневной переходъ, долженспвовавшій привеспитъ насъ въ спрану изувѣровъ.

Многіе изъ нашихъ сподвижниковъ и даже такіе люди, которые во всѣхъ жаркихъ сраженіяхъ беспспрашно встрѣчали смерть, не могли освободиться отъ нѣкотораго спраха, предспавляя себѣ, что они должны имѣть дѣло не сполько съ явнымъ врагомъ, сколько осперегаются измѣны, яда и кнжала. Впро-

чемъ всё войско одушевлено было однимъ чувствомъ: неукротимымъ мщеніемъ, и каждый спусивъ на землю Испанскую, клялся опмспивъ цѣлому народу за смерть споль многихъ друзей и сподвижниковъ, погибшихъ въ ужаснѣйшихъ мукахъ. Чувство сіе еще болѣе воспламенилось, когда мы, достигнувъ, Пиренейскихъ горъ у пѣсины Жункерской, встрѣчены были жаркимъ мѣлкимъ огнемъ Испанцевъ изъ засады. Много нашихъ легло на мѣстѣ, еще болѣе переранено; почти не видя передъ собою непріятеля, мы служили цѣлю спрѣлкамъ его, не имѣя сами никакой. Намъ ничего болѣе не оставалось, какъ выслать пропивъ засады своихъ спрѣлковъ и сколько можно спспѣшить идти впередъ. Симв только избѣгли мы большаго урона, но и поперѣнный нами былъ уже чувствителенъ.

Вспушивъ въ предѣлы Испаніи, мы взяли направленіе черезъ Капалонію и Аррагонію, на Сарагоссу, которая послѣ долговременной обороны, все еще защищалась съ истиннымъ героисвомъ. Нѣсколько дней сряду не видавъ было ни одного непріятеля, но на третій или четвертый мы опять имѣли спычку съ полною вооруженныхъ поселанъ. На сей разъ мѣспность шмъ не такъ благопріятствовала, какъ ихъ соотечеспвенникамъ при Жункерѣ: мы опрокинули и разсыяли ихъ безъ всякаго труда, съ небольшимъ урономъ, но я при семъ случаѣ раненъ въ лѣвую ногу.

Я сначала считалъ рану сію неважною, но на другой день удосповѣрилъ въ справедливости словъ моего полковаго хирурга, по совѣту косяго мнѣ надлежало оспаться въ обозѣ, иначе я подвергался опасности потерять ногу; впрочемъ, хирургъ мой общалъ въ нѣсколько дней вылечить рану, если я послѣдую его совѣту. Посему я рѣшился, хотя и съ прискорбіемъ, опспустить впередъ мой полкъ, оставилъ при себѣ только двухъ деньщиковъ, и присоединился къ опряду одного Капитана, которому поручено было починить сперва два орудія, а потомъ небольшими дневными переходами доставить въ главную кварпиру довольно значительный транспортъ легко раненыхъ. На сей конецъ ему дано прикрытие изъ спа человекъ пѣхоты и сорока Драгунъ.

На поправку обоихъ орудій поспребны были два дня; опдыхъ, которымъ я наслаждался въ продолженіе сего времени, имѣлъ на меня споль благодѣтельное вліаніе, что я желалъ опять принять команду надъ моимъ полкомъ, и потому сердечно обрадовался, когда на третій день упромъ выпушили мы въ походъ.

Капитанъ, командовавший опрядомъ, раздѣлялъ мое неперпѣніе, скорѣе присоединиться къ арміи: ибо подобныя порученія непріятны для всякаго опважнаго воина; но эпо самое неперпѣніе вовлекло его въ неспроспительную оплошность. Когда мы прибыли на третій ночлегъ, и Капитанъ освѣдомлялся о дорогѣ, по которой мы должны были спѣдовать на другой день, чтобы достигнуть назначеннаго пункта, то сельскій Священникъ сказалъ ему, что онъ можетъ пройти гораздо ближайшею дорогою, если желаетъ перемѣнить свой маршрутъ.—«Правду сказать,» примолвилъ Священникъ: «что эпо дорога, какъ говорятъ, не совсемъ безопасна, но я эпому не вѣрю: ибо болѣе двухъ недѣль не видавъ уже въ нашемъ селѣ ни одного вооруженнаго папріота; Французскія войска, особенно въ послѣднее время, проходили путь такъ часто и въ такомъ множествѣ, что наши не могутъ долѣе удерживаться въ эпой споронѣ.»

Я былъ при семъ разговорѣ, изъ котораго Капитанъ очень мало понималъ, и еще менѣе говорилъ по Испански; но я съ того самаго дня, какъ получилъ приказъ опсправиться въ Испанію, съ величайшимъ рвеніемъ началъ учиться сему языку, и говорилъ на немъ довольно бѣгло, почему и опсправлялъ при семъ случаѣ должность толмача. Мнѣ казалось, что Священникъ коварно поспатривалъ на Капитана, говоря о ближайшей дорогѣ, и въ глазахъ его сверкнула дикая радость, когда онъ замѣтилъ, что предложеніе его не пропивно было Французскому Офцеру.

Я сообщилъ Капитану свое замѣчаніе, которое опъ него ускользнуло, и совѣтовалъ ему избрать лучше дальнѣйшую, но безопаснѣйшую дорогу, нежели кратчайшую, но за то опаснѣйшую. При всѣмъ томъ онъ ска-

заль мнѣ на опрѣзъ, что твердо рѣшился избрать кратчайшій путь.

«Намъ представляется слишкомъ большая выгода;» говорилъ онъ: «чтобы выиграть цѣлой дневной переходъ, для этого можно порисковать; къ тому же мы довольно сильны, и можемъ управиться съ многочисленною полною деревенскою сволочи.»—

Напрасно представлялъ я ему, какія могутъ быть отъ того произойти слѣдствія. На каждый доводъ мой у него готово было новое возраженіе, и наконецъ, онъ довольно ясно далъ мнѣ замѣтить, что хотя я и спарше его по службѣ, но не имѣю никакой власти, какъ раненый, присоединившійся къ его отряду, который состоитъ въ его непосредственной и полной командѣ. — Я замолчалъ, подавивъ свою досаду, и рѣшился на послѣднее средство, какое мнѣ оставалось, то есть спокойно покориться распоряженіямъ Капитана, сколько бы они ни казались мнѣ безумными. —

Сначала все шло хорошо; спрана была ровная и открытая, и я замѣчалъ, какъ отъ времени до времени Капитанъ посматривалъ на меня съ порожествующимъ видомъ, какъ будто хотѣлъ сказать: ну что, кто теперь правъ? Не излишнія ли были твои опасенія? —

Я самъ начиналъ вѣрять, что можетъ быть я ошибся, и несправедливо подозрѣвалъ Священника въ измѣнѣ; но по переходѣ первой мили, мѣстоположеніе постепенно стало возвышаться; тамъ и сямъ разсыяны были группы деревьевъ, между коими расплался низкій, но частый кустарникъ. Въ небольшомъ разстояніи чернѣлъ передъ нами дремучій лѣсъ.

Тупъ-то Капитанъ поубавилъ спѣси и употребилъ всѣ мѣры для прикрытія и обезпеченія нашего отряда. Но все еще ничего такого не встрѣчалось, что могло бы оправдать сіи опасенія. Безпрятственно вошли мы на лѣсистое возвышеніе, обрадовались, видя себя въ нѣкоторой безопасности: ибо лѣсъ началъ рѣдѣть и кустарники исчезли, пакъ что между высокими, стройными каштановыми деревьями и могучими, вѣчно-зелены-

ми дубами, можно было видѣть всѣ предметы на большомъ разстояніи. Но надежда насъ обманула. Чѣмъ далѣе мы подавались впередъ, тѣмъ лѣсъ становился чаще, кряжъ неровнѣе, дорога хуже. Пройдя такимъ образомъ болѣе мили, наконецъ мы потеряли слѣдъ проѣзжей дороги; передъ нами пинулась глухая лѣсная прошинка, которая извивалась вела, по по крупнымъ дикимъ кустарникамъ, поросшимъ скапомъ холмовъ, по опаснѣйшими оврагами.

Капитанъ открылъ глаза, и хотя явно не сознавался въ своей неоспорожности, но можно было заключать о томъ, судя по всѣмъ его распоряженіямъ. Повозкамъ съ ранеными онъ приказалъ слѣдовать какъ можно тише, сомкнулъ свою команду, отрядивъ только самое необходимое число людей впередъ и учредилъ боковые папрули. Вскорѣ открылось, что сіи мѣры предосторожности не были напрасны: ибо вдругъ спереди и съ обѣихъ сторонъ раздался выстрѣлы, и Драгуны, составлявшіе нашъ авангардъ, прискакали съ извѣстіемъ, что передъ нами и на правомъ флангѣ весь лѣсъ наполненъ вооруженными крестьянами.

Капитанъ немедленно послалъ къ нимъ на встрѣчу доспапочное число стрѣлковъ, приказалъ Драгунамъ, дабы не подвергали ихъ напрасно непрятельскому огню, слѣдовать по лѣвой сторонѣ дороги, которую крестьяне принуждены были оставить, чтобы не стрѣлять въ своихъ, и попомъ велѣлъ главному отряду медленно подвигаться впередъ при непрерывной перестрѣлкѣ. Лучше онъ не могъ распорядиться; но къ несчастію это мало помогло; крестьяне легко угадали его намѣреніе, и чтобы оспановить маршъ, стрѣляли болѣе всего по лошадямъ, которыя падали съ обѣихъ сторонъ.

Я не стану здѣсь описывать сего бѣдственнаго похода со всѣми его подробностями. Довольно сказать, что мы, упомянные до крайности, ужѣ при закатѣ солнца вышли изъ лѣсу, ашась одной трети отряда убитыми, а другой ранеными. Капитанъ также былъ раненъ, хотя не опасно; но я чудеснымъ образомъ оспался невредимъ.

Солдаты явно роптали на своего командира, который тщателью избегал моего присутствія, вѣроятно полагая, что услышавъ опъ меня упрекн. Такимъ образомъ мы плннулись своєю дорогою; раненые самъ перевязали свои раны, какъ могли, и никто не говорилъ ни слова.

Вдругъ передовые подняли радостный крикъ, который вскорѣ повпоренъ былъ всею опрядомъ. Мы взошли на большое возвышеніе и увидѣли передъ собою, разстояніемъ на четверть мли, великолѣпный замокъ, окруженный обширными хозяйственными заведеніями. Изъ трубъ ихъ поднимался легкія облака дыма, и къ нашей душевной радости свидѣтельствовали, что эюпъ замокъ не оставленъ своимъ обитателями.

Мысль объ опдыхъ, пищѣ и пшпѣ, мгновенно пробудилась въ душѣ каждаго, и весь опрядъ весело двинулся къ замку. Но ожиданія наши жестоко насъ обманули. Подойдя къ самому замку, мы увидѣли, что онъ со всѣхъ споронъ обведенъ высокою, полстою стѣною. Не видно было ни души, но на дворѣ слышенъ былъ шумъ оружія и раздавались громкіе оклики мужскихъ голосовъ. Капитанъ выслалъ къ воротамъ Драгунскаго трубача, пощаженнаго смертію, съ приказаніемъ требовать опъ неизвѣстнаго гарнизона сдачи замка. Долго царствовала глубокая пшпша; но когда звукъ трубъ послышался въ претпій разъ, то изъ замка былъ опвѣтъ, что бы мы искали себѣ другаго ночлега.

Въ тоже время грянулъ выстрѣлъ, и пуля провиспала надъ самою головою трубача; сей послѣдній быспро поворопилъ лошадь, прискакалъ къ намъ назадъ, и весь опрядъ, жестоко раздраженный сопротивленіемъ жителей замка, гдѣ онъ надѣялся опдохнуть и подкрѣпить свои силы, единогласно требовалъ опъ Капитана, вести его на приступъ къ стѣнамъ замка.—«Ни одинъ изъ эпихъ псовъ не останется въ живыхъ!»—вопили суровые, грозные голоса солдатъ, и Командиръ ихъ, казался, былъ совершенно одинакаго съ ними мнѣнія.

Одно изъ нашихъ орудій мы принуждены были бросить въ лѣсу, другое намъ удалось спасти. Капитанъ потчасъ приказалъ под-

вести его къ воротамъ на самое близкое разстояніе; оно грянуло и—съ прескомъ обрушились тяжелыя ворота. Спретпительно ворвались наши солдаты на дворъ замка, а бывшіе тамъ Испанцы, вѣроятно не ожидавшие такого оборона, бросились во внутренніе покои, и потпшно заколопили за собою двери.

Тутъ завязался непродолжительный, но жаркій бой. Наши люди презирали непріятельскій огонь, хотя засѣвшие въ замкѣ мѣлко стрѣляли, и многихъ изъ нашихъ перебили и переранили. Скоро солдаты прикладами выломали двери и овладѣли слабо обороняемыми окнами; неапръ кровопролитія перенесенъ былъ во внутренніе покои и переходы замка.

Обязанность моя не претовала вмѣшиваться въ бой, и потому я сначала былъ спокойнымъ зрителемъ; потомъ въ сопровожденіи двухъ денщиковъ моихъ, вошелъ въ замокъ, дабы по возможности опвратить безполезныя злодѣйства, въ особенності же для того, что бы оказать защиту слабымъ женщинамъ, если найду ихъ въ замкѣ.

Вездѣ встрѣчалъ я слѣды кровопролитія; въ каждой почти комнатѣ лежали убитые и тяжело раненые, а по полу лились потоки крови. Рукопашный бой перешелъ въ лѣвый флигель замка; но въ тоже время я услышалъ, что солдаты выламываютъ двери въ нижнемъ ярусѣ; нѣсколько минутъ я не зналъ, куда мнѣ обратиться; наконецъ желаніе воспретпствовать безполезному кровопролитію, заставило меня броситься во флигель замка. Вступивъ нечаянно въ одинъ коридоръ со сводомъ, я увидѣлъ необыкновенное зрѣлище. Въ глубинѣ онаго за громадою столовъ и стульевъ, оборонялся: человекъ знатный въ богатой одеждѣ, по видимому лѣтъ шестидесяти, молодой человекъ рѣдкой красоты, лѣтъ четырнадцати или пятнадцати, и при пяти чепыре слуги въ блестящихъ ливреяхъ, осаждали человека двѣнадцати нашей пѣхоты. Спарикъ былъ весь въ крови и едва держался на ногахъ, между пѣтъ другіе защитники въ эту минуту снова заряжали свои ружья.

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

НЕПРОНИЦАЕМОСТЬ БУДУЩАГО.

Разступися гора, развалися гора,
 Дай мнѣ видѣть, что въ пѣдрахъ пвоихъ!
 Что хранился въ тебѣ? Что сокрыто въ тебѣ?
 Не богатство ли рудъ золотыхъ?
 Ты скажи мнѣ гора, ты повѣдай гора,
 Подъ тобою не кладь ли лежишь?
 Иль не злато въ тебѣ, не богатство въ тебѣ,
 А разросся гранишь, да гранишь!
 Ты раскройся судьба, развернися судьба,
 Покажи, что въ пвоей глубинѣ?
 Что грядущіе дни? Отдаленные дни?
 Въ нихъ назначены-ль радости мнѣ?
 Мнѣ хорошаго-ль ждаль, мнѣ прекраснаго-ль ждаль?
 Совершались-ль желанья мои?
 Иль мой жребій въ поскѣ, въ неизмѣнной поскѣ
 Пишь лишь горе — не радость любви?
 Неподвижна гора, — непреклонна судьба;
 Что въ нихъ скрыто, невѣдомо намъ!
 Заступь гору съчесть, а судьбы не пробьешь;
 Вѣчной пайны не вскрыешь очамъ!....
 Это цѣпь для души, — жишь незнанья въ глуши,
 Ждать съ смиреніемъ лучшей поры!
 Какъ же цѣпи сорвать? Какъ судьбу разгадать?
 Какъ распоргануть упробу горы?

В. Б.

ЛУЧЬ НАДЕЖДЫ.

Сонъ ошь очей моихъ бѣжалъ
 И въ мысляхъ мрачна скорбь тѣснилась,
 Но вдругъ ошь предъ меня предспаль
 И сердце радостью забилось.

*

Онъ скорбь сердечну уполнилъ
 И сонъ слепѣлъ ко мнѣ на вѣжды.
 Но ктожь сей утѣшилъ былъ?
 Сей неба жишель — лучъ надежды!

М. Демидовъ.

Нижній-Новгородъ.

МЕДВѢДЬ И МЫШЕНОКЪ.

(Басня).

Доспалось Мишкѣ, по баламъ,
 Въ досмопрщики къ ульямъ;
 Вкругъ пчелокъ принялся досмопрщикъ суспяшься,
 Ошь ихъ Мишупка ни на шагъ;
 Ужь не даль никому медкомъ ошь поживишься,

И даже на звѣрей напаль такой онъ спрахъ
 Что къ улью и Лиса не смѣла подспущишься.
 Досмопрщикъ прослужилъ у пчель до зимнихъ
 дней;

За споль усердное радѣнье,
 Хвала неслась ошь всѣхъ звѣрей,
 Однакожь пало подозрѣнье,
 Что есть въ Мишупкѣ спрасъ —
 Медку покушать въ сласть.
 Нельзя признашься,

Въ досмопрщикъ звѣрямъ не сомнѣваться.
 Мишукъ съпѣй примѣшно спаль,
 Мишукъ ошь жиру чупь спупаль,
 А шуба ужъ на немъ — хопь Князю одѣваться!
 Еще и шо смѣкнулъ звѣриный шупъ совѣшь,
 Что меду лишь пчеламъ оспалось на обѣдь. —
 Хопь досмопрщикъ улики явной нѣшь,
 Но велѣно ему въ словесный судъ явишься,
 Ошдашь ошчешъ,
 Предспавишь къ сдачѣ медъ,
 Но воръ большой руки приказовъ не боишься,
 Бездѣлкой предъ судомъ онъ можешъ изви-
 нишься.

Медвѣдъ собираясь въ пушь

Хопьль медку на завпракъ почерпнушь,
 Но лапу лишь успѣлъ онъ въ улей прошпанушь,
 Ань глядь, на лапѣ-шо — мышѣнокъ шевелитъся;
 «Воръ, брашцы! грабишь медъ, бѣгише, карауль!»
 Досмопрщикъ заревѣлъ; въ лѣсу раздался гуль,
 И взбударажилъ шупъ весь совѣшь звѣриный;
 Предспавленъ Мишкою — въ судъ маленькой во-
 рокъ,

А съ нимъ въ свидѣтели: Осель, Лисца, Волкъ,
 Улика ясна, что пойманъ сынъ мышиный
 Въ ульѣ, съ украденной вощиной;

Припомъ донесъ досмопрщикъ въ судъ,
 Что въ ульяхъ медовыхъ ни капельки не спало;
 Хопь сполько распацишь мышенку не при-
 спало,

Но формою суда идушь;

Хопь Мишка медъ поѣлъ, но дѣло пакъ рѣшили;
 Мышѣнокъ уличенъ, мышѣнка обвинили,
 Да и за шопъ медокъ,

Который былъ досмопрщикъ лишь въ прокъ,
 Мышѣнку казнь опредѣлили,
 И шопчасъ задавили. —

Таковъ и межъ людьми случишь видѣшь судъ:
 Наказанъ маленькой, большой — оправданъ плушь.

Крестьянинъ Егоръ Алипановъ.

Ш А Р А Д А.

Между высокихъ горъ выходишь первый слогъ;
Второе у скоповъ и человекѣку служишь;
А цѣлое мое головушки не вскружишь,
Когда ты щцательнo разсмотришь, что у ногъ,
Входя въ креспьянскую избушку,
И привѣчаешь памъ иль дѣда иль спарушку.

(К ц й.)

Въ No 8, помѣщеная шарада значить: *Charbon*.

М О Д Е С.

Le froid, qui se faisait sentir assez fortement, a fait reprendre par quelques dames les *loups*, espèce de masque en velours, et, par un assez grand nombre d'hommes, les *comfortables*, appelés cache-nez l'an dernier. Les *comfortables* les plus nouveaux ont des raies noires serpentant sur un fond aventurine, et imitant l'effet de la moire.

La rigueur de la saison a encore fait reprendre aux dames, pour la promenade, les pantalons de jaconas; mais au lieu d'être flottans, comme précédemment, ceux de cette année, terminés par un poignet, se ferment au-dessus de la cheville par un bouton. Une dentelle en forme la garniture qui vient tomber sous la fourrure bordant assez ordinairement un soulier piqué et ouaté.

Enfin les dames semblent adopter encore, pour se promener, une coiffure d'une disposition nouvelle que voici: leurs cheveux de devant forment, sur chaque tempe, une natte repliée sur elle-même, descendant à peu près sur la même ligne que l'oreille, et une ruche de tulle, placée au-dessus du front, garnit le dessous de leurs petits chapeaux, dont les brides sont nues, c'est-à-dire non garnies.

On voit beaucoup de chapeaux couleur cerise pour demi-toilette.

Des toques en tulle ornées de plumes, des turbans en étoffe lamée d'or, forment quelques-unes des coiffures que les dames portent au spectacle.

Une robe de bal, sortant des magasins de madame Gagelin, rue Richelieu, était en crêpe avec des appli-

cations de fleurs en bloude découpées: cette robe joignait l'élégance à la nouveauté.

La couleur gris de perle paraît être celle des gants de femmes adoptés pour demi-toilette: un assez grand nombre d'hommes en portent aussi de la même couleur en tricot, également le matin.

М О Д Ы.

Довольно сильный холодъ заставилъ нѣкоторыхъ дамъ приняться опять за *loups*, родъ маски изъ бархата, и многихъ мужчинъ носить *comfortables*, которые въ прошломъ году назывались *cache-nez*. Новѣйшіе *comfortables* дѣлаются цвѣта aventurine, съ черными, извыпными полосками; онѣ подражаютъ видомъ морѣ.

Суровое время года еще заставило дамъ носить опять жаконетовые панталоны, но не просто висящіе, какъ прежде; теперь они оканчиваются обшивкою, зашпегнутою по выше шиколки на пуговку, вшиту обшивки кружевомъ, упадающимъ подъ мѣхъ, которыми всегда почти обшивы спеганные на вапѣ башмаки.

Наконецъ дамы, кажется, хотѣли ввести въ употребленіе прическу совсѣмъ новаго рода для прогулокъ. Передніе волосы на вискахъ заплечены въ косы, загнуты и спущены почти въ ровень съ ухомъ; рюшъ изъ шюля, подшиты подъ небольшія шляпки, повыше лба; завязки ихъ тѣмъ же обшивы.

Въ полу-нарядѣ видно много шляпокъ алаго цвѣта.

Токи, опдѣланные перьями, шорбаны изъ волнистой матеріи съ золотомъ, принадлежатъ къ числу уборовъ, надѣваемыхъ дамами въ спектаклѣ.

Бальное креповое платье съ накладными вырѣзанными изъ блонды цвѣтами, изъ магазина Г-жи Gagelin, въ улицѣ Ришелье; платье сіе было весьма щеголевато, и правилось своею новостью.

Цвѣтъ gris de perle въ большомъ употребленіи для дамскихъ перчатокъ въ полу-нарядѣ. Многіе мужчины носятъ такого-же цвѣта вязаные перчатки, также упрямъ только.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 10.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 36-ю картинками модъ, въ С. П. б. 30, съ дошавкою и пересылкою 35 рублей.

СРЕДА, ФЕВРАЛЯ 3 ДНЯ, 1852 ГОДА.

Марышка съ нѣжностью дитя свое любя,
Безъ отдыха его ласкала, тормошила;
И что же? Наконецъ въ объятіяхъ задушила. — —
Мать слабая, позъ! Остерега себя.

Дмитрисъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

УЧЕНОЕ СОБРАНИЕ.

Чистый и уютный залъ, книга, дама, или стаканъ Бордоскаго, вошь что нужно, дабы провести приятно вечеръ.

Д. Жуанъ.

Ученый залъ, по мнѣнію моему, есть нѣчто забавное и любопытное; есть нѣчто достойное размышленія болтуновъ; я говорю не о томъ продолговатомъ залѣ, гдѣ ежедневно пѣсняются вокругъ зеленого стола любители новостей и журнальные щепетильники.

Я разумью здѣсь библіотеку для чтенія; сколько славныхъ и безславныхъ дѣяній, сколько добродѣтелей и злодѣйствъ нагромождено безъ разбора на сихъ узкихъ и ненасытныхъ полкахъ! Какое открывается поле для наблюдений!

Прошу читателей взглянуть, какъ спискуны въ семь пѣсномъ проспективѣ исторія, словесность, записки, романы и путешествія; начиная отъ пышныхъ изданій въ 8 долю, до скромныхъ книжець въ 18 долю; отъ достопамятной исторіи Великаго Государя, до приключеній простолоудина.

Здѣсь еще болѣе, нежели въ могилѣ, замѣчается совершенное равенство; въ семь общемъ склепѣ покоятся Короли, Императоры, вельможи и прелестныя женщины, на равнѣ съ спарушками, преступниками и бродягами, не по чинамъ, не по дѣламъ, подобно гордымъ памятникамъ опца *Лашеза*, но все въ одинаковомъ лайковомъ переплетѣ, все надушены отъ перчатокъ какой нибудь знатной дамы, и запачканы сольными руками поварихи!

Посмотрите на сіи юныя произведенія словесности, пущенныя въ свѣтъ, въ богатой голубой, зеленой, палевой, прехъ-цвѣтной и желтой обертокѣ; каждое изъ нихъ по своему силилось заимствовать своихъ предшественниковъ: наборомъ спранныхъ и новыхъ выражений, сдѣланиемъ прописныхъ, курсивныхъ и готическихъ буквъ, съ свойственными каждому шрифту украшеніями: обманчивая пышность! минутный блескъ! Дерзкая рука переплетчица облекла васъ въ безславный корешокъ; прощай, пышность весны; проспите розы юности, и вы, чопорныя виньетки, проспите! Неумолимая полка открываетъ зѣвъ свой, зависливая пыль покроетъ ваши прелести, проспите, пора вамъ умереть!

Вопъ та, копорая нѣкогда блиспала свѣжеспью и красосою, копорая своими прелеспями завоевала могущеспво и управляла Франціею; дѣппи Мирпоа, Лавалей, Ноэлей, Ришелье, склоните гордое чело свое предъ нею: эпо Г-жа *Дюбарри!* Послушайте! она вамъ разскажетъ, чпо она дѣлала и чего не дѣлала, чпо сказала и чего не сказала, чпо видѣла и чего не видала; она опишетъ вамъ небольшіе ужины, прохладу сельскихъ тумановъ, пашиспвенный свѣтъ лампъ и ушѣхи будуара. Чудное дѣло! Она умѣла пробудитъ изъ безчувствія скучнаго Государя, заспавшпъ препепать фибры, ослабленныя Г-жею *Полпадуръ* и *Паркъ-о-серфъ*; она умѣла удержатъ власпъ свою надъ Царспвеннымъ любовникомъ до послѣдняго издыханія его.

Вопъ *Сень-Симонъ*, не полубогъ 19 столѣтія, но человекъ времени *Лудовика XIV* и Дирекпоріи; онъ начинаетъ говоритъ, и вы видите передъ собою дѣйспвующее лице, сколокъ одного изъ великихъ людей, коими изобилуетъ вѣкъ сей, — или обнаженное велчіе; дарованія военныя, политическія, ученныя, все очпщается подъ перомъ его, какъ въ горниль; ничто не избѣжитъ отъ ѣдкой и справедливой его крипки; его пворенія носятъ на себѣ особенную печать испины, такъ чпо я скорѣ готовъ вѣрптъ ему, нежели исторіи.

Поспоронитесь! поспоронитесь! Вопъ задорный звонарь церкви *Notre-Dame* съ своими несповыми клеверпами; глава глушцевъ, во всей красѣ своей безобразія. Не смотря на то, чпо онъ кривъ, хромъ и горбатъ, чпо всѣ презираютъ его и смпшаютъ скопомъ, онъ влюбчивъ до безумія.

Поспоронитесь! Вопъ Египтянка, копорая пляшетъ и поетъ, какъ дѣвочка въ 15 лѣтъ; она влюблена въ пригожаго жандарма въ колепѣ съ золотымъ шпьемъ, и не думаетъ ни о чемъ, какъ только о своемъ прекрасномъ Обѣ, — пвореніе милое, нѣжное, обворожптельное: *Эмеральда*, какъ пы прелеспна!

Удержитесь отъ смѣха, вопъ новѣйшій поэтъ, окоспентый, голодный, сухощавый, едва дышущій, и при всемъ томъ влюбленный, какъ и всѣ поэпы, влюбленный въ другое созданіе, быспроное, съ гибкимъ и спройнымъ пѣломъ, влюбленный въ козу.

Эпо *Грингуаръ* разсприга-поэтъ, измѣнившій пашиспвамъ своей скудной науки; онъ всегда былъ философъ; онъ перерядился въ шуповское плаще, и удпвляется, чпо умѣлъ соединитъ двѣ порядочныя мысли, съ пѣхъ поръ, какъ онъ переспалъ плеспъ рѣмы, съ пѣхъ поръ, какъ голова его поддерживается одною челюспью.

Теперь придн ко мнѣ, мой Теодоръ, я люблю пвои высокія поѣпическія мысли, смѣлая мечпы, пвоего Домоваго съ пѣнспымъ виномъ и крѣпкими лккерами; *Гобларди*, придн, запоемъ съ побою чертовскую сонату, пусть члены наши препещутъ отъ пвоего адскаго размѣра, отъ пвоей рѣзкой музыки; придн, начнемъ пляску подъ Кремонскую скрипку.

Выспутите изъ своихъ зеленыхъ убѣжщъ, изъ мшиспыхъ пещеръ, вы, домовые, сильфы, водяные и воздушные духи! Свргните съ себя оковы свои и окровавленные саваны, вы, мерпвецы, привидѣнія, спрашплица и демоны! Взгляните, чпшатели, на безчисленныя толпы невнятныхъ и преспѣдуемыхъ женщинъ, на пшрановъ въ блестящихъ доспѣхахъ, съ грубою рѣчью, съ желѣзнымъ сердцемъ; на палачей съ нервспыми руками и рыжею бородою, на честныхъ преспунпковъ, философъ-невѣждъ; прибавьте къ тому цѣлые возы Жилбазовъ и пуспынпниковъ изъ всѣхъ спранъ, Красныя кожи, Вампировъ, Гяуровъ, Амазенокъ и Альбино. Посмотрите на сихъ черныхъ, бѣлокурыхъ, рыжихъ, смуглыхъ героевъ, Креоловъ или Мулаповъ; всѣ они пляшутъ, размахиваютъ руками, декламируютъ, воютъ! Отъ эпого, конечно, голова пойдетъ кругомъ, самый умный человекъ сойдетъ съ ума, а сумасшедшимъ связываютъ руки и сажаютъ ихъ въ желтой домъ.

И такъ, любезныя чпшательницы, споль спраспныя охотницы до любовныхъ разсказовъ и оспроумныхъ изрѣченій, выбирайте, если можете, среди сего хаоса словесности и романовъ, или лучше вѣрьтесъ божеспву сего свпшлица, Люциферу сего Пандемоніума, вѣрьтесъ Дирекпору сего книгохранилища, онъ одинъ угадываетъ ваши желанія, онъ будетъ руководспвовать васъ среди сего не-

проходимого лабиринта. Для проворной вострушки, въ коропкомъ плащѣ, въ круглой шапочкѣ, съ плуповскими глазами, онъ держипъ въ запасѣ дядю *Томаса*, *Патера-Капитана* или *Испанскія проказы*; для сухой, беззубой и чахопной старушки, *Удольфскія таинства*, *Донжонскія подземелья* и *Западныхя Башни*; для знатной дамы и мечпапельной владыпельницы замковъ, *Тристана де Леане*, съ помощію Бельзона и его физиологій, онъ наставипъ *честную женщину* искусству превращать въ *Минопавра* своего супруга, а сего послѣдняго—искусству охраняпъ свое чело; холоспяка—обманывать того и другаго. Модная женщина получипъ отъ Г-жи *Полпадурь* уроки въ кокесствѣ; иной поспропипъ хжжны вмѣстѣ съ *Робинзономъ*. Человѣконенавистникъ найдетъ себѣ пишу въ сочиненіяхъ *Берпуда*; газпрономъ опвѣдаетъ *Шампанскаго* и паспеповъ съ жирною начинкою впршъ съ *Г. Савариномъ*; Спуденпъ проскачетъ на почповыхъ съ блондинами *Виктора Дюканжа*; наконецъ, женщина чувспвительная прольетъ слезы съ *Верперомъ* или героинею Г-жи *Копень*.

До сихъ поръ еще не вспрѣчалось непреодолимыхъ трудностей, и не нужно бытъ гениемъ для управленія симъ мѣстомъ припныхъ упражненій. Но я вижу тѣхъ благочеспивыхъ женъ, закупанныхъ чернымъ покрываломъ, со взорами, кидаемыми изъ подлобля, тѣхъ ханжей, для коихъ всякое пропзведение ума кажется сквернословіемъ и нечеспіемъ. За ними слѣдуютъ безмозглыя кокепки, которыя чптаютъ только для моды, и все находятъ несноснымъ, повинуютъ той же модѣ; далѣ являютъ заносчивые полишпкп и судьи словесности, которыя превозносятъ одинъ классицизмъ, прехъ-локонные парикп, которые все рѣшатъ; липературные вандалы, которые за нѣсколько смѣлыхъ выраженій, силятся очернипъ лучшія произвенія нашего вѣка. Тогда, прощай, мой веселый ученый залъ; прощайте прелестныя дамы и надушенныя билеты; тогда я долженъ припипъ въ пупикъ съ моею наукою; бодрость меня оставипъ, даръ слова исчезнетъ; тогда скажу: липература есть глупое ремесло!

СЛОВЕСНОСТЬ.

НАПАДЕНІЕ ВЪ РАСПЛОХЪ.

Истинное происшествіе.

(Продолженіе.)

Быспро подошедъ къ солдатамъ, я закричалъ повелшптельнымъ, грознымъ голосомъ: спой!—Они оглянулись съ изумленіемъ и не охопно мнѣ повиновались. Мгновенная пишпна позволила мнѣ сказать по Испански нѣсколько словъ спарцу, въ блѣдныхъ, болзненныхъ чертахъ коего изображалось нѣчто величественное и прогательное; я просилъ его сдаться и взять съ меня честное слово, что съ нимъ поступлено будетъ прилично его званію. Онъ хотѣлъ было опвѣчать, но прежде, нежели онъ успѣлъ произнести слово, молодой челоуѣкъ взвелъ курокъ, прицѣлился, выпрѣлилъ, и позади меня одинъ изъ солдатъ палъ мерпвый; я самъ чувспвовалъ, что у меня по щекѣ потекла кровь; пуля меня осаднила.

Тутъ всякое спараніе оспановипъ ярость воиновъ было бесполезно; въ одно мгновение грянули десяты выпрѣловъ въ несчастнаго, и, пораженные многими пулями, прекрасный юноша и два служителя пали мерпвые на полъ. Спарецъ, увидя сіе, бросилъ ружье, копорое онъ держалъ въ рукѣ, и съ громкимъ воплемъ кинулся на пруть милаго дппяпп; ибо убитый не могъ не бытъ сыномъ его;—одна только любовь родшпельская такъ обнаруживается.

Солдаты хотѣли только разрушпъ всѣ препяпспвія къ разграбленію замка, и попому, увидя погпбелъ враговъ своихъ, не обратили на нихъ вниманія, и разсѣялись по впупреннымъ покоямъ.

Я приблизился къ раненому спарцу и умирающему юношѣ; при видѣ сей, раздирающей душу, карпинны, сердце мое облилось кровію, и я съ трудомъ удержался отъ слезъ. Молча разсмапривалъ я нѣсколько минутъ сію группу, и теперь еще живо представляющуюся моему воображенію; она была бы превосходнымъ предметомъ для кисти или рѣза

художника. Попомъ я наклонился къ спарцу и съ участіемъ спросилъ его, не могу ли чѣмъ служить ему, или дославилъ ему какую нибудь помощь.

Онъ меня не слышалъ; неподвижно вперялъ онъ взоръ свой на пускнѣющіе глаза юноши, въ груди коего, пораженной премо пулями, плѣла послѣдняя искра излепающей жизни. Тупъ оспорожно я положилъ руку на плечо его, и повпорилъ мой вопросъ.—Какъ будто пробужденный изъ тяжкаго сна, онъ вздрогнулъ, оборопился ко мнѣ съ свирѣпымъ видомъ, но узнавъ меня, мгновенно предался глубочайшей горести.—«Благородный человекъ,» сказалъ онъ, пожавъ мнѣ руку.—«Вы желали добра, даже врагамъ вашимъ, но Богу угодно было устроить иначе; — да будетъ Его святая воля!—Вы предлагаете мнѣ ваше кровопильство, вашу помощь? — Къ чему мнѣ теперь помощь смертнаго! Однакожь вы могли бы оказать мнѣ еще одну услугу; забывая мундиръ вашъ, какъ человекъ, я пребую отъ васъ эпою услуги; — пособиите мнѣ похоронить моего сына, а потомъ положите меня подлѣ него и моей погибшей супруги.»—

Тупъ подошелъ къ нему слуга, который не былъ раненъ и во все время робко стоялъ прижавшись въ углу. Онъ палъ передъ почтеннымъ спарцемъ, обнялъ его колѣна, и говорилъ умоляющимъ голосомъ: «ахъ, сударь! не забудьте самихъ себя; ваши раны пребують перевязки; если вы еще помедлите, то жизнь ваша будетъ въ опасности.»—

—«Успокойся, спарикъ,» возразилъ Испанецъ преспарѣлому слугѣ, пожимая ему руку, и на глазахъ его навернулись слезы: «я вижу швою вѣрность, швое доброе намѣреніе, но къ чему мнѣ жизнь, когда я лишился шѣхъ, которые были для меня дороже всего на шѣтѣ. Нѣшъ, мой старый вѣрный Педро, я хочу умереть, и — слава Богу! чувствую, что мое единственное желаніе скоро соудется. — «Теперь, сударь,»—обратился онъ ко мнѣ: «теперь я готовъ принять отъ васъ услугу, на которую вы столь великодушно вызвались.»— Попомъ онъ безмолвно наклонился, закрылъ глаза милому сыну, который только что испустилъ послѣдній вздохъ, подалъ знакъ своему слугѣ и своимъ людямъ, кои вблизи отъ

насъ ожидали моихъ приказаній, чтобы они подняли прупъ, и едва передвигая ноги, пошелъ впередъ къ дверямъ; чтобы поддержать его, я потчасъ предложилъ ему свою руку; онъ безмолвно пожалъ ее съ такимъ взоромъ, который былъ краснорѣчивѣе всякой благодарности. Попомъ опворилъ онъ двери, и мы вошли въ небольшую домовую церковь, посреди коей возвышался красивый, алебастровый мавзолей; гробница казалась двойною, но была завѣшена алымъ бархатнымъ покровомъ. При видѣ сего занавѣса спарецъ примѣпно зашатался, и я съ прудомъ взвелъ его по ступенямъ къ гробницѣ. Сердце его разрывалось отъ горести, но ни одна слеза не блистала на его ланипахъ, покрытыхъ морщинами и смертною блѣдностью: одинъ только Испанецъ можетъ пакъ владѣть своими чувствами.

Тупъ спарецъ сдернулъ бархатный покровъ, и я съ ужасомъ отскочилъ. Въ гробницѣ лежала женщина, по видшмому, лѣтъ сорока; пышно одѣтая, она плавала въ крови, а подъ самымъ сердцемъ ея зѣла страшная, смертельная рана.

«Боже правосудный!» воскликнулъ я невольно: «кто могъ совершить такое злодѣйство надъ слабою женщиною?»—

—«Кто?—Твой соопечественникъ!» отвѣчалъ спарецъ съ внушреннымъ ожесточеніемъ.—«Педро,» обратился онъ къ преспарѣлому слугѣ, «расскажи великодушному чужестранцу, въ которомъ не хочу видѣть врага моего опечества; я не могу, ибо силы меня ослаwiająть.» При сихъ словахъ онъ упалъ на колѣна подлѣ гробницы, принявъ головою къ холодному алебастру, и грудь его шже дышала отъ сильной внушренной борьбы.

«Сегодня,» пакъ началъ рассказывать Педро, «праздновали мы день рожденія нашего любезнаго молодого барина, который не за долго передъ симъ выздоровѣлъ отъ тяжкой болѣзни. Всѣ сосѣдніе владѣльцы съѣхались въ замокъ, и только что кончилась обѣда, какъ мы услышали въ ближайшемъ лѣсу сильную переспрѣлку. Успрашенные гости немедленно разѣхались, а мы постѣшили привести замокъ въ оборонительное положеніе на случай нападенія со стороны непріателя. —

Прочее вамъ извѣстно; въ этой несчастной вы видѣте супругу нашего добраго Господина. Она заклинала Г. Маркиза, не подвергаться лично опасности, и когда онъ отвергнулъ ея мольбы, ея убѣжденія, когда и сынъ ея вмѣшался въ бой, тогда она рѣшительно объявила, что не оставитъ ни ихъ ни на шагъ, и готова раздѣлить съ ними всѣ опасности.—Она сдержала слово;—но пораженная двумя пулями, она вскорѣ пала мертвая подлѣ своего супруга. Мы поспѣшно опнесли её сюда, и пылая мщеніемъ, съ геройствомъ опчаянія, бросились на непріятелей, которые опустошали замокъ.—Теперь вы все знаете.»

Между тѣмъ злополучной спарець, которому, послѣ всего мною слышаннаго, я могъ пожелать только скорого освобожденія отъ узъ земныхъ, казалось, занявъ былъ психую молитвою. Вдругъ онъ вспалъ, оживленный какъ бы чудесною силою, и просилъ положить бранные остатки сына подлѣ своей супруги. Мы исполнили его желаніе; потомъ вмѣшались съ нимъ преклонили колѣна, и помолились о успокоеніи души усопшаго.

Еще мы, чуждые всего земнаго, возносились мыслию къ Богу,—какъ вдругъ настѣжь распоролась дверь домовою церкви, и, задыхался, вбѣжалъ израненный слуга.—«Бога ради, Господинъ Маркизь, спасайтесь!» возопилъ онъ: «пожаръ: весь замокъ горитъ; не мѣшайте, или вы погибли.»

«Боже милосердый!» произнесъ спарець спѣшеннымъ голосомъ, и хотѣлъ бѣжать, но потеря крови и страшныя явленія этого дня разрушили его пылсныя силы. Тихо вздохнувъ, онъ впалъ въ безчувствіе. «Уми-раю»—прошепталъ онъ едва слышно: «Педро—спаси—спаси.» Бездыханный, грянулся онъ о гробницу; глаза его закрылись, и я думалъ, что душа его оставила брнное тѣло. Но собравъ послѣдній остатокъ силъ, онъ еще разъ возвратился къ жизни. Онъ открылъ глаза, и угасающій взоръ его успремился на меня.—«Вы!» воскликнулъ онъ съ усиліемъ, и въ то же время протянулъ ко мнѣ слабѣющую руку: «спасите—спасите—Педро—знаете.»—

Больше онъ не могъ говорить. Покрытая сѣдинами голова его опять приникла къ гроб-

ницѣ и душа его отлѣпѣла въ лучший міръ, чтобы соединиться съ супругою, съ сыномъ.

Со слезами умиленія смотрѣлъ я на усопшаго, но время было дорого; ибо мы уже слышали прескъ пламени, слышали, какъ съ ужаснымъ грохотомъ обрушилась опдаленная часть зданія. Посему я поспѣшно накинулъ бархатный покровъ на усопшаго, и схвативъ руку спараго Педро, спросилъ: «говори, спарикъ, кто въ опасности? Кого мнѣ спасти?—Веди меня! Надобно исполнить послѣднюю волю покойнаго.»

Спарикъ безмолвно посмотрѣлъ на меня испытующимъ, недовѣрчивымъ взоромъ; потомъ опворопился, и сказалъ: «пожалуйста мною;» пошелъ поропливо къ темному углу домовою церкви; я за нимъ, и по знаку моему присоединились ко мнѣ оба деньщика мои. Ибо сколько ни довѣрялъ я честному лицу спарика, однако наслышавшись довольно о жестокихъ измѣнахъ Испанцевъ, я не рѣшился безъ всякой защиты подвергать себя опасности; припомъ же помощь сія на всякій случай не могла быть лишнею.

Въ углу, къ которому шелъ старый Педро, не выдавъ было двери, и потому я не могъ понять, что намъ путь дѣлать, но Педро не замедлил все объяснить. Онъ подавилъ камень въ нишѣ, и вся глубина оной опдвинулась въ сторону, открывъ передъ нами узкую, крупно поднимающуюся лѣстницу. Мы поспѣшно пошли наверхъ, и потаенная дверь съ прескомъ опять за нами захлопнулась.

Взойдя на лѣстницу, Педро опворилъ дверь, и мы вступили въ небольшую, со вкусомъ убранную комнату; другая дверь, которая, казалось, вела въ боковую комнату, была только прислонена. Педро поропливо распорилъ и эту дверь; передъ распятіемъ стояла на колѣняхъ дѣвушка въ простой, но праздничной одеждѣ; обращенная къ намъ спиною, она усердно молилась, и въ опчаянія просиярала руки къ небу. При входѣ нашемъ, она быспре вскочила, и я увидѣлъ существо прелеснѣйшее, дѣвицу Ангельскою красоты. Смертная блѣдность, покрывавшая ея ланипы, не искажала ея прелесней, напрошивъ того возбуждала въ сердцѣ каждаго живѣйшее соучастіе къ ея спраданіямъ.

Когда взоръ ея упалъ на меня, она съ глухимъ воплемъ лишилась чувствъ, и еслибъ мы оба не успѣли поддержать её, то она сильно ударилась бы головою объ спѣну.

При неупоминимыхъ спараніяхъ вскорѣ удалось намъ возвращить её къ жизни. Мы спали пакъ, что первый взглядъ ея долженъ былъ пасть на спараго Педро; узнавъ его, она со слезами кинулась къ нему на шею, и воскликнула: «слава Богу, что ты опять у меня. Ахъ, какъ мнѣ одной было спрашно, и я бы никакъ не осмалась шупъ, еслибъ не удержалъ меня спрахъ опъ свирѣпой наглоспи непріятелей. — Но говори, Педро! что спалось съ папньюкою, съ маминьюкою, съ брапцемъ? Здоровы ли, въ безопасноспи ли они?»

— Здоровы и въ безопасноспи! — утрюмо опвѣчалъ спарикъ: вамъ полько, благородная Донна, — продолжалъ онъ, подавляя свою гореспъ: вамъ угрожаеспъ величайшая опасноспъ. Замокъ горипъ, и одно немедленное бѣгспво можеспъ васъ спаспи; но замокъ все еще окруженъ Французами, и попомо папньюка присылаеспъ вамъ зашпника, котораго, среди непріятелей, испиннымъ чудомъ привело къ вамъ само Провидѣніе.» —

При сихъ словахъ онъ указалъ на меня, и я, почшптельно поклонясь, подошелъ поближе къ прелеспшой незнакомкѣ. — «Такъ почно, Донна,» сказалъ я распроганнымъ голосомъ: «вашъ благородный родипель поручилъ мнѣ васъ спаспи, и я увѣренъ, что вы не откажеспъ опъ моей зашпны. И такъ, не медлите, слѣдуйте за мною, ибо пламя бспро распроспраняеспся и скоро обхвапипъ и эту часпъ замка.» —

— Мнѣ слѣдовать за вами, — опвѣчала дѣвица, смопря на меня недовѣрчиво: за вами, злѣйшимъ врагомъ моего опечеспва? — Нѣтъ, никогда!

«Вы можете ему ввѣршпся, Донна,» подхвапипъ Педро: «спарый Педро за него ручаеспся, а этого, надѣюсь, достапочно; но къ чему шупъ много говорипъ; взгляните на эту свѣжую рану, которую онъ получилъ, спараясь спаспи жизнь вашему брату.» —

— Неужели? — воскликнула она, превратно понявъ смыслъ сихъ словъ, и глаза ея, съ выра-

женіемъ живѣйшей признапельноспи, поклонись нѣсколько мшупъ на раненой щекѣ моей. Попомъ она пропинула ко мнѣ руку, и сказала съ живоспию: я иду съ вами! — Куда папньюка криказалъ опвеспи меня? —

Вопросъ сей хопя былъ самый еспеспвенный, но я вовсе не былъ къ нему пригптовленъ, и чрезъ то легко могло бы пробудшпся въ ней подозрѣніе, которое разрушпло бы все наши спаранія; но спарый Педро, скорымъ опвѣпомъ своимъ, вывелъ меня изъ замѣшательсства.

«Въ Барбарспро,» сказалъ онъ: «къ вашему дядюшкѣ. Родипели ваши и брапецъ также постараются пробратъ шуда, но окольную дорогою. Они, воспользовавшисъ благопріятною мшупою, уже спаслись изъ замка. — Я буду вашимъ проводникомъ. — Но теперъ, Донна, извольте немедленно иппи за нами, и что можно еще спаспи, того не надобно легкомысленно предавать пламени.» При сихъ словахъ онъ опперъ пошпенный шкапъ въ спѣнъ, вынулъ опшуда ларчикъ съ драгоценноспиами, другой съ важными бумагами, и попомъ попросилъ насъ иппи за нимъ, какъ можно скорѣе, ибо дымъ проникалъ уже въ комнапу со спороны церкви, и еслибы прежде, нежели мы успѣли спаспиться, пламя обхвапипо коридоръ, соединявшій сш пошпенныя комнапы съ пропивоположною часпию замка, то мы все погибли бы непзбѣжно.

Къ счаспию наше опасеніе оказалось неосновательнымъ; мы безпрепяспвенно dospипли внупреняго двора, гдѣ собрались уже солдаты, выгнанные пожаромъ изъ замка, и по большой часпи навьюченныя всякаго рода добычею. Моя спупница нимало не жалѣла о помъ, что они все обогатились ея сособспвеноспию, но шла подлѣ меня, вперяя взоръ на землю и дрожа опъ спрахъ: по другую спорону шелъ рядомъ съ нею спарикъ Педро, пвердо рѣшась, какъ казалось, зашпцать свою молодую повелшпельницу до послѣдней капли крови.

Солдаты, раздраженные споль многими, случившимися въ этопъ день сшбками, косо посмапривали на даму, взяпую мною подъ зашппу; но уваженіе къ Шпабъ - Офицеру обуздывало ихъ, и никто не опважился на на-

глый постукокъ; но проходя мимо сей военной черни, по большой часпи опьянѣвшей, я довольно ясно слышалъ, какъ они между собой перешепывались, говоря, что Офицеры всегда умѣютъ выбрать себѣ лучшее, что этого нельзя позволять, и многое по подобное. Я приговорился, будто ничего не слышу, внутренно радуясь тому, что бѣдная дѣвушка не понимала сихъ угрозъ, коими провозгласили насъ упомянутые грабежемъ и убійствомъ войны.

(Окончаніе въ слѣд. листѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Ж Е Н Щ И Н А.

Въ дни юности она являлась мнѣ
 Полна мечты, высокихъ ощущений;
 Какъ вѣрный другъ въ щасливой пшеницѣ
 И средь превогъ какъ благодатный геній.
 Въ ея рѣчахъ—я слышалъ неба гласъ,
 Въ ея очахъ по небо разверзлось,
 Сполнь дивное, когда въ завѣсный часъ
 Чело любви поскою покрывалось.

*

Жизнь тяжело на грудь мою легла;
 Я опъ людей прошелъ другой дорогой—
 Она на грусть, на опытъ навела,
 Сроднивъ меня съ надеждою убогой;—
 Передо мной преображенный свѣтъ
 Лежитъ во тьмѣ заброшенной юдолью,
 И свѣжихъ чувствъ давно на сердцѣ нѣтъ
 Измученномъ полусокрытой болью.

*

И тьма она является предъ мной,
 Лишенная теперь волшебной шкани?
 Мечемъ судьбы! Въ ея красѣ земной
 Все говорятъ: вы здѣсь для испытаній.
 Счастливы тѣ: кого всеслышный взглядъ,
 И дивный мигъ паиспвенныхъ объятій
 Опъ свѣтлыхъ дѣлъ и думъ не отвратитъ
 И цѣлью ихъ не спанутъ предпріятій.

Карлаофъ.

ПЛЯСКА МЕРТВЕЦОВЪ.

Б А Л Л А Д А.

(Изъ Гѣте.)

Въ полпочъ на кладбище взглянулъ часовой
 Одинъ, съ вышины колокольни.
 Какъ день, всё оно озарилось луной,
 Свѣтлѣютъ могилы окольни....
 Глядишь.... разсупилась гробовъ глубина,
 Вспаюютъ мертвецы—пачь одинъ, пачь одна,
 Закутаны въ саванахъ бѣлыхъ.

*

Спрягнулись—и въ пляску, и руку съ рукой,
 Свилися въ вѣнки, въ хороводы,
 И спаръ и богачъ и убогъ и молодой;
 Но въ саванахъ нѣту свободы,
 А жптели гроба не знаютъ спыда:
 Покровы долой—и пуда и стода
 Лешащъ по могиламъ сорочки.

*

И дружно и звучно съ круженіемъ пятъ
 Хохочутъ ужасные госпи,
 Щелкаютъ и хлопчатъ, попаютъ въ ладъ
 И брякаютъ кости о кости.
 Забавное спражу припало на умъ,
 Знашь въ ухо лукавой шепчуль ему: «кумъ,
 «Поди, унеси одинъ саванъ!»

*

Задумалъ и сдѣлалъ; поропился онъ
 За тѣ ли за двери свящныя,
 Всѣ мѣсяцемъ кругъ мертвецовъ озарѣтъ,
 Всѣ дѣлса ихъ пляски ночныя.
 Но вопъ исчезаетъ и эпошь и пошь—
 Одинъ за другимъ покрывало берѣтъ,
 И смолкнуло всё подъ правую.

*

Одинъ запоздалъ, и лѣнясь, по гробамъ
 И шаритъ и бродитъ и рыщетъ;
 Не дѣлаютъ зла мертвецы мертвецамъ,
 Онъ по духу савана ищеть.
 Онъ въ двери гремитъ, онъ дверями отбштъ,
 На нихъ, ко спасенію спражу, горитъ
 Креста красота и свящныя.

*

Безъ савана пруть и земля не взяла.

Раздумываешь, медлишь не время;
Хвапается онъ за уступы угла,
Спугаешь, какъ въ спремя изъ спремя.
Несчастному спражу приходишь конецъ.
Всползаешь покойникъ съ зубца на зубецъ,
Какъ будто паукъ долгоногий.

*

Ползешь; поблѣднѣлъ, обомлѣлъ часовой,
Онъ опдалъ бы кровь бесполезной —
Ужъ близко... ударилъ швой часъ роковой!
За крюкъ ужъ хвапаетъ желѣзной...
Вдругъ мѣсяца лучъ пошемнѣлъ и погасъ
И въ колоколь пляско отпрянуло — часъ!
И внизъ оборвался покойникъ.

Пер. И. Петровъ.

Якутскъ.

КЪ ИЗМѢННИЦѢ.

Зачѣмъ, коварная, лукавишь
И на предапельную грудь
Меня зовешь главою прильнуть
И хипрыхъ ласкъ мнѣ сѣни спавишь?
Меня ли хочешь обмануть?
Ты только, милая, забавишь,
Что мыслишь спрасишь въ меня вдохнуть;
Меня рабомъ бышь не заспавишь!
Я, какъ Украйны конь спенной,
Свободой гордъ, не знаю плѣна;
А въ спраси, какъ пожаръ лѣсной,
Неукрошимъ я; но колѣна
Мои не гнутся, чувъ измѣна
Аркаиъ гошовишь накидной!

В. Романовичъ.

С H A R A D E.

Dans mon premier on verse mon second;
Mon tout attend voleur et vagabond.
Въ No 9, помѣщенная шарада значить: *Порогъ.*

M O D E S.

Nous voici à une époque où presque chaque semaine voit paraître une nouveauté: nous annoncerons aujourd'hui la guirlande nouvelle de M. Cartier fils, à qui la mode, depuis quelques années, est redevable d'un assez grand nombre d'inventions du même genre. La nouveauté dont nous parlons ici, appelée *guirlande à la Maintenon*, du nom de la coiffure pour laquelle elle a été inventée, est un croissant composé de diverses fleurs montées sur un laiton, dont les deux pointes forment deux touffes, et la partie rentrée un simple cordon où l'on retrouve les mêmes fleurs, seulement plus petites et plus espacées. Les coiffures où les cheveux de devant sont en tire-bouchons devenant de plus en plus nombreuses, les guirlandes à la Maintenon ne peuvent manquer de jouir d'une grande vogue.

Pl. No 4. Nouveaux costumes.

M O D Ы.

Насупила та эпоха, когда всякую недѣлю появляется какая нибудь новоспъ; сегодня опишемъ новую гирланду Г-на Карпье, сына; копорому мода, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, обязана за множество изобрѣшеній въ семъ родѣ. Новоспъ, о которой мы говорили, гирланда, называемая а ла Менпенонъ, по имени прически, для которой она выдумана, она въ видѣ полу-мѣсяца, соспавленнаго изъ разныхъ цвѣтовъ, сдѣланныхъ на каркасъ, на концахъ кустики, а округленная часть гирланды, просто снурокъ, изъ такихъ же цвѣтовъ, только не такъ крупныхъ и далѣе распавленныхъ. Передніе волосы причесываютъ шпорами весьма густо. Гирланды а ла Менпенонъ вѣрно войдутъ въ большое упопребленіе.

Карп. No 4. Последніе костюмы.

С M Ъ С Ъ.

Обогащеніе Французскаго языка. — Со времени революціи прошлаго столѣтія Французскій языкъ обогатился 11,000 новыхъ словъ. Сомнительно, чтобы Июльская революція принесла тѣ же самые плоды.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходятъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 11.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 36-ю каршинами модъ, въ С. П. б. 30, съ до-сважкою и пересылкою 35 рублей.

СУББОТА, Февраля 6 дня, 1852 года.

Да! Дочки у нее ужъ взрослые дѣвицы;
Не даромъ изъ столицы
Изволили прѣхать къ намъ.
По ярмаркамъ возозапъ ихъ — а шаяъ
На выборы, да къ Липецкимъ водамъ.
Загоскинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ПОРА! ПОРА!

А. По сіе 27-е число Января вышло въ Свѣтъ *Сѣвернаго Меркурія*, издаваемаго Михайломъ Алексѣевичемъ Беспужевымъ-Рюминымъ, *четыре* нумера, а мы ожидали *двѣнадцати*: пора! пора!

Б. По сіе 27-е Января порадовала насъ своимъ явленіемъ *одна* книжка *Гирланды*, журнала модъ, псапровъ, музыки и словесности, издаваемаго Михайломъ Алексѣевичемъ Беспужевымъ-Рюминымъ; а намъ слѣдовало бы получше *четыре*: пора! пора!

В. По сей 27-й день Января не выдано издаваемаго Михайломъ Алексѣевичемъ Беспужевымъ-Рюминымъ музыкальнаго журнала, подъ заглавіемъ: *Гирланда*, ни *одной* книжки; а мы бы въ правѣ были надѣяться получить хотя что вибудь: пора! пора!

Г. По сіе 27-е Января не выдали мы даже образчика *Дѣтскаго Журнала*, о коемъ объявлялъ чрезъ С. Петербургскую Газетную Экспедицію Михаилъ Алексѣевичъ Беспужевъ-Рюминъ: пора! пора!

Лмбургъ.

Гаврило Расгѣтинъ.

СЕМЕЙНАЯ ПРОГУЛКА.

Были послѣдніе каникулы, а для опца каникулы бываюпъ временемъ мученья, бѣдъ и скуки, особливо, если у него еспъ прое дѣпей, какъ у меня, и жена, которая балуетъ ихъ. Во время каникулъ жена моя пріучила дѣпей къ забавамъ, къ псапру, къ прогулкамъ за городъ; пусть они забавлялись бы одни; нѣпъ, всякой разъ надобно брапъ съ собою ихъ поварищей и подругъ, обучающихъ съ ними въ одномъ пансіонѣ: дочь Г-на *Годара*, сына Г-жи *Якобъ*: пакъ жена моя пріучила ихъ. Можете себѣ вообразить, какой сославился поѣздъ, если прибавить къ тому куклу у одной, у другаго полшпшеля, у претяго саблю, у чепверпой колясочку.

Я не скучаю прогулкою съ дѣпми; самага маленькаго изъ нихъ беру я на руки, вожу малюпку *Годаръ* въ плепеной колясочкѣ, и по временамъ держу подъ мышкой саблю Г. *Якоба*. Но надобно идти въ Тиволи; по милости маминьки, дѣпни привыкли къ Тиволи; здѣсь-то начинаются всѣ мои мученія: спаршій сынъ мой хочетъ испытать свои силы; женѣ моей угодно, чпобъ одинъ изъ нашей

фамилии былъ искусный кулачный боецъ, и въ угодность ей, на другой день я не могу пошевеливъ рукою опъ сильныхъ ударовъ по твердой бархатной подушкѣ во время урока, даннаго моему наслѣднику. Попомъ мы идемъ къ Египетскимъ качелямъ, и я, не могши сно- сить качель, за недоспапкомъ чепверпаго, долженъ кружиться на тряской скамйкѣ; послѣ сего доходитъ очередь до воздушнаго флота; наконецъ, продержавъ на рукахъ око- ло прехъ чепвершей часа по того, по дру- гаго ребенка, пока они досыпа не насмоп- рятся на Англійскія пантомины, мы переходимъ изъ театра въ танцовальный залъ: шупъ я надъюсь отдохнутъ, уже замѣчаю пустой спуль, какъ вдругъ рѣзвая малюпка *Годаръ* попадаетъ подъ ноги одной парѣ танцую- щихъ, которая неумышленно опрокидываетъ её; она поднимаетъ крикъ; я кидаясь на не- учпиваго кавалера, её опрокинуваго; онъ толкаетъ меня, я выхожу изъ себя; онъ хва- паетъ меня за воротъ, я замахваюсь на не- го просью, съ корою сельскій старшина впустилъ меня въ залъ изъ состраданія къ больной ногѣ моей; жена моя кидается раз- нимать насъ; дѣпи подняли вой, является земская полиція, меня окружають, пѣснятъ, я сопротивляюсь, меня схватываютъ и поч- пи выбрасываютъ изъ сада съ женою, комя сочкой, дѣпями, саблями и куклами.

Мы прошли улицу *Clichy*; дѣпи плакали, я журилъ свою жену, она бранила дѣпей, и вопъ мы очутились на Импаліанскомъ буле- варѣ. «Ахъ! Боже мой! вскричала вдругъ же- на моя, гдѣ же нашъ маленькой *Якобъ*? Ужь не заблудился ли онъ?...» Въ испугъ я кричу: *Якобъ! Якобъ!*... Нѣтъ *Якоба*; въ су- мапохъ мы потеряли его... Чпо дѣлають? Чпо съ нами будетъ?... Жена моя падаетъ въ обморокъ... Я отношу её въ ближній ко- фейный домъ, а самъ бѣгу въ Тиволи, гдѣ по- салъ многихъ поисковъ и распросовъ, мнѣ ука- зываютъ мальчика въ слезахъ: это былъ *Якобъ*, который плакалъ опъ того, чпо его посадили въ сельскій приказъ, пока опыщуп- ся его родители. Измученный усалоспью, я вахожу опль жену свою, и мы опводимъ маленькаго *Якоба* къ его матери, которая спра- шиваетъ меня: весело ли мы провели время!...

Попомъ мы повели маленькую *Годаръ* къ ея родителямъ. Едва показала она, какъ привратница подняла ужасный крикъ, за нею забыла няня, и наконецъ заключили сей кон- цертъ отецъ и мать малюпки... Въ жаркой ссорѣ я не замѣпилъ, чпо у сей малюпки опъ паденія въ танцовальномъ залѣ вскочила на лбу большая шишка и чпо она разбила себѣ носъ; дорогою она испачкала рученкою себѣ лице кровью, пакъ чпо потеряла чело- вѣчскій видъ. Упреки градомъ на меня по- сыпались: «Возможно ли пакъ изуродовать дочь мою!...—Взявъ на свои руки дѣпей, на- добно беречь ихъ.—Это низко! Бѣдная ма- люпка!—Кто тебя избилъ?»—Я хочу гово- рить, меня не слушаютъ, хочу объясниться, меня опвергаютъ; крикъ увеличивается; при- бѣгаютъ сосѣди; иной подумалъ бы, чпо шупъ случился пожаръ... Я пользуюсь сум- апохою, и чптобы въ другой разъ не занести дѣла съ полицією, бѣгу опрометью домой, давъ себѣ слово опучить своихъ дѣпей опъ подобныхъ прогулокъ, и впредь не таскаться съ собою чужихъ дѣпей.

СЛОВЕСНОСТЬ.

НАПАДЕНІЕ ВЪ РАСПЛОХЪ.

Истинное происшествіе.

(Окончаніе.)

Я довель молодую Испанку до своего эки- пажа, посадилъ ее, приказалъ спарому Педро съспъ подлѣ нея, и самъ намѣрень былъ про- вожать её верхомъ.

Съ неперпѣніемъ ожидалъ я минуты, когда мы выпустимъ въ походъ; но Капитанъ все еще медлилъ, не смопря на то, чпо огонь обхватилъ уже хозяйственныя строенія зам- ка и не было никакой надежды провеспи здѣсь ночь.

Наконецъ явился Каптанъ, но въ какомъ состояніи!—Онъ вѣрно познакомился съ под- валомъ, ибо пакъ былъ пьянъ, чпо едва дер- жался на ногахъ. Вино еще болѣе раздражило его природную грубость (ибо онъ выслу- жился изъ рядовыхъ), и въ эпомъ видѣ онъ, кромѣ челоувѣческаго образа, не имѣлъ ничего

общаго съ человѣкомъ. — Солдаты вѣроятно предварили его о моей спутницѣ, ибо онъ, шапаясь, подошелъ къ экипажу, подлѣ коего я споялъ, перевязывая свою рану, сильно меня беспокоившую.

«Подполковникъ,» сказалъ онъ, дружески препля меня по плечу: «эпа красотка моя. Надѣюсь, что вы не спанете спорить, ибо, какъ Командиръ отряда, я имѣю право выбирать себѣ любое изъ добычи.»—Все это онъ съ трудомъ проленепалъ, и хотѣлъ уже вскарабкаться въ повозку.

«Позвольте,» сказалъ я, едва подавляя гнѣвъ свой, схватилъ его за руку и оптащилъ безъ околичностей: «добычи у васъ не оспариваю, но *дали* сія не принадлежатъ къ добычѣ; сверхъ того она паходится подлѣ моею защитною, которую прошу уважать.»

— Ничего не уважаю, совершенно ничего!— кричалъ Капитанъ въ бѣшенствѣ: я здѣсь командую, и потому эпа дѣвочка мнѣ принадлежитъ. Не совѣтую никому пропивившся мнѣ, или — —

«Что такое—или!» быстро подхватилъ я.

— Или онъ не избѣжитъ заслуженнаго наказанія!—сказалъ Капитанъ съ обыкновенною солдатскою бранью и грозно ударивъ о рукоятъ шпаги.

«Милоспивый Государь!» вскричалъ я, вышедъ изъ терпѣнія: «если ваши слова не пустое хвастовство, то сію же минути пребую за обиду кроваваго удовольстворенія!» Тупъ и я громко ударилъ о саблю.

Молодая Испанка ни слова не поняла изъ нашей ссоры, однакожь видѣла наши непріязненныя пѣлдвиженія; она предчувствовала, что ей угрожаетъ опасность, и тихо произнесла: *Санта Марія!* упала безъ чувствъ на руки стараго Педро. Это было къ счастью ея, ибо пѣмъ она избавилась отъ мученія бытъ свидѣтельницею слѣдовавшаго за симъ явленія.

Лишь только я сказалъ это Капитану, какъ сей яростно выхватилъ шпагу изъ ноженъ, и закричалъ мнѣ: «защитайтесь, Подполковникъ! Капитанъ *Кабо* не терпитъ никакихъ угрозъ. — Защитайтесь, или—чорить меня ноברי — я васъ заколю.»

При слухъ словахъ онъ напалъ на меня съ такимъ бѣшенствомъ, что для сохраненія собственной жизни мнѣ надобно было съ нимъ сразиться. Клинки наши скрестились, но я принужденъ былъ употребить все свое искусство и присутствие духа, чтобы опвеспитъ его быстрые удары. Наконецъ, мнѣ удалось воспользоваться ошибкою моего противника, и шпага выпала изъ окровавленной руки Капитана. Побѣда была на моей сторонѣ, но опасность не уменьшилась; отъ пьянаго и разъяреннаго соперника должно было ожидать всякаго насилія, такъ что мнѣ ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ репироваться. Я приказалъ своему ямщику ударить по лошадымъ, самъ вскочилъ на своего бураго коня, и поскакалъ за экипажемъ.

Между пѣмъ Донна оипянь пришла въ себя, и взоръ ея заботливо искалъ меня. Когда она меня увидѣла, я замѣтилъ, что по прелестному лицу ея разлилась небесная радость, и сердце мое забилось невыразимымъ препепомъ.

Прежде всего я позаботился о безопасномъ убѣжищѣ. «Куда намъ теперь ѣхать?» спросилъ я стараго Педро: «далеко ли отсюда до Барбастро; какал дорожа туда ведетъ, и еспь ли тамъ Французскій гарнизонъ?»

— Въ прехъ миляхъ отсюда въ споронѣ, и давно уже заняты Французскими войсками,— опивчалъ старикъ: хотя отсюда можно проѣхать туда только проселочными дорогами, но со спороны напрямовъ намъ опасаться нечего, ибо они вѣроятно всѣ соединились въ лѣсу для нападенія на вашу отрядъ. Впрочемъ не бѣда, если и встрѣпимся съ ними? Мои сѣдые волосы и присутствие Донны, коей отецъ пользуется отличнымъ уваженіемъ во всей провинціи, опврапятъ всякое непріязненное дѣйствие. —

До того не дошло. — Старикъ очень хорошо зналъ дорожа, и въ полночь мы благополучно прибыли въ Барбастро, къ дому, который принадлежалъ дядѣ Донны. Педро разбудилъ служителей, которые всѣ ужь спали глубокимъ сномъ, и ворча, опворили двери, но топчасъ заговорили другимъ голосомъ, когда его узнали.

Педро попросилъ мою прелестную спутницу подождать нѣсколько минутъ въ экипажѣ,

дабы предварить дядю о ея приезде. Я угадывалъ его намѣреніе и доволенъ былъ его разборчивостію, которую такъ рѣдко встрѣчаемъ въ людяхъ его званія.

Черезъ полчаса онъ возвратился, и попросилъ меня, отъ имени Донъ-Цесаря Гусмана Гинареяса, привести къ нему племянницу.

Донъ-Цесарь былъ нѣсколькими годами моложе своего брата, Маркиза, но лице его не выражало того открытаго, внушающаго доверенность характера, который при первомъ взглядѣ такъ сильно привязалъ меня къ его несчастному брату. Онъ былъ мраченъ, угрюмъ; все показывало, какого принужденія стоило ему немногими словами поблагодарить спасителя родной племянницы, въ которомъ онъ видѣлъ только врага своего опечесства. Весь разговоръ нашъ, холодный и принужденный, продолжался не болѣе пяти минутъ, чего я не могъ ожидать послѣ столь важной услуги, ему оказанной. —

Раздраженный его обращеніемъ, я безмолвно раскланялся съ нимъ, и сказавъ еще нѣсколько словъ его племянницѣ, которая, задумавшись, съ понижимъ взоромъ сползла подлѣ своего дяди, хотѣлъ выйти изъ комнаты, — спускъ красавица преодолѣла двическую робость, быстро подошла ко мнѣ, сняла кольцо съ пальца, и вручая мнѣ оное, сказала невыразимо сладостнымъ голосомъ: «благородный человекъ, великодушный избавитель мой отъ враговъ, примите отъ меня сей малый знакъ признательности, и при видѣ его вспоминайте Оливію Гинареяса, въ груди коей благодарность къ ея избавителю угаснетъ только вмѣстѣ съ ея жизнію.» —

Она не могла продолжать отъ избытка чувствъ; охотно я отвѣчалъ бы ей, охотно сказалъ бы, что образъ ея навѣки запечатлѣнъ въ моемъ сердцѣ, но Донъ-Цесарь смотрѣлъ на меня такъ неприязненно, черпы его казались мнѣ такъ отвратительными, что я прижавъ руку къ сердцу, поспѣшно вышелъ изъ комнаты. —

Теперь я навсегда съ нею расстался; по крайней мѣрѣ не встрѣчусь съ нею въ этой жизни: эта мысль навела на меня мучительную тоску. Но сіе горестное чувство было непродолжительно. Нѣсколько дней спустя я

соединился съ своимъ полкомъ: переменна мѣста, непосполныя успѣхи войны, все это такъ заняло мои умственные способности и плѣсные силы, что у меня почти не оставалось времени подумать о прелестной Оливіи, и если я вспоминалъ объ ней, то не иначе, какъ о прелестномъ недоступномъ образѣ, какъ объ упраченной сущестственности.

Прошло два года; въ продолженіе сего времени я съ полкомъ своимъ исходилъ почти всю Испанію, и наконецъ очутился опять въ Аррагоніи. Жители оной съ нѣкотораго времени начали дѣйствовать отважнѣе и рѣшительнѣе. Наши войска употреблены были въ другихъ мѣстахъ, гдѣ Англичане сильно плѣснили насъ; во многихъ городахъ оставались только слабые гарнизоны. Испанцы, пользуясь сиею обстоятельствомъ, мало по малу завладѣли многими, въ томъ числѣ весьма важными крѣпостями. Къ числу городовъ, коихъ обратное приобрѣтеніе для насъ было необходимо нужно, принадлежалъ и городъ Барбаспро: ибо онымъ пересѣкалось сообщеніе Капалоніи съ Аррагоніею, пока онъ оставался въ рукахъ непріятеля, который не задолго предъ тѣмъ взялъ его нечаяннымъ нападеніемъ. Бригада, къ которой принадлежалъ и мой полкъ, получила приказъ атаковать его и взять непременно. Для сбереженія людей, мы рѣшились завладѣть городомъ посредствомъ нападенія въ распахъ, но намѣреніе наше открыто, и когда мы на разсвѣтъ подошли къ стѣнамъ Барбаспро: то непріятель былъ уже готовъ къ оборонѣ. Командиръ нашъ тотчасъ приказалъ штурмовать; я содрогнулся, услышавъ сіе: ибо первою мыслию моею, при имени Барбаспро, была Оливія, къ которой любовь все еще не погасла въ моемъ сердцѣ.

Съ ужасомъ помыслилъ я о безчисленныхъ опасностяхъ и злодѣйствахъ, коимъ моя возлюбленная можетъ подвергнуться въ городѣ, взятіемъ приступомъ, въ первый разъ я пожалѣлъ о томъ, для чего я кавалеристъ, ибо въ еемъ положеніи мнѣ никакъ нельзя было защититься отъ опасностей Оливію.

Взятіе сего города приступомъ было не такъ легко, какъ мы предполагали: ибо мѣсто-

положеніе Барбастро укрѣплено было природою, и сверхъ паприотовъ защищали спѣны всѣ жители. Наконецъ, послѣ упорнѣйшаго, кровопролитнаго боя, два часа продолжавшагося, нашимъ удалось взойти на валъ. Потомъ они завладѣли ближайшими воротами и разрушили оныя; мнѣ приказано было немедленно занять съ полкомъ мой городъ и очистишь улицы. Радосно забилось у меня сердце, когда получилъ я сіе приказаніе, и въ сопровожденіи моихъ вѣрныхъ соповарищей во весь духъ помчался я въ городъ. Полкъ мой разсыялся по всему городу; но кто удивился тому, кто упрекнетъ меня въ томъ, что моею единственною заботою была Оливія? Взавъ съ собою нѣсколько самыхъ опытныхъ и испытанныхъ всадниковъ, я поскакалъ къ дому ея дяди; мнѣ случилось быть тамъ только одинъ разъ; но память мнѣ не измѣнила. Сверкая, позади насъ вылетали искры изъ звонкой мостовой, и подобно урагану, лепѣли мы по опустѣвшимъ улицамъ. Вскорѣ мы пріѣхали. Тупъ услышалъ я издали ужасное смятеніе въ домѣ, услышалъ внутри онаго выспрѣлы, и сердце мое замерло.

Примчавшись, соскочилъ я съ лошади, и съ обнаженною саблею взбѣжалъ на лѣспнищу. Первый предметъ, представившійся глазамъ моимъ, когда вошелъ я въ сѣни, былъ израненный Испанецъ, который при входѣ моемъ съ прудомъ поднялся съ полу, схватилъ лежавшее подлѣ него ружье, и прицѣлился въ мою грудь.

«Педро!» вскричалъ я, узнавъ его: «гдѣ Донна Оливія?—Говори!»

— Ахъ это вы, сударь?—сказалъ онъ, узнавъ меня:—васъ послалъ сюда самъ Богъ!—Тамъ—но лѣспнищъ—въ концѣ галлерей—последняя дверь вправо.—Донна борется съ ирремя кровавыми извергами;—спѣшите, или будетъ поздно.—Я не могу идти съ вами, пуля слишкомъ мѣтко попала.—Спѣшите, ради вѣжъ Святыхъ!

Последнія слова произнесъ онъ, когда я былъ уже на лѣспнищѣ. Со страхомъ преслѣдуемаго: убійцы полетѣлъ я къ означенной двери; она была изнутри замкнута; въ комнатѣ раздавался дикій хохотъ многихъ суровыхъ голосовъ, среди коихъ слышались мнѣ

слабые жалобные звуки женскаго голоса. Съ непонятною силою, которую могла внушить мнѣ одна только предсоящая опасность, выломалъ я дверь, и увидѣлъ Оливію, лежащую на полу и обхваченную грубыми руками одного изъ нашихъ пѣхопинцевъ. Не думая ни мало, я бросился на злодѣя, и однимъ ударомъ повергъ его замертво подлѣ прелестной. Оливія громко вскрикнула и упала въ обморокъ, но поварищи раненаго схватили ружья, и яростно на меня устремились.

«Хорошо, хорошо! убейте собаку!» кричалъ лежавшій на полу, держа обѣими руками раненую голову: «убейте его! Чего намъ шупъ бояться?»—

Тщепно громовымъ голосомъ напоминалъ и дерзкимъ о повиненіи спаршему себя. Въ ту мину, когда городъ послѣ кровопролитнаго сопротивленія бываетъ занятъ пріступомъ, Офицеръ иногда не въ силахъ даже удерживать людей своего полка, не говоря уже о войскахъ другаго рода оружія, и я погибъ бы невозвратно, еслибъ не подоспѣли мои всадники. Пѣхопинцевъ мгновенно обезоружили, а я бросился къ Оливіи, въ смертельномъ страхѣ,—не поздно ли подана мною помощь.—

Но черезъ нѣсколько минутъ она открыла глаза; увидѣвъ меня, поспѣшно вспала, и воскликнувъ: въ другой разъ вы были моимъ избавителемъ! Она съ горячностію прижалась къ моему сердцу.

Я наслаждался невыразимымъ блаженствомъ, но оно было споль же кратко, сколько сладосно. Оливія сдѣлала это въ первомъ движеніи чувствъ, въ забытіи; черезъ мину, она опомнилась; ланпы ея запылали огнемъ дѣвственной стыдливости; она почувствовала, сколь далеко преспустила границы приличія; вырвалась изъ моихъ объятий, и съ холодною учтивостію впорочно меня поблагодарила.

Но эпитъ одинъ мигъ восхищительнаго забытія вознесъ меня на верхъ блаженства, ибо онъ доспаочно обнаружилъ сердце Оливіи.—Я не смѣлъ долѣ оспаваться, ибо служба звала меня опять къ своему полку; но я могъ распаться спокойно: она была въ безопасности. Я схватилъ ея руку, прижалъ

её съ жаромъ къ сердцу и уснуть, приспавилъ спражу къ дому возлюбленной, приказалъ своимъ деньщикамъ позаботиться о спаромъ Педро, и кинулся опять въ пылъ сраженія.

Черезъ два часа мои люди опнесли меня раненаго и лишенаго памяти въ домъ Оливіи.— Мы слишкомъ жарко преслѣдовали бѣгущаго непріятеля и попали въ засаду. Тутъ жестокій ударъ прикладомъ въ голову свергъ меня съ лошади и пуля раздробила мнѣ правую руку.

Въ послѣдствіи узналъ я опъ своего деньщика, что Оливія, увидя меня въ семь соспояній, пришла въ отчаяніе, и не прежде успокоилась, какъ когда позванный врачъ поклонился ей всѣми Святыми, что мои раны не опасны, и что мнѣ нужно одно только спокойствіе.

Какъ нѣжная сестра, она не опходила опъ моей постели во все время болѣзни, сама подавала мнѣ лекарство, и вообще имѣла обо мнѣ неуспнное попеченіе.— Я не могъ уже сомнѣваться въ томъ, что и къ ея сердцу, не смотря на ненависть народную, любовь опкрыла себя путь. Она не скрывала опъ меня чувствъ своихъ, и когда здоровье мое, благодаря нѣжной ея заботливости, скоро поправилось, когда я наконецъ опкрылся ей въ любви, съ жаромъ умолялъ её быть навѣкъ моею, тогда и она призналась мнѣ опкровенно, что никогда не полюбитъ другаго; но при всемъ томъ рѣшительно опказала мнѣ въ рукъ своей.

Тщепно я упрашивалъ её, опкрыть мнѣ причину сего горестнаго для меня опказа; долго она опговаривалась, но наконецъ принуждена опкрыться, и объявила мнѣ, что она вопреки пламеннѣйшей, искреннѣйшей ко мнѣ привязанности, никогда не будетъ въ состояніи опдать свою руку врагу ея возлюбленнаго опчества.

«Но если я выйду въ опставку,» спросилъ я: «возможешь ли, милая, предать тогда забвенію, что я нѣкогда сражался пропивъ Испаніи?» Пристально смотрѣлъ я ей въ глаза, надѣясь прочитатъ опвѣтъ въ ея ангельскомъ взорѣ.

— Забуду! — прошептала она, и краснѣя, прильнула къ груди моей.

«Но дядя пвой?» спросилъ я робко: «согласился ли онъ, который съ непримиримою злобою въ каждомъ иностранцѣ ненавидитъ всю Французскую націю?» —

— Онъ за ненависть свою заплапилъ жизнь, — опвѣчала она дрожащимъ голосомъ: когда вы шпурмовали Барбаспро, онъ принялъ начальство надъ вооруженными гражданами, и палъ, защищая опасный пунктъ. —

Съ смертію его сошелъ въ могилу послѣдній изъ моихъ родственниковъ, я теперь свободна, независима, но за то: сирота, всѣми оставленная, беззащитная! —

При сихъ словахъ изъ глазъ ея покапались горячія слезы, посвященныя воспомнанію о горестной потерѣ опца, матери и брата. —

Я почпилъ скорбь ея, и по долгомъ молчаніи, сказалъ: «ты не одна, не покинута, не беззащитна, моя милая, я сегодня ужъ подалъ просьбу объ опспавкѣ. Нѣсколько дней тому назадъ, хирургъ объявилъ мнѣ, что я навсегда потерялъ употребленіе руки, и такимъ образомъ мнѣ теперь представляется случай съ честію оставить службу.»

Всѣ мои желанія въ полной мѣрѣ исполнились; я получилъ опвѣтъ на просьбу мою въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, и вскорѣ послѣ того Оливія сдѣлалась моей женою. Довольно значительное имѣніе ея опрашилъ я въ наличные деньги; потомъ взялъ съ собою стараго Педро, который совершенно выздоровѣлъ опъ ранъ своихъ, и мы опправились въ мое опчество — Германію, которая вскорѣ по возвращеніи моемъ освободилась опъ паякаго ига властолюбиваго припѣснителя.

Далеко опъ померанцовыхъ и лимонныхъ рощицъ Испаніи, подъ холоднымъ небомъ Сѣвера, Оливія и теперь еще вмѣстѣ со мною благословляютъ оплощность Капитана, который подвергся въ лѣсу нападенію въ распахъ; ибо, еслибъ онъ былъ опсторожнѣе, то я вѣроятно никогда бы не познакомился съ моей Оливією, по крайней мѣрѣ при такихъ обстоятельствахъ, которые, не смотря на столь жестокую народную ненависть, были въ состояніи насъ сблизить. —

Когда мы вспомняемъ о минувшихъ событіяхъ, которыя имѣли для насъ столь счастливыя послѣдствія, радость наша ничѣмъ не нарушается, какъ только пишемъ напомнимъ скорби о бѣдственной кончинѣ родителей и брата Оливія; но время, сей благодѣтельный врачъ, умѣрило и эту горесть. —

Съ Нѣмецкаго *Тило*.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

П Ъ С Н Я.

Очи, очи-незабудки
Милой дѣвицы малюпки!
Поглядише на меня!
Жду я ласковаго взора:
Нѣтъ линаго разговора
Въ ушро праздничнаго дня!

Щеки, розоваго цвѣта,
Щеки-розы, прелестъ свѣта!
Не спыдишеся меня:
Вамъ не будетъ поцѣлуя, —
Цѣловашь васъ не могу я
Въ полдень праздничнаго дня!

Бархатишь бѣлый, грудь младая!
Ты, волнуясь и сіяя,
Манишь нѣгою меня!
Полнь я нѣгою любовной!...
Прилепи же, часть условный —
Въ вечеръ праздничнаго дня!

Баронъ Розенъ.

Н А Д Е Ж Д А.

(Изъ *Гёте*).

Молю, оправданная надежда,
Молю, меня не оставляй,
Когда глушець или невѣжда
Подымуть на меня свой лай.
И будь всегда въ моихъ прудахъ
Моей споспѣшницею вѣрной
И отгони напрасной страхъ
Презрѣннымъ битье толпой презрѣнной.
Увѣренъ я, что не напрасно

Въ душѣ моей огонь горитъ...

О, пусть рука твоя хранитъ
Огонь сей чистой и прекрасной!
Такъ, вѣрю я, что совершится
Святой, оправданной твоей глаголь;
Спокрашно прудъ мой наградится,
Какъ изобильной жатвой доль.

Л. Якубовичъ.

Э Л Е Г І Я.

У колыбели.

Покойся, въ первыя минушы жизни крапкой!
Уже-ль вопще любовь къ покою въ грудь дѣшей
Природа нѣжная влила? Безпечность пей,
Младенець милой мой, покойся въ нѣгѣ сладкой.
Еще свободенъ ты, какъ зябликъ перелетный,
Безчувственъ къ прелестямъ величья и суесть;
Очаровательный младаго ушра свѣшь
И ночь беззвѣздная равно тебѣ привѣтны.
Успа твои златой невинностью блистають;
Она хранитъ твоей сонъ, и гении ея,
Твои крылатые и братья и друзья,
Прохладу розами на ликъ твой навѣвають.
Ахъ! рано юноша спремшися на превогу,
Невинности бѣжипъ, священный долгъ по-
правъ,
И въ океанъ спраспей пускается, избравъ
Самонадѣльность вождемъ своимъ въ дорогу.

Уже волшебница любовь его встрѣчаетъ
И кубокъ радостей къ успамъ его несетъ;
Онъ съ жаромъ изъ него забвенья нектаръ пьетъ,
Не вѣдая, что смерть въ семь пиній гла-
паситъ.

Вопъ у него въ груди заботъ, мученій волны;
Для пышныхъ прелестей созданья умеръ онъ,
Глядитъ съ уныніемъ на свѣшлый небосклонъ,
И ночь беззвѣздную встрѣчаетъ, страха пол-
ный.

Покойся, Ангелъ мой, невинностью хранимый!
Еще перзаша не знаетъ грудь твоя,

И совѣсть грозная, всѣчасно вопія,
Не ждетъ тебя на судъ, ничѣмъ неумолимый.

Я смаль какъ пы. — Теперь, пріятный сонъ объ-
яшій

Не проспираетъ мнѣ, бѣжипъ меня покой,
И жизни лабиринтъ я прохожу съ поскою.

О небо! если бы я былъ еще дыпящей!
Съ Нѣм. И. Покровский.

Ш А Р А Д А.

Слогъ первый мой въ Парижѣ пожь,

Что на Руси у насъ копейка или грошъ.

Второй — еспъ шкань. Ужь вы гоповы, сгоряча,
Вскричать: «Лино-баписпъ... нѣтъ, бархатъ!...
нѣтъ, парча!...»

Поспойте, слогъ впорой на нихъ ни чуль не схожь.

А цѣлое, шо еспъ: мой шльгй, скрыпъ омпъ
взоровъ;

Въ шеапръ-жь онъ слышнѣй самихъ актѣровъ.

Въ № 10, помѣщенная шарада значипъ: *Pot-eau*.

М О Д Е С.

Depuis quelques jours, les petits chapeaux de ve-
lours que les dames portent à la ville sont ornés
d'une grande plume à l'espagnole; ceux du matin se
portent toujours avec des bouquets de quatre à cinq
plumes, soit blanches, soit de la même couleur que
l'étoffe du chapeau; les plumes de deux nuances com-
mencent à ne plus être de bon ton.

Les manchons ont reparu ces jours-ci avec le froid.
Une dame descendant d'un riche équipage avait pour
manchon un cachemire dès Indes roulé, dont la pal-
me se trouvait en dessus. D'autres dames en avaient
en cachemire brodé; ces derniers ne font que de pa-
raître.

Pour les hommes, les gilets en cachemire font fu-
reur. Ces gilets se font à schall très-large. Nous en
avons vu fond noir: ce sont les plus nouvellement
adoptés.

Les cols de grande toilette sont blancs, en batiste
ou en coteline; leurs nœuds sont en porte manteau,
à bec-de-lièvre ou en chauve-souris.

М О Д Ы.

Съ нѣкопорого времени, къ небольшимъ бархат-
нымъ шляпкамъ, надѣваемымъ дамами въ городѣ, при-
кальваютъ большое перо à l'espagnole (по Гиш-
пански); упренія шляпки все продолжаютъ но-
сить съ букешами изъ чепырехъ или пяши перь-
евъ, бѣлыхъ или подъ цвѣтъ маперин, изъ какой
шляпка; перья двухъ цвѣповъ не въ такомъ уже
употребленіи.

Муфты опять показались на эппихъ дняхъ, вмѣ-
стѣ съ холодомъ. У одной дамы, выходящей изъ
богатаго экипажа, была муфта изъ свернутой Ин-
дѣйской пали, пальмы сверху; у другихъ дамъ бы-
ли вышпныя Кашемировыя; сн послѣднія только
что показались.

Для муцинъ: жилеты Кашемировыя весьма въ
большомъ употребленіи. Ихъ дѣлаютъ съ широ-
кою шалью. Болѣе всего носятъ съ чернымъ груш-
помъ.

Гаспуки въ нарядѣ надѣваютъ бѣлыя, изъ ба-
писпа или coteline; завязываютъ ихъ en porte
manteau (чемоданчикомъ), à bec-de-lièvre (закрытымъ
рыльцомъ) или en chauve-souris (летучей мышью).

С М Ъ С Ъ.

Браминъ въ Англии. — Прибытіе перваго
Брамина въ Англию надѣлало въ Лондонѣ мно-
го шуму. Онъ необыкновенно ученъ и гово-
рипъ не только на всѣхъ Воспочныхъ язы-
кахъ, но и такъ силеъ въ Англійскомъ, что
написалъ книгу на семъ послѣднемъ языкѣ.
Онъ изъ Браминства перешель къ Социали-
низму, пои Христіанской секпѣ, которая
болѣе всѣхъ согласовалась съ его каспюю.

Господь гордымъ пропивипся, смиреннымъ
же даетъ благодать.

Скромность еспъ оппѣнокъ добродѣтели.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходятъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 12.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 36-ю картичками модъ, въ С. П. б. 30, съ доставкой и пересылкою 35 рублей.

СРЕДА, ФЕВРАЛЯ 10 ДНЯ, 1832 ГОДА.

Для пьянаго и со свѣчю худо,
Да врьдъ не хуже-ль и въ пошмахъ.
Крыловъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ДВѢ СЦЕНЫ ИЗЪ ПРОЗАИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

Сцена 1.

За недѣлю передъ симъ, сидѣлъ я у Сенаторши *Искорестской*. Мы жарко спорили о томъ, кто болшавѣе: женщины или мужчины. Насъ оспанивалъ слуга, вошедшій съ докладомъ, что *Чадины* прѣхали, и съ вопросомъ: «прикажутъ ли принять ихъ?»—Прости! сказала она въ повелительномъ наклоненіи слугѣ, споявшему передъ нею въ винительномъ падежѣ.

Черезъ десять минутъ они вошли, раскланялись, усѣлись, молчали. Конечно изъ уваженія къ особѣ Ея Превосходительства, думалъ я. Умная хозяйка старалась завести разговоръ, но онъ безпрестанно перерывался, какъ гнилыя нитки, когда ихъ размапываютъ; она спѣшила опять завязать его, но онъ никакъ не шѣлъ, не смотря ни на узелки, ни на мастерство, съ которымъ она спрашивала рѣчи съ рѣчами.

Хозяйка (обращаясь къ *Чадиной*). Здорова ли маминька?

Гостья. Слава Богу-съ.

Хозяйка. А милая ваша крошка?

Гостья. Покорно благодарю-съ.

Хозяйка (обращаясь къ *Чадину*). Хороша ли сегодня погода?

Гость. Хороша-съ.

Хозяйка. Кажется, немного въпрено?

Гость. Въпрено-съ.

Хозяйка. И пуманно?

Гость. Какъ вамъ угодно-съ.

Хозяйка (заговаривая съ обоими). Любите ли вы театр?

Гость и гостья (вмѣстѣ). Очень-съ.

Хозяйка. И часпо въ немъ бываете?

Гость и гостья. Не очень-съ.

Хозяйка. Тяжело видѣть, что *Филатка* и *Мирошка* согнали со сцены *Хваспуна*, *Замужнюю невѣсту*, *Говоруновъ*, а безполковые водевилл *Гг. Ротгева* и *Муцда* выпѣснили оспроумныя оперпки *Александра Ивановича Писарева*.

Гость и гостья. Сожалѣнія достойно-съ.

Хозяйка. Скажутъ, что мы спарухи вѣчно горюемъ о прошломъ золотомъ вѣкѣ, о блаженныхъ дѣдовскихъ временахъ. Конечно, мы не всегда бываемъ правы, предпочтя минувшее настоящему. Но власиь ваша, а за двадцать лѣтъ *Русскій театр* былъ несравненно лучше. Гдѣ актеръ, равный *Померанцеву*, *Павильицкову*? Укажи-ка мнѣ *Сандунова*, *Шушерина*. Гдѣ такія пѣвицы, какъ была несравненная *Сандунова*, какъ теперь еще наша спарая *Самойлова*? Даже *Иванову* смѣнила *Лебедева*, а не замѣнила. Недавно ѣздила я смо-

прѣшь спаринную оперу *Мельникъ*. Какъ искаженъ эпюпъ народный, спаршій въ свѣпъ водѣвиль!—По невольъ вздохнешь о покойномъ *Зловъ*.

Гость и гостья (вздыхаюптъ). Точно пакъ-съ.

Я. Позвольте мнѣ бытъ съ вами не во всемъ одного мнѣнїя. И пеперь наша сцена имѣетъ опличныхъ арписповъ. *Каратыгинъ б.*, *Сосницкій*, *Брянскій* превосходны; они, пакъ я думаю, не успюпяптъ спариннымъ, вами расхваленнымъ акпѣрамъ. *Каменогорскій* и *Хотляинцовъ* весьма хорошо понимаютъ свои роли, а молодой арписпъ *Дюръ* безпрестанно усовершенствуется. *Лебедева* еще слишкомъ молода; но ея голосъ прелесненъ, мепода хорошая; она много обѣщаетъ.

Гость и гостья. Точно пакъ-съ.

Хозяйка. Видѣли-ль вы *Фарисьева*?

Гость и гостья. Нѣптъ-съ.

Хозяйка. А *Утро столѣтняго старика*?

Гость и гостья. Да-съ.

Хозяйка. Не правда ли, что *Каменогорскій* прекрасно играетъ спараго солдата?

Гость и гостья. Прекрасно-съ.

Хозяйка. А *Дюръ* удачно выполняетъ роль деньщика?

Гость и гостья. Удачно-съ.

Хозяйка (госпъ). Эпо на васъ кружевная косынка?

Гость. Кружевная-съ.

Хозяйка. Прелесный узоръ! какая большая! Живучи съ мужемъ въ Смоленской деревнѣ, я завела было кружевную фабрику, и она хорошо шла. У меня 22 дѣвушки занимались симъ рукодѣлемъ, двѣ подмастерьи, да наѣмная масперница, копорой давала я по 200 рублей въ годъ. Фабрика эпа меня очень упѣшала — и я бы ни за что съ нею не распалась, да прѣехалъ къ намъ родспвенникъ мужа моего Алексѣй Николаевичъ *Ботвининъ*. Перебирая между собою и по и другое, дошли мы въ разговорахъ и до моей кружевной фабрики. Расчѣпистый родспвенникъ мой взялъ карандашъ — и, какъ дважды два чепыре, доказалъ, что намъ опъ неѣ до полуторы птысячи рублей ежегодно убытка. Посовѣповавшись съ мужемъ, я на другой же день унчпожила свое заведеніе, и пакимъ образомъ избавила себя опъ хлопюптъ, опъ убытковъ и

опъ грѣха *зальдать чужой вѣкъ*, п. е. не выдавать кружевницъ до придцати лѣпъ за мужъ. А вы свою неподобную косынку купили?

Гостья. Купила-съ.

Хозяйка. Гдѣ?

Гостья. Въ Госпиномъ дворѣ-съ.

Хозяйка (госпю). Какой камень въ вашемъ перспнѣ?

Гость (снимая съ руки перспень, подаетъ *Сенапоришъ*). Сафиръ-съ.

Хозяйка. Какая прекрасная рѣзба: вѣрно *Академикъ Доброхотовъ*?

Гость. Никакъ нѣптъ-съ.

Хозяйка. Кпо же?

Гость. Жидъ-съ.

Хозяйка. У моего мужа, когда онъ командовалъ Сѣвскимъ пѣхопнымъ полкомъ, было богапое собраніе печатей. Между прочими большая амписповая гербовая; камень вывезенъ изъ *Екатеринбурга* и памъ заплаченъ былъ 200 рублей. Другая была изъ цѣльнаго куска янтаря, въ рукояпкѣ былъ паукъ; непоспжимое дѣло, какъ онъ туда попался. Третья печать изъ лавы; лучший художникъ во *Флоренціи* вырѣзалъ на ней чудесно фампльный гербъ нашъ въ крестѣ св. *Юанна Иерусалимскаго*. Все эпо пропало при опспупленіи нашей арміи въ 1813 году изъ подъ *Дрездена*. (Любуется печатью *Чадина*.)

Хозяйка. Эпо гербъ вашъ?

Гость. Такъ почно-съ.

Хозяйка (помолчавъ). Опкуда вы ко мнѣ пожаловали?

Гость. Изъ дома-съ.

Хозяйка. А пеперь? Випъ еще рано, только при часа. Куда вы опъ меня намѣрены?

Гостья. Домой-съ.

Хозяйка (помолчавъ). Випъ вы служите?

Гость. Такъ почно-съ.

Хозяйка. Начальникомъ Опдѣленія?...

Гость. Никакъ нѣптъ-съ.

Хозяйка. Сполоначальникомъ?....

Гость. Никакъ нѣптъ-съ.

Хозяйка (обращаясь къ госпъ). Вашъ спругъ цѣлое утро проводитъ въ своемъ *Департаментѣ*, вамъ одной должно бытъ скучно?

Гостья. Скучно-съ.

Хозяйка. За по, какъ скоро онъ въ двери: обѣдъ на споль, и съ первою ложкою супа

хандра оспавляесть васъ . . . вамъ спановишпся легко, весело . . .

Гостья. Весело-съ.

Сцена 2.

Въ такихъ пріятныхъ разговорахъ провели мы около двухъ часовъ. Хозяйка морщилась, кусала губы, чпобы не зѣвашь; вѣжды ея смыкались; дремота одолѣвала её.—Я, сидя у камна, безпреспанно зажималъ ротъ платкомъ, и дезерпировалъ бы, еслибъ не боялся, чпо почпенная хозяйка на меня осердшпся. Я уже начиналъ опчаяваться; но избавленіе наше было близко: при рѣзвущки—племянницы Сенапорши, вбѣжали запыхавшпсь въ гостиную, бросились прямо къ ней, начали цѣловашь у ней ручки — и заболтали всѣ вдутъ.

Людмила. Здоровы ли вы, пѣпншка?

Антуанета. Чпо вашъ мигрень?

Зенеида. У васъ прекрасный цвѣтъ лица.

Людмила. Насъ прислала

Антуанета. Маминька . . .

Зенеида. Посовѣповасться съ вами о нашихъ костюмахъ.

Людмила. Какая радость!

Антуанета. Какое счастье!

Зенеида. Вы не знаете нашей радости? Мы званы сегодня на балъ къ Аркадію Семеновичу *Молоткову* . . .

Антуанета. На балъ! какъ восхищптельно! знаете ли? и *Березины* званы. Впшь братъ ихъ *Лейбъ-Драгунъ* . . .

Людмила. Конногренадеръ, сударыня. Какъ можно такъ уродоваъ названіе полковъ.

Зенеида. Впшь братъ *Катиши Березинъ* тяжело раненъ . . .

Людмила. Пикою въ бокъ . . .

Антуанета. Пулею въ руку . . .

Зенеида. Подъ нимъ убито двѣ лошади.

Антуанета. Онъ прѣхалъ сюда лечиться: слава Богу, онъ оправился; мы видѣли его въ Воскресенъе въ *Екатерининскомъ Институтѣ*.

Людмила. Онъ вѣрно будетъ танцоваъ.

Антуанета. Также, какъ и поварищъ его, такъ же раненый, *Графъ* . . . *Графъ* . . . вѣчно забуду фамилію, вопъ попъ, чпо ходилъ съ нимъ объ руку по *Невскому проспекту* . . . небольшой роспомъ, съ поненькими чѣрными усиками и немножко прихрамываесть на лѣвую ногу . . .

Зенеида. Уланъ.

Антуанета. Да, да!

Зенеида. *Графъ Стькеринъ*.

Антуанета. Какая у нихъ огромная зала!

Людмила. Какой оркестръ!

Зенеида. Какъ будетъ весело! поспшаеете ли вы это, милая пѣпншка?

Хозяйка (вырываясь опъ нихъ). Переспаньте пормошпшь меня. Вы мнѣ всѣ уши прожужжали. Говорите по очереди. Сперва ты, *Людмиленька*; впшь ты спаршая.

Людмила. Маминька прислала насъ нарочно, показавъ вамъ при пока; выберите ей одинъ для сегодншняго вечера. (Съ симъ словомъ, всѣ при выбѣжали вонъ — и черезъ минуту возвратились съ карпонами, фулларами, узлами. За ними вошли: *Француженка* — содержательница моднаго магазина, ея ученица и при горничныя дѣвушки племянницъ *Сенапорши*. Онѣ начали наскоро раскрывашь карпоны, развязывашь узлы; надѣли на себя шюки, и, подбѣжавъ къ расперявшей глаза пѣпншкѣ, всѣ вмѣстѣ спросили): который вамъ лучше нравптся?

Зенеида. Вопъ цвѣтъ моего платья; оно еще у мадамы; какой лучше приборъ надѣшь къ нему: бирюзовый, или коралловый?

Людмила (надѣвъ передъ прюмо серьги, ожерелье, браслеты, поясну ю пряжку изъ мозаики, осыпанной брилліантами): пѣпушка-душенька, рѣшпше, приспало ли ко мнѣ?

Антуанета. Посмотрите сюда, милая пѣпншка, каково мое платье? я не опдавала его *Француженкѣ* швеѣ, а сама съ моей *Дунлишей* всю ночь проработала. Покрой съ послѣдней *Парижской* карпинки. Аплась изумруднаго цвѣта, почно такой, какой былъ на *Португальской Королеви* *Доннѣ Маріи* на послѣднемъ балѣ у *Маршала Сульта*. Я буду причесана à la Grecque.

Зенеида. А у меня будетъ чрезвычайно низкая причёска, изъ косъ, свѣрнушыхъ рецейкомъ сзади головы.

(Въ продолженіе сей сцены *Чадинъ* непримѣнно ускользнул изъ комнаты, и отправились домой). —

Людмила (посмотря на часы). Ахъ, чепверть пяпаго! . . . *Надобно* еще заѣхашь къ мадамъ *Цихлеръ* . . .

Зенеда. Въ Англійскій магазинъ. . .

Людмила. Къ Шарлю!

И взвились, и полетѣли, и скапнулись съ лѣспинцы, и впрыгнули въ карепу. Дверцы хлопнули — и лошади понеслись опъ подъѣзда большою рысью.

А. Кораблинскій.

МАРТИНИ.

Знаменитый врачъ *Мартини* однажды приглашенъ былъ къ мнимо-больной. Онъ началъ её спрашивать; она призналась ему, что имѣла хорошій аппетитъ, сонъ и не чувствовала расстройства въ желудкѣ; наконецъ, изъ опъвѣтовъ ея заключилъ онъ, что больная его пользуется совершеннымъ здоровьемъ. «Хорошо, сказалъ онъ, я пропишу вамъ лекарство, опъ котораго вы поперяете и по и другое.»

Не смотря на обширный умъ свой и глубокія знанія въ Медицинѣ, онъ былъ иногда удивительно какъ проспъ. Больная, въ которой онъ принималъ живое участіе, и надѣясь со временемъ её вылечить, наскучивъ спрѣданіемъ и не видя никакой опъупительной перемѣны въ своемъ состояніи, зашлапала ему за визиты и взяла другаго Доктора, котораго былъ мнѣе счастливъ. Черезъ нѣсколько дней, *Мартини*, досадуя на то, что потерялъ довѣренность своей больной, спросилъ одного изъ своихъ пріятелей о ея здоровьи. «Увы!» опъвѣчалъ сей, «она умерла; сей часъ я узналъ опътомъ.» — Какъ, подхватилъ онъ, умерла! по дѣлаемъ ей! теперь не спанеть она перемѣняптъ Докторовъ.

Однажды, прогуливаясь съ однимъ изъ друзей своихъ, увидѣлъ онъ богатый экипажъ, и спросилъ, кому онъ принадлежиптъ? Ему опъвѣчали, что это экипажъ Графа N***. «Смотрите, какой моптъ, сказалъ онъ; а мнѣ при года уже не можетъ зашлапиптъ за смерть опца своего.»

Въ одинъ вечеръ, чрезвычайно успавъ опъ занятій, поспиплъ онъ больного, и спросивъ его, пошелъ въ кабинетъ написать рецетпъ. Въ это время онъ задремалъ и спалъ глубокимъ сномъ, пока больной умеръ. Какъ онъ занималъ значительное мѣсто въ Го-

сударствѣ и имѣлъ важныя бумаги: по Полиція поспчасъ опсправилась въ домъ его. Немедленно былъ запертъ кабинетъ, гдѣ, какъ извѣстно было, находились важныя докуменпты, и къ дверямъ онаго приложены печати. Никто не воображалъ, чтобы тамъ было что нибудъ, кромѣ пожипковъ покойника. Между пѣмъ, черезъ нѣсколько часовъ Докторъ проснулся; на дворъ было уже поздно. Онъ поспѣшилъ окончить свой рецетпъ; хочеть выйти вонъ, но представьте его удивленіе, когда онъ нашелъ дверь запертою. Напрасно спучался онъ, опъвѣта не было: ибо пѣло покойника перенесено было въ другой отдаленный покой; наконецъ, онъ принужденъ былъ кричать изъ окна и просиптъ, чтобы его выпустили. Съ большимъ трудомъ его услыжали. Но и тутъ онъ не выпупался изъ бѣды. Надлежало прежде просиптъ судъ, чтобы дозволено было снять печати съ дверей судебнымъ порядкомъ и по выходѣ Доктора опять приложиптъ ихъ.

ПЯТИЦА.

У Римлянъ были свои *черныя дни*, свои злополучныя дни; ихъ неправильно смѣшиваютъ съ праздными днями (*nefastes*) или шабашными: въ сія послѣдніе запрещено было только опсправлять правосудіе, и Преторъ не могъ произносить свое *do, dico, addico*, подобно какъ въ праздники или во время собранія винограда и жатвы. Съ этими днями Римляне не соединяли никакого понятія о несчастіи. Совсѣмъ иное разумѣли они подъ названіемъ черныхъ и пагубныхъ дней (*dies atrae*). Дни сіи обыкновенно приходились послѣ перваго числа каждаго мѣсяца, также пятнадцатаго и тринадцатаго или пяпаго и седмаго числа нѣкоторыхъ мѣсяцевъ; такимъ же почтпался день въ роду, въ который проиграно сраженіе, какъ напр: сраженіе при Алліи. Ссылаюсь въ томъ на свидѣтельство, сколько помню, Валерія-Максима. Больше у меня не спрашивайте.

Будучи разсудительнѣе Римлянъ, мы не сочили за нужное испесрпиптъ свой мѣсяцесловъ черными днями. Черезъ чуръ довольно одного дня въ недѣлѣ, чтобы одѣлаптъ насъ несчастнѣйшимъ народомъ въ свѣтѣ.

Мудрено, для чего мы опмѣчаемъ Пятницу чернымъ камнемъ. Пятница есть день Венеры, нѣкогда маперы любви, но есть, когда существовала любовь. *Сикстъ V* всѣмъ обязанъ былъ этому дню; именно въ этотъ день онъ произведенъ былъ въ Кардиналы, избранъ въ Папы и коронованъ. *Францискъ I* увѣрялъ, что все удалось ему въ Пятницу. *Генрихъ IV* въ этотъ день увидѣлъ въ первый разъ прелестную Маркизу *де Вернель*, которую, послѣ *Габриели д'Этре*, любилъ онъ болѣе всѣхъ. У меня былъ богатый дядя: онъ умеръ въ Пятницу.

Для чего же чернь во Франціи не перестаетъ проклинаать пятый день въ недѣль? Если вѣрять *Г. Тьеру* (практикантъ о суевѣрїи), крестьяне въ одной части Бретани думаютъ, что къ рубашкамъ, шшымъ въ Пятницу, приспаетъ всякая нечистота. Опъ чего это? Откуда взялось это недовѣріе къ Пятницѣ? Не опъ того ли, что въ этотъ день (а не въ Среду, какъ думаютъ невѣжды) бываетъ собраніе вѣдьмъ и колдуновъ, служащихъ Дьяволу?—Но ни слова болѣе.

Моя домоправительница въ опчальнїи. Мужъ ея, съ которымъ она распалась уже около 10 лѣтъ, мужъ ея, котораго она не терпитъ, уведомила еѣ, что онъ будетъ къ ней въ слѣдующую Пятницу, 30 Сентября. Она увѣрена, что съ нимъ случился бѣда. Когда вы распались? спросилъ я еѣ.—Въ Пятницу, сударь; этого я никогда не забуду, потому, что въ Субботу я познакомилась съ однимъ кавалеромъ, съ которымъ танцовала въ Воскресенье.—И ты была очень счастлива во все время оплучки своего мужа?—Очень счастлива, сударь.—Однакожь онъ прїѣхалъ въ Пятницу!

Въ эту минуу она уронила изъ рукъ лучшую фарфоровую чашку изъ моего чайнаго прибора.

— Ахъ! сударь, вскричала она въ большомъ испугѣ, что у насъ сегодня?—Пятница, сказалъ я съ усмѣшкою.—Ну такъ, сударь! Всѣ бѣды приходять на меня по Пятницамъ....

Къ удивленію, это случилось не въ Пятницу, а въ Воскресенье!

СЛОВО ПРАВДЫ.

Г. Полевой, подправя по своему нѣсколько стиховъ *А. С. Пушкина*, читаетъ ихъ задомъ напередъ и находить въ нихъ смыслъ (что весьма забавляетъ *Г-на Полеваго*). Можно сей опыты повторить и надъ другими поэмами. Возьмемъ, напримѣръ, славную спрофу *Державина*:

Какъ сонъ, какъ сладкая мечта
Исчезла и моя ужъ младость:
Не столько нѣжилъ красота,
Не сильно восхищаетъ радость,
Не столько легкомысленъ умъ,
Не столько я благополученъ:
Желаніемъ честей размученъ;
Зоветь, я слышу, славы шумъ.

Красоту всей спрофы составляетъ именно порядокъ, въ которомъ изливаются сіи сладкозвучные стихи. Прочтите ихъ снизу вверхъ, смыслъ въ нихъ останется, хотя прелести ихъ исчезнутъ:

Зоветь, я слышу, славы шумъ;
Желаніемъ честей размученъ,
Не столько я благополученъ,
Не столько легкомысленъ умъ,
Не сильно восхищаетъ радость,
Не столько нѣжилъ красота:
Исчезла и моя ужъ младость,
Какъ сонъ, какъ сладкая мечта.

Пыпались мы читать *Исторїю Русскаго Народа*: сверху внизъ, снизу вверхъ, справа на лѣво, слѣва на право, крестъ на крестъ, черезъ спрофу; а смысла всё не находили.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Д Я Д Ъ П. Л. Я.

«Не много словъ, а много дѣла!»
Твердили наши спарикки;
Но поговорка успарѣла,
Какъ дней мшувшихъ парикки;
Изъ моды вышла. Прихошь моды,
Извѣстно вамъ, какъ движеть свѣтъ:
Давноль писали только оды,
А нынѣ ихъ въ поминѣ нѣтъ!
Давно ли вѣрили на слово,
Не зная слова: векселя,

А пыць!... (впрочемъ ужь не ново)!

Нигдѣ не выпросишь рубля.
Вопь шакъ-шо всё перемѣнилось:

Прически, нравы и умы;
Людское племя просвѣнилось,
Но врядь ли въ выигрышѣ мы.

И спарину предпочитаю,
Мисификацій не терплю:

Сказать и доказать желаю,
Что васъ я, дядюшка, люблю.

Л. Якубовичъ.

НИЩЕТА И БОГАТСТВО.

Апологическій разсказъ.

Всѣ други, всѣ пришлели—до чернаго лишь дня!

А. Мерзляковъ.

Нищета пришла къ Богатству
И спучилса въ воропа,
Какъ другъ спарый по пріятельству.
Слышннхъ: «что памъ?» — Сирота! —

*

«Прочь, негодная, отъ дому;
Не заглядывай во дворъ:
Знай — лишь бродить по пустому!» —
И воропа на запоръ.

*

Но чередъ проходилъ спрогой;
Жребій выпалъ сиротѣ:
Вопь бредѣтъ пушемъ-дорогой
И Богатство къ Нищетѣ.

*

Что-жь? Тѣсна, бѣдненька хапа;
Но сиротка приняла,
И Богатство, будно брапа,
Зла не помня, обняла!

И. Петровъ.

С H A R A D E.

Mon premier fait l'amusement
De l'aimable jeunesse;
Mon second du hasard dépend,
Bien plus que de l'adresse.
Mon tout est un pésant fardeau
Qui maint objet comporte;
Ma promenade est en traîneau,
Quelquefois on me porte.

Въ No 11, помѣщенная шарада значить: *Су-флёръ.*

К Р И Т И К А.

Невскій Альманахъ на 1832 годъ. Изданъ Е. Аладьинымъ. С. Петербургъ. Съ портретомъ Княгини Ловицъ.

Когда-то и *Невскій Альманахъ* былъ изъ числа лучшихъ, но на сей разъ эпо грѣшно объ немъ молвить: ибо, какъ по внупреннему содержанию, такъ и по внѣшности, онъ гораздо и гораздо опспаль.... не говоримъ отъ *Съверныхъ Цвѣтовъ*—онъ съ ними никогда и не равнялся, но и отъ *А.ціоны*. За то мы отдаемъ ему пальму первенства надъ *Цинтією*, *Полярною Звѣздой*, *Элизіумомъ* и другими Московскою фабрикою календариками

Лучшія, по нашему мнѣнію, изъ прозаическихъ пѣснь: два опрывка изъ романа *Князь Курбскій*, соч. Б. М. Федорова; опрывокъ изъ романа *Леонъ, или Идеализмъ*, соч. Г. Никитенки; *Ландышъ*, соч. Г. Карлгофа; а изъ стихотвореній, въ память Е. И. Высочества Цесаревича *Константина Павловича*, соч. *Барона Розена*; *Сонетъ Г. Подолинскаго*; *Ночь*—его же.

И такъ, семь пѣснь украшаютъ *Невскій Альманахъ*, а ихъ всего 25-ть; чтожь, довольно и сего числа избранныхъ, чтобъ поддержать бытіе Альманаха!

Не можемъ не замѣнить несповыхъ куплетовъ изъ водевилля: *Павловскій гренадеръ* — Г. Ротчева, которые—по нашему мнѣнію—должны бы опспаться для *домашняго обихода*; впрочемъ, можетъ быть, мы ошибаемся; можетъ быть у Автора готовъ сей водевиль, и высокая публика будетъ скоро восхищаться опспотами, коихъ образчики нами выписаны:

No 1,

Анюта.

Люблю военныхъ безъ ума,
Они вездѣ такіе хваты!
Ну, такъ, что право-бъ я сама —
Пошла охотою въ солдаты!
Ну, да съ военнымъ ли сравняшь —
Хопь бы работника *Валюшу*?
И я привыкла-бъ воевать!
Штыка, ей Богу, и не струшу!

№ 2.

Анюта.

Уймись, Ванюша! очень спрого
Я запрещаю эту дрожь!

Ванюша.

Ванюша въ усъ себѣ не дуешь,
И даже ухомъ не ведешь!
Зн то съ женой такъ завоюетъ,
Что и самъ чорпгъ ихъ не уймешь.

№ 3.

Полещукъ.

Что побдныя головушки солдатскія —
Вы на бой и на приступъ люди первые!
Вотъ съ полуночи солдаты ружья чистили...

..... И такъ далѣ напоследокъ:

Зашумли пули свинцовыя —
Прогрелили свѣтлы молнии —
Вотъ прошивниковъ ужъ больше нѣтъ,
Храбры воины Россійскіе,
Вашей славою полонъ цѣлый свѣтъ.

Нѣтъ, Г. Ротчевъ, эту пѣсню не спѣтъ
Русскому солдату; въ ней не бывало ни скла-
ду, ни простоты, ни чувства, такъ ярко
оплмчающихъ простую Русскую пѣсню—опъ
Чухонской, какъ ясные и почные переводы
оплмчаются опъ дюжинныхъ преложений.

№ 4.

Полещукъ.

Любовь мою любилъ когда-то,
Она меня съ ума свела!

№ 7.

Ванюша.

Мнѣ всѣ парни повпоряютъ:
Ты дуракъ, ты раземлдіи! —
Но пускай собаки лаютъ —
Вьдь на вѣтеръ несій лай! —

№ 8.

Полещукъ.

Пускай судьба меня дурачитъ —
И то сказаць — такъ Богъ ужъ съ ней!

Анюта къ Публикѣ.

За службу правдою и вѣрой —
Бываемъ мы награждены!
Какого-жъ шиль опъ партера
Мы приговора ждаць должны?

Ну, да Богъ ужъ съ этимъ водевилемъ!!..

Выписываемъ нѣсколько спрокъ изъ спашь:
Елена, (изъ журнала, веденнаго въ Молдавіи
въ 1829 году).

— «Старый Польской зазвенѣлъ въ ухахъ
моихъ. Взглянувъ на Елену, я былъ ослѣп-
ленъ ея красою; не сказавъ еще ничего,
Елена подарила меня тремя вѣзглядами: я
былъ въ пакомъ смущеніи, что первыхъ двухъ
не понималъ; но послѣдній я растолковалъ въ
свою пользу. Почти вмѣстѣ мы сказали другъ
другу: ^{Monsieur} Madame, nous nous rencontrons pour la
premiere fois? Глаза наши еще разъ встрѣпи-
лись, языкъ мой мнѣ не повиновался.»

Въ концѣ этой же спашь находимъ слѣ-
дующіе чепыре спиха:

До завтрага прощай, Роксана!

Мехмедъ всю ярость изольетъ

На бури, волны Океана;

Но тамъ Роксаны не найдетъ!

Въ опривкѣ изъ романа: *Полякъ*, читаемъ:
«Годъ и мѣсяцы дѣлятъ нашу разлуку; тыся-
чи и сотни верстъ тянутся между нами!»

«Придорожный камень не таетъ отъ солн-
ца, не вымерзаетъ отъ морозовъ: онъ растетъ
отъ вліянія времени и вѣшной атмосферы!
Такъ почно и камень моей грусти роспелъ,
и давишь меня сильнѣе, все сильнѣе!...»

На спраницѣ 151: «Спрахъ близкой смерти
(опъ холеры) почти у каждаго былъ написанъ
на лицѣ...»—

А на спраницѣ 153: «Какъ Русскіе, мы не
робко встрѣпили эпога врага (п. е. холеру).»—

На спраницѣ 154: «*Шадя* меня, судьба не
ворсе пощадила меня: я лишился друга, —
лишился родныхъ!...»

На спраницѣ 152: «Какъ сердце пвоего бра-
та, была холодна прошедшая зима, и, побитый
морозами, страхъ нашъ разсѣлся.»

Макаръ Правдухинъ.

M O D E S.

On a vu aux dernières réceptions à la Cour beaucoup de robes en blonde. Quelques-unes étaient faites en tuniques. Elles s'accordaient presque toutes avec des coiffures de plumes ou de diamans.

Coiffures. Chapeaux. Berrets. Turbans.— Beaucoup de femmes font monter leurs diamans en flèche. Les coiffeurs savent tirer un parti admirable de ce gracieux ornement, aussi en voit-on de tous les genres: en perles, en or, en pierres de couleur, etc. Dans de beaux cheveux blonds une flèche et un bandeau de jais noir sont d'un charmant effet.

On arrange des plumes en forme de diadème, et on les soutient par des peignes à l'antique. Cette coiffure, très-élégante et très-facile à exécuter, s'envoie toute montée pour la province.

On fait aussi des coiffures en rubans, qui se placent sur la tête comme un fond de bonnet. Quelques-unes sont ornées de plumes.

Les chapeaux en velours noir sont les plus nombreux pour les toilettes négligées. On en voit ayant les formes demi-capote, entourant parfaitement les joues, et cependant étant un peu évasés: ce sont les plus jolis. On les orne d'un plumet russe ou d'une plume bouclée ou frimatée. Nous citerons un de ces chapeaux en velours noir, doublé en satin cerise. La longue plume noire qui le surmontait était bordée des deux côtés par des brins de plumes cerise, qui se recourbaient en formant anneau.

Un autre chapeau en velours bleu pâle, doublé de satin blanc et orné d'une plume blanche bordée en bleu de la même manière que celle que nous venons de décrire.

Beaucoup de berrets en crêpe blanc sont ornés de deux oiseaux de paradis, dont l'un, attaché sous la passe, garnit la moitié du front; l'autre, placé dessus, couronne la tête et donne de l'élévation au berret.

Aux grands théâtres on voit des femmes coiffées avec des pointes de blonde nouées en Fanchon.

Les turbans à la *Moabite*, qui sont si distingués et si avantageux pour les jolies figures, se portent toujours beaucoup.

Pl. No 5. Coiffure ornée de fleurs et de perles d'or exécutée par M. Hippolyt Robé à les assemblés par un ruban orné de nœuds.

M O Д Ы.

На послѣднихъ сѣздахъ ко Двору видно было много блондовыхъ плашвевъ; нѣкоторыя сдѣланы были пюниками. При нихъ уборы головы были съ перьями или брилліантами.

Прически. Шляпки. Береты. Турбаны.— Многія дамы дѣлаютъ изъ брилліаншовъ спрѣлы. Парикмахеры удивительно умѣютъ приспособить это прелестное украшеніе; опъ чего видны онѣ всякаго разбора: изъ бусъ, золота, разноцвѣтныхъ каменьевъ, и проч. Повязка изъ черныхъ агатовъ и спрѣла, въ хорошихъ бѣлокурыхъ волосахъ чрезвычайно красивы.

Изъ перьевъ дѣлаютъ родъ діадемъ, и поддерживаютъ ихъ гребнями, сдѣланными въ древнемъ вкусѣ. Прическа сія, весьма щеголеватая и легко дѣлаемая, посылаея въ провинціи совсѣмъ прищипленная.

Черныя бархатныя шляпки въ большомъ употребленіи за просто. Нѣкоторыя дѣлаютъ полукапошамъ, поля совершенно прилегаютъ къ щекамъ, однако немного открыты: эши самыя красивыя; къ нимъ прикалываютъ Русской султанъ, или перо завипное, или *frimatée*. Скажемъ нѣсколько словъ объ одной изъ сихъ черныхъ шляпокъ, подложенной алымъ апласомъ. Пришпиленное къ ней черное длинное перо обложено было съ обѣихъ сторонъ волокнами алыхъ перьевъ, которыя перегибаясь, составляли кольца.

Другая бархатная шляпка блѣдно-голубаго цвѣта, подложенная бѣлымъ апласомъ, съ бѣлымъ перомъ, опдѣланнымъ голубымъ, какъ мы описали.

Видно много бѣлыхъ креповыхъ беретовъ, опдѣланныхъ двумя райскими пшичками, изъ которыхъ одна прищипа подъ поле и прикрываетъ половину лба, а другая сверху, опъ чего беретъ кажется выпре.

Въ большихъ театрахъ видны на дамахъ косыночки, завязанныя *en Fanchon*.

Турбаны à la *Moabite* (Моабитскіе), считающіеся отличными уборами, и столь приличные красивымъ лицамъ, все еще въ большомъ употребленіи.

Карп. No 5. Прическа съ цвѣтами и жемчугомъ, собранными лентою съ узлами. Надъ нею прудилася славный власочесашель *Ипполитъ*.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходятъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 13.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №.
съ 36-ю картичками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, ФЕВРАЛЯ 13 ДНЯ, 1852 ГОДА.

Тогда, въ безмолвіи шрудовъ,
Дѣлитесь не былъ я готовъ
Съ полною пламеннымъ восторгомъ,
И музы сладосныхъ даровъ
Не унижалъ постыднымъ торгомъ.
(Изъ разговора книгопродавца съ поэтомъ.)
А. Пушкинъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

Г О В О Р У Н Ы.

Большая разница *умѣть разговаривать и краснo говорить. Веденскій*, на примѣръ, слылъ бы челоуѣкомъ умнымъ; онъ сладко изъяснялся; но говоритъ непрерывно одинъ и не занимается тѣмъ, что другіе говорятъ ему; не имѣетъ терпѣнія выслушивать ни возраженій на свои мнѣнія, ни отвѣповъ на свои слова; онъ *говоритъ*, и это для него удовольствіе. *Волоколамовъ*, напротивъ, не уступая *Веденскому* въ душевныхъ дарованіяхъ, охотникъ *разговаривать* (causer). Въ обществѣхъ онъ ищетъ взаимной пользы, пріятности, позволяетъ каждому въ свою очередь блеснуть умомъ и, сообщая другимъ свои мысли, опыты, свѣдѣнія, онъ ожидаетъ отъ нихъ того же взаимно. Гдѣ *Волоколамовъ*, тамъ разговоръ живо смыкается съ клубка и представляетъ пріятную разнообразность мыслей и чувствованій; гдѣ *Веденскій*, тамъ мнѣтся, будто общество собралось слушать славнаго проповѣдника: одни внимаютъ съ наслажденіемъ, другіе зѣваютъ, третьи спятъ.

На Руси, какъ и во всѣхъ краяхъ свѣта, были и есть краснорѣчивые люди, охотники поспучать въ язычекъ; однако, грѣшно всѣхъ ихъ называть говорунами: у многихъ изъ нихъ есть мысли; многіе говорятъ складно, остро, замысловато, поучительно. Въ Москвѣ славилась нѣкоторые искусствомъ краснo говорить: Мишурополкъ *Платонъ*, Вельможи: Николай Петровичъ и Иванъ Петровичъ *Архаровы* и Графъ Федоръ Васильевичъ *Расстопкинъ*. Ихъ вишійство было совершенно различное: *Архаровы* отличались важностью и плавностью разсказа, отборными словами и дѣлностью предметовъ, о коихъ повѣсывали; Графъ *Расстопкинъ* веселостью, остроуміемъ, благородными шутками. Онъ былъ больше полюбій царедворецъ *Екатерины II*, *Архаровы* принадлежали къ разряду тѣхъ Русскихъ Болѣвъ, кои бесѣдовали въ спарину другъ съ другомъ въ Кремль на Красной площади. Не взирая на закоренѣдую моду изъясняться по Французски, особливо въ выснемъ кругу, я знаю въ Пестербургѣ нѣсколько челоуѣкъ, кромѣ *Веденскаго* и *Волоколамова*, необыкновенно краснорѣчивыхъ. Одинъ изъ нихъ съ глубокими

свѣдѣніями и въ опечеспвленномъ языкѣ и въ иноспранныхъ, много пупешеспвоваль, ода- ренъ чудесною памятью и оспроуіемъ. Каж- дое слово его еспъ эпшграмма, каждый періодъ носптъ печать особеннаго, вѣрнаго взгляда на вещи, каждое сужденіе родплось въ соб- спвенной головѣ, а не взяпо на прокапъ ни изъ *Вольтера*, ни изъ *Грибогдова*; онъ гово- ритъ, а не разговариваетъ, а попому его мож- но бы назвапъ говоруномъ, еспбъ его раз- сказъ не былъ споль пріятенъ, споль бле- спящъ, споль увлекапеленъ.

Въ продолженіи десятилѣтняго, довольно коропкаго съ нимъ знакомспва, я ни разу не замѣсплъ, чпобъ слушатели его скучали его многоглаголаніемъ, хопя оно иногда бппый часъ продолжалосъ.

Я знаю одного заслуженнаго воина, копо- рый также любптъ поговорптъ много и до- го; но онъ служпль подъ знаменами *Суворова* въ Италіи, перешель съ нимъ Альпійскія го- ры, обороняль съ *Сенявинымъ* опъ Францу- зовъ Черногорію, угощаль незваныхъ гостей съ Княземъ *Багратиономъ* свинцовыми орѣш- ками и чугунными ядрышками, провожалъ ихъ съ *Кутузовымъ* до границы и съ *Барклаемъ де Толли* до Парижа. Онъ, какъ *Жоини*, какъ *Денисъ Давыдовъ*, рассказываетъ о ихъ по- двигахъ, копорыхъ самъ былъ очевидецъ: ка- кому же Русскому непріятно слушать его? особенно, когда мы предварптельно знаемъ, чпо сей храбрый воинъ получаль Георгіев- скій кресптъ, будучи Подпоручкомъ, чпо его сужденія основаны на правилахъ *Спратегіи* и *Такіпкп*, чпо онъ не хваспунъ, а человекъ, dospойный вѣры.—Можно ли назвапъ его го- воруномъ? Нѣптъ; онъ живая грамопа сла- вныхъ событій.

Говорунъ, въ наспоящемъ смыслѣ сего сло- ва, еспъ человекъ пуспой, безопвязный, не- воспспайный, не замѣчающій, какъ морщапся, какъ зѣваюнъ его несчастные слушатели; перелпвающій изъ пустаго въ порожнее, не- знающій цѣны ни своему времени, ни чужо- му. Эпо мѣдъ звенящая, кпмваль бряцающъ.

Я зналь одного Совѣспника Палапы, давно умершаго, копорый, общающъ сообщптъ ка- кой нпбудь анекдотъ, имѣль привычку гово- рптъ: «помнплся, будпо я вамъ объ эпмомъ

уже рассказываль; однако, нужды нѣптъ; по- слушапте!»

Я зналь Полковника, также пеперь покой- ника. Онъ болпаль съ упра до ночи безъ умолку и, будучи друженъ съ своимъ Бри- гаднымъ Генераломъ, обыкновенно проводпль у него вечеръ. Генераль былъ человекъ молча- ливый, израненный, спсходптельный къ слабо- му языку своего друга. Онъ былъ много- спрадалецъ и, часпо упомненный многорѣчи- емъ Полковника, браль подушку, прилегалъ на софу и погружался въ крѣпкій сонъ подъ его говоромъ, какъ подъ журчаньемъ ручейка, пп какъ подъ шумомъ вѣпра. Чпо же? Мой Пол- ковникъ не унпмался, а говариваль: «ты за- спнулъ? спп, спп; я сплько доскажу и отпра- влюсь домой.» И всегда исполняль обѣщаніе, расхажпваль большпми шагами по комнапъ, курпль прубку и, не прежде, какъ окончпвъ начатое повѣспвованіе, браль фуражку и ухо- дпль на свою кваршпру.

Эпо, Мплоспвпые Государи, предпсловіе, а вопъ и самое дѣло.

Въ послѣдній Чепвергъ вечеромъ, угодно было своенравной судьбѣ надо мною попѣ- шпться, созвавъ ко мнѣ самыхъ неумолкныхъ говоруновъ со всего Пепербурга.

Первый явлпся Князь *Зарайскій* недавно возврапщпвійся изъ чужпхъ краевъ. У меня погда спдѣль *Дмптрій Ивановичъ Приснопамптный*. Ему -по обязанъ я сохраниемъ пого, чпо вы пеперь чппаетъ будете. Я не упомнпль бы и десятипой доли. А *Дмптрій Ива- новичъ* имѣптъ такую памяпъ, чпо прослу- шавъ одпнъ разъ какое либо сппхопвореніе, прочпспываетъ его нанзуптъ, не запнувшпхъ ни въ одномъ словѣ.

Князь заспаль насъ любуюпщихся прекрас- нымъ изданіемъ *Вольтеровыхъ* сочпненій; до сей поры онъ печаталпсь во сна частпяхъ, а пеперь Французы ухпспрплись вмѣспптъ всё, въ нпхъ находящееся, въ двухъ помпкахъ.

«И я привезъ съ собою экземпляръ эпшхъ книгъ изъ Парижа, сказалъ онъ. Чпо эпо за городъ: чего хочешъ, пого проспшь. Я куппль памъ просптъ, въ копорой уклады: зонпккъ, компасъ, лорнетъ, печать, ублпжки, перо, карандашъ, свѣча, огнпво, брппва, мыло, кп- спочка и маленькое зеркало. Эпо не всё; въ

случаѣ надобности, проспъ моя дѣлается складнымъ спуломъ.

«И одинъ ли Парижъ заслуживаетъ вниманіе путешественника? Въ каждомъ городѣ находилъ я что нибудь опмѣнное, на прим. въ Стразбургѣ подчивали меня новаго изобрѣпенія паспепомъ, который называется: *gâteau d'ananas royales*. Это царское блюдо, образцовое произведеніе повареннаго искусства. Оно въ своемъ родѣ не уступаетъ Неапольскому мороженому, которое гоповяетъ изъ свѣжихъ винныхъ ягодъ, земляники и мушкетеля, и которое еспъ *pas plus ultra* обжорства.

«Да, я прожилъ шесть лѣтъ во Франціи.»— И прожилъ шесть сотъ тысячъ рублей?— «Да, около того. Но что я тамъ видѣлъ, эпого на миллионъ купить нельзя. Чудесная нація! Какая вѣжливостъ, даже въ самыхъ низкихъ соспояніяхъ. Однажды въ Пале-Рояль я оспановился купить грушъ. Порядочно одѣтый человекъ шелъ мимо и спросилъ у торговки, не снимая шляпы, какъ называется ближняя улца. Не успѣлъ онъ опойти опъ неѣ на десятъ шаговъ, какъ она закричала ему: *Милостивый Государь, у васъ на шляпѣ огромный паукъ!* Прохожій поспѣшно схватилъ съ себя шляпу, и осмопрѣвъ кругомъ, ничего не нашѣлъ. «*Извините,*»—опвѣчала расхохотавшаяся надъ нимъ торговка: *я только хотѣла узнать, не прибита ли гвоздѣмъ къ головѣ ваша шляпа.*

«Въ сравненіи съ ними, ихъ сосѣди Англичане наспопящіе неповоротливые медвѣди. За по, сколько оригинальности, сколько спранностей! Въ бытность мою въ Лондонъ, чего я не насмопрѣлся. Одинъ важный Лордъ бился объ закладъ о 50 тысячахъ нашихъ рублей, что въ чепыре дни пріѣдетъ изъ Лондона въ Эдмбургъ (180 верспъ) верхомъ, сидя лицомъ къ лошадиному хвосту: онъ пріѣхалъ чепыремъ часами ранѣе.

«Другой Лордъ закладывалъ 100 т. рублей, что спадо гусей пройдетъ 50 верспъ прежде, нежели спадо индѣекъ. Гусей гнали день и ночь, а куры ночью уѣлись на деревьяхъ—и никакъ нельзя было ихъ согнать оппуда. Гуси совершили сей походъ двумя супками ранѣе.

«На скачкѣ обыкновенно бываетъ не мене 50,000 зрителей и въ томъ числѣ множе-

ство дамъ. Въ 1829 году въ Августѣ, лошадъ Лорда *Голанда* выиграла болѣе полумилліона нашихъ рублей.

«Я тамъ привыкъ съ удовольспвіемъ смопрѣть и на пѣпушью драку. Мнѣ случилось видѣть, доспойную вниманія еспеспвоиспытателей, симпатию между двумя пѣпухами. Оба они славились какъ храбрые бойцы; но никакъ не хотѣли драться между собою. Ихъ хозяева рѣшили испытать всѣ средства, чтобы справить ихъ. Они гордо спушили на бой, посмопрѣли другъ на друга и— разошлись врознь весьма хладнокровно. Охотники начали ихъ дразнить: бросили имъ горсть ячменя, но они склевали его миролюбно; пустили въ амфитеатръ курицу; однако же и сія *Елена* не произвела между пѣпухами раздора. Хозяева раскрасили имъ перья, полагая, что они одинъ другаго не узнаютъ; но сія хипроспъ не удалась. Наконецъ, испытали послѣднее: поставили передъ каждымъ изъ нихъ по другому пѣпуху. Они разсердились, храбро кинулись въ бой, и начинали уже одолевать своихъ противниковъ, какъ вдругъ чужихъ пѣпуховъ розняли и унесли, а ихъ, разъяренныхъ, съ кровавыми глазами, оставили двоихъ на полѣ брани. Но и тутъ, къ удивленію Публики, пѣпухи сіи не стали драться.

«Правду сказать и пѣпушья драка еспъ поспѣха варварская, но она ничто передъ кулачнымъ боемъ, до котораго Англичане спрастные охотники. Смопрѣть кулачный бой собирается опъ 15 до 20 тысячъ человекъ; заклады держатъ ужасные. Часто бойцы убиваютъ другъ друга до смерпш. Я только одинъ разъ и былъ свидѣтелемъ сего безчеловѣчія, и въ эпотъ-по разъ, какъ нарочно, первымъ ударомъ кулака убилъ славный боецъ, по имени *Канонъ*.

«Но оставимъ это опвращштельное позорище, я расскажу вамъ о Ковенъ-Гарденскомъ и Дрюри-Ленскомъ театрахъ. Туда ѣздитъ Лондонскія прелестницы *обязываться на вечеръ*. Это ихъ техническое выраженіе. Онѣ прелестны, изъ добропорядочныхъ семействъ, образованы, хорошаго тона, одѣваются щегольски, обуваются очаровательно. Нигдѣ въ мірѣ нѣтъ такого распущства, какъ въ Лондонѣ, а главные виновники онаго богатые Лор-

ды. Нигдѣ нѣтъ такого множества миллионниковъ, какъ въ Англии, но нигдѣ нѣтъ и столько нищихъ. Образъ и ходъ правленія странный. Въ Парламентѣхъ кричатъ, бранятся, а когда придетъ дѣло къ развязкѣ: по большинству голосовъ вѣчно на сторонѣ Министровъ. Въ продолженіе революціонной войны они платили огромныя суммы своимъ союзникамъ; корабли ихъ не были впускаемы почти ни въ одну Европейскую гавань; а кончилось тѣмъ, что *Наполеонъ* очутился въ плѣну у нихъ и умеръ въ ссылкѣ!...

Нашъ путешественникъ, вѣроятно, заставилъ бы насъ взбираться на Альпы, спускаться въ долины Пиемонты, взглянуть на великолѣпную Геную; но на бѣду его и въ опраду бѣдной его груди, вошелъ Генераль *Борзовъ*... Орапоръ умолкъ; новый госпъ, раскланявшись съ нами и усѣвшись на софѣ, устремилъ къ намъ крѣпкую рѣчь: «Мнѣ слышалось, что здѣсь, при моемъ приходѣ, говорили о *Наполеонѣ*; великій Полководецъ, глубокомысленный политикъ; желѣзная рука въ бархатной перчаткѣ; онъ ея и пузилъ и гладилъ по головкѣ Французовъ, которыхъ не даромъ *Вольтеръ* называлъ: пигры-обезьяны (*tigres*). *Наполеонъ* мастерски распоряжалъ Государственному казначейству: побѣды приносилъ ему деньги, а деньги ускорили дорогу къ новымъ побѣдамъ. Теперь, какъ вамъ всѣмъ изъ публичныхъ вѣдомостей извѣстно, денежный курсъ во Франціи чрезвычайно низокъ и съ каждою биржею становится все ниже и ниже, теперь любопытно знать, что *Наполеонъ* называлъ курсъ великимъ политическимъ пермометромъ. Онъ соображалъ съ градусами энаго свои поступки; на прим. когда его утвердили Консуломъ на 10 лѣтъ—денежный курсъ возвысился. Узнавъ объ этомъ, онъ сказалъ своимъ приверженцамъ: «я сдѣлаюсь Консуломъ на всю жизнь.» Когда его упросили остаться навсегда Консуломъ, курсъ опять поднялся. «Я сдѣлаюсь Царемъ!» воскликнулъ онъ.

«При отъѣздѣ въ первый разъ въ Испанію, друзья его замѣтили ему, что онъ очень молодъ. «Я гдѣ въ Испанію молодъ, а возвращусь старъ», возразилъ онъ. Вотъ былъ Государь, какова надобно для управленія легко-

мысленными Французами. Въ военномъ ремеслѣ онъ ученикъ нашего *Суворова*; но былъ счастливейше его тѣмъ, что каждое его дѣло превосходно описано, каждое слово замѣчено. Нашъ *Суворовъ*, какъ Полководецъ, выше *Напарты*; но ему недоставляетъ Историка. *Фуксъ* написалъ объ немъ сказку, *Сергей Глинка* говорилъ объ немъ восклицательными знаками; *Свиньинъ* писалъ, не приводя ни свидѣтелей, ни свидѣтельствъ. Историкъ, достойный описать жизнь *Суворова*, долженъ объяснить намъ, что сей единственный Полководецъ велъ войну съ Турками однимъ образомъ, съ Поляками другимъ, съ Французами третьимъ. Вотъ тайна его Стратегіи; вотъ что разгадать и описать надобно. *Суворовъ* ждетъ еще Историка. Впрочемъ, не одному ему эта горькая чаша въ удѣлъ досталась. Образцовые походы *Румянцева* сохраняются доселѣ въ реліціяхъ и изустныхъ преданіяхъ, которые умрутъ скоро вмѣстѣ съ его сослуживцами; а Кагульскаго героя уважалъ самъ *Фридрихъ Великій*. Въ 1776 году Фельдмаршалъ Графъ *Румянцовъ* сопровождалъ Государя Цесаревича *Павла Петровича* въ Берлинъ и, будучи приглашенъ къ Королю за просто на обѣдъ, хотѣлъ было съестъ напрошивъ, *Фридрихъ* указалъ ему другое мѣсто и сказалъ: я желаю имѣть васъ подлы, а не противъ себя! Жизнь Князя *Потемкина*—создателя Черноморскаго флота, покорителя Крыма, жизнедаца Новороссіи, о которомъ *Екатерина Великая* сказала: «онъ одинъ понимаетъ меня,» есть жалкая компіляція, собраніе реліцій, послужной списокъ.

«Кромѣ безсмертныхъ заслугъ, выше мною исчисленныхъ, онъ одѣлъ Русскихъ солдатъ, сообразно ихъ климату, красиво, покойно, грозно; солдаты его времени были здоровы, жили два вѣка, духъ имѣлъ непобѣдимый. *Потемкинъ* любилъ Русскую поэзію, былъ коропокъ съ *Державинскимъ*; *Петровъ* и *Карамзинъ* соупотребляли ему въ походахъ; Тавричeskій Дворецъ, едва ли не изящнѣйшій всѣхъ Дворцовъ, свидѣтельствуетъ о его вкусѣ. Въ самомъ покровительствѣ своемъ Русскимъ Писателямъ и Художникамъ, онъ былъ весьма понокъ. — Рассказываютъ, что когда *Михайло Ивановичъ Веревкинъ* по-

несъ ему свой переводъ Алкорана, *Потёмкинъ* былъ весьма доволенъ и, желая безъ оскорбленія наградить небогапаго переводчика, вышелъ въ другую комнапу, вырвалъ листы изъ первой попавшейся ему подъ руку книги, вложилъ въ переплетъ вмѣсто ихъ пукъ ассигнацій, вышелъ опять въ пріёмную и, подавая *Вережкину*, сказалъ: «за вашу книгу хочу служить вамъ другою изъ своей библіотеки.» — Обрадованный переводчикъ взялъ книгу, опкланялся, но заглянувъ въ неё, воропился опять къ Князю и сказалъ ему: «Ваша Свѣплоспъ, это первый помъ, пожалуйте уже мнѣ и впорой.» Своенравному Вельможѣ понравилась смѣлоспъ молодого человекъ; онъ набилъ также и второй помъ ассигнаціями и вручилъ *Вережкину*, примолвя: «умень!» — — —

— — Это напоминаетъ, подхвапшилъ Князь *Зарайскій*, обрадовавшись пому, что Генераль нюхая табакъ, далъ свободу языку его: это напоминаетъ, повпорилъ онъ, одинъ случай, который, лучше нежели десять помовъ объясняетъ намъ, до какой степени былъ избалованъ счапсіемъ великолѣпный Князь *Тавригескій*.

Во время осады Очакова, Князь В. В. *Долгорукій* далъ ему ширъ, который соединенными силами спряпали роскошь, прихоть и обжорспво; казалось, одного только пшчьяго молока недоспавало.

Хозяинъ пригласилъ всѣхъ любимцевъ его: Принца *дѣ-Линь*, *Рибаса*, Князя *Сергья Оѣдоровица Голлицына*; *Духовенство*, *Запорожцевъ*, *Донцовъ*. Но Князь сидѣлъ насупясь, и не опвѣдалъ ни одного блюда. Хозяинъ всталъ изъ за-спола, подошелъ къ нему и, по тогдашнему обыкновенію, подчивалъ его любимыми его блюдами: икрою, сперлядью, кулебякою. При каждомъ словѣ, *Потёмкинъ* сухо опвѣчалъ: *не хочу!* *Долгорукій*, скучась получать такіе опривиспые опвѣпы, спросилъ: чего же угодно Вашей Свѣплоспш? — «*Хорошее звено солёненькой рыбки!*» Никпо не воображалъ, что при изобиліи живой осеприны, бѣлой рыбы, усприць и дичи, придѣтъ на Князя хандра лакомиться солёною рыбою. Надобно было посылать за нею долѣко, и попомъ еще гоповишь; однако же, благодаря оспроумію *Львова*, шулкамъ Принца *дѣ-Линь* и музыкѣ *Сарти*, курьеръ успѣлъ създинить за 15-верспъ

звено коренной сомовины привезено, сварено спспавлено на споль передъ *Потёмкина*. Всѣ ждали, что онъ примется за неё съ обыкновенною своею жадноспю — и всѣ ошиблись. Своенравный Вельможа до неё и не доспронулся, а презрипельнымъ пономъ сказалъ: «*не хочу; я думалъ, что достать нельзя!*»

— — «Въ этомъ опвѣпѣ видѣнъ весь Князь *Потёмкинъ*;» — воскликнулъ Генераль: «онъ напоминаетъ...» — Тутъ вошелъ слуга — и доложилъ о пріездѣ Тайнаго Совѣпника *Протьянова*...

Сорокалѣпняя, ничѣмъ не запяпванная служба его, правосудіе, здравое сужденіе въ дѣлахъ по его часпш, кропоспъ съ подчиненными и покорноспъ, а не раболѣспство предъ начальниками, дѣлали его человекомъ, доспойнымъ уваженія; но чрезмѣрная спраспъ къ болповспву все порпшла и, при одномъ имени его, заспавляла зѣвать.

(*Окончаніе въ след. листьѣ.*)

СЛОВЕСНОСТЬ.

У Л Ъ Р И Х Ъ И Л И З А.

Бріентское озеро лишилось своей прелесной перевощицы. Не смерть похипила её, подобно паспушкѣ долины Имперлакенской: молодая дѣвушка превратилась въ спарую женщину. Прекрасное чело ея, нѣкогда блиспавшее свѣжеспю, покрылось морщинами, и сельская красавица, которой наперывъ приносили дань поэпы и живописцы, живепъ пеперь уединенно въ низенькомъ домикѣ Армюльскаго предмѣспія, близъ Унперзеена.

Однажды вздумалось мнѣ посѣпнить сію развѣчанную царщю красопы. Подъ видомъ покупки разныхъ бездѣлокъ, я вошелъ въ ея лавочку, гдѣ она опсправляла должноспъ порговки съ тою же пріятною улыбкою, съ какою принимала путешеспвенниковъ въ свою лодку. Опъ прежней красопы ея оспались еще большіе голубые глаза, которыми могла бы гордиться всякая Бріпанская красавица, и бѣлые, какъ Альпійскій снѣгъ, зубы.

Сказавъ нѣсколько словъ о порговлѣ, мы завели разговоръ о Швейцаріи; попомъ пере-

неслись къ молодымъ лѣтамъ моей собесѣдницы, которая между прочимъ рассказала мнѣ, съ слезами на глазахъ, слѣдующую быль:

«У меня былъ братъ, по имени *Ульрихъ*; онъ влюбился въ одну изъ подружекъ моихъ и любимъ былъ взаимно; но отецъ его любезной не хотѣлъ соединить ихъ: онъ думалъ, какъ водится, что дочь его найдетъ жениха гораздо богаче. Жестокій отказъ сей привелъ въ отчаяніе бѣднаго моего брата; онъ поклялся овладѣть своею *Лизою*. Во время Имперлакенскаго праздника, *Ульрихъ* проспился со всѣми жителями селенія, подъ предлогомъ скорого своего отъѣзда. Весь этотъ день онъ ни на минуту не отходилъ отъ своей любезной!... Солнце начинало пряпаться за наши горы. *Ульрихъ* взялъ *Лизу* за руку и сказалъ ей распрощанье, но нѣжнымъ голосомъ: «милая подруга, проспимся въ послѣдній разъ съ этимъ свѣтломъ, озаряющимъ любовь нашу!... Завтра оно взойдетъ уже надъ...» Я не слыхала послѣднихъ словъ его. Дѣвушка, вмѣсто отвѣта, взглянула на него съ печальною улыбкою, пожала ему руку и послѣдовала за нимъ на поляну, гдѣ обыкновенно бывають пляски. Сіе возвышенное мѣсто, покрытое муравою, лежашъ у самаго Бріентскаго озера.

«Послѣ разныхъ игръ, которыми предавалась наша молодежь, назначенъ былъ вальсъ: танецъ сей спрашно любятъ Швейцарцы. Каждый изъ молодыхъ людей взялъ любимую имъ дѣвушку. *Ульрихъ* послалъ мнѣ рукою поцѣлуй и схватилъ легкую *Лизу*, которая обвилась около него, какъ плющь вокругъ нашихъ хижинъ. Сначала музыка играла медленно: танцующіе вертѣлись и описывали круги съ большею или меньшею пріятностію. Музыканты спали играли скорѣе; быспрѣе закружились пары, но не спалкивались. Наконецъ, музыка заиграла еще скорѣе: танцующіе закружились вихремъ. Изъ всѣхъ паръ *Ульрихъ* и *Лиза* привлекли на себя всѣ взоры. Они слылись, какъ бы въ одинъ верпящійся предметъ. Скоро танцовщицы начали устывать, и одна пара за другою оспавляли танецъ; музыка умолкла. Между тѣмъ, наши любовники быспро продолжали кружиться,

облепѣли всю поляну и наконецъ упали въ озеро!... Несчастные попоцули!... Они найдены вмѣстѣ; руки ихъ замерли, держа другъ друга въ объятіяхъ. Ихъ перенесли въ мою лодку, гдѣ не задолго предъ тѣмъ раздавались ихъ веселыя пѣсни...»

Я поблагодарилъ сестру *Ульриха*, и въ задумчивости направилъ шаги къ прекрасному, прозрачному озеру, которое было споль же гибельно, какъ воды Левкада.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ ПОЭТУ-ОТШЕЛЬНИКУ.

Поняшно мнѣ пвое смущенье,
Отшельникъ міра молодой:
Ты полюбилъ уединенье
И звуки арфы золотой;
Среди забавъ разнообразныхъ
Ничто тебя не веселитъ,
И въ шумъ вечеринокъ праздныхъ
Твой умъ молчаніе хранитъ.
Ты лишний гость въ житейской прозѣ,
Цѣмичьемъ зазванный на пиръ,
Гдѣ хладны всѣ, какъ на морозѣ!
Какъ пѣсень для тебя сей міръ!
Съ какимъ веселіемъ сердечнымъ
Къ Пенатамъ пы своимъ спышишь,
И каждымъ мгномъ быспрошечнымъ
Ты какъ святыней дорожишь.
Цѣвницу звучную наспролъ,
Ты дома съ Музою самъ-другъ,
Наперникъ сладкаго покоя,
Спихами веселишь свой духъ.
Дары форпуны горделивой
Съ презрѣніемъ опвергнулъ пы,
И въ юности краспорѣчивой
Питаешь кропкия мечты,
И вокресивъ въ воображеніи
Давно минувшихъ прелестъ дней,
Ты всѣ пропекшія мгновенья
Лелѣешь въ памяти своей.
Пускай едва замѣнный ходишь
Съ челомъ понишнимъ междъ людей,
И на пущи звездъ находишь

Однихъ рабовъ своихъ спраспей ;
 Но ты, какъ Діамантъ безцѣнный,
 Величьемъ духа возблещишь,
 И славою гения неплѣнной
 Толпу слѣпую удивишь.

Н. Баталинъ.

Ижнѣй - Новгородъ.

КЪ ПОРТРЕТУ.

Валтеръ-Скотта.

Твой міръ естественъ и прекрасенъ,
 Какъ радуга и пестрѣ и живъ,
 Какъ Майскій день безножно ясенъ
 И сердцу онъ краснорѣчивъ! —
 Когда ведешь рассказъ ты длинный
 Про спародавнѣе года,
 Про бытъ далѣкихъ дней старинный —
 Невольно мы лепимъ шуда,
 Гдѣ гений швой глубокий, важный
 Тебя такъ дивно воспишалъ,
 И пѣсню своей пропѣжной
 Очарованье навѣвалъ;
 Гдѣ Тендъ серебряная лѣтся,
 Гдѣ надъ горой орелъ несется,
 А въ слѣдъ пернатого Царя
 Спрѣла Шотландская взовьется
 Послушнымъ лукомъ прозвения,
 И ты — въ раздумье погруженный
 Карпину новую черпишь
 И въ міръ шобою удивленный
 Самодовольнѣе глдишь!

Н. Прокоповичъ.

КЪ АЛИНѢ.

(Подраженіе Лѣбрѣно).

(1818).

На розахъ, пригвожденъ
 Къ поспелъ сладоспращьемъ,
 И лѣношью и счастьемъ,
 Въ ничпожеспвѣ блаженъ,
 Любовникъ спишь обыкновенный.
 Тибулль, съ зарею пробужденный,
 Ко славъ онъ любви лепталь
 И Делю въ восторгъ пѣлъ.

Опважно вырвавшись изъ рукъ любви спраспной,
 Въ объяшья славы паспѣ прекрасю!

*

Нѣшь! нѣшь! мы не умремъ,
 Алина, другъ сердечный!
 Спихи, лобзанья, въ вѣчный,
 Въ одинъ восторгъ сольемъ —
 И смерть лишится грозной власти!
 Пуспѣ чистый пламень нашей спраспи
 Надъ бездною вѣковъ горишь,
 И мракъ могилы озаришь,
 Какъ мѣсяцъ молодой лѣсъ старый и дремучій;
 Какъ молнія мракъ чѣрной шучи!

В.

КЪ ***.

(При посылкѣ поэмы: Безумнал.)

Мой другъ, опять акордъ могучій
 Изъ грустной лиры онъ извлѣкъ?
 Какъ свяпѣ намъ опгулъ злополучій!
 Опять несправедливый рокъ —
 Онъ побѣдилъ воспоминаньемъ?
 Всѣ слѣзы, всѣ порывы мукъ —
 Въ одинъ сосредоточилъ звукъ:
 И звукъ опозвался спраданьемъ!
 До гроба въ мракъ погребѣнъ —
 Онъ поминишь міръ! Не даромъ онъ
 Пѣнилъ насъ сѣвернымъ сѣньемъ!

Ш А Р А Д А.

Мой первый слогъ — союзъ; второй мой слогъ прядушь;
 Когда же диво насъ внезапно поражаетъ,
 Мой третий слогъ по кликомъ выражаетъ;
 А цѣлое еспѣ шагъ къ шому, шпо благомъ
 шпущъ:

Одни богашпва имъ берутъ,
 Другіе къ почеспямъ спремьшся,
 Тѣ ищупъ дружбой наслаждашся
 И пламень сердца погасишь,
 Иные-жъ, наконецъ — хошашъ рога носишь!
М. Корниловъ.

Въ № 12, помѣщенная шарада значишь: *Val-lot.*

M O D E S.

Robes.—Nous avons vu des robes en velours, ayant de petites broderies d'or au-dessus de l'ourlet: les turbans vont très-bien avec cette toilette.

La semaine dernière a vu assez de bals particuliers, il ne s'y est rien remarqué d'extraordinaire en mode. Les corsages drapés sont toujours très-nombreux. Les robes se décolletent carrément et tombent très-bas sur les épaules. Les manches courtes sont ornées de nœuds de rubans, ou d'un double bouffant. La petite chemisette, garnie de valenciennes qui dépasse le tour du corsage, est indispensable.

Au bal qu'a donné Mme G^{***}, ses trois filles avaient des robes en crêpe blanc; sur le devant du jupon étaient attachés trois rubans de satin rose qui partaient de la ceinture et s'arrêtaient au-dessus du genou par un nœud, dont les bouts flottaient jusqu'au bas de l'ourlet. Sur les manches étaient des nœuds à quatre bouts, qui séparaient le bouffant en quatre côtes et venaient se réunir au bas par un second nœud, dont les bouts tombaient sur le coude. Elles étaient coiffées toutes les trois de la même manière: des boucles très-écartées sur les tempes, une tresse en couronne et une rose sur le côté.

Aux bals on voit beaucoup de robes de nuance jaune. Les étoffes en soie, gaze ou crêpe, de cette couleur, vont très-bien avec des garnitures de jais noir.

Les écharpes sont définitivement préférées aux boas dans les soirées. On en voit surtout beaucoup en gaze blanche.

On a vu cette semaine plusieurs robes de bal en gaze lisse blanche, sur lesquelles étaient appliquées des fleurs peintes sur du velours. Le relief que produisait cette peinture était très-joli. L'une de ces robes avait trois gros bouquets de fleurs mélangées, appliquées sur le devant du jupon. Le premier au-dessus du genou, les deux autres placés diagonalement en descendant jusqu'au bas de l'ourlet.

— Les manchons sont si nombreux aujourd'hui que la beauté de leur fourrure en devient la seule distinction: la martre est toujours des plus recherchées.

Pour les soirées, on porte des gilets de velours bleu pensée, avec des broderies en or assez éloignées les unes des autres. Ce sont des fleurs, des losanges, des zig-zag.

M O Д Ы.

Платья.—Мы видели бархатные платья с узенькимъ золотымъ шпильемъ надъ рубцомъ; шюрбаны весьма приличны къ сему наряду.

На прошедшей недѣлѣ было много паршикулярныхъ баловъ; въ модахъ ничего особеннаго не замѣчено. Лифы драпé все въ большомъ употребленіи; ихъ вырѣзываютъ чепвероугольно и очень спускаютъ съ плечъ. Маленькая шемизетка, обшшая Валенсienскимъ кружевомъ, выпущенная изъ подъ лифа, необходима.

На балѣ Г-жи G^{***}, при ея дочери были въ бѣлыхъ креповыхъ платьяхъ; спереди на юбкѣ были нашивы при розовыя апласныя ленты, которыя начинаясь отъ пояса, оканчивались баннами по выше колѣна; концы отъ бантовъ висѣли до низа рубца. На рукавахъ были банты изъ чепырехъ коцевъ, раздѣлявшіе буфу на чепыре частны, и соединялись съ низомъ рукава другимъ бантомъ, отъ котораго концы висѣли до локтя. Онѣ причесаны были всѣ одинакимъ образомъ: букли совсѣмъ почши на вискахъ, коса короною, а на боку одна роза.

На балахъ видно много платьевъ желтаго цвѣта. Къ шелковымъ матеріямъ, газу или крепу этаго цвѣта, очень прилична накладка изъ черныхъ агатовъ.

Шарфы рѣшиительно предпочитаются хвостамъ; для вечеровъ видно очень много бѣлыхъ газовыхъ.

На этой недѣлѣ замѣтили мы много платьевъ изъ гладкаго бѣлаго газа, съ нашивными цвѣтами, рисованными по бархату. Это весьма красиво. На одномъ изъ таковыхъ платьевъ были при большіе букета изъ разныхъ цвѣтовъ нашивы спереди юбки. Первый повыше колѣна, а другіе два, ниже одинъ другаго, вкось до края юбки.

Мушъ появилось такъ много, что онѣ оплачуются только красною мѣха. Собольи предпочитаются прочимъ.

На вечера надѣваютъ бархатные жилеты голубовато-вишневаго цвѣта, вышивные золотомъ, цвѣтами, полосками, зигъ-загами, довольно рѣдко разбросанными.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходятъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 14.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 36-ю картинками модъ, въ С. П. б. 30, съ доставкой и пересылкою 35 рублей.

СРЕДА, ФЕВРАЛЯ 17 ДНЯ, 1852 ГОДА.

Иду своимъ путемъ, какъ должность мнѣ велитъ,
И гдѣ споткнется умъ, тамъ совѣсть подкрѣпитъ.

Князь Долгорукий.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

Г О В О Р У Н Ы.

(Окончаніе.)

И Его Превосходительство вошелъ и раскланялся, и усѣлся на софѣ, и понюхалъ пабаку изъ золотой пабакерки, осыпанной крупными бриллиантами, и облокотился на проспѣ съ золотымъ набалдашникомъ, и началъ намъ повѣствовать; а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты.

«Цѣлые спо лѣтъ не имѣлъ чеспи съ вами видѣться; каково здоровье Вашего Превосходительства?» спросилъ онъ у Генерала *Борзова* и, не дожидаясь отвѣда, обратился къ *Князю Зарайскому*. «Вы, Ваше Сіятельство, пополнѣли, цвѣтъ лица вашего радуешь челоука, которій васъ сердечно почитаетъ. Здорова ли *Княгиня*? Старшаго *Князя* вашего я вспрѣщилъ въ день Теизоменительства Государя во Дворцѣ; какой онъ молодецъ въ *Конно-Егерскомъ* мундирѣ; какъ онъ спалъ ловокъ, какой оспрякъ, засыпалъ насъ Русскими каламбурами. Мнѣ померещилось, что онъ раздобрѣлъ, выросъ. А вы, *Дмитрій Ивановичъ*, всё *Адьютантствуете* и всё еще не *Полковникомъ*? *Тугонько* идѣтъ ваше производство; видно сошлись всё служаки, не опоражниваютъ вакансіи, хопятъ переслужить,

а не выжишь одинъ другаго. Випъ вы, кажепся, сочепались бракомъ? Тѣмъ больше желаю вамъ быть скорѣе *Шпабъ-Офицеромъ*; къ женатому челоуку не приспали маленькіе эпидемии; они показываютъ молодость, въпренность; *Полковничьи* — зрѣлость лѣтъ, сепенность, бережливость. А вы, *Алексій Васильевичъ*, сказалъ онъ, обращая рѣчь ко мнѣ, какъ къ хозяину, не удосужились прошлымъ лѣтомъ опдохнуть въ своемъ *Рождествинѣ*. *Насстроили* оранжерей, павильоновъ, бесѣдокъ, и оставили ихъ лепучимъ мышамъ. А я всё это время прожилъ въ *Тверской* своей деревнѣ, наслаждался свободою, спрѣмлялъ куликовъ, капался по Волгѣ, удилъ рыбу, ѣздилъ съ собаками. Какую верховую лошадь я доспалъ себѣ у добраго своего сосѣда *Петра Яковлевича Тарарыкина*. Вообразите, рослая, длинная, бурая въ маслѣ, звѣздочка во лбу, щиколка задней лѣвой ноги бѣлая, крѣпкая на ногахъ; покойна, какъ *Англійскій* кабріолетъ, смирна, однакожь съ огнемъ; ничего не бошпся, послушлива, какъ малый ребенокъ; ножки поненькія, грудь широкая, глаза пламенные, уши острия. Знаете вы пословицу: деньгами лошади не купишь. Она сбылась со мною. Я заплашилъ за нее 1,800 рублей; а не возьму пяпи тысячъ. Она съ завода покойнаго *Графа Растопчина*; самъ *Графъ Федоръ Василье-*

впчъ ѣзжалъ на ней; а опецъ её былъ *Агамемнонь*, чистпой, скаковой Англійской породы (Hunter) завода Герцога *Девонширскаго*; эпоптъ Агамемнонь, о копоромъ споль много писано въ газетахъ, выигралъ въ 1818 Августа 1 и 1819 году Юля 27 на скачкѣ въ Чельпентгамѣ (Cheltenham) своему хозяину Графу *Лисерпулю* 250 п. рублей. Зимою 1820 года сей славный скакунь, опецъ моей *Клоринды*, купленъ Графомъ *Федоромъ Васильевичемъ* за 60 п. рублей, а весною былъ уже приведенъ въ Вороново. Онъ и теперь еще здравспивуетъ, хопя дряхлъ и хилъ; моя *Клоринда* не въ него маспью уродилась, а въ мапъ свою. За по уже сила и благородная осанка — опцовскія. Бывъ нынѣ въ Москвѣ, я нарочно ѣздилъ въ Подмосковное село Вороново и видѣлъ Англійскаго жеребца - ветерана. Онъ пѣмногнѣдой, шеспи вершковъ, грива и хвоспъ какъ смоль: если бы памъ былъ живописецъ, и бы велѣлъ списать съ него портретъ. Спашп почъ въ почъ, какъ у моей новокупленной, такъ же звѣздка во лбу, лѣвая задняя щикалка бѣлая. Графскій берейпоръ увѣрлялъ меня, что когда Агамемнонь былъ въ цѣвпущей порѣ: погда ни заборы, ни рогатки, ни рвы его не удерживали; онъ перелепалъ черезъ нихъ, какъ щпща. И моя *Клоринда*, дочь его, не имѣетъ цѣвны за вѣрноспъ ногъ и лѣгкоспъ на скаку. Впрочемъ, я никогда не былъ несчастливъ въ дошадяхъ. Мнѣ помнился, что вы, господа, всѣ охопники, и такъ не поскучаепе выслушашъ. Все это будепъ въ двухъ словахъ. Въ 1806 году прѣхалъ въ Рязань, гдѣ я погда жилъ по случаю милици, какой-по заморской фигуранпъ съ учеными лошадьми, для попѣхп Рязанскихъ жшпелей. Лошадп-по были оппично хорошия; они удивлялп Публику своими прыжками и скачками; но хозяйинъ-по ихъ былъ мопшпка, негодѣй и записной карпѣжннкъ. Городъ же Рязань, не изболовавшій въ по время людьми учеными, заключалъ въ своихъ предѣлахъ, по крайней мѣрѣ, дюжину профессоровъ карпочной игры; они въ недѣлю облупили Ипаліанца такъ, что онъ, опѣвзжая въ Тамбовъ, принужденъ былъ заложить Купцу *Подзорову* лучшую свою Арабскую лошадъ. Вамъ не нужно сказывать, что онъ не заплапшилъ въ срокъ денегъ. Ку-

пецъ *Подзоровъ* на Свяпой недѣль подгулялъ порядочно, осѣдлалъ гнѣдаго Аргамака, раз-Франпился и сбирался блеснуть подъ качелями; но ученый конъ не хопѣлъ повиноваться безграмопному барышнику; онъ завезъ его на дворъ къ Купцу *Живолу*; а памъ злал цѣпная собака такъ искусала ему ноги, что онъ семъ недѣль пролежалъ въ постель.

Дмитрѣевъ увѣряепъ, будпо бы:

«Топъ вѣрно спалъ умивй, кшо въ школъ бѣдспій былъ;»

А барышникъ *Подзоровъ* неоспорпно доказалъ, что это прѣвило неправильно, или, что онъ соспавляепъ исключеніе изъ онаго: ибо, едва спалъ обмогашся, какъ хлѣбнувъ черезъ край, опяпъ велѣлъ осѣдлать Гнѣдако, опяпъ на него вскарабкался и опяпъ претерпѣлъ кораблекрушеніе, п. е., говоря безъ риторическихъ фигуръ, крѣпко ударился о сыру землю въ Солдатской слободѣ, пропивъ самой церкви *Екатерины Мученицы*. Лежа въ грязь, *Подзоровъ* образумился и рѣшился въ хмѣльной башкѣ своей продать Ипаліанскаго Волпшжѣра первому, кто купшп его пожелаетъ.

Эпоптъ первый—былъ я. Торговались, торговались—и спорговались. За 400 руб. я пріобрѣлъ лихаго коня, обученнаго въ манежѣ, хорошей маспш, довольно складнаго и красиваго. Правду молвить, онъ мнѣ доспался въ чѣрномъ пѣлѣ; шерспъ опросла на аршинъ и спояла дыбомъ, уши были не обстрижены, ноги поже, подъ брюхомъ волосы не опалены, а что всего онаго было хуже; онъ безреспанно мопалъ хвостомъ и въ галогъ часто сбивался на лѣвую ногу. Но вопъ штука: я хопя и служилъ въ Орденскомъ кирасирскомъ полку и ѣздилъ верхомъ порядочно, но далеко не такъ искусно, какъ *Турнье* и *Хіарини*, а мой Гнѣдако, заспоявшійся въ спойлѣ и возгордившійся двумя побѣдами надъ самыми удалыми изъ Рязанскихъ наѣздниковъ, смотрѣлъ люпымъ звѣремъ, скрыпѣлъ зубами и взвивался на дыбы. Я велѣлъ его осѣдлать—и, выведя за Аспрахаскую заспаву, меня дожидашся. Тогда я былъ не такой дряхлой спарикъ, какимъ вы теперь меня видипе; мнѣ еще не исполнилось погда придцати лѣпъ. Сильный, легкій, опважный, какъ чорпъ, я вскочилъ на моего Аргамака, не хуже лучшаго Донскаго козака; Гнѣдако,

сдѣлавъ нѣсколько опчальныхъ ландшадъ, — пуспился, какъ изъ лука спрѣла къ Дядькову. Погода была ведреная, дорога какъ скаперпъ: выскакавъ въ гору, я хотѣлъ приоспановипъ моего коня, боясь надорватъ его. Кспапи ли! Чѣмъ я больше ппаянулъ поводья, тѣмъ выше производилъ прыжки мой Гнѣдко. Въ нѣсколько минупъ промчался я 12 верспъ до *Олегова* монастыря и, повернувъ къ нему, ослабилъ поводья. Въ потъ же мигъ лошада моя присмирѣла и пошла сперва рысью, а попомъ и шагомъ. Тиховько, легахонько привезла она меня къ высокому берегу Оки. Я спрыгнулъ на земь, попрепалъ лошада, обпѣръ съ неѣ пѣну—и началъ водипъ, любуясь карпшною рѣки, плывущими спругами, необозримыми лѣсами Мещеры и селами, по всему лѣвому берегу Оки разбросанными. Бываль-ли кто изъ васъ въ Рязани, посѣчалъ ли вроспій въ землю монастырь *Олеговъ*? Времена Удѣльныхъ Князей и Татарское иго живо представлялись воображенію моему, когда я бродилъ шамъ по спарымъ могиламъ и глядѣлъ на порчащія изъ земли человѣческія кости, подмыпаго водою берега. Надобно вамъ сказатъ, что моя деревня, гдѣ провелъ я лучшіе годы молодости, не далѣе пяти верспъ оптуда. Годы счастливой беззаботности! я тогда не зналъ цѣны блага, которыми безденежно, безопчѣпно наслаждался. Уюпный домкъ, живописное мѣстоположеніе, сады съ разными плодами, огороды съ овощами, пруды, озеро и рѣка съ рыбою, лѣса съ дичью, пчельники съ мѣдомъ. О, если бы нынѣ, если бы съ пеперешнею моею опыпностью форпуна подарила мнѣ такое село: какъ бы я умѣлъ цѣнипъ эпотъ райскій приюпъ, эпо благородную независимость, эпо сладкіе досуги; о, тогда, тогда... я былъ молодъ и неопыпень! Но я опступилъ опъ своего предмета; мы, кажется, оспановились подъ *Олеговымъ* монастыремъ, на берегу Оки. Впрочемъ, я уже почти кончилъ; мнѣ оспалось добавипъ одно слово. Выводивъ порядочно мою лошада, я подпаянулъ подпруги, осмопрѣлъ спремена, пахви и наперспье, замушпучилъ, погладилъ еѣ по шеѣ, ударилъ по сѣду, лошада моя выппаянулась и спояла, какъ вкопаная. Я поставилъ ногу въ спремя, исподволь

приподнялся на немъ и не пороплясь сѣлъ; лошада моя спояла, какъ вкопаная. А опъ чего? Опъ пого, что я не шевелилъ поводьями. Постпой же, думалъ я, я съ побою справлюсь; пронулъ еѣ шпорами, и мой Гнѣдко.... Но копорый часъ? Въ 10 мнѣ надобно быпъ у *Мухоморова*; жена его звала меня игратъ съ нею въ виспъ. Ахпи, 10 безъ чепверпи! пора! а признаюсь, мнѣ бы не хотѣлось съ вами распашься; мы пакъ было разговорились, что я не видалъ, какъ прошло время. Оно и не мудрено; Князю еспъ объ чемъ поразсказатъ: въ пупешествіи своемъ онъ собралъ дань съ цѣлою Европы и положилъ въ свой анбаръ. У Генерала еспъ чего послушатъ: онъ служилъ въ такое время, когда слава каждый день провозглашала о побѣдахъ *Екатерины* и *Александра*, когда Русскихъ принимали вездѣ какъ спасипелей, какъ пѣбзавипелей. Однакожъ пора; а то я опять заслушаюсь вашпхъ сладкихъ рѣчей; прощайте.» — —

Онъ уѣхалъ, а мы всѣ, просидѣвъ двѣ при минупы, какъ будто бы оглушенные громомъ, въ глубокомъ безмолвіи, единогласно вскричали:

Неспосный говорупъ, насилу отвязался!

Алексій Кораблинскій.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ОЗЕРО КИЛЛАРНЕЙСКОЕ.

На одной изъ оконечностей западнаго берега Ирландіи находится Килларнейское озеро. На мѣспѣ онаго, за нѣсколько сотъ лѣпъ, расппалась прекрасная долина, которая теперь покрыта водою. Эпо случилось вопъ какимъ чудомъ:

Долина сія, окруженная со всѣхъ споронъ горами, представляла собою циркъ, или колизей, созданный руками природы. Если вѣрпипъ древнимъ лѣпопшисямъ, она наполнялась одипъ разъ въ году, въ самую длинную ночь; безчисленнымъ множеспвомъ красавицъ-Фей и Амуровъ. Сей воздушный народъ слѣтался со всѣхъ концевъ земли, чтобы предаватъся играмъ. У него были свои акпѣры, пѣвцы, плясунны: дивное зрѣлище, какого не видалъ ни одипъ смерпный; но Зѣпры издали приносили крики радости и веселія. Жипели околѣд-

ка; мнѣ за двадцать оцъ сего мѣста, собирались въ извѣстный часъ. Внимательная толпа слушала, спрашивалась и пререпала. Всякое внутреннее движеніе имѣеть свою прелесть: такъ и добрые горцы однажды въ году наслаждались прелестью ужаса.

Много долинъ въ Ирландіи; онѣ обширны, глубоки, одѣты мягкою зеленью; но ни одна изъ нихъ такъ хорошо не защищена горами, ни одна столько не благоприятствуетъ пачивеннымъ явленіямъ, какъ Килларнейская долина, о которой преданіе сохранило память. Въ ней также жило эхо, но оно было безмолвно, исключая бурные дни, когда гроза спускалась надъ нею съ своею свистою. Тупы были озера, но ни одно судно же браздило воды ихъ, которыми упояли жажду одинъ дикія козы. Плутъ никогда не прикасался къ почвѣ сей долины; къ природнымъ красотамъ ея искусство ничего не могло прибавить, и вѣроятно она сохраняла первобытный видъ свой оцъ самаго мірозданія.

Посреди оной былъ ключъ съ свѣжею, прозрачною водою, которая журча, по золотому песку изливалась въ водоёмъ изъ бѣлѣйшаго мрамора. Незвѣстно, куда скрывалась вода. Она не выступала изъ береговъ, испоконка не было, и при всемъ помѣ водоёмъ сей не былъ ни широкъ, ни глубокъ. Сіе-то подало мысль назвать ключъ сей *волшебнымъ*.

Онъ накрывался камнемъ, весьма тяжелымъ съ вида, но который очень удобно было поднимать. Около тысячи лѣтъ тому назадъ, какъ говорятъ въ околѣдкѣ, одна Фей, покровительница сего источника, дозволяла дѣвушкамъ ближняго селенія черпать изъ него по вечерамъ воду для домашняго употребленія, но поцъ спрѣгмъ уговоромъ, накладывалъ камень по прежнему. Если которая либо изъ нихъ, по непрѣспительной разсѣянности забывала сіе дѣлать, и водоёмъ оставался открытъ до солнечнаго восхода: то ужасныя несчастія постигали виновную, семью ея и цѣлое селеніе.

Между сельскими дѣвучками, которыя по вечерамъ приходили за водою къ источнику, сокращая путь пріятными и дикими опечивенными пѣснями, отличалась *Нора*, милая

Нора; голова ея украшалась вѣнкомъ изъ ланевыхъ вѣтвей, переплетенныхъ съ прутьями ежевики, усыянными красными плодами; черныя кудри ея рассыпались по плечамъ. Молодые парни удивлялись ей; подружки любящ ея и не сердились на неа за пригожее личико. Домъ преспарѣлыхъ родителей ея, которые гордились ею, хотя былъ прѣспъ, но красавѣе всѣхъ домовъ въ селеніи. Это конечно зависѣло не оцъ пышнаго убранства его, но оцъ опряжности, въ какой содержала его *Нора*; все, даже самая душнстая жимолость, распущая передъ воротами, казалась зеленѣе, цвѣты красивѣе и свѣжѣе: ибо *Нора* лелеала ихъ своими милыми ручками.

Почерпнувъ воды изъ источника, она никогда не забывала накладывать камень на водоёмъ. Она возвращалась съ пѣснями и пляскою, не унеся съ собою ни малѣйшей грусти, ни малѣйшей заботы, которая могла бы возмутить сладкій сонъ ея.

Такое счастье, такая безпечность не могли быть продолжительны; пришла пора любви. Явился молодой воинъ въ блестящемъ вооруженіи, озаренный славой своихъ подвиговъ, кипящій браннымъ боемъ и влаждущій даромъ описывать битвы. Ему довольно было только показаться, чтобы очаровать *Нору*. Сердце молодой дѣвухи не могло устоять; оно покорилось; и когда по закапъ солнечномъ наступало время идти къ источнику, *Нора* не одна уже отправлялась туда. Сначала *Оваль* слѣдовалъ за нею издали, потомъ вблизи, и наконецъ рядомъ съ нею. Иногда они отдыхали вмѣстѣ, садясь у дороги; *Оваль*, упоенный любовію, говорилъ тогда:

«Когда *Нора* проходитъ, украшенная дѣическою скромностію, по всякой имѣеть оцъ удивленія и удовольствія; чувствуя пререпеть и волненіе, никто не смѣетъ взглянуть на неа.

«Шопомъ одобренія вездѣ сопровождаетъ ея. При ея смиреніи и кротости, прѣспосердечіе еще болѣе украшаетъ ея. Можно почесать ея не земнымъ существомъ, которое въ образѣ человѣческомъ удержала прелесть небесную.

«Если случайно взоры ея встрѣтились съ вашими, какая-то незвѣстная владость прѣ-

ливается вамъ въ душу и наполняетъ сердце. Самое ощущеніе оной прудно опредѣлить.

«*Нора!* ты воспламеняешь собою чувства; но кто можетъ быть тебя стыдливымъ? вдыхаешь любовь, хотя сама незнакома съ любовью.

«Прекрасны розы, у подошвы горъ распушія; но одна изъ нихъ даетъ ужь понятіе обо всѣхъ прочихъ; пригожія дѣвушки тысячами скачутъ по долинамъ, но ни одна изъ нихъ не даетъ намъ понятія о красотѣ *Норы!*»

Ея престарѣлые родители не одобряли сей любви. Они не любили слушать рассказы молодого воина объ удовольствіяхъ военной жизни и парадахъ. Напротивъ того, *Нора* не могла ихъ послушаться. Они журили за то дочь свою; запрещали ей видѣться съ разскащикомъ. Пролитая слезы, она дала слово исполнить волю ихъ, и чтобы избѣжать встрѣчи съ милымъ, въ ночь же вечеръ отправилась къ источнику другою дорогою; опнывъ камень, она съѣла на него подгорюнившись. Слезы у неѣ текли ручьями. Непримѣтно проходитъ часъ; сумракъ уступаетъ мѣсто ночи; уже на небесахъ зажглись звѣзды и опразнились въ хрусталѣ водъ источника.

Вдругъ показался ея любезный.

— Ахъ, не подходи ко мнѣ! вскричала она; я не могу тебя видѣть. Для чего я не ушла прежде; тогда мнѣ нечего было спрашиваться твоего присутствія. Но я плакала; ты заставилъ меня плакать, *Оваэль!*

— «Переспань, милая *Нора*; воропшимся вмѣстѣ.»

— Нѣтъ, нѣтъ, возразила она съ живостью и не умѣя скрыть свой страхъ. До сихъ поръ я свято хранила свое обѣщаніе, а теперь нарушила его, и ты одинъ тому виною. Я поклялась болѣе не видѣть тебя, а ты опять здѣсь. —

Сказавъ сія слова, она въ волненіи удалилась; *Оваэль* поспѣшилъ за нею; онъ схватилъ ея руку и старался успокоить еѣ.

— «Если ты считаешь пресупушеніемъ видѣть меня, то ты сдѣлала это неумышленно, сказалъ онъ нѣжнымъ и прогательнымъ голосомъ; родители твои не знаютъ о нашемъ свиданіи; а если бы случайно узнали, то тебѣ нечего спрашиваться: сердце роди-

пельское слишкомъ снисходительно! Самый любовникъ не можетъ шпаться сполько спраши. Но для чего не признаешься во взаимной нашей склонности? Ты не хочешь разлучиться съ своими родителями: это хорошо. Я совсѣмъ не противъ того; нѣтъ, я хочу остаться съ вами: я стану работать за всѣхъ васъ. Чего я не сдѣлаю для *Норы*, споль милой моему сердцу! Но увь! намъ надобно разстаться; вопъ вашъ домъ. Улыбнись же, другъ мой; пусть улыбка сія улаждаетъ меня до радостной минутой новаго свиданія. Не уже ли не взглянешь на меня, *Нора?* Это будетъ прощальный взглядъ: смягчись жестокая!»

Несправедливый упрекъ! *Нора* въ эту минуту опворила дверь; она обернулась къ *Оваэлю*; споль спрашно ожидаемая улыбка мелькнула на устахъ ея, и дѣвушка покраснѣвшись и препенца вошла въ комнату. Сонъ засталъ еѣ въ сладостныхъ мысляхъ; она воображала получить согласіе отца; воображеніе ея покорялось сердцу. *Нора* видѣла уже себя предъ олпаремъ, гдѣ произнесся поржесства обѣтъ любви, она не имѣла нужды пашить еѣ опъ Свѣта.

Вдругъ, среди сихъ очаровательныхъ мечпаній, вопъ ужаса вырвался изъ груди ея. Она вскочила съ поспелі, повпоряя:

— Источникъ! источникъ! я забыла положить камень. Но заря чупъ занимается; и еще поспѣю туда.

Она была уже на цупи и бѣжала задыхаясь опъ успалости и крика: «источникъ! источникъ!»

Въ эту минутой, она увидѣла яркій лучъ на вершинѣ горъ. «Заря ли это, или солнышко? спрашвала она сама себя; нѣтъ, быть не можетъ; я поспѣю туда въ пору.»

Пройдя еще нѣсколько шаговъ, она увидѣла источникъ. При семъ зрѣлищѣ она окаменѣла; въ глазахъ ея попомѣнло. Пржавъ судорожно одну руку къ челу, а другую проспирала къ источнику, она казалась живою карпивною опчаянія. Видя еѣ въ семъ оппевнѣніи, можно было еѣ почестъ спашуею, на марморномъ лицѣ коей несслыханнымъ чудомъ дышала скорбь. Увь! солнце уже вошло и на небѣ не было ни облачка. Яркіе лучи падали въ источникъ, и воды его съ шумомъ и пѣ-

ною изливались въ долину. Успрашенные поселене сбѣжались полпами; ничто не могло пробудить бѣдную *Нору*, ни вопли народа, ни шумъ волнъ. Перспѣ ея безпреспанно указывалъ на испочникъ; но она, казалось, не чувствовала близкой опасности, ибо всплески волнъ касались уже ногъ ея; движеніе руки ея было какъ бы невольное. *Оваэль*, прибѣжавшій въ сію минуту, схватываетъ ея въ объятія. Пришедъ въ себя, она вскричала раздирающимъ сердце голосомъ:

— Спасай отца моего! спасай мать мою! оспавь меня умереть, бѣги отсюда!

Но *Оваэль*, споль же быспрый, съ своею драгоцѣнною ношею, какъ спрѣлокъ, уносящій молодую серну, поспѣшно кидается на одну изъ горъ, окружающихъ долину. Спирѣпыя волны его преслѣдуютъ, какъ бы одушевленные местию. Чѣмъ выше всходитъ *Оваэль*, тѣмъ выше поднимаются воды. Доспигнувъ вершины, онъ оспанавливается въ изнеможеніи, кладетъ на землю свою любезную и смоприпѣтъ вокругъ себя. Зрѣлище ужасное! Долина исчезла; небольшое пространство, на которомъ онъ споялъ, было ничто иное, какъ оспровъ, перляющійся посреди необозримаго озера, и это пространство спстепенно спѣснялось. Вершины прочихъ горъ также представляли собою оспрова, разсѣянные по озеру; *Оваэль* видѣлъ, какъ одинъ за другимъ исчезали они подъ водою; ибо гора, на которой онъ нашелъ съ любезною своею мгновенное убѣжище, была выше всѣхъ другихъ горъ.

— «Единственный предметъ любви моей, о *Нора!* воскликнулъ *Оваэль*, цѣлуя блѣдное чело своей возлюбленной, для чего я не могу улетѣть съ побою! И пакъ, уже ли все для насъ кончилось?»

И *Нора* отвѣчала ему воплемъ:

— Оспецъ мой! мать моя! вы погибли, мое непослушаніе погубило васъ.

Любовники крѣпко жавъ другъ друга въ объятіяхъ, ожидали неизбежной участи. Вода поднималась выше и выше; оспровъ спанонимся менше и менше, попомъ слился въ одну точку, наконецъ исчезъ въ необъятномъ морѣ.

При видѣ жертвъ, поглощенныхъ волнами, гнѣвъ Фей угасъ, и наводненіе прекратилось. Но долина навсегда исчезла на днѣ Килларнейскаго озера.

Говорятъ, что каждый годъ, въ день сего плачевнаго происшествія, какая-то черная птица, можетъ быть единственная въ мірѣ, вмѣстѣ съ разсвѣтомъ носится надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ погибли *Оваэль* и *Нора*. Кружась надъ нимъ, испускаетъ она жалобные и помные крики; сіи крики надъ озеромъ, которое служило могилою двухъ нѣжныхъ любовниковъ, содѣлались какъ бы живымъ надгробіемъ, ежегодно напоминающимъ о ихъ участи.

Пер. В. Соколовъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ ЛАУРѢ.

2-й Сонетъ Мицкевича.

Лишь я узрѣлъ тебя — душа запламенѣла;
Мой взоръ искалъ въ своемъ знакомствѣ давнихъ
лѣтъ.

Ты зарумянилась, невольно покраснѣла,
Какъ Рада въ первой разъ взглянувшая на свѣтъ.

*

Когда заплѣла ты — я не владѣлъ собою;
Мнѣ въ сердцѣ звукъ проникъ, заговорилъ съ душою....

Не Ангель ли ея по имени назвалъ —
Не избавленья-ль часъ на небѣ прозвучалъ?

*

О, другъ мой! не спрашисъ — пусть скажетъ
взоръ послушной,
Что слышишь, видишь ты меня неравнодушно;
Пусть рокъ пропину насъ людей вооружилъ;

*

Пусть долженъ я бѣжать, на вѣкъ людьми
забытый;
Пусть руку ты отдашь другому — мнѣ-жь скажи ты,
Что душу Богъ твою съ моею обручилъ.

Полманскій.

Кіевъ.

СВЯТОЧНОЕ ПОСѢЩЕНІЕ.

Добро бы чѣрпшъ, а то черповка,
 Ко мнѣ на свѣпкахъ забрела;
 И видно, что была плуповка,
 Когда незваная пришла.
 Не помню я ея наряда,
 Но помню черные глаза:
 Когда въ нихъ искрилась досада,
 Они пылали, какъ гроза.
 Вошедши въ комнату: присѣла,
 Довольно ловко для поспрѣла!
 Попомъ бѣснисья начала:
 Мои всѣ книги раскидала,
 Чернила на полъ пролила,
 Мои бумаги перемяла,
 Въ клочки спихи изорвала;
 Когдабъ проказишь не успала...
 Но все таки была мила,
 Хопя вверхъ дномъ опъ ней все спало;
 Я самъ не знаю, какъ прошла
 Моя досада на черповку:
 Когда въ себя она пришла
 И, почесавъ себѣ головку,
 Со мной бесѣду начала:
 О помъ, о сѣмъ, — она все знала;
 Вся подногопная у ней,
 Какъ будшо въ памяти лежала.
 И про знакомыхъ, про друзей,
 Она мнѣ много рассказала!
 Попомъ, немного помолчавъ,
 Окинула всё быспрымъ взглядомъ:
 Мою кроваль, мой спарой шкафъ,
 Мою свирѣль, съ копорой рядомъ
 Лежалъ разбишый Бонапаршъ,
 И наконецъ — мои каршины,
 Въ копорыхъ мимо кисть Алины
 Изобразила тѣмной садъ
 И намъ знакомыя долины.
 «Ага! сказала мнѣ она,
 Небесно-адски и лукаво,
 И у тебя душа полна
 Какой-то сладоспной оправой?...
 И у тебя, проказникъ мой!
 Есть мнѣ подобная черповка;
 И знаю я, какой мечшой,

Твоя наполнена головка!

О, берегись лазурныхъ глазъ
 И ихъ запѣйливыхъ проказъ:
 И вѣрь, черповки пѣ опасны,
 Которыхъ свѣпскими зовушь,
 И хопъ на видъ онѣ прекрасны,
 Но въ нихъ Нечиспные живушь.
 И будь хопъ чѣрпшъ другой мущина:
 Онѣ и чѣрпа проведушь...
 Но успокойся! Я Алина,
 Меня не дьяволомъ зовушь.
 Проспи! я ревноспью перзатосъ,
 Тебя желала испыпашъ,
 И модной дамою являясь,
 Тебя немножко попугапъ!»

N. N.

C H A R A D E.

Mon premier connu dans l'Empire
 A dégradé plus d'un sujet;
 Mon second, dit, n'est plus à dire;
 Mon tout est un hideux objet.

Въ No 13, помѣщенная шарада значить: *Же-нитъ-ба.*

M O D E S.

La mode des coiffures basses n'a rien perdu de son empire; si l'on fait usage des coques, c'est en les tenant beaucoup moins hautes que l'an dernier, et l'on en diminue encore la hauteur pour l'œil en élargissant autant que possible la coiffure au moyen des touffes de cheveux de devant, et à l'aide des guirlandes ou couronnes de fleurs qui se font, ainsi que nous l'avons déjà dit, plus fortes, plus fournies au-dessus des tempes.

Beaucoup de coiffures ont, indépendamment de la guirlande de fleurs principales, une autre petite guirlande des mêmes fleurs qui forme le cache-peigne: quelquefois le peigne se trouve caché par la guirlande elle-même, dont une des extrémités est disposée à cet effet.

Les marabouts, abandonnés depuis long-temps, semblent reprendre faveur. Quelques coiffures en ont été ornées. Une entre autres avait deux nœuds en rosettes formées chacune de sept marabouts; au milieu était une petite touffe de fleurs en or.

Des modistes ont également essayé d'employer des marabouts comme ornemens de chapeaux et de bonnets.

Les robes à manches ornées de fleurs en petits bouquets, avec un de mêmes fleurs, mais plus gros, placé au côté, deviennent encore plus nombreuses.

Les étoffes pour robes de bal, toujours celles que nous avons citées, ne diffèrent entre elles que par l'élégance des dessins en application d'or, d'argent, de velours qui ornent des bas de robes, ou par les dessins courans, qui sont plus ou moins heureux, plus ou moins riches.

Aux mitaines en tricot de laine ou de soie que les dames portent chez elles, succèdent les mitaines en velours et celles en cachemire: ces mitaines sont tout-à-fait des nouveautés.

Les ateliers de M. Montigaud, bottier, rue Vivienne, ancien fournisseur de monseigneur le Dauphin, sont particulièrement renommés pour la confection des chaussures habillées: c'est chez lui que se trouvent les souliers en peau vernie qui se font remarquer dans tous les bals.

М О Д Ы.

Низкія прически нимало не теряютъ своего преимущества; если дѣлаютъ пепли изъ волосъ, то ниже, нежели въ прошломъ годѣ, и еще уменьшаютъ высоту прически на взглядъ, расширяя ее, сколько возможно, посредствомъ куспиковъ переднихъ волосъ и съ помощію гирляндъ или вѣнковъ изъ цвѣтовъ, которыя дѣлаются, какъ мы уже говорили, несравненно гуще надъ висками.

На многихъ прическахъ, кромѣ большой гирлянды изъ цвѣтовъ, есть еще маленькая гирлянда изъ такихъ же цвѣтовъ, прикрывающая гребень: иногда гребень прикрывается большой гирляндой, которая съ одного конца нарочно къ сему притопвлена.

Марабу, оставленная съ давняго времени, кажется, входящя въ употребленіе. Нѣсколько причесокъ были ими украшены. На одной между прочими было два рѣпейка, каждой составленъ изъ семи марабу; въ срединѣ небольшой куспикъ золотыхъ цвѣтовъ.

Модистки пробуютъ также употреблять марабу для отдѣлки шляпокъ и чепчиковъ.

Платья съ рукавами, украшенными небольшими букетами цвѣтовъ, и букетъ изъ такихъ же цвѣтовъ, пришиленной съ боку, входящя въ большое, употребленіе.

Ткани для платьевъ все тѣ же, о которыхъ мы уже говорили; онѣ различаются между собою одною щеголеватостію узоровъ, печатныхъ золотомъ, серебромъ и бархатомъ по низу юбки, или узорами съ разводомъ, которыя менѣ или болѣе хороши, болѣе или менѣ богаты.

Вмѣсто вязанныхъ изъ шерсти или шелка полу-перчатокъ, носимыхъ женщинами дома, начинаютъ носить бархатныя и Кашемировыя; полу-перчатки сии совершенная новостъ.

Рабочія Г-на Монтиго, сапожника, въ улицѣ Вивіеннъ, прежде работавшаго на До-фипа, особенно славятся отдѣлкою нарядной обуви: у него находящяся башмаки изъ лакированной кожи, замѣшныя на всѣхъ балахъ.

С М Ъ С Ъ.

Населеніе Кенигсберга въ Пруссіи.— Довольно страннѣйшій феноменъ въ статистикѣ представляетъ населеніе города Кенигсберга: почти болѣе столѣтія оно не измѣнялось, т. е. не составляло менѣе 55,000 и не болѣе 65,000 душъ, между тѣмъ какъ въ большей части Европейскихъ городовъ, которыя находились въ одинакомъ отношеніи промышленности, а иногда даже въ менѣе выгодномъ отношеніи мѣстности, населеніе значительно умножилось, а иногда даже болѣе, чѣмъ удвоилось. Еще удивительнѣе по обстоятельству, что между тѣмъ, какъ населеніе по всей Восточной Пруссіи въ продолженіи извѣстнаго времени быстро умножилось, населеніе Кенигсберга почти вовсе не измѣнилось.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 15.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 36-ю картинками модъ, въ С. П. б. 30, съ до-свакою и пересылкою 35 рублей.

СУББОТА, ФЕВРАЛЯ 20 ДНЯ, 1852 ГОДА.

Въ немногихъ сыщешь ны ума и остроты;
Во всѣхъ достанешь ихъ для подлой клеветы;
И брань ли пребуешь палача здѣсь какова,
Коль льётся намъ она съ пера и усть Злослова?
Милоновъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

БЫВАЛО — ТЕПЕРЬ.

Бывало у Русскаго Барина, какъ у Папри-арха Авраама, двери отворены настежь для желающихъ кушать его хлѣба-соли. *Теперь* во время обѣда двери запираются двѣнадцатью замками.

*

Бывало приплешь Судью чепверть муки, кадку коровьяго масла, да барана, онъ и доволенъ. *Теперь* смѣтаютъ, какъ бы схватить тысячу, пять тысячъ, десять тысячъ рублей.

*

Бывало Журналистъ опоздаетъ выдачею одной книжки и Публика негодуешь, Газетная Экспедиція получаетъ по сту жалобъ въ недѣлю, книгопродавцамъ нѣтъ отдыха отъ подписчиковъ: или давай книгу, или возврати деньги. *Теперь* по чепыре журнала за разъ прекращаются, и никто не пребуешь назадъ заплаченныхъ имъ денегъ, не жалуется на то, что не получаетъ газеты.—Всему естъ законное оправданіе—Холера!!!

*

Бывало охотникъ подгулявъ не упрекаетъ ревностнаго Вахова служилея пѣмъ, что онъ пьяница, взяточникъ-Секретарь глядитъ сквозь пальцы на проказы взяточника-Новып-чика. *Теперь* иной Журналистъ кричитъ о несвоевременной выдачѣ *Московскаго Телеграфа*, вопіетъ пропивъ чепвѣрдой несостоятельности Издачеля *Колокольчика*, провозглашаетъ о недодаанныхъ нумерахъ *С. Петербургскаго Вѣстника*; а самъ, съ 15 Іюня не выдаетъ листковъ своихъ, а самъ давнымъ давно не состоятеленъ, а самъ—въ минувшемъ 1830 году не додалъ 15-ти, да въ минувшемъ же 1831 году по 15 Августа 47 нумеровъ!!!

*

Бывало деруть по 20-ти процентовъ въ годъ на спо; *теперь* довольствуются одною копѣечкою на рубль въ недѣлю.

ТЕПЕРЬ—БЫВАЛО.

Теперь Русскіе Бѣра живутъ съ своими женами, какъ голубки съ голубками. *Бывало* знающему челоуьку, богачу мало имѣть на со-держаніи одну Акпрису: эппкетъ пребоваль, чпобы у него были вдругъ—Русская Акпри-са, Англичанка, Ипаліанка и Француженка.

*

Теперь Баринъ ѳдесть въ прекрасной карепть, на паръ спашныхъ лошадей; хомуфы блестятъ, кучерь и лакей одѣфы проспо, но опряшно. *Бывало* Бригадиръ тащитса въ рыданъ на шестпёркъ ободранныхъ клячь; упряжь веревочная, кучерь въ сермягъ, одинъ фореяпоръ въ копахъ, другой въ лаптяхъ; на заплатахъ два лакъя въ запачканныхъ плапкахъ на шеѣ, въ нечищенныхъ сапогахъ съ заплапами, небршпые, нечесаные.

*

Теперь преподають Русскимъ барченкамъ законъ Хрисіанскій, правила опечеспвеннаго языка, Россійскую Исторію, Тактику, Спрапетію, Артиллерію, Форпификацію, разсказывають анекдоты *Петра Великаго, Суворова*, дають учить наизустъ списки *Державина, Жуковскаго*. *Бывало* обучають ихъ болтавъ по Французски, шаркавъ ногами, кланяпсья, панцовавъ, по модѣ одѣвапсья, волочпсья, бпсья на раширахъ; знакомли ихъ съ именами *Ниноны дѣ Ланкло, Лавальеръ, Ментенонъ, Дюбарри*; заспаляли занверживавъ наизустъ правила *Ларошфуко, Дидрота, Пиго-лѣ-Брѣня*.

*

Теперь наспавники спараются образовавъ изъ юноши полезнаго гражданина, вѣрнаго подданнаго. *Бывало* пеклись единспвенно о помъ, чптобы сдѣлавъ изъ него ловкаго свѣпскаго челоуѣка.

*

Теперь порядочный челоуѣкъ пѣшкомъ приходптъ къ Князьямъ и Графамъ. *Бывало* того не впуспаятъ къ нимъ и въ переднюю, кпо прѣхаль не чепвернёю въ карепть.

*

Теперь молодой челоуѣкъ, опряшно одѣпый и въ поношенномъ спаромодномъ фракѣ не считаепся за *Фалалей Скотинина*. *Бывало* въ порядочномъ дому смопряптъ, какъ на козла—на челоуѣка, не въ послѣднемъ вкусѣ одѣпаго; фанфароны, (*Incroyables, fashionables*) опспраняпсья опъ него, какъ опъ зараженнаго; дѣвпцы съ жадопью о немъ перешепывапсья.

*

Теперь вѣряптъ, что и безъ Французскаго языка можно бптъ полезнымъ слугою Царю, искуснымъ Генераломъ, пронищательнымъ Вельможею и Судьею. *Бывало* дорога въ Ферней вела Россіянтъ ко Двору, пупешествіе во Францію предполагалю способность къ высшимъ должностпямъ Государспвеннымъ.

*

Теперь нельзя уже на Русп прославпсья Сонепомъ, попасъ въ Лпператоры за складно-написанную пѣсенку, сдѣлапсья Членомъ Ученыхъ общеспвъ за сказочку. *Бывало* переводчикъ романа слылъ великимъ писателемъ; Авторъ застольныхъ сппховъ à la *Ranard*—*Горацель*; сочинптель пары вшграммъ—*Вольтероль*; прелагатель *Шлецеровыхъ* опрыпковъ о древней Россіи—глубокомысленнымъ Археологомъ, прудолобпвымъ изыскапелемъ спарпны, понкпмъ крпшпкомъ.

А. Кораблинскій.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПАРАСОЛЬ И ЗОНТИКЪ.

(*Историческій Анекдотъ*).

Былъ полдень въ началѣ лѣта. Муштина средняго роста, коего наружность не показывала ничего особеннаго, вышелъ изъ рѣшетчатыхъ воротъ Тюльерійскаго Дворца, ведущихъ на площадь *de la Revolution*, въ концѣ улицы Риволи. Онъ шелъ медленно, ведя подъ руку молодую беременную даму. Иногда, дама сія, для которой не легко было пдти пѣшкомъ въ ея положеніи, спаралась развлекать его, но сіе внпманіе къ спутнику ея было непродолжптельно и какъ бы умѣрлось чувствомъ достоинства спруги. Позади ихъ въ почешномъ разспоянпи, какъ водптся у людей знаныхъ, слѣдовали лакеи. При поворотѣ землянаго вала, одного изъ пѣхъ плохпхъ ровъ, гдѣ разведены краспвые сады, и копорые въ продолженіи пяпн или шестп мпнувшихъ правеній совсѣмъ почпш пзгладплись, кавалеръ, по просьбѣ спруги своей, подалъ знакъ лакеямъ, и они возвратплись во Дворецъ. Потомъ чепса сія поперялась въ многочисленной Публпкѣ: пбо легкіе облака, умѣрля солнечный

жарь, что бываетъ рѣдко въ это время года, распространили прохладу и благопріятствовали прогулкѣ. Особенно въ Крестовой роцѣ Елисейскихъ полей было множество гуляющихъ, между коими пробирались нищіе и пѣвцы; по обѣимъ сторонамъ аленъ тянулись длинные ряды стульевъ, занятыхъ дамами, копорья одѣшны были въ послѣднемъ вкусѣ. Нашъ кавалеръ, замѣтивъ на лицѣ своей дамы маленькіе признаки усталости, предложилъ ей отдохнуть, и не взирая на пышные наряды соседокъ, съ небрежнымъ видомъ челоуѣка, ни мало не заботящагося о соблюденіи мелкихъ приличій, скромно расположился подлѣ гордыхъ красавицъ. Чена сія одѣшпа была просто. Люди зашпичные и знашпные не слшшкомъ много обращаютъ вниманія на свою одѣшду. Смотри на нихъ, разговаривающихъ тихо между собою, можно было принять ихъ за образецъ счастливаго супружества. Я не спашу описывать подробно черты ихъ: ибо это не принадлежитъ къ моему разсказу. Между тѣмъ, какъ супруги вели между собою какой-то разговоръ и на Сицилійскомъ лицѣ дамы сіяла задумчшпая радость, коей шайна извѣстна однимъ только маперьямъ, вдругъ они прерваны были приходомъ опкушщицы стульевъ, живаго оспова, пущеннаго на свѣшть подъ созвѣдіемъ корысполобія. Это привидѣніе, пропашнувъ коспашную руку, съ гнусною улыбкою, сказало: «восемь су, сударь.»—Хорошо, сударыня, отвѣчала кавалеръ, и началъ шарить по карманамъ; но въ нихъ не было ни одного су! Онъ поспѣшно вспашетъ, бросаетъ вопрошающій взглядъ на свою супругу, опходшпъ на нѣсколько шаговъ опъ мѣста, смотришпъ въ даль: никого не видно! «Какая досада, я забылъ взять съ собою кошелекъ.»—Да, повѣрю; это видно.—Надѣюсь, что вы повѣрите мнѣ на слово! Но я васъ не забуду.—О, конечно, пакъ же, какъ и многіе другіе! Я это уже не разъ слыхала!—«Въ самомъ дѣлѣ, это могло случшпъся иногда и съ вами?»—Что вы говорите! иногда; это бываетъ съ нами каждый день.—Опкушщица стульевъ спашовилась часъ опъ часу грубѣе, какъ обыкновенно водшпся у низкихъ людей, особливо въ присущствіи блистательной Публики. «Не ужели вы, сударыня, думаете, что я хочу

васъ обмануть?»—Теперь мнѣ нечего дѣлать, какъ удовольствоваться вашимъ посуломъ, когда у васъ нѣшть другой монеты; однакожъ надобно посоветоваться съ своимъ кошелькомъ прежде, нежели пускашпся на что ншбудъ.—«Это слшшкомъ забавно;» отвѣчалъ кавалеръ съ нѣкоторою досадою; попомъ, немного подумавъ, примолвилъ съ улыбкою: «въ такомъ случаѣ вы не опкажетесь, красавица моя, поберечь у себя опомъ парасоль и возвратшпть его пому, кто къ вамъ явшпся съ перчаткою эшаго цвѣта.» Наглая опкушщица съ презрѣніемъ осматривала парасоль съ камышевою ручкою и зеленою бахромою, подобно мншвщпку, подозрѣвающему обрѣзанный червонецъ; она пошпмала плечами, воображая, что она дѣлаетъ кредитъ во спо разъ выше наспошщей цѣны заклада; но супруги, у копорыхъ не нашлось ни одного су, показались ей все ничтожными, и ближайшіе зрители сей сцены могли замѣшпть, что она въ эту минуту дюйма на три придавала себѣ роспу.

«На насъ смотришпъ, мой другъ: поидемъ домой.»—Для чего же, скажи мнѣ? И уступая сему желанію, какъ дѣшской прихоти, кавалеръ подалъ руку дамѣ, попомъ направилъ шаги къ боковымъ аллеямъ и скрылся въ густой сѣни ихъ опъ глазъ своихъ сосѣдей, не забывъ учпиво раскланяшпся съ опкушщицею стульевъ, копорая гордо прошла мимо его, не отвѣчая на привѣтствіе.

Супруги посмѣялись опъ души сему приключенію. На Магдалинскомъ бульварѣ заспалъ ихъ небольшой дождъ. «Какой случай! съ побою нѣшть парасоля.»—Поспѣшимъ мой другъ! Они удвоили шаги; но дождъ припрыснулъ сильнѣе; со всѣхъ споронъ мушцины, женщины и дѣшп бѣжали куда попало: одни спарались укрышпся подъ зонпикомъ, другіе подъ большими деревьями, съ пыльныхъ лшпьевъ копхъ лилась на нихъ грязная вода. «Возьмемъ коляску?.. Эй, извошкшъ!»—Заняшпъ, сударь.—«Какъ это несносно! Какъ глупо, что я ничего не предвидѣлъ! это мнѣ урокъ! Дѣлать нечего, Каролина, надобно слѣдовать за другими;» и поддерживая свою супругу, онъ пуспшлся въ улицу Дюфонъ. Дождъ ливилъ

лиль; въперъ прямо дуль имъ въ лицо. Вдругъ по улицамъ попекли рѣчки и мостовыя сдѣлались скользкими. Какъ крыши домовъ не всяма умно дѣлаются, безъ жолобьевъ, то вода льется на пропугары, подобно водопадамъ Сень-Клу въ водоемы. Къ счастью въ одномъ домѣ опгорена была калипка, и наши пупники, покрытые потомъ, спановляясь на сквозномъ холодномъ въпрѣ.

Съ метлою въ рукѣ, съ очками на носу, спарый приврапникъ въ кожаномъ передникѣ, опводившій воду у подѣзда, при видѣ молодой дамы, которая дрожала опъ холода и поправляла свое плаще, учпиво снялъ свой карпузъ, коего пшсовый околышь выперся и походилъ на пергамень, и указавъ на дверь своей кварпиры, сказалъ: «если угодно, сударья... если вамъ, сударь, не прощивно... въ комнапѣ моей мало простора, но за то пепелье, нежели здѣсь. Дама можетъ проспудшпсь: а въ ея положеніи...»

Выбирапъ было нельзя; предложеніе спарика было пакъ радушно, что нельзя было не приняпъ его. Онъ былъ приврапникъ и вмѣспѣ башмачникъ. На полу лежали колодки, по спѣнамъ на планкѣ разспавлены были башмаки; справа и слѣва лежали гвозди, рѣзакп, молотки, шила: вездѣ сильный запахъ опъ вару и смолы; въ одномъ углу вѣспли вѣпхіе спѣнные часы съ кукушкою; въ другомъ углу перзала слухъ рѣзкимъ крикомъ своимъ сорока; а посреди комнапки висѣла спарая лампа передъ хруспальнымъ, паполненнымъ водою пузыремъ, ибо окно было очень низко и опъ полспой желѣзной рѣшетки едва проходилъ свѣспъ въ сію пещеру. Нашъ приврапникъ былъ въжливой спарикъ; онъ умѣлъ обходиться съ прекраснымъ поломъ, и попому подалъ дамѣ свой кожаный спуль. Приврапникъ никогда не бываетъ глупъ, онъ всегда найдетъ какой нибудь недоспапжъ въ своихъ жпльцахъ; и пакъ, нашъ спарикъ замѣпвивъ, что его охотно слушаюпъ, топчасъ началъ пѣшпшься надъ своими папронами для препровожденія времени, опшуская часто удачныя опспропы; проспонародныя шупки, разумѣется, соспавляютъ рѣдкостъ для Тюльери. Въ семъ оппношеніи, спарикъ нашеть по себѣ человека;

ибо незнакомецъ помпралъ со смѣху опъ его разказовъ, что подспрѣкало еще болѣе хозяина. Этопъ башмачникъ имѣетъ довольно ума! Онъ судипъ замыслопапо! Забавно видѣпъ эпаго спарика, разсуждающаго съ метлою въ рукѣ и говорящаго на пряникъ Правипеллямъ королевспва, что онъ принадлежипъ къ парпій республиканцевъ, и что Наполеонъ скоро возврапится изъ Америки! Между пѣмъ, при каждомъ спукѣ въ ворота, онъ дергаетъ за спурокъ и смѣется надъ каждымъ прохожимъ, коего пѣнь рисуется на черныхъ спеклахъ его. Предоспаваю судипъ, какова была эпа бѣспда. Въ продолженіе разговора погода сдѣлалась еще хуже; дама начала изъясляпъ неперпѣніе. Приврапникъ оспановился. «У меня еспъ зонпикъ; могу ли вамъ предложипъ его?» Онъ развернулъ зонпикъ, шпрною фуповъ въ шестъ, съ предлинною ручкою, весь исплоченный лоскутками разноцвѣпной маперіи: «эпо прекрасно, вскричалъ кавалеръ.» — «Онъ не совсѣмъ хорошъ, однакожъ имъ можно закрытьсь опъ дожда, а эпо главное. Надъ вами можетъ быпъ спанупъ шуппшь: но на эпо нечего спопрѣпъ.» — Эпо часто случается со мною, другъ мой; но ты можешь ли повѣрпшь мнѣ свой зонпикъ?—«Помшлуйте, съ болпшимъ удовольспіемъ.»—Я живу полько въ двухъ шагахъ опсюда.—«Я сказалъ уже, что вамъ вѣрю. Я вижу, что вы честный человекъ. Не взыщпте, каковъ еспъ; соспаеніе мое не позволлетъ мнѣ имѣпъ лучшій. Но все, что у меня еспъ, гопново къ вашпмъ услугамъ.»

Наконецъ они распались.

Черезъ часъ попомъ явился придворный лакей къ честному башмачнику, и вручилъ ему драгоцѣнный зонпикъ съ четырьмя билетами на 1,000 франковъ, опъ имени Герцога Беррійскаго.

Послѣ того лакей сей опправился въ Елисейскія поля, опыскалъ опкупщицу спульевъ и прехладнокровно сказалъ ей: «вы знаете эпу перчапку? вопъ восемь су, которые Герцогъ Беррійскій приказалъ опдапъ вамъ и выкупипъ парасоль Герцогини.»

Кер. В. Соколовъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

К Б ***.

8-й Сонетъ Мицкевича.

Мнѣ въ очи не гляди и вздохомъ ты не шпашь —
Тебя мнѣ жаль — бѣги! Змѣи взоръ ядовитый
Пока не заразилъ шебя; скорѣй бѣги ты,
Когда оспапки дней не хочешь проклипать.

*

Лишь искренность во мнѣ осталась безъ утраты:
Такъ знай: — пресупный огонь въ груди моей
зажгла ты;

Но жить хочу одинъ; погибшаго-ль съ судьбой
Соединю судьбу невинности самой?

*

Я гордъ, чтобъ обольщать, хопя мнѣ спрасши
мины;

Дипя ты — а на мнѣ слѣдъ долгихъ, жаркихъ
лѣтъ;

Счастлива ты — блиспай средь радостныхъ бесѣдъ.

*

Мое же мѣсто тамъ, гдѣ прошлаго могли;
Вкругъ попола росши ивейся, плющъ молодой —
Пусть обонрется шеръ о камень гробовой.

Ю. Познанскій.

Кіевъ.

М О Я С О Б А К А.

(Басня).

Моя собака прелихая,
День цѣлый иногда минушы не заснешь,
Бросается на всѣхъ, кто мимо не пройдетъ,
Не сложенъ косточки разъ сонно не пролая.

Однажды мой сосѣдъ,

Предъ шѣмъ, какъ онъ править медвѣдя собирался,

Со мною повспрѣчался

И говорилъ: мнѣ Богъ послалъ звѣриный слѣдъ;

Пожалуй, мнѣ ссуди лихой своей на время:

Лихая славная, грудь черная и шема,

Лишь только приправи, поставишь на своемъ.

И вошь въ лѣсу въ шроемъ

Идушь: сосѣдъ, лихая и дворняжка.

Чуль чуль последняя — бѣдняжка

Позадъ хозяина бредешъ,

А ша рычишь на лѣсъ, на мѣсяць и на воду,

Безъ лая шагу не шагнешъ,

Бросается на кушъ, на пенъ и на колоду.

Но вдругъ прямехонько къ лихой

Медвѣдъ пащится;

Лихая взвизнула — и, хвостъ поджавъ, домой,

Дрожа всѣмъ шѣломъ, поропишя;

Бѣжишь, что силы еспъ, проспыль за ней и слѣдъ...

Межъ шѣмъ, сосѣдъ

Завидѣвши бѣду шакую,

Дворняжкѣ свиснуль, самъ съ ружьемъ своимъ при-
сѣлъ,

Та къ горлу бросилась, а эпошь роковую

Въ лобъ пулю посадилъ — и Мишка заревѣлъ,

У Миши лапки задрожали

И поминай, какъ звали.

Басня эша бы не шла для Русскаго народа,

Да что грѣха паишь? Въ семьѣ не безъ урода.

Иной

Крикунь, молодчикъ, хватъ, и чѣмъ бы не
герой?

Со всякимъ драпъся радъ, и цѣлой вѣкъ храбришя;

Посмотришь — въ дѣлѣ не годишя.

М. Духовской.

Ш А Р А Д А.

Мой первый слогъ — собака-человѣкъ;

Онъ цѣлый вѣкъ

Не пашешъ, не орѣшь, не работаешъ;

Ковашъ, рубишь и рышь вишь пляжко — онъ не
проспъ,

И легче во спо. кратъ опдашь денжовки въ росмъ

Не Христіанскій,

А басурманскій;

Фальшивыя бумажки работаешъ,

Червоцъ окорнаешъ,

Мѣняешъ, поддѣлываешъ, мошенничашъ, скупаешъ

На эпо у него опвага.

Второй мой слогъ

Собакамъ лакомый кусокъ;

А цѣлое мое — еспъ влага.

Въ No 14, помещенная шарада значитъ: *Bandit*.

К Р И Т И К А.

СѢВЕРНЫЕ ЦВѢТЫ НА 1832-й годъ. С. ПЕТЕРБУРГЪ.
(Сообщено).

На вашъ алтарь, красу цвѣшовъ,
Положивъ первыя онъ розы
При пѣньи радостныхъ сплшовъ.

Баронъ Дельвига.

Давно ожидаемый въ Литературномъ мѣрѣ гость явился въ С. Петербургъ, (какъ насъ уведомили), на канунъ самаго праздника Р. Х. и кспаци, какъ нельзя болѣе. Городскихъ жпшпелей безъ сомнѣнн я занялъ онъ весьма прнпашно въ свободные часы, а къ намъ провинціаламъ, какъ разъ поспѣлъ къ новому году, когда, какъ говорпашъ, шевелятся денежки въ карманѣ. И въ самомъ дѣлѣ, за эпопъ альманахъ не жалъ деньги плащпшъ: выборъ спашей превосходень, издание прелестно—словомъ, эпо достойный букепъ цвѣшовъ на гробъ незабвеннаго Барона *Дельвига*, основателя сего альманаха.

Надлежало бы болѣе поговорпшъ о нашемъ Поэтѣ, споль рано оплакиваемомъ Музами и дружбою, показашъ заслуги, копорые онъ оказалъ Русской словесности и по, что можно было ожидать опъ сего молодого жреца и поклонника чпшпыхъ сестеръ Олимпйскихъ; но уступая сіе будущему Исторнку нашей литературы, Русскому Шлегелю, мы припомнимъ, что покойный Баронъ *Дельвигъ* издавалъ: 7-мъ лѣпъ *Сѣверные цвѣты*, одинъ годъ *Литературную газету* и въ 1829 году напечаталъ вполнѣ свои сплшхотворенн я, гдѣ, кромѣ всѣмъ извѣстныхъ его Русскихъ пѣсенъ, помѣщены прекрасныя идилліи: Купальницы, Конецъ золотого вѣка, Дамонъ и Цефизъ, Друзья, Типиръ и Зоя и многія другія пѣсы, впрочемъ болшею частію разбросанныя прежде по альманахамъ и журналамъ.

Обратимся къ альманаху. Онъ, какъ и прежде, раздѣленъ на двѣ частпш—прозу и поэзію. Въ первой находпшъ: К. К. *Батюшкова*, опца *Иакнна*, О. Н. *Глинку*, М. А. *Максимовича*, А. В. *Никитенку*, М. П. *Погодина*, О. М. *Солова*—и *Трилунаго*; во второй: Е. А. *Баратынскаго*; Княгпню З. А. *Волконскую*, Князя П. А. *Вяземскаго*, О. Н. *Глинку*, М. Д. *Деларю*, Барона А. А. *Дельвига*,

И. И. *Дмитрпсва*, В. А. *Жуковскаго*, Кнпзя А. В. *Менцеракаго*, А. С. *Пуцкнна*, Барона Е. О. *Розена*, П. *Ставелова*, Н. *Станкевича*, Н. С. *Теплову*, С. С. *Т—ву*, В. Г. *Теплякова*, Е. *Тн . . . шесу*, *Трилунаго*, Кнпзя А. А. *Шаховскаго*, И. П. *Ш—б—ва*, В. П. *Щастнаго*, Н. М. *Языкова* и Л. А. *Якубовича*.

Старинная постьтъ Батюшкова (соч. въ 1810 году), хопя весьма мало знакомпшъ читателей съ Русскою спариною, но все, выражаясь словами Гг. издапелей, къ ней *отсвѣчивается* поэпшческая душа *Батюшкова*, какъ и въ другпихъ его произведенн яхъ.

Opere del Cavaliere Giambattista Piranesi.—Превосходная повѣспъ сія показываепъ глубокое и тонкое наблюденіе Автора надъ внушреннимъ мрпомъ человека.

Байкаль. Письмо къ О. М. С. опъ пзвѣспнаго нашего оріенталиста Г. *Бичурина*, въ духовномъ званіи опца *Иакнна*. Въ письмѣ семъ почтенный Авпоръ описываетъ плаваніе свое по Байкалу къ Туркинскимъ горячимъ водамъ. Свѣдѣнн я О. *Иакнна* извѣспны всей просвѣщенной Европѣ; но доселѣ намъ не случалось чппашъ его сочиненн я, болѣе исполненнаго поэзіи. Описывая красоты природы, Авпоръ говоритъ: «О! что значатъ *пейзажи* славнѣйшихъ художниковъ въ сравненн я съ подлинниками ихъ въ природѣ! Тамъ удивляешься высокому искусству въ подражанн я, и ничего болѣе не чувспвуешь. Здѣсь напропшвъ, испашаешь въ невыразпмыхъ удовольспвіяхъ души, и наконецъ, весь исчезаешь въ смиренномъ благоговѣнн я къ невидимой нѣкоей силѣ.»

Опрывокъ изъ Китайскаго романа: *Хаучю-джуанъ*, п. е. *безпримѣрный бракъ*. Переводъ съ Китайскаго. Не имѣемъ прпчпны сомнѣваться, что эпо подлинно *переводъ*; оригинальность и, если можно сказапъ, *восточность* сочиненн я говоряпъ сами за себя; впрочемъ порадуемся, если нашъ язычнкъ Г. *Полевой* опкровпшъ и въ семъ случаѣ *поддѣлку*, какъ сіе сдѣлалъ онъ съ *Ветерани Паспшника Рудаго Панька*, пп если найдется какой нибудь Китайскій папріопъ, копорый вздумаепъ доказывашъ сочинпшпелю сего романа совершенное невзнаніе обычаевъ его родины; полько проспшъ покорно Китайскаго крпшпка не

увлекаться примѣромъ *иныхъ* и *прочихъ*, а выучиться прежде Русской грамотѣ и потомъ писать свой разборъ по Русски.

Страшный Судъ. Отрывокъ изъ романа *послѣдній Новикъ*, соч. И. Ложечникова. Сколько можно судить по двумъ изданнымъ частямъ и сему отрывку изъ романа, то онъ едва ли не будетъ лучшимъ между всѣми историческими, сатирическими, чувствительными и *прочая* и *прочая*... — Конечно, въ Г. Ложечниковъ не замѣтно спрости писать, печатать и хвалить только самого себя: но за то сей писатель, Н. В. котораго мы лично не знаемъ, а судимъ по его сочиненіямъ, соединяетъ талантъ съ ученостію, искусствомъ и перпеніемъ.

О жизни растній, соч. М. Максимовича и *Нѣчто о Наукахъ*, соч. М. Погодина. Рѣшительно не понимаемъ, почему сіи двѣ статьи, по мнѣнію нѣкоторыхъ журналистовъ, не годятся для альманаха?... Неужели одушевленная проза Г. Максимовича и простой, ясный, истинно философической разсказъ Г. Погодина скорѣе надоедаютъ читателямъ и читательницамъ, нежели какія нибудь нелѣпыя повѣсти о *Сибирскомъ разбойникѣ* или о *Краковскомъ замкѣ*, писанныя дурнымъ слогомъ и не слышныя даже на скорую руку здравымъ смысломъ?—Что касается до насъ, то охотно согласимся перечитать десять разъ всякую ученую статью Г. Погодина, нежели любую изъ бранныхъ выходокъ, какого нибудь жалкаго *Верхоглядя*.

Святотство. (Изъ воспоминаній старика о его молодости), соч. О. Солова. Оригинальность, наблюдательный умъ и чистый слогъ—вотъ что отличаетъ, какъ сіе, такъ и всѣ другія сочиненія Г. Солова; въ другой его статьѣ: *Живой въ обители блаженства вѣчнаго* мы съ удовольствіемъ замѣтили ту опечлливость въ развитіи основныхъ идей, которую напрасно будемъ искать въ аллегоріи: *Важный споръ*, хотя мы охотно отдаемъ справедливость Авпору сей послѣдней, находя въ другихъ его сочиненіяхъ и особенно псалмахъ и аллегоріяхъ, множество поэтическихъ мыслей, пещлаго чувства и того небеснаго вдохновенія, которое дается въ удѣлъ немногимъ.

Отрывокъ изъ романа: *Леонъ или Идеализмъ*, соч. А. Никитенки. Желаемъ опъ души, чтобъ сочиненіе сіе скорѣе вышло вполнѣ: ибо, судя по отрывку, это будетъ, можетъ быть, единый и единственный у насъ опытъ философическаго романа.

Дума,—посвящена памяти Графа Каподистриа, (отрывокъ), соч. Г. Тришупнаго. Нельзя счастливѣе избрать предметъ для поэзіи. Въ холодный вѣкъ эгоизма, говоря словами Авпора, былъ человекъ, который безкорыстно любилъ свое отечество и принесъ ему на жертву все, что есть лучшаго и драгоценнаго на землѣ: спокойствіе, имущество, здоровье—самую жизнь.

Твой гробъ достоинъ спрунъ и слезъ!

Твое прекрасно назначенье.

Ты скорбной Греціи принеси

Привѣтъ Россіи: возрожденье.

Нѣтъ, добродѣтель — не мечта! —

Въ нашъ вѣкъ расчепливый и злобный

Я укажу пвой холмъ надгробный —

И онѣмлетъ клеветы.

И такъ, вопъ краткій обзоръ 12 прозаическихъ статей, помѣщенныхъ въ семь альманахъ.

Между стихопвореніями, мы съ удовольствіемъ нашли нѣсколько спрокъ И. И. Дмитриева:

«Побѣды звукъ его одушевилъ...»

И онъ, увлеченный воспоргомъ —

«Пробудилъ давно молчавши спруны,

И звуки насъ плѣнили пѣжъ.»

Два стихопворенія В. А. Жуковскаго: *Отвѣтъ И. И. Дмитриеву* и *Сраженіе съ змѣею* истинно прекрасны. Вотъ что въ первомъ говоритъ поэтъ:

Я помню дни: магически мечною

Былъ для меня тогда расписанъ свѣтъ;

Тогда, являсь, сорвалъ передо мною,

Покровъ съ поэзіи поэтъ.

Съ задумчивымъ, безмолвнымъ умилениемъ

Твой голосъ я подслушивалъ тогда,

И вопрошалъ судьбу мою съ волнениемъ:

«Нашупилъ ли и мнѣ чреда?»

О! въ эти дни, какъ райское видѣнье,

Былъ съ нами онъ, теперь ужъ неземной,

Онъ, для меня живое провидѣнье,

Онъ, съ юности товарищъ пвой!

О! какъ при немъ все сердце разгоралось:
Какъ онъ для насъ всю землю украшалъ!
Въ младенческой душѣ его казалось,
Небесный Ангелъ обиталъ!...

Лежипъ вѣнецъ на мраморъ могилы;
Ей молился Россіи вѣрный сынъ;
И будешь въ немъ для дѣлъ прекрасныхъ силы
Святое имя: Карамзинъ.

Такъ умбюптъ цѣниптъ люди съ великими да-
рованіями заслуги великаго *Карамзина!* —

Наконецъ скажемъ, что служиптъ вѣнцомъ
сего альманаха, эпо: стихопворенія А. С.
Пушкина (*). Сходиптъ ли поэтъ въ глубину
души человѣческой, прислушивается ли къ шум-
ному говору волнъ или къ сказаніямъ народа,
переносится ли на поле сраженія или въ пу-
стыню — всюду магическимъ жезломъ генія
привлекаетъ къ себѣ чипапеля, всюду заспав-
ляетъ его переходиптъ изъ одного чувспва въ
другое, беспрестанно плѣняя его воображе-
ніе. Всѣ шѣсы, помѣщенные имъ въ *Сѣвер-
ныхъ цвѣтахъ*, служатъ пому ближайшимъ
доказательспвомъ.

Пяпъ небольшихъ стихопвореній Барона
Дельвига, можно причислптъ къ шѣмъ дра-
гоцѣннымъ находкамъ, которыя рѣдко опы-
скиваются въ бумагахъ нашихъ поэшовъ.

Сверхъ сего, многія другія стихопворенія
оплапчаются своимъ поэпическимъ достоиц-
спвомъ, какъ по: *Дорожныя жалобы—неиз-
вѣстнаго; А. А. Дельвигу — Языкова; Пса-
ломъ—О. Н. Глинки, и проч.*

Село Мирное.

з — з — з.

М О Д Е С.

Dans la plupart des réunions qui ont eu lieu cet
hiver, les robes blanches étaient les plus nombreuses.
Les roses venaient ensuite, puis les bleues, très-peu
de robes jaunes, quelques-unes couleur de cerise.

(*) А о стихопвореніяхъ Кп. *Вяземскаго* и *Якубовича*
не уже ли нельзя было сказать добраго слова? Это
несправедливо, очѣнь несправедливо.—*Прим. Издателя.*

Les fleurs aux manches et au bas des robes, en
guirlandes transversales; les rubans, les applications
de blonde, de velours et d'or formaient la plupart
des ornemens des robes. Il y en avait également qui
étaient brodées en or et soie.

Les fleurs en bouquets se placent toujours dans les
cheveux.

Les fleurs s'emploient aussi beaucoup en couron-
nes, et ces couronnes sont de différentes formes. On
en voit en *diadème*; d'autres ont par devant deux
touffes avec une fleur au milieu ou un nœud de pier-
rieres. Celles nommées *chapelets* sont formées assez
ordinairement de gros boutons de roses du Bengale
montés sans feuillage, tout près les uns des autres,
et presque sans tige; elles sont d'un petit diamètre,
car elles ne doivent entourer seulement que le bas
des coques ou le bas de la fusée d'une coiffure à la
grecque.

Pl. No 6. Toque en tulle lamé. Robe de satin à
corsage plissé.

М О Д Ы.

Въ собраніяхъ, нынѣшней зимою, всего болѣе
видно было бѣлыхъ платьевъ; попомъ розовыхъ,
попомъ голубыхъ; весьма мало желтыхъ и нѣсколь-
ко алаго цвѣта.

Цвѣпы на рукавахъ и по низу юбки кладутъ
поперечными гирландами; ленты, накладные цвѣ-
пы и проч. изъ блонды, бархапта и золота, со-
ставляли большую часть опдѣлокъ на платьяхъ.
Было также нѣсколько платьевъ, вышитыхъ золо-
помъ и шелкомъ.

Цвѣпы букетами все продолжаютъ употре-
бляпъ для причесокъ.

Также дѣлаютъ много вѣнковъ изъ цвѣшовъ;
вѣнки сіи разныхъ формъ. Видны сдѣланные діаде-
мами; у другихъ спереди два куспика, а въ сре-
динѣ цвѣшокъ или узелъ изъ каменьевъ. Вѣнки,
называемые *chapelets* (чепки), обыкновенно почти
дѣлаются изъ крупныхъ распуколокъ Бенгаль-
скихъ розъ, безъ лиспьевъ, одна возлѣ другой, и
почти безъ стебельковъ; ихъ дѣлаютъ весьма не
велики, потому что они должны полько окру-
жать низъ петель или Греческой прически.

Карп. No 6. Токъ изъ полосатаго шюля. Ап-
ласное платье съ лифомъ, складками сдѣланнымъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 16.

Цѣна годовому изданію;
состоящему изъ 104 №.
съ 36-ю картинками модъ.
въ С. П. б. 30, съ до-
ставкою и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, ФЕВРАЛЯ 24 ДНЯ, 1832 ГОДА.

Куда лишь солнца лучь достигнеть, тамъ оно
Быльникъ-ль, кедру ли, благопловннвъ равно,
И радоснъ по себѣ и щасье оставляетъ;
За то и видъ его горннъ во всѣхъ сердцахъ
Какъ чистый лучь въ восночныхъ хрусталахъ,
И всё его благословляетъ.

Крыловъ.

ПЕРЕСМѢЩИКЪ.

ГОРЬКАЯ УЧАСТЬ ГОСПОДИНА В. Л. Б—ШЕВА.

Бѣда за бѣдою преслѣдуютъ Г. В. Л. Б—ше-
ва: я бы на его мѣстѣ давно бросилъ это
проклятое ремесло журнальнаго со-
трудника, которе съ виду споль лестно,
споль выгодно, а если коропко съ
нимъ познакомишь: по самое не-
прнпльное, самое бездоходное.
Оно пребуепъ свѣдннй во всѣхъ
наукахъ, искусстввахъ, ремеслахъ;
свѣдннй хопя не глубокнхъ,
однако же и не мелкнхъ.

Господннъ В. Л. Б—шевъ въ спашь
своей объ Оннсимѣ Ивановнчѣ
Головкинѣ, первомъ Русскомъ
пабачномъ фабрикантѣ, увлекся
романпическою мечшательностью,
въ жару благороднаго патрнотнзма
напнсалъ, что «въ 1812 году,
послѣ Березннской переправы,
по-крывшей Русскнхъ неуваждаемою
славою, Головкинъ началъ дѣлать
такъ называемый Березннскій
пабакъ.»

Эпо совсѣмъ на выворотѣ. Табакъ
особеннаго рода называется
Березннскимъ опъ села Березнн-
ки, находящагося въ Рязанской
губернн и уѣздѣ, въ 11-пн
верстахъ опъ губер-

скаго города и принадлежавшаго въ мое
время Коллежскому Ассесору
Николаю Леонтьевичу Друкорт-
ову, а нынѣ спаршему сыну его.
Березннскій пабакъ существовалъ
за 40 лѣтъ до войны 1812 года.

За справедливоспъ сего могу
ручашься: по я самъ памошннй
помѣщнкъ и живалъ въ селѣ
Храповѣ на р. Павловкѣ, въ 5-пн
верстахъ опъ Рязани и въ 7-ми
опъ села Березннковъ.

А. Кораблннскій.

СЛОВЕСНОСТЬ.

МОСКОВСКІЯ НОВОСТИ.

(Отрывокъ изъ письма къ ***).

..... И странное дѣло! Въ
Январѣ 1832 года наши Моск.
Журналиспы переважно раз-
сказываютъ намъ, какъ свѣжн
новоспн, о Парнжской Бнблнотекѣ,
о Мнннспрахѣ Лудовика XV-го,
—а о томъ, что прнптно было бы
узнатъ всякому Русскому
человѣку, о чемъ давно бы
надобно хопъ спрочку напн-
сать — ни полслова! Когда
имъ! Полевой только что

выдалъ 23-ю книжку за 1830 годъ! (Въ Февралѣ 1832!) *Телескопъ* только что расчелся съ своими подписчиками за прошлый годъ! Какъ бы хорошо теперь автору Хамелеонеспики выставить на показъ Публички возгласы *Полеваго*, о неисправныхъ Журналистахъ! Какъ онъ пѣщился надъ запоздалыми книжками *Благонамѣреннаго* и *Московскаго Вѣстника!* И какъ загрязнился самъ теперь съ своимъ *Телеграфомъ!*

Въ ожиданіи пробужденія нашихъ верхоглядовъ, скажу тебѣ слова два о Московскихъ новостяхъ.

Во первыхъ, — въ Москвѣ, съ Новаго года, открыта *Библиотека для чтенія*, какой еще не бывало у насъ! Содержатель ея, *Глазуновъ* (Николай Николаевичъ), заслуживаетъ общую признательность всѣхъ ученыхъ, всѣхъ Императоровъ, всѣхъ любителей чтенія. Теперь не копейка опъ холода, не спрдадя опъ угара въ темномъ подвалѣ, можно, какъ у себя дома, читать, писать, — и сверхъ того вы не услышите ни малѣйшей грубости, ни одной плоской шулки опъ хозяина.....

Библиотека расположена въ двухъ обширныхъ, свѣтлыхъ залахъ; посреди второй комнаты столъ съ свѣжими новостями; по стѣнамъ мягкіе диваны. Садитесь, и читайте что вамъ угодно. Тутъ всѣ выходящія на Руси книги, газеты, журналы, альманахи. Хозяинъ внимательный, *утиливый, скромный*, (рѣдкость между Москов. книгопродавцами!) предупреждаетъ всѣ ваши прѣбыванія. Однимъ словомъ, такой Библиотеки, такой роскоши, такого порядка, еще не видано въ Москвѣ. Честь и слава *Глазунову!* Оспалось только желать, чтобы его усердіе къ общей пользѣ и любовь къ своему дѣлу, были вознаграждены участвіемъ людей благомыслящихъ!

Вторая новость, не менѣе удивительна для Русскаго. Въ квартерѣ Княгини *Борятинской* можно видѣть картину, присланную изъ Италіи, работы нашего художника *Брюни* — картину, за которую *Брюни* былъ избранъ въ Члены Лукской Академіи, и увѣнчанъ знаменитымъ *Камучини*. На картинѣ изображена та мѣнута изъ Римской Исторіи, когда побѣдитель Куріяція, *Гораций*, убиваетъ родную сестру свою и говоритъ: пакъ да по-

гибнуть всѣ враги Рима! Покуда скажу тебѣ только, что картина эта превосходна во всѣхъ частяхъ. Рисунокъ смѣлый, *Егоровской*; колоритъ *Шебуева*; сочиненіе строго обдуманно — исполнено съ жаромъ! Глядя на это произведеніе, вѣрю похваляю *Ипаліанцевъ*, которые называютъ нашего *Брюни*: *восходящимъ*, а *Камучини* *заходящимъ солнцемъ!*

Третья новость порадуетъ — долгопергъливыхъ и смиренномудрыхъ подписчиковъ на пакъ называемую *Исторію Русскаго Народа!* Это чудище распетъ — по увѣренію самаго чудопворца. Высокій народный Историкъ рѣшается — передразнить великаго Наполеона! Наполеонъ, въ крипическихъ обстоятельствахъ, соблазнялъ солдатъ своихъ обѣщаніемъ славы, пищи, денегъ, одежды, обуви... Голодные и оборванные солдаты забывали свое горе — и шли впередъ. Такъ и нашъ Московскій Историкъ! «Терпѣніе! терпѣніе господа! «зываетъ онъ къ своимъ подписчикамъ! Читайте покуда 3 тома — а я между тѣмъ на «гражу васъ — и вмѣсто 12-ти, обѣщаюсъ вы «дать, за тѣ же деньги, *четыредесятъ томовъ!* Кто послѣ этого не подождетъ?

.....
Прости!

II. Станица.....

ВОСКРЕСЕНЬЕ ШКОЛЬНИКА.

Не знаю, опъ чего я встрѣчаю каждое Воскресенье съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ. Напоминаніе о юности, оно пробуждаетъ въ душѣ моей тѣ пріятныя и безпечныя мысли, которыми посѣщали меня, когда я былъ школьникомъ, и въ одинъ день доставляли болѣе счастья, нежели въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ возмужалости, и украшали жизнь волшебными, милыми грезами. Время счастливое, когда все представлялось мнѣ въ розовомъ цвѣтѣ, и когда воображеніе мое одѣвало всѣ предметы въ самые пріятные образы.

На канунъ сего счастливаго дня я всегда опитчался прилежаніемъ. Переведя страницу изъ *Виргилія*, коего поэзія спрдадала подъ перомъ моимъ, и цѣлый часъ упражнявшись во Французскомъ или Латинскомъ краснорѣчій, я

выходилъ изъ классовъ и, занятый мыслию объ одномъ только Воскресеньи, ложился спать съ мечтою о минувшемъ вѣкѣ; по, о чемъ я думалъ на яву, занимало и во снѣ мое воображеніе.

Въ прекрасный Майскій день я просыпался при шумномъ чириканьи воробьевъ, которые порхали подѣ моимъ окномъ, и вспавалъ съ поспелю гораздо позднѣе, опѣ того, что тогда было Воскресенье.

Иногда, открывъ форточку окна, я забавлялся, смотря на проходящихъ по улицѣ: все напоминало мнѣ о Воскресеньи. Дѣвочки шли въ церковь съ большими пучками сирени въ рукахъ. Ихъ нарядъ новизною своею опѣвчалъ ихъ возрасту; самое простое ситцевое платьице, которое однакожъ показывало что-то праздничное, только до половины скрывало прелестную ножку; шляпки и платки головного убора ихъ отличались опѣ смуглыхъ щекъ ихъ или черныхъ волосъ, раздѣленныхъ спереди на двѣ половины. Онѣ много и скоро говорили, далеко оставя за собою матерей, за ними слѣдовавшихъ. — Я не зналъ содержанія ихъ разговоровъ, но былъ увѣренъ, что онѣ счастливы, потому, что тогда было Воскресенье.

Мальчики такъ же бѣгали по улицѣ и обгоняли роту солдатъ, впереди коей гордо выпупалъ Тамбуръ-мажоръ, а за нимъ полковая музыка. — Солдаты сіи такъ же шли въ соборную церковь небольшого городка, гдѣ я родился. Дѣти спрахъ какъ любили маршировать за солдатами подѣ громъ военной музыки. — Не знаю, что больше забавляло меня: солдаты ли, блестящими своими мундирами, или мальчики, коихъ чистое бѣлье мѣстами проглядывало сквозь прорѣхи изодранныхъ ихъ сертуконъ и куртуконъ.

При такой общей суматохѣ, можно ли было мнѣ сидѣть сложа руки? — Я разомъ убиралъ бывало кусокъ бѣлаго хлѣба и фунтѣ черныхъ вишенъ; шмало не осперегаюсь сдѣлать пяпно на моемъ нанковомъ платьѣ. Я выбѣгалъ на улицу. Не успѣлъ я переступить черезъ порогъ, какъ сердце мое спѣснялось: что-то напоминало мнѣ, что когда я возвращусь домой, лучшая половина Воскресенья пройдетъ... Но мысль эта быспро промелькнувала, какъ легкое облачко по ясному небу.

Улицы были чисты; всѣ входы въ лавки выметены и полипы водою: ибо на моей родинѣ любяпы опряпность, и тамъ въ Маѣ гораздо теплѣе, нежели въ Петербургѣ бываетъ въ Іюль.

Прежде всего, я шелъ къ ранней обѣднѣ, вопервыхъ потому, что сей родъ служенія гораздо корочѣ, во впорыхъ, здѣсь менѣе находишь размеченія, а я чувспвовалъ, что во время обѣдни должно молиться съ усердіемъ. — Я хопѣлъ идти въ соборъ, гдѣ услышалъ бы пѣвчихъ, но я уже не задолго предѣ пѣмъ наслаждался духовнаго пѣнія: тамъ бываетъ всегда множеспыо людей, такъ что и будни можно почеспы за Воскресенье; и потому, мнѣ пріапнѣе было молиться съ людьми, у копорыхъ, подобно мнѣ, одно только Воскресенье въ недѣль.

Какъ длиненъ былъ тогда мой обрапный пупъ! Все занимало меня на улицахъ: для малолѣпнаго, безпечнаго ученика малѣйшее приключеніе въ соспоянїи овладѣпы мыслию, и какъ быспра была эта скудная мысль! — Когда я случайно встрѣчалъ молодую дѣвушку въ большой желтой соломенной шляпкѣ, убранный проспы голубыми или розовыми лентами, въ бѣломъ платьицѣ, съ милою ножкою, съ свѣжимъ личикомъ, о, какъ сильно тогда билось мое сердце, которое на канунѣ вовсе не понимало спраспныхъ помненій шептральныхъ Дидонѣ! Я потчасъ оспанавливался, и задумчивыми глазами долго слѣдилъ красавицу, часпы не замѣчавшую меня. За юною красопочкою плянулась полпа веселыхъ моихъ поварищей; судя по ихъ виду, можно было заключить, что они рѣшились продлить Воскресенье, и вопѣ, съ конца ближней улицы я вижу, что они завернули въ кондитерскую... Я продолжаю свой пупъ и, къ удивленію моему, нахожу своихъ родшпей уже за споломъ, оканчивающихъ обѣдъ; ибо въ родномъ городкѣ моемъ обѣдаюпы ровно въ полдень.

Въ такой-то сладкой и невинной безпечности проходилъ праздничннй день; когда же наступалъ вечеръ, а съ нимъ и конецъ всѣмъ забавамъ; когда надобно было снова приготовить шептради и карандаши къ завпрешнему дню, тогда я упѣшался пѣмъ, что черезъ

недѣлю отишь наступитъ мнѣ милое Воскресе-
сенье. Теперь видишь, отъ чего я и до сихъ
поръ люблю эпоху день, который возбужда-
етъ столько пріятныхъ и невинныхъ воспо-
минаній объ ученическомъ моемъ житьѣ-бытьѣ.

N. N.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Сказка

О СПЯЩЕЙ ЦАРЕВНѢ. (*)

Жилъ былъ добрый Царь Матвѣй;
Жилъ съ Царицею своею
Онъ въ согласіи много лѣтъ;
А дѣшей всё нѣтъ, какъ нѣтъ.
Разъ Царица на лугу,
На зеленомъ берегу
Ручейка была одна;
Горько плакала она.
Вдругъ, глядишь, ползешь къ ней ракъ;
Онъ сказалъ Царицѣ такъ:
Мнѣ тебя Царица жаль;
Но забудь свою печаль;
Понесешь ты въ эту ночь:
У тебя родится дочь.
«Благодарспуй, добрый ракъ;
«Не ждала тебя никакъ....»
Но ужъ ракъ уползъ въ ручей,
Не слыхавъ ея рѣчей.
Онъ конечно былъ пророкъ;
Что сказалъ, сбылося въ срокъ.
Дочь Царица родила.
Дочь прекрасна такъ была,
Что ни въ сказкѣ разсказать,
Ни перомъ не описать.
Вонъ Царемъ Матвѣемъ пиръ
Знапный данъ на цѣлый мѣръ;
И на пиръ веселый шолъ
Царь одиннадцать зовѣтъ
Чародѣкъ молодыхъ;
Быложъ всѣхъ двѣнадцать ихъ;
Но двѣнадцатой одной,
Хромоногой, старой, злой,
Царь на праздникъ не позвалъ.

Отъ чего-жъ такъ оплошала
Нашъ разумный Царь Матвѣй?
Было то обидно ей.
Такъ! но есть причина шуть:
У Царя двѣнадцать блюдъ
Драгоценныхъ, золотыхъ
Было въ царскихъ кладовыхъ;
Приготовили обѣдъ;
А двѣнадцатаго нѣтъ.
(Кѣмъ украдено оно,
Знашь объ этомъ не дано.)
«Чтожь шуть дѣлать? Царь сказалъ
Такъ и быть!» И не послалъ
Онъ на пиръ спарухи звать.
Вотъ собрались пировать
Гостыи, званыя Царемъ;
Шли, ѣли, а потомъ
Хлѣбосольнаго Царя
За пріемъ благодаря,
Спали дочь его дарить:
«Будешь въ золотѣ ходить;
«Будешь чудо красоты;
«Будешь всѣмъ на радость ты
«Благонравна и шиха;
«Дамъ красавца жениха
«Я тебѣ мое дѣшя;
«Жизнь швоя пройдетъ шутя,
«Межъ знакомыхъ и родныхъ»...
Словомъ, десятъ молодыхъ
Чародѣкъ, одаривъ
Такъ дѣшя наперерывъ,
Удалились; въ свой чередъ
И послѣдняя идетъ;
Но еще она сказать
Не успѣла слова — глядь!
А незваная сползъ
Надъ Царевной и ворчишь:
«На пиру я не была,
«Но подарокъ принесла:
«На шестнадцатомъ году
«Повспирѣчаешь ты бѣду;
«Въ этомъ возрастѣ своемъ
«Руку ты верепеномъ
«Оцарапаешь, мой свѣтъ,
«И умрешь во цвѣтѣ лѣтъ!»

(*) Изъ журнала, подъ названіемъ: *Европеецъ*.

Проворчавъ, она пошчасъ
 Провалилася изъ глазъ;
 Но оставшаяся памъ
 Рѣчь домовила: «Не дамъ
 «Безъ пупи ругаться ей
 «Надъ Царвною моею;
 «Будеть то не смерль, а сонъ;
 «Триста лѣтъ продлился онъ;
 «Срокъ назначенный пройдетъ,
 «И Царвна оживеть;
 «Будеть долго въ свѣтѣ житьъ;
 «Будутъ внуки веселишь
 «Вмѣстѣ съ нею мамъ, опца
 «До земнаго ихъ конца.»
 Скрылась гостья; Царъ грустнншь;
 Онъ не ѣсть, не пьетъ, не спитъ:
 Какъ онъ смерпи дочь спаспи?
 Чпобъ ударъ сей опвесни,
 Онъ даетъ шакой указъ:
 «Запрещается опъ насъ
 «Въ нашемъ царствѣ съяль лень,
 «Прясть, сучишь; чпобъ верешень
 «Духу не было въ домахъ;
 «Чпобъ скорѣй, какъ можно, пряхъ
 «Всѣхъ изъ царства выслашь вонъ.»
 Царъ, издавъ шакой законъ,
 Началъ пишь и ѣсть и спать,
 Началъ живъ да поживаль,
 Какъ дополь, безъ заботъ.
 Дни проходяшь; дочь ростѣшь;
 Разцвѣла, какъ Майской цвѣтъ;
 Вошь ужъ ей пятнадцатъ лѣтъ....
 Чпо-то, чпо-то будеть съ ней?
 Разъ съ Царицею своею
 Царъ отправился гуляшь;
 Но съ собою Царвну взялъ
 Не случилось имъ; она
 Вдругъ соскучилась одна
 Въ душевной горницѣ сидѣшь
 И на свѣтъ въ окно глядѣшь.
 Дай, сказала наконецъ,
 Осмотрю я нашъ дворець.
 По дворцу она пошла:
 Пышныхъ комнатъ нѣтъ числа;
 Всѣмъ любуется она;

Вошь, глядишь, опворена,
 Дверь въ покой; въ покоѣ помъ
 Вьется лѣстница вишпомъ
 Вкругъ сполба; по спупенямъ
 Выходишь вверхъ, и видишь тамъ
 Спарушеночька сидишь;
 Гребень подъ посомъ порчишь;
 Спарушеночька прядеть
 И за пряжею поѣтъ:
 «Верешенцо, не лѣнись,
 «Пряжа тонкая, не рвись,
 «Скоро будеть въ добрый часъ
 «Гостья жданая у насъ.»
 Гостья жданая вошла;
 Пряха, молча, подала
 Въ руки ей верешено;
 Та взяла и вмгъ оно
 Уколело руку ей....
 Всѣ исчезло изъ очей!
 На неѣ находишь сонъ;
 Вмѣстѣ съ ней объемлетъ онъ
 Весь огромный царскій домъ;
 Всѣ упихнуло кругомъ.
 Возвращаясь во дворець,
 На крыльцѣ ея отецъ
 Пошашулся и зѣвнулъ,
 И съ Царицею заснулъ;
 Свиша вся за ними спитъ;
 Спража Царская спитъ
 Подъ ружьемъ въ глубокомъ свѣ,
 И на спящемъ спитъ конъ
 Передъ ней хорунжій самъ;
 Неподвижно по спянамъ
 Мухи сонныя сидяшь;
 У ворошь собаки спятъ;
 Въ спойлахъ, головы склонивъ,
 Пышны гривы опускивъ,
 Кони корму не ѣдяшь,
 Кони сомъ глубокимъ спятъ;
 Поваръ спитъ передъ огнемъ;
 И огонь, объяпый сомъ,
 Не пылаеть, не горитъ,
 Соннымъ пламенемъ спитъ;
 И не пронетъ надъ нимъ,
 Свившись клубомъ, сонный дымъ;

И окрестность со дворцемъ
 Вся объяла мерзвымъ сномъ;
 И покрылъ окрестность боръ;
 Изъ терновника заборъ
 Дикій боръ поплъ окружилъ;
 Онъ навѣкъ загородилъ
 Къ дому Царскому пупи:
 Долго, долго не найши
 Никому въ него слѣда:
 И приблизишься бѣда!
 Пшница шамъ не пролепипъ,
 Близко звѣрь не пробѣжипъ;
 Даже облака небесъ
 На дремучій, темный лѣсъ
 Не навѣсепъ въперокъ.
 Вотъ ужъ полный вѣкъ прошѣкъ;
 Словно не жилъ Царъ Матвѣй,
 Такъ изъ памяти людей
 Онъ изгладился давно;
 Знали только то одно,
 Чпо средъ бора домъ спомипъ,
 Чпо Царевна въ домъ спипъ,
 Чпо проспавъ ей приена лѣпъ,
 Чпо шеперь къ ней слѣду нѣпъ.
 Много было смѣльчаковъ
 (По сказанью спариковъ);
 Въ лѣсъ брались они еходипъ,
 Чпобъ Царевну разбудипъ;
 Даже бились объ закладъ,
 И ходили; но назадъ
 Не пришелъ никто. Съ пѣхъ поръ
 Въ непресступный, спрашный боръ
 Ни спарикъ, ни молодой,
 За Царевой ни погой.
 Время-жъ всё шекло, шекло;
 Вотъ и приша лѣпъ прошло.
 Чпо-жъ случилось? Въ одинъ
 День весенній, Царскій сынъ,
 Забавляясь ловлей, шамъ
 По долинамъ, по полямъ
 Съ свипой ловчихъ разѣзжалъ.
 Вотъ опъ свипы онъ опспалъ;
 И у бора вдругъ одинъ
 Очушился Царскій сынъ.
 Боръ, онъ видипъ, шѣмень, дикъ,

Съ нимъ встрѣчается спарикъ.
 Съ спарикомъ онъ въ разговоръ:
 «Разскажи про этоплъ боръ
 «Мигъ, спарипушка чеспной?»
 Покачавши головой
 Всѣ спарикъ пупъ разсказалъ,
 Чпо опъ дѣдовъ онъ слышалъ
 О чудесномъ боръ помъ:
 Какъ богатый Царскій домъ
 Въ немъ давнымъ давно спомипъ,
 Какъ Царевна въ домъ спипъ,
 Какъ ея чудесенъ сонъ,
 Какъ при вѣка длился онъ,
 Какъ во снѣ Царевна ждепъ,
 Чпо спаситель къ ней придетъ;
 Какъ опасны въ лѣсъ пупи,
 Какъ пыталася доипи
 До Царевны молодѣжъ,
 Какъ со всякимъ пожъ, да пожъ
 Приключалось: попадалъ
 Въ лѣсъ, попомъ и погибалъ.
 Былъ дѣшина удалой,
 Царскій сынъ; опъ сказки пош
 Вспыхнулъ онъ, какъ опъ огня;
 Шпоры вписнулъ онъ въ коня;
 Прянулъ конъ опъ оспрыхъ шпоръ
 И спрѣлой помчался въ боръ,
 И въ одно мгновение шамъ.
 Чпо-жъ явилоса очамъ
 Сына Царскаго? Заборъ,
 Ограждавший темный боръ,
 Не терновникъ ужъ густой,
 Но кустарникъ молодой;
 Блещупъ розы по кустамъ;
 Передъ Випяземъ онъ самъ
 Разспушился, какъ живой;
 Въ лѣсъ въѣзжаепъ Випязъ мой:
 Всѣ свѣжо, красно предъ нимъ;
 По цвѣточкамъ молодымъ
 Пляшупъ, блещупъ мопымки;
 Свѣплой змѣйкой ручейки
 Вьютса, пѣняпса, журчапъ;
 Пшпцы прыгаюпъ, шумяпъ
 Въ густопъ въпвей живыхъ;
 Лѣсъ душиспъ, прохладенъ, пихъ,

И ничто не спраши во нёмъ.
 Ёдетъ гладкимъ онъ пупемъ
 Часъ, другой; вотъ наконецъ
 Передъ нимъ стоить дворець,
 Зданье — чудо старины;
 Ворота расворены:
 Въ ворота въѣзжаетъ онъ;
 На дворъ встрѣчаетъ онъ
 Тьму людей, и каждой спитъ:
 Топъ, какъ вкопанный сидитъ;
 Топъ, не двигаясь, идетъ;
 Топъ спитъ, раскрывши ротъ:
 Сномъ пресѣкъ разговоръ,
 И въ успахъ молчитъ съ тѣхъ поръ
 Недокончанная рѣчь;
 Топъ, вздремавъ, когда-то лезъ
 Собрался, но не успѣлъ:
 Сонъ чудесный овладѣлъ
 Прежде сна проспавго имъ,
 И при вѣка недвижимъ,
 Не спитъ онъ, не лежитъ,
 И упасъ готовый спитъ.
 Словомъ, выразишь: содомъ.
 При явленіи такомъ
 Изумлѣнъ и пораженъ
 Царскій сынъ. Проходитъ онъ
 Между сонными къ дворцу;
 Приближается къ крыльцу;
 По широкимъ ступенямъ
 Хочетъ вверхъ идти; но тамъ
 На ступеняхъ Царь лежитъ
 И съ Царицей вмѣстѣ спитъ.
 Пути на верхъ загороженъ.
 Какъ же быть? подумалъ онъ,
 Гдѣ пробрашся во дворець?
 Но рѣшился наконецъ,
 И, моливу сошвоя,
 Онъ шагнулъ черезъ Царя.
 Весь дворець обходитъ онъ;
 Пышно всё, повсюду сонъ,
 Гробовая пишина.
 Вдругъ глядитъ: опворена
 Дверь въ покой; въ покоѣ шомъ
 Вьется лѣспница винцомъ
 Вкругъ столба; по ступенямъ

Онъ взошелъ. И что же тамъ?
 Вся душа его кипитъ,
 Передъ нимъ Царевна спитъ.
 Какъ дитя лежитъ она,
 Распымалася отъ сна;
 Молодъ цвѣтъ ея ланитъ;
 Межъ рѣсницами блеснитъ
 Пламя сонное очей;
 Ночи темныя темнѣй,
 Заплетенныя косою
 Кудри черною спруей
 Обвилась крутомъ чела;
 Грудь, какъ свѣжій снѣгъ бѣла;
 На воздушный, тонкій спанъ
 Брошенъ легкій сарафанъ;
 Губки алыя горятъ;
 Руки бѣлыя лежатъ
 На шрепещущихъ грудяхъ;
 Сжапы въ легкихъ саножкахъ
 Ножки чудо красной.
 Видомъ прелести такой
 Опуманенъ, распаленъ,
 Неподвижно смотритъ онъ;
 Неподвижно спитъ она.
 Что-жъ разрушитъ силу сна?
 Вотъ, чтобъ душу насладитъ,
 Чтобъ хонъ мало упокоитъ
 Жадность пламенныхъ очей,
 На колѣни спавши, къ ней
 Онъ приблизился лицомъ;
 Распалилъ пыльнымъ огнемъ
 Жарко рдѣющихъ ланитъ
 И дыханьемъ успѣ облитъ,
 Онъ души не удержалъ
 И её поцѣловалъ.
 Вмигъ проснулася она,
 И за него вмигъ онъ ея
 Поднялося всё кругомъ:
 Царь, Царица, Царскій домъ;
 Слова говоръ, крикъ, возня;
 Всё, какъ было; словно дня
 Не прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ сонъ
 Весь шомъ край былъ погруженъ.
 Царь на лѣспницу идетъ;
 Нагулявшися ведетъ

Онъ Царицу въ ихъ покой;
 Сзади свита вся полпой;
 Спражи ружьями спучапъ;
 Мухи спаями лепяпъ;
 Приворопный лаепъ пёсъ;
 На конюшнѣ свой овёсъ
 Довдаепъ добрый конь;
 Поваръ дуепъ на огонь,
 И преща огонь горипъ,
 И спруёю дымъ бѣжипъ;
 Всѣ бывалое: одинъ
 Небывалый Царскій сынъ.
 Онъ съ Царевной наконецъ
 Сходипъ сверху; мапъ, отецъ
 Припилиси ихъ обнимапъ.
 Чпо-жъ оспалось досказапъ?
 Свадьба, пиръ, и я шамъ былъ,
 И вино на свадьбѣ пилъ;
 Но усамъ вино пекло,
 Въ ротъ же капли не зашло.

В. Жуковский.

С H A R A D E.

Habitant des forêts, qu'anime sa présence,
 Fier, orgueilleux, léger comme les vents,
 Triste jouet de la puissance,
 Mon premier quelquefois sert aux plaisirs des grands,
 Et rarement échappe à leur perfide adresse.
 Mon dernier, qu'on dirige avec dextérité,
 Va de l'amant à la maîtresse,
 Et bien souvent, dans sa légèreté,
 Est un tableau de l'infidélité,
 Qui cependant amuse la jeunesse.
 Mais mon tout, plus audacieux,
 Plus vif, en sa course légère,
 S'en va presque toucher les cieux
 Sans se séparer de la terre.

Въ No 15, помѣщенная шарада значить: *Жид-кость.*

M O D E S.

On voit beaucoup de turbans en velours; en cachemire, en gaze de couleur mêlée d'or ou d'argent. Les uns ornés d'oiseaux de paradis, les autres d'aigrettes de pierreries. Il y en a en gaze blanche brodés en soie de couleurs, à palmes de cachemire, puis d'autres en gaze unie traversés par des chefs brodés en or de toutes nuances, qui font l'effet d'un turban de pierreries.

Les turbans à la Moabite sont adoptés particulièrement pour les femmes qui ont une jolie coupe de figure, et dont la jeunesse peut les dispenser d'avoir des cheveux sur le front; car pour être tout-à-fait originale, cette coiffure doit être portée ainsi. Ils sont presque tous blancs avec des chefs en or ou en argent.

Pour les robes de bal, la gaze et le crêpe sont toujours très-employés; presque toutes les manches courtes sont ornées de nœuds et de fleurs.

M O Д Ы.

Тюрбановъ бархатныхъ, Кашемировыхъ, изъ цвѣтнаго газа, перемѣшаннаго съ золотомъ или серебромъ, видно очень много. Одни отдѣланы райскими пшичками, другіе кисточками изъ каменьевъ. Есть также изъ бѣлаго газа, вышитыя цвѣтнымъ шелкомъ, Турецкими пальмами, иныя еще изъ гладкаго газа перехваченныя полосками, вышитыми золотомъ всѣхъ цвѣней, чпо имѣеть совершенно видъ каменьевъ.

Тюрбаны à la Moabite употребляютъ особенно дамами, имѣющими красивый окладъ лица и копорымъ лѣпа ихъ позволяютъ еще вѣнчать волосъ на лбу; уборъ сей должно надѣвать такимъ образомъ, чпобъ оплпчаться. Тюрбаны сіи всѣ почти бѣлые съ полосками, вышитыми золотомъ или серебромъ.

Для балныхъ платьевъ; газъ или крепъ, все въ большемъ употребленіи; почти всѣ короткіе рукава отдѣлываются бантами и цвѣтами.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 17.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №0. съ 36-ю карточками модъ, въ С. П. б. 30, съ до- ставкою и пересылкою 35 рублей.

СУББОТА, ФЕВРАЛЯ 27 ДНЯ, 1852 ГОДА.

Воръ, на примѣръ, большой, хонь въ кражъ попадется,
Выходитъ правъ изъ подъ суда;
А маленькой наказанъ оспается.

Хѣлницерь.

ПЕРЕСМЪШНИКЪ.

НѢЧТО О ЛИТЕРАТУРНОМЪ ПРЕДПРІЯТІИ Г. ФОНЪ КНОРРИНГА.

Нѣкоторыя изъ нашихъ повременныхъ изданій съ великимъ шумомъ извѣстили нашу Публику о трудахъ Ревельскаго жителя, Г. фонъ Кнорринга, предпріявшаго познакомиться Германію съ лучшими произведеніями нашей словесности. Г. Полевой, споль извѣстный въ Россіи своимъ чрезмѣрнымъ самолюбіемъ авторскимъ и самонадѣянностью Типанской, самъ Г. Полевой изумился (кажется) увидѣвъ, что его безполковный *Кирдла* избранъ Корифеемъ переведенныхъ и еще переводимыхъ твореній Русскаго Парнасса. Онъ справедливо чувствовалъ, что никто изъ благомыслящихъ людей не одобритъ сего страннаго выбора; но сіе похвальное чувство скоро было заглушено свойственною Г. Полевому — безотчетностию, и онъ, приславивъ къ своимъ многошумящимъ и широкогубчательнымъ уставамъ журнальную трубу Московскаго Телеграфа, пропрубилъ своему переводчику многоколынную хвалебную пѣсню, и пребывалъ, чтобы другіе Журналисты, въ угодность ему, сдѣлали тоже. Мы желаемъ Г. Кноррингу болѣе успѣха, нежели сколько онъ въ правѣ

ожидать отъ первыхъ прехъ, досель вышедшихъ книгъ своей «Русской Библиотеки для *Нѣмцевъ*»; но находимъ только спраннымъ и непонятымъ по, что Г. Полевой, кому совершенно невѣдомъ языкъ *Шиллера* и *Гёте*, жалуется своего переводчика въ ученые *Нѣмецкіе* императоры, такъ сказать, на обумъ, или по прежнимъ примѣрамъ, какъ онъ некогда пожаловалъ *Нибура* въ первые Испорикки нашего вѣка. О *Нибура* онъ, по крайней мѣрѣ, слышалъ слухи; но отъ Кнорринга, впервые (сколько намъ извѣстно) выступавшаго на императорное поприще, онъ видѣлъ непонятныя *виды*, *Героглафы*, *Нѣмецкія* *буквы*, и, воображая, что онъ судитъ по фактамъ, произноситъ свой рѣшительный приговоръ. Это немного опрометчиво и крайне несобудумно, но опшюдь неудивительно со стороны челоуѣка, спавящаго въ одну категорію *Бориса Годунова*, соч. *Пушкина*, и ничужное произведение Г. *Вельтмана*: *Странникъ*; журнальная труба Телеграфа по прежнему издаетъ неспройные, рѣзкіе, неспершимые звуки, терзающіе душу чинапелей и грозящіе пробить барабанную плеву каждаго понкаго уха.

Запчнемъ себѣ уши — и будемъ снисходительны! Вспомнимъ по время, когда Г. По-

левой, еще не известный на Парнасѣ, еще не причастный ни малѣйшему литературному грѣху, еще не посягнувшій на славу безсмертнаго *Карамзина*, еще не перехитрившій Публику лжеобещаніемъ на счетъ злополучной *Исторіи Русскаго Народа* — когда Г. Полевой, говоримъ, еще скромный, невинный, благонадежный новобранецъ Феба, съ доспохвальнымъ мужествомъ засѣлъ на смерть въ своемъ журналѣ, какъ опчаянный выпязь въ осажденной крѣпости, и неупомимымъ опраженіемъ мощныхъ и опытныхъ враговъ, спяжалъ долговременную славу литературнаго удалца. Всякій изъ насъ принималъ живое участіе въ юномъ выпязѣ, и желалъ ему побѣды и долгоденствія. Если-бъ мы могли предвидѣть послѣдствія сей борьбы, если-бъ могли предвидѣть, что борецъ дастъ тылъ, или, по Русской поговоркѣ, шагнетъ на *полѣтанный дворъ*; если-бъ могли предвидѣть литературныя заблужденія Г. Полеваго, и проч. и проч. мы, вѣроятно, вспомнили бы, что Г-жа *Сталь* желала *Наполеону*, въ то время, когда войска союзниковъ вступали во Францію — и воскликнули бы съ нею: «*пусть побѣдитъ и падетъ!*» — Излишне было бы плодить рѣчи съ Г. Полевымъ, коего журналъ есть:

— Беззаконная Комета

Въ кругу расчисленныхъ свѣтил!

Кстати объ этихъ незаконныхъ свѣтилахъ! Въ 1835 году явился опять та Комета, которая въ 1456 году пугала людей до того, что установлены были великія молебствія. Въ девятнадцатомъ вѣкѣ люди не такъ суевѣрны, какъ были въ пятнадцатомъ, и мы, ни сколько не боясь смертоноснаго полчка, или похищенія у насъ мѣсяца, или другаго зла, надѣемся, напрошивъ, что оная Комета возымѣетъ благотворное вліяніе на жителей Парнасса, на безсовѣстность кришниковъ, на недостойныя спрасашки и — въ особенности — на хаотическій безпорядокъ въ умѣ *нѣкоторыхъ крикуновъ*. Каковъ-то будетъ Телеграфъ на 1836 годъ? Если доведется намъ и ему дожить до того времени, то уже, азъ любобыспва, не пожалѣемъ *сорока пяти рублей*, надѣясь въ немъ купить удо-

вольствія на сорокъ тысячъ пять сотъ рублей. *Надежда не посрамитъ!*

Г. Полевой, выслушавъ нашу доброжелательную мораль, можетъ теперь обратиться къ своимъ *верхомладнымъ* занятіямъ, или оспаться, буде ему угодно, слушать нашъ приговоръ переводчику его. — Развернувъ первую книгу Г. *Кнорринга*, пробѣжавъ предисловіе и напкнувшись на *Кирдягу*, мы невольно вообразили, что переводчикъ *шутитъ*, что онъ вздумалъ пошутить Германскій юморъ возобновеніемъ пѣхъ смѣшныхъ Сатурналій, кои праздновались въ 5 и 6-мъ вѣкѣ и приобрѣли нѣкопоруую извѣстность подъ запѣйнымъ именемъ: *Праздникъ штовъ*. (Просимъ чипапеля вспомнить, что слово *шуть* здѣсь не принимается въ дурномъ смыслѣ; что на этомъ праздникѣ дурачились и умные люди, такъ какъ мы проказничаемъ на Свяжкахъ, во время конхъ и торжеспвовались эпи Сатурналіи). Избраніе *Кирдягы* въ Главы дѣйствующихъ лицъ казалось намъ и счастливымъ и забавнымъ, и мы ожидали, что вслѣдъ за нимъ появлятсѣ знаменитые *Выжигины* А. А. Орлова, *Сохатый*, Н. А. Полеваго и наконецъ *Предисловіе къ Исторіи Русскаго Народа*. Мы обманулись! Повѣсть *Жуковскаго: Три полса*, насильственно выданная за *Кирдягу* въ составѣ первой книжки, разрушила наши великія ожиданія; мы убѣдились въ томъ, что Г. *Кноррингъ* переводитъ не въ шутку: это возлагаетъ на насъ обязанность говорить объ его трудѣ съ причиною важностию. — Понинъ вышло при книжкѣ: содержаніе первой уже извѣстно; во второй находилсѣ *Борисъ Годуновъ*, соч. *Пушкина* и *Марина Роца*, соч. *Жуковскаго*; въ третьей *Горе отъ ума*, соч. *Грибоедова*. Объ повѣсти *Жуковскаго*, очень милая по чувству и языку, имѣютъ одинъ и тотъ же недостатокъ народныхъ красокъ, и потому легко дались переводчику и, безъ сомнѣнія, понравятся незнающимъ Русской народности. Но переводы *Бориса Годунова* и *Горы отъ ума* рѣшительно изъ рукъ вонъ, и такъ дурны, что никоимъ образомъ нельзя словами опредѣлить степени ихъ несовершенства. — Это не переводы, но самая непріятная для Русскихъ карикатура! Переводчикъ не поль-

ко незнаетъ порядочно Русскаго языка, но и не покорилъ себѣ Нѣмецкаго: его хромоногий стихъ дурень, неловокъ и неглазокъ до plus ultra. Почтенные чипапелли! сличите любое мѣсто перевода съ подлиннымъ, и вы убѣдитесь въ истинѣ нашихъ словъ! Не понимаемъ, какъ можно было взяться за переводъ комедіи: *Горе отъ ума!* она можетъ нравиться только своими Руссицизмами, но, не имѣя никакого созданія, непременно должна лишиться всего и въ наилучшемъ переводѣ. *Борисъ Годуновъ* другое дѣло! Сіе совершеннѣйшее произведеніе Русскаго Парнасса будетъ классическимъ твореніемъ и на Нѣмецкомъ языкѣ, если оно переведется человекомъ, хорошо знающимъ не только Русскій языкъ, но и древности Русскія, умѣющимъ цѣнить плѣнительный языкъ эпохи драмы, и вполне передать всѣ особенности онаго. Чіо мы видимъ у Г. Кнорринга? Быстрый, плавный, среброзвучный стихъ *Пушкина* въ Нѣмецкомъ переводѣ хромаетъ и бьется и курлыкаетъ, какъ подспрѣланный журавль; скрипитъ, какъ намазаное колесо. Г. Кноррингъ, по видимому, не знаетъ Русскаго языка и, вѣроятно, переводитъ съ помощію дурнаго словаря. Въспомо: «кто подкупилъ напрасно Чепчугова» — мы находимъ: «развѣ даромъ подкупили Чепчугова?» *Красная площадь* и *Красное крыльцо* переведены *алая площадь* и *алое крыльцо*; *Ольгинъ градъ* названъ самою *Ольгою*, съ выноскою, будто бы Псковъ такъ назывался древле; *Пимень* включаетъ себя въ число кромѣшниковъ: «мы являлись послушными чернецами!» простонародное изреченіе: «*нѣту, кормилецъ*» — переведено: *Милостивый Государь*; *Спольшники* пожалованы въ *Сеншалы* (Truchsesse); *Самозванецъ* самъ себя называетъ *молодымъ вралемъ* (junger Lügner); «пропивень мнѣ родъ *Пушкиныхъ*» — переведено: *пропивъ меня родъ*, и проч. *Пимень* говоритъ: *моя Хрѣшка*; *Басмановъ* объ *Узурпаторѣ*, *Воротынскій* о *Принцѣ*, п. е. Царевичѣ. — Но не сочтешь всѣхъ несообразностей и смѣшныхъ погрѣшностей сего перевода, о которомъ Г. Полевой опозвался съ опличною похвалою. Теперь довольно! Если ктонибудь обвинитъ насъ въ несправедливости къ Г. Кноррингу, то мы напишемъ подробнѣйшій

разборъ перевода *Бориса Годунова*; переберемъ всѣ стихи опъ начала до конца.

Однако же, чіо скажутъ Нѣмцы о нашемъ *Борисѣ Годуновѣ*, если прочтутъ жалкій переводъ Г. Кнорринга? Чіо подумаетъ *Августъ Шлегель*, или *Лудвигъ Тикъ*? Больно, очень больно для насъ, а Г. Полевою и горя мало!

Ксенофратъ Луговой.

PS. Честъ имѣю извѣститъ васъ, почтенный Издапель Липерапурныхъ Прибавлений, и всѣхъ вашихъ чипапеллей, чіо я родной братъ *Никиты Луговаго*, знамениаго сочинителя *Исторіи Русскаго человека*. Слава брата вспревожила меня, и я рѣшился быть поже писателемъ. Съ неукропимою самонадѣянностію, какъ Н. А. Полевой, выступая на новое поприще съ кристическимъ хлыстикомъ. Говорятъ, эпо не хорошо; а мнѣ какое дѣло? Я подражаю Г. Полевою, и его же избираю въ достойные проповники. Если онъ дастъ оппоръ, какъ грозный *мужъ чернилъ* (*Иоаннъ* называлъ *Баторія* мужемъ кровей): то спану съ нимъ сражаться до послѣдней капли моихъ чернилъ; буде же онъ уклонится опъ биввы: то подумаю, чіо его надменный Геній гордится и сжимается предъ моимъ, какъ древле, по словамъ Египетскаго Провидца, Геній *Антоніевъ* предъ *Октавіановымъ*.

Тотъ же.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПОѢЗДКА ВЪ ЭРМЕНОНВИЛЬ ЧРЕЗЪ
МОРФОНТЕНЬ.

(Письмо къ N. N.)

Послѣ посѣщенія Парижа съ его черпогами, музеями, садами, чужеземецъ не все еще видѣлъ, не всему удивлялся: онъ долженъ обозрѣть плѣнительныя окрестности сполдцы Франціи. Ему пріятно будетъ бродить подъ свѣжими сѣнями Монморанси и д'Андалы, въ Паркъ Сенклу, по Фонпенеискимъ ошлогоспямъ, прославленнымъ розовыми полями; между цѣвниками Шандильи, по зеленымъ просадямъ Фонпенебло или въ рощахъ Ренси. Мѣста сіи ежедневно посѣщаются любителями изящной

природы; но для меня всего пріятнѣе Морфонпенскій паркъ и романтическія пустыни Эрменонвильскія.

Дорога въ Морфонпень ведетъ по безконечному Вильемскому предмѣстію; при выѣздѣ изъ онаго мы съ удовольствіемъ увидѣли нѣсколько лужаекъ свѣжей зелени. За большими селеніемъ Лувромъ, мѣстоположеніе, до полъ ровное, сливающееся вдали съ горизонтомъ, вдругъ превращается въ спрану, наполненную пологими холмиками. Вообще оно представляетъ болѣе разнообразіа, начиная отъ возвышенія, повелѣвающаго надъ Плельи, откуда передъ нами открылся видъ обширной равнины, оканчивающейся у подошвы плодородныхъ скаповъ. Золотыя волны жатвы, зелень рощей, и желѣзистый цвѣтъ вспаханыхъ нивъ сославляли самую пріятную пропывуположность.

Проѣхавъ крупной спускъ, мы поворопили вправо, миновали прекрасную деревеньку, и остановились въ Морфонпенской гостиницѣ. Пользуясь рекомендовательнымъ письмомъ къ Инпенданпу парка, мы явились къ нему. Онъ принялъ насъ со всею вѣжливостію любезнаго человека, водилъ насъ по замку и оранжереямъ, гдѣ мы не нашли ничего любопытнаго.

Войдя въ паркъ, мы очарованы были прелестными видами его. Съ вершины зеленого холма намъ представилась небольшая поляна, пересѣкаемая рукавомъ рѣчки, который извинаясь въ своемъ теченіи, впадалъ въ широкій, свѣплый прудъ. Эпопъ прудъ усѣянъ разнообразными оспровками, увѣчанными высокими пополями, ивами, кустарниками, высокою правою, испещренною цвѣтами. Живая мурава служила опушкою каждаго оспровка.

Слѣдуя за черпою окружности парка, мы очупились на берегу сего обширнаго и прекраснаго пруда; недалеко отсюда находился великолѣпный павильонъ, откуда взоры съ удовольствіемъ покоялись то на поверхностіи воды, то на семьяхъ деревьевъ, шапрами раскинувшихся гусплыхъ сѣни надъ прудомъ.

Въ эпомъ павильонъ любилъ мечпавъ Король *Иосифъ*; сюда же приходилъ и знаменитый брапъ его. Здѣсь подписанъ прапкпавъ объ успукѣ Лузіаны Соединеннымъ Шпапамъ. Когда *Иосифъ*, нынѣ Графъ *дѣ Сторвилле*, ос-

павилъ сіе жилище, оно опдано было Принцу *Конде*. Сей послѣдній посѣщаль его два раза въ годъ и послѣ завѣщаль оно Г-жѣ *Фѣшеръ*.

Недалеко отъ павильона мы сѣли въ бопикъ, споявшій у берега съ нѣсколькими другими, довольно красивыми; но они не даютъ ни малѣйшаго понятія о пышной флотиліи, какую *Иосифъ* содержаль на спхъ водахъ. Она состояла изъ 25 судовъ, одно другаго красивѣе, какъ то: пенишей, шлюповъ и бригаптинъ. Въ торжественные дни, пыслчи разноцвѣпныхъ вымпеловъ развѣвались въ воздухъ на легкихъ мачпахъ, и богато одѣтые гребцы летали въ красныхъ челнокахъ по пруду.

Мы слѣдовали медленно по теченію рукава пруда, заслоняемаго съ обѣихъ споронъ деревьями, которые склоняли верхи свои надъ нашими головами. Вскорѣ намъ указали оспровокъ Любви, усѣянный прекрасными деревьями и возвышающійся пропвъ самаго большаго проспранства водъ, называемаго собспвенно *большимъ озеромъ*; для объзда онаго потребно нѣсколько часовъ. Озеро сіе ограничивается оспровомъ Рошеръ, также живописнымъ. Мы вступили въ другое отдѣленіе водъ, равнымъ образомъ окруженное пышными рощами и опоясанное бархатною муравою, надъ копорою возвышались плакучія ивы, правильно разсаженные, и представляющія собою спрой солдатъ.

Вышедъ на берегъ, мы очупились на небольшомъ скапѣ, гдѣ съ обѣихъ споронъ паяулись палисады. Довольно уцѣлѣвшая отъ времени башня совершенно скрывалась въ густой рощѣ; сосны и липвенницы, покрывающія всю сію частъ парка, живо напоминаютъ собою нѣкоторыя пустыни Унпервальденскаго Кантона.

Сидя на скалѣ, мы смопрѣли, какъ солнце мало по малу скрывалось за рощами. Прохладный вѣперокъ, предвѣспникъ заката его, освѣжилъ насъ, когда мы приблизились къ огромной скалѣ, рукою природы распоргнутой на двое. На вершинѣ одного опломка *Аббатъ Делиль* написалъ:

Sa masse indestructible a fatigué le tems.

Перейдя чрезъ мостикъ, осененный большою плакучею ивою и подиавшись на холмъ,

мы достигли первыхъ алей парка, откуда возвратились въ гостиницу. Весь ужинъ прошелъ у насъ въ разсказахъ о красотахъ Морфонпенскихъ. Пріятель нашъ Г... успѣлъ накидать карандашемъ нѣсколько прекрасныхъ видовъ, которые вѣрно вамъ понравятся; В... заключилъ оспатокъ вечера своими обыкновенными фарсами, оныхъ которыхъ мы помирились со смѣху.

На другой день въ 4 часа утра мы были уже на томъ же холму. Солнце всходило надъ нѣсколькими альпийскими облаками; свѣжій вѣтерокъ чуть шевелитъ древесными вѣтвями, и природа погружена была еще въ то глубокое спокойствіе, въ ту сладкую тишину, которая всегда предшесвуеетъ прекрасному дню. Мы разбудили перевозчика, сѣли въ свой ботинокъ и снова пустились въ путь, остановясь однакожъ на минуточку близъ острова Любви, на коемъ споситъ небольшая хижина, гдѣ дамы приготавливаются къ купанью въ красивомъ водоѣмѣ, скрывающемся въ густой пѣни деревьевъ.

Черезъ нѣсколько минутокъ, мы подѣхали къ острову Рошеру, коего скалы, совершенно опивѣсныя, представляютъ чудное зрѣлище, напоминающее собою особенно видъ Перь-Лашезскаго кладбища. Островъ сей довольно обширенъ; съ него добывается значительное количество лѣса. Пройдя гипсовыя, бѣлыя какъ снѣгъ, пропашки, мы однимъ взглядомъ обняли вдругъ прелестный Морфонпенскій замокъ, съ его островами, сѣнями, лугами, непостоянными излучинами водъ, по которымъ плавали стада спашныхъ лебедей. Вправѣ оныи насъ простирались рядъ однообразныхъ равнинъ съ разбросанными кое-гдѣ рощицами, и оканчивался у подошвы опдаленныхъ Санльскихъ башенъ; влѣвъ возвышались зеленые Эрменонвильскіе лѣса. Слѣвъ оныи въ ботинокъ, мы поплыли далѣе, держась разнообразныхъ береговъ, и скоро достигли до лѣса. Оныи пересѣкаемся прекрасными аллеями и изчерченъ множествомъ пропашокъ, гдѣ не трудно было заблудиться. Такимъ образомъ попереявъ часть въ ходбѣ по глухимъ мѣстамъ, мы вступили въ селеніе Эрменонвиль, въ ту самую минуточку, когда барабанщикъ собиралъ команду, состоявшую изъ 19 человекъ національной гвардіи.

Во время завтрака я пробѣжалъ списокъ путешественниковъ, посѣщавшихъ жилище Руссо; признаюсь, едва ли можно было собрать болѣе уродливое и глупое общество. Одно членіе онаго доспапочно было бы усилить еще болѣе ненависть къ людямъ въ *Жанъ-Жакъ*.

Войдя въ паркъ, оныхъ котораго запаслись ключемъ, расположились мы въ небольшой пещерѣ, близъ коей съ шумомъ падалъ пѣнистый водопадъ. Мѣсто сіе было бы гораздо пріятнѣе, еслибы не дулъ здѣсь постоянно сильный вѣтеръ, который прешесвуеетъ размышленію. Поднявшись на нѣсколько ступеней, мы вступаемъ въ пышныя алей на берегу обширныхъ водъ; на противуположномъ берегу ихъ находится знаменитый островъ Тополей, гдѣ около 15 лѣтъ покоился прахъ *Жанъ-Жака*. «Если я умру въ Эрменонвилѣ, часпю говаривалъ оныи Г. *Жирарденю*; то прошу васъ похоронить меня на милость моему острову Тополей.» Желаніе его въ почности было исполнено. Но въ 1793 г. по опредѣленію Директоріи назначено для него мѣсто въ Пантеонѣ. Туда брѣнные оспатки Руссо съ большою пышностію перенесены были съ острова Тополей. На гробницѣ его, впрочемъ очень простой, поставлена сладующая, споль прогашельная и истинная надпись:

Здѣсь покоится человекъ природы и истины.

Барельефы представляютъ матерей, пшпающихъ дѣтей своихъ грудью, матерей, обращенныхъ къ чувствамъ материнской любви возвышенными пвореніями великаго Философа.

Велкій мостъ ведетъ къ обширному парку, называемому пустынею, оныхъ котораго недавно опрѣзана большая часть земли. Съ нѣкоторыхъ возвышеній открываются пѣнипельные виды, особливо изъ храма, носящаго довольно гордое названіе храма Философій и недалеко ошпуда лежащей пещеры, гдѣ *Иосифъ II* и *Густавъ III* искали укрыться оныи грозы. Въ нѣкоторомъ распоніи ошуда, во впадинѣ скалъ, гдѣ открывается весь прелестный край Эрменонвильскій, намъ показывали хижину, любимое мѣстопребываніе *Жанъ-Жака*, въ которомъ сей опличный Геній проводилъ большую часть дня, предава-

ясь размысленію. Мы шли по узкой изви-вающейся пропнѣ, ведущей къ сему мѣсту, встрѣчая на каждомъ шагу прекрасныя перспективы; по сей-по пропнѣ эпопѣ великій Философъ ходилъ въ свое убѣжище. Мы почувствовали здѣсь какое-то благоговѣніе и нѣжную признапельность, внушаемая прию-помъ сего знаменитого и злополучнаго чело-вѣка, охраняемаго воспомнаніемъ о немъ и славою его имени.

На возвратномъ пути, слѣдуя берегомъ, мы перешли въ другую часть парка, опрѣ-занную большою дорогою, и у подошвы гор-даго пополя, посаженнаго *Жирарденемъ* за 150 лѣтъ тому назадъ, мы упомяли жажду водою изъ свѣтлаго источника, омывающаго корни сего исполина дерева.

Гораздо далѣе взоры наши поражены были остатками башни, посвященной *Генриху IV* и прелесной *Габріелю*. Сильный порывъ вѣ-ра сорвалъ половину крыши съ сего памятни-ка; но разрушеніе сіе придадо ему болѣе видъ древности и нимало не обезобразило его. Изви-вающейся плоть покрылъ своимъ узкими пле-тями всѣ стѣны; вокругъ оныхъ распулъ густыя рошцы. Мы направили путь къ пло-щку, который ходилъ самъ собою посред-ствомъ бичевки, прикрѣпленной къ кольцамъ. Перевозъ сей устроенъ пропнѣ замка на не-большомъ озерѣ, близъ самаго острова, по-крытаго прекрасными деревьями и цвѣтами; недалеко отсюда видѣнъ маленькой храмъ Музъ; за онымъ, между зелеными сѣнями де-ревъ, открываея источникъ рѣдкой красо-ты. Ключъ сей стремительно бѣетъ изъ пе-счанаго слоя, отъ котораго пылъ поднимает-ся до потолка воднаго столба. Подъ него плыветъ слой нѣжной, бѣлой и полпрованной глины, которая, раздробляясь чудеснымъ об-разомъ, представляея до двадцати уступовъ, безпрестанно поднимающихся также до коло-вны воднаго столба. При невѣрномъ и преле-щущемъ свѣтѣ днѣ, прокрадывающемся сквозь налсадь, вы воображаея видѣть лампаду, повѣшенную подъ амфитеатромъ блестящихъ уступовъ, для освѣщенія неземнымъ свѣтомъ сихъ прозрачныхъ водъ, а изъ движущихся гипсовыхъ, кажеяся, невидимою силою хочеть огромдышья ограда для счастливой башни

сего источника. Гордые чинары, огромные вязы смотрѣя въ свѣтлыхъ водахъ, и ихъ мрачныя, дремлющія плѣни еще болѣе возвы-шаютъ прелеснь сей рѣдкой игры природы.

Когда мы вышли на дворъ замка, большаго каменнаго зданія, возвышающагося посреди водъ, спорожъ повелъ насъ во второй ярусъ своего дома, гдѣ находилъя комната *Жанъ-Жака*, который не хотѣлъ переселиться въ замокъ. Къ комнату его ведетъ небольшая каменная лѣстница. Два окна освѣщаютъ ее, и распуція подъ ними густыя деревья про-пускаютъ въ комнату умѣренный свѣтъ. Вотъ споль, на которомъ Философъ опи-сывалъ послѣднія мечпы уединенныхъ прогулокъ своихъ, споль пріятныя и унылыя. Онъ час-то опирался на сей мраморный камнѣ, про-пнѣ эпого алькова, гдѣ сполла кровать его. Внутреннее окно выходилъ въ другую, го-раздо меньшую комнату.

Въ Іюнѣ 1777 года, онъ возвратился домой въ полдень изъ своей хижины на островѣ Ро-шерѣ, и жаловался на сильную головную боль; черезъ нѣсколько минулъ съ нимъ случился ударъ. Его положили на кресла; онъ просилъ открыть окно, но за стѣмъ, какъ шны вообра-жаютъ себя, чптобы въ послѣдній разъ взгля-нуть на солнце, но сказавъ сіи, болѣе есте-ственныя слова: «откройте, откройте, я за-дыхаюсь!» — Это были послѣдніе слова сего великаго челоѣка, который умеръ на 64 году отъ рожденія, далеко отъ своей неблагодар-ной отчизны, въ объѣхѣхъ *Г. Жирарденя*, и подлѣ жены своей *Терезы*, которая не из-явила никакой чувствительности. Черезъ нѣ-сколько дней она вышла за мужъ за *Мюре*, кучера Жирарденева, и переселилась въ Плес-си-Бельвиль, въ плѣни мнѣхъ отсюда, гдѣ за 14 лѣтъ предъ симъ умерла, бывъ презира-ема всѣми, ее знавшими. Невѣрности ея, о которыхъ узналъ *Руссо* не задолго до смер-пи своей, оправдали послѣдніе дни сего зна-менитаго челоѣка.

Смерть его не могла укротить злобы его непріятелей, которые старались возбуди-ть на него подозрѣніе въ самоубійствѣ, опровер-гаемое несильно достопочтенными свидѣтеля-ми. Сильный ударъ о каменную плнпу во вре-мя паралича, рана на лбу, и кровь, которую

онъ былъ покрытъ, по словамъ ихъ, должны были произойти отъ исполопнаго выспрѣла; сланный *Гудовъ* также увѣрялъ, что рана сія причинена пулею. — Такъ, самыя простыя обстоятельствова, клеветною искаженныя, принимаютъ видъ справедливости. Впрочемъ, это бесплодное усиліе послужило только къ стыду враговъ его и къ большому проясненію истины.

Нынѣ, когда весь свѣтъ благоговѣетъ къ памяти сего великаго человека, *Женева* готова принести ему торжественную дань. Въ скоромъ времени поставлена будетъ въ семьъ городѣ статуя въ честь *Ж. Ж. Руссо*, вышиною въ восемь футовъ, въ которой *Женевскій* ваятель *Г. Прадъ* раскрылъ свой опличный талантъ. Она безпрестанно будетъ напоминать *Женевцамъ* о томъ, что болѣе всѣхъ прославилъ ихъ опечесство.

N. N.

МОГИЛА КОЛЛЕНЯ.

Не задолго до сооруженія прекраснаго памятника знаменитымъ ваятелямъ *Флаксаманомъ* въ честь *Колленя*, нѣкоторые любители изящной поэзіи, въ особенноти пворереній сего писателя, посѣтили *Чичестерскую* церковь, для опданія послѣдняго долга заслугамъ и дарованіямъ покойнаго. Они обратились съ просьбами къ церковнику, чтобы онъ указалъ имъ мѣсто, гдѣ погребено тѣло *Колленя*. Войдя въ церковь, они просили его опставитъ ихъ однихъ, обѣщая ему за то денежную награду. Церковникъ согласился, указалъ мѣсто, и вышелъ изъ церкви. Но какъ онъ удивился, войдя опять въ церковь и найдя тѣлениковъ своихъ съ опухшими отъ слезъ глазами!

«Такъ, любезный *Коллень*, сказалъ одинъ изъ нихъ; мы опдаемъ послѣднюю честь праху пвоему на сей могилѣ; почтивъ память пвою слезами, мы опставляемъ гробъ пвой, величайшій изъ поэтовъ. Пропни!» — Что вы говорите о поэтахъ? подхватилъ церковникъ. *Тимофей Коллень* никогда не былъ спшкпворцемъ; это былъ самый честный поршней въ цѣломъ городѣ *Чичестерѣ*.

Съ Англійскаго.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ОЧИ ЛЮБЕЗНОЙ.

Изъ Кёрнера.

Размѣромъ подлинника.

(Посвящаю моей женѣ.)

Очи, очи, идеаль мой,
Звѣзды свѣтлыя любезной,
Цвѣтъ души моей подруги,
О плѣнительныя очи!
Пѣсни вешнія примите,
Дайте пламень звукамъ симъ.

Всѣ возвышенное въ жизни,
Всѣ души примѣлу носите,
Украшается очами, —
Не одинъ надменный смертный,
Нѣтъ, весна, земля младая
И румяная заря.

Въ глубинахъ подземныхъ, мрачныхъ
Теплятся въ лучахъ алмазы,
Какъ негаснущее око.
У весны есть очи розы,
И свои у ночи звѣзды,
Солнце есть свое у дня.

Но они не то, что очи
У моей подруги нѣжной.
Очи милой! во вселенной
Нѣтъ вамъ равныхъ; такъ, одни вы
Яркой перль любви безсмертной,
Нѣжный, чистый цвѣтъ души.

Вы огнистые алмазовъ,
Искрящихся въ мрачныхъ безднахъ;
Вы млые розъ весеннихъ,
Блещущихъ на персяхъ жизни;
Вы привѣтныя звѣзды безсмертныхъ;
Вы ясныя младаго дня.

Всѣ прекрасное, благое
Я читаю въ вашемъ небѣ;
Всѣ сокрытое за жизнью
Въ вашей радости сіяетъ,
Будто изъ эфирной дали,
Въ вашихъ свѣтлыхъ слезахъ.

Ахъ, привѣтъ пѣвца услышите! —
 Юношѣ сіянь хопише-ль
 Пулеводными звѣздами,
 Надъ волнами бурной жизни?
 Мнѣ хопише-ль бытъ свѣпиломъ,
 Очи, иѣжный прѣшь души?

И. Покровский.

ПУСТЫНЯ.

Есть пустыня; въ ней пашся
 Робкій геній пишины;
 Тамъ въ испочникѣ глядися
 Дочь спыдливыя весны;
 Тамъ средь рощи молчаливой
 Сѣши зыбкія сплелись
 И береза съ дряхлой ивой
 Надъ лужайкой обнялись.

*

Тамъ раскланявшись съ полною
 Чесполобцевъ, наконецъ
 Поселился бы съ побою
 Просподушный ивой пѣвецъ;
 И забытый пышнымъ свѣпомъ,
 Онъ бы памъ увидѣлъ вновь
 Дружбу съ радостнымъ привѣпомъ
 И спыдливую любовь.

*

Презря почести земныя
 Для себя, мой другъ, одной,
 Спируны арфы — золотыя
 Оживлялъ бы онъ ирой;
 И рукою бѣлоснѣжной,
 Съ лаской движущей сердца,
 Ты вѣнкомъ изъ мирры иѣжной
 Увѣчала бы пѣвца!

А. К — въ.

ШАРАДА.

Въ Лаптинской азбукѣ вы *первое* найдѣте;
 Печальной шпигицы по однообразный крикъ;
 Та шпигица не сова, не филинъ, не куликъ.

Второе же вездѣ, въ какой лишь домъ войдѣте;
 А *цѣлое* мое... взгляните вы на храмъ —
 И голову ломать не нужно будетъ вамъ.

Въ No 16, помѣщенная шарада значить: *Cerf-volant.*

М О Д Е С.

Il vient de paraître chez M. Bourguignon, passage de l'Opéra, des flèches à têtes ornées de camés dont les pointes, au lieu d'être terminées par un dard, le sont par un ornement en or mat d'un riche effet. Ces flèches manquaient pour compléter les parures en camés qui sont en vogue.

Les habits à poches à pattes sur les hanches, et à basques à l'anglaise se multiplient dans les bals: ils sont d'un bleu bieu au-dessus du bleu barbeau, mais moins foncé que le bleu-de-roi; d'autres sont vert-russe; d'autres enfin se portent noirs. Les pantalons sont noirs, justes ou demi-collans, et les bas de soie noire à jour sont généralement adoptés. Les gilets sont très-variés; mais ceux en cachemire continuent d'être les mieux portés. Les chapeaux dits *chaques ronds* ont repris faveur pour le bal.

М О Д Ы.

Въ галлерей, ведущей въ Оперу, у Г-на Бургиньона показались спрѣлы съ головками, украшенными анпиками; онѣ оканчиваются не осприемъ, а богатымъ украшеніемъ изъ маповаго золота. Недоспавало только элпихъ спрѣлъ, чпобъ дополнить приборы изъ анпиковъ, споль много употребляемыхъ.

На балахъ видно много *фраковъ*, у которыхъ карманы на бокахъ съ клапанами, а *фалды* на Англійскій манеръ: *фраки* сіи голубаго цвѣта, несравненно превосходятъ васильковаго, но свѣтлѣе голубаго-Королевскаго; иные дѣлаютъ *vert-russe* (зеленаго Русскаго), другіе еще чернаго цвѣта. Пальманы черные, въ обляжку, или не совсѣмъ, и черные шелковые прозрачныя чулки въ общемъ употребленіи. Жилеты весьма разнообразны; но Кашемировыя все предпочитаютъ другимъ. Шляпы, называемыя: круглыя *chaques* (расплющенные), опянь вошли въ употребленіе для баловъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ во

Средамъ и

Субботамъ.

№ 18.

Цѣна годовому изданію,
состоющему изъ 104 №.
съ 36-ю картинами модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
скавкой и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, МАРТА 2 ДНЯ, 1852 ГОДА.

Нерѣдко грусть и сильныхъ гложетъ
Въ нихъ позлащенныхъ шеремакъ;
И ревность Лихтеровъ не можешь
Отгнать отъ нихъ заботы, страхъ.
(Изъ Горациа.)

Дмитриевъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ЧТО О АЛЕКСАНДРѢ АНФИМОВИЧѢ ОРЛОВѢ.

Къ числу замѣчательнѣйшихъ людей, явившихся въ послѣднее десятилѣтіе на поприщѣ Русской литературы, принадлежатъ безспорно двое: Н. А. Полевой—и А. А. Орловъ. Первый, въ 1825 году, является вдругъ Журналистомъ, Критикомъ, Филологомъ, Философомъ, водочнымъ Заводчикомъ, попомъ Историкомъ, Поэтомъ, Ориенталистомъ, наконецъ Романшикомъ, содержателемъ книжной лавки и Типографшикомъ! Въ 7-мъ лѣтъ имя его стало знакомо цѣлой Россіи—Европѣ, Азій, Америкѣ, Африкѣ.—Но еще замѣчательнѣе Александръ Анфимовичъ Орловъ. Вотъ геній! Эпопъ пріобрѣлъ Европейскую извѣстность съ небольшимъ въ три года! И въ эти три года написалъ онъ XXXII книги! Для облегченія работы будущимъ Биографамъ и Библиографамъ,—представляю реэспрѣ твореній А. А. Орлова, по порядку, или такъ какъ онѣ выходили изъ подъ пера его и Типографій.

1. Поэма: Димитрій Донской.
2. Поэма: Александръ I.
3. Романъ: Непокколебимая дружба Чухломскихъ жипелей Кручинина и Скудоумова.
4. Смерть кушца; поэма.
5. Погребеніе кушца; поэмъ.
6. Вспрѣча Чумы съ Холерою.
7. Ужасы спранспвующей Холеры. *Рѣдка.*
8. Рыцарь блага Филина Щепина. (Въ родѣ В. Гюго.)
9. Хлыновскіе Спепняки, дѣпи Ивана Выжигина.
10. Хлыновскія свадьбы дѣпей Ивана Выжигина.
11. Смерть Ивана Выжигина.
12. Церемоніаль погребенія Ивана Выжигина.
13. Два кума или креспный отецъ Пепра Выжигина.
14. Родословная Ивана Выжигина.

Романы Историческіе:

15. Горькая учась.
16. Живые обмороки.
17. Свадьба прекрасной Парани.
18. Соколь былъ бы соколь, да курица его събла.

СОВѢТЬ ЗА СОВѢТЬ.

19. Трактирщики, или красильная на дѣлѣ ленга.
20. Дульча, Московская междоумочка.
21. Промошавшійся Купецъ.
22. Разговаривающія карпы съ молодцами. (Подражаніе историческимъ карпамъ Жуи.)

Романы правоописательные:

23. Воронья перья, или Московская Самодурка.
24. Марфа Ивановна Выжимкина.
25. Спрадающая невинность, или поросенокъ въ мѣшкѣ.
26. Зѣваки на Макарьевской ярмаркѣ.
27. Тафпяное платье.
28. Верхогляды, прѣзжіе за газетамн.
29. Французская бѣглянка Фено; поэма, въ родѣ Вельпманова Спранника.
30. Муромскій Донкихотъ, или честные сумасброды; чувствительный романъ.

Историческіе романы:

31. Дворянинъ, купецъ и крестьяне въ Кремль послѣ Холеры.
32. Раскольникъ или Вислоухи.
33. Съдая борода, или Робертъ Парижскій.
34. Потеря любовницы, или обмоченый слезами плапокъ.
35. Федоръ Кривой, Степанъ Тупой и Анна Слѣпая.
36. Чугунный или Святопапцы.

Правоописательные:

37. Бѣгство Петра Выжигина въ Польшу и препровожденіе въ Сибирь.
38. Типулярный Совѣтникъ, или превога въ присутственныхъ мѣсяхъ.

Историческій

39. Василій Косой, или князья при гробѣ Мухамеда IV-го.

Книги ученія:

40. Французская Грамматика.
41. Покоренный Браиловъ.

Сорокъ одно названіе! И въ числѣ ихъ, многія книги въ двухъ часдахъ! Какъ шеперь рѣшили, кто выде въ литературной табелѣ о рангахъ: Н. А. Подедай, или А. А. Орловъ?

П. Станц . . .

Г. Полевой, съ извѣстнымъ его безприсра-
спіемъ, разбирая вышедшія къ нынѣшнему го-
ду альманахи: *Альциону* и *Сѣверные Цвѣты*,
находитъ спраннымъ, что Г. Соловь, по же-
ланію друзей своихъ, пишетъ для ихъ альма-
наховъ повѣсти и другія статьи. Въ самомъ
дѣлѣ, подобная импровизація даже неспроста-
тельна. Для чего бы, вмѣсто повѣстей и лег-
кихъ статей, Г. Солову не импровизиро-
вать на пр. какой нибудь *Исторіи Народа?*
Можетъ быть онъ боится многолѣшняго тру-
да, тяжкой отвѣтственности передъ чита-
телями, или пому подобнаго?—Напрасно: мы
видимъ, какъ смѣло и легко люди принимаю-
тся за подобное предпріятіе. Дѣло въ началѣ,
а объ исполненіи нечего заботиться; подпис-
чики же люди снисходительные: пошумятъ,
покричатъ, да и замолчатъ. Припомъ и са-
мый прудъ не такъ-то головоломнъ. Спо-
шитъ только взять какую нибудь печатную
Исторію, напр: хотя *Исторію Государства
Россійскаго*, переписать и по своему иска-
зить факты, побранивать почаще Автора
оной, вклеить двѣ-три пошлыя и не заслу-
живающія вниманія догадки; попомъ кстапи
(а больше того не кстапи) выписывать по
цѣлымъ страницамъ изъ *Робертсона*, *Гизо*,
Тьерри, *Баранта*, *Нибура*, *Аста* и пр. и пр.;
все это распестритъ варварскимъ, шерохова-
тымъ слогомъ, смѣсю надумнаго съ площад-
нымъ, и унизать такими безполковыми фра-
зами, которыхъ никто, даже самъ Авиторъ,
не понимаетъ. Далѣе: обѣщать весь этотъ
хаосъ пустить на свѣтъ въ печеніе года, и
вмѣсто того, разложивъ оный на не скончае-
мый лѣта, жаловать подписчикамъ (за ихъ же
деньги) черезъ два года по книжкѣ; а между
цѣмъ, пользоваться на привольѣ собранною
на подписку суммою и кропать какой нибудь
вздорный романъ, подъ заглавіемъ, списаннымъ
съ бенефицихъ афишъ. Вотъ прудъ, до-
стойный Литератора, который не надѣля-
етъ даромъ своими статьями пріятелей-аль-
маначниковъ, а твердо помнитъ благоразум-
ное правило, que la charité bien ordonnée est
celle qui commence par soi-même.

Никита Луговой.

СЛОВЕСНОСТЬ.

К Л Е Р К Ъ Г О Т Ь Е.

Графиня *д'Анкрь*, владѣтельница Фореста, Бо и замка де Лиль, основала мѣстопребываніе свое въ Плуи. По смерти повелителя и супруга своего *Иоанна Люксембургскаго*, побочнаго сына *де Линьи*, она оставила Лиль и рѣдко посѣщала сей замокъ. Въ числѣ лицъ, сославлявшихъ небольшой Дворъ ея, находилась молодой *Клеркъ*, по имени *Готье*. Онъ родился въ селеніи *д'Апшишъ* и служилъ Пажемъ и Секретаремъ при Графинѣ. Имѣніе *д'Апшишъ*, принадлежавшее капитулу Секленскаго собора, отдано было на опкупъ опцу молодаго *Готье*. Каноникъ сего капитула, предвидя въ семь мальчикъ хорошія способности, поспарался развить ихъ тщательнымъ воспитаніемъ, и дабы имѣть случай при Дворѣ Графини, опредѣлили его къ оному. *Клерку* было тогда 18 лѣтъ отъ роду. Онъ одаренъ былъ умомъ и прекрасною наружностію.

При Графинѣ находилась также молодая дѣвица, наследница замка *д'Ериньи*; она была внучка первой и называлась *Еленою*; ей было 16 лѣтъ отъ роду. Большіе голубые глаза ея, опѣненные длинными ресницами, благородныя и привлекательныя черты, роскошныя волосы, все это воспламенило сердце молодаго *Клерка*. *Елена* замѣтила это, и хотя она была знашнаго происхожденія, а *Готье* не болѣе, какъ сынъ поселянина, однакожъ, сердце ея не могло успоить противъ сіяспсныхъ взглядовъ, нѣжныхъ рѣчей и скромныхъ исканій прекраснаго *Клерка*.

Графиня угадывала спросивъ молодыхъ людей, и нимало не гнѣваясь на то, мечтала успроить ихъ счастье въ непродолжительномъ времени: она нашла даже средства преодолѣть преграды, поставляемыя неравенствомъ сословія, и удержатъ ихъ при себѣ: такъ сильно привязана была она къ симъ дѣтлѣмъ; такъ она обыкновенно называла ихъ. Дворъ Графовъ *де Анль*, учрежденный Герцогомъ *Филлипомъ-Сильвѣмъ*, открывалъ путь къ возвышенію для ея любимца и къ возведенію его на спелень Дворянства. Графиня ничего не спѣшила надѣлатьъ его помѣспьемъ, а

припомъ *Готье* былъ сыномъ самаго зажиточнаго поселянина въ цѣломъ околоткѣ.

Графиня *д'Анкрь* давно уже нужно было привести въ порядокъ нѣкоторыя дѣла съ Папскимъ Дворомъ. Дѣла сіи относились болѣею часпю до капитуловъ, которые она намѣрена была назначить, прежде смерти своей, на разные предметы. Она рѣшилась отправитъ въ Римъ молодаго *Готье*, чптобы привести оныя къ концу. Не смотря на его молодость, она совершенно полагалась на его свѣдѣнія и благоразуміе, — довѣренность, которую онъ заслуживалъ вполне. И такъ, назначенъ былъ день отъѣзда.

На канунъ сего роковаго дня любовники глазами провожали солнечный закатъ, сидя у одной башни при входѣ въ замокъ.

«Милая подруга! Какая продолжительная разлука угрожаетъ намъ!»

— Ахъ, ты не забудешь меня? —

«*Елена*, будь покойна, сердце мое никогда не переспанетъ биться для тебя.»

— Всякой вечеръ, когда взойдетъ луна, когда раздастся протяжный звонъ ночнаго колокола въ Фалемпенскомъ Аббатствѣ, я буду смотрѣть на сіе свѣтло ночи и молить Пресвятую Дѣву, чптобы она защитила тебя отъ всѣхъ опасностей. —

«Въ потѣ же часъ и мой взоры будутъ обращены къ тому крошечному свѣтлу: въ ясномъ кругѣ его мнѣ будетъ мечтаться пвой прелестный образъ.»

— Я спану мечтатъ о пвоемъ возвратѣ, *Готье!* —

«А я, примолвилъ юноша, прижимая еѣ къ сердцу, я буду думать о близкомъ блаженствѣ, обѣщанномъ мнѣ Графиней: я сдѣлаюсь Аудиторомъ Королевской Камеры въ Лиль, и тогда владѣтель *д'Ериньи* не откажетъ мнѣ въ рукѣ пвоей.»

Звонъ колокольчика, коимъ приглашали къ ужину въ замокъ, прекратилъ сей нѣжный разговоръ. *Елена* поспѣшно встала; но *Готье* удержалъ еѣ.

«*Елена*, неужели я долженъ разстаться съ тобою, не получивъ никакого знака на па-

мять? Если бы я взялъ съ собою одно перо изъ моего тока, какъ бы я гордился и былъ счастливъ, украсивъ имъ свою шапку.»

Молодая дѣвушка, поспѣшно вынувъ одно перо и бросивъ его прекрасному Пажу, сказала съ коварною улыбкою: «Безъ пера *Клерку* нельзя писать!»...

Прошло болѣе мѣсяца, какъ *Готье* оставилъ замокъ. Ничего въ ономъ не перемѣнилось. *Елена* каждый день спала, сколько времени оспается до возврата *Готье*: любовь наполняла все ея минуты.

Въ это время, *Графъ де Гарнь*, богатѣйшій и сильнѣйшій изъ всехъ окружныхъ владѣтелей; готовился дать большой турниръ, куда приглашены были все молодые Рыцари сосѣднихъ владѣній. *Графиня д'Анкрь* не хотѣла опоздаться опять приглашенія: она знала надмѣнность *Графа*, и должна была всего спрашивать отъ его характера.

Было прекрасное осеннее утро, какія часто случаются во Фландрии. Солнце позлашило верхи башенъ *Плуи*, когда двое трубачей, открывавшие поѣздъ, оставили за собою подъемный мостъ замка. Впередъ шли придворные служители; за ними слѣдовала раззолоченная качалка, везома чепырьмя Гішпанскими мулами, которые украшены были высокими перьями и звонкими погремушками; въ качалкѣ сидѣла пышно одѣтая владѣтельница замка съ любимою своею внучкою; по споронамъ ѣхали придворные кавалеры на красивыхъ аргамакахъ; за ними придворныя дамы на иноходцахъ, покрытыхъ богатыми чепраками. Пятидесятъ сѣкирниковъ заключали поѣздъ; надъ ними начальствовалъ молодой Рыцарь *Барлемонъ*, въ сопровожденіи конюшаго, несшаго его знамя. Шпандартъ *Жана Люксембургскаго* вѣренъ былъ одному изъ предводителей сѣкирниковъ.

Въ семь порядкѣ небольшой поѣздъ слѣдовала опушкою лѣса до богатого селенія *Фалемпена*. *Вильгельмъ Кланкетъ*, въ сопровожденіи канониковъ своего Аббатства, ожидалъ знаменитую путешественницу у церковныхъ воротъ, дабы дать ей благословеніе, которое приняла она, не выходя изъ качалки. Аббатъ,

сложивъ съ себя священную одежду, возсѣлъ на красиваго мула, который пошелъ рысью и занялъ мѣсто у правой дверцы качалки. *Графиня д'Анкрь* мигивала *Камфень*, *Карвень* и *Эпиноа*, гдѣ присоединилась къ ея поѣзду свиха *Гюга д'Антоень*, владѣтельница *Эпиноа*.

Когда поѣздъ *Графини* приблизился къ замку *Гарнь*, пробѣло уже девять часовъ. Все замлы, дворы, окрестности замка наполнены были дамами, рыцарями, спражею, сѣкирниками. Въ одномъ мѣстѣ толпились фигляры и Цыганы, въ другомъ торгаша и разношники или нищенствующіе монахи съ сумами. Множество поселянъ изъ *Графства д'Артоа*, окрестностей *Лилля*, *Дуз* и *Орки* собралось сюда въ праздничномъ нарядѣ. Смѣшанные звуки трубъ, кларнетовъ, гобоевъ, волюнокъ, сливались съ шумнымъ говоромъ сей движущейся толпы. Конюшіе и всадники *Графа де Гарна* отвели мѣста для Рыцарей и спраже въ палаткахъ, заранѣе разбитыхъ.

Благородный *Графъ* принялъ *Графиню д'Анкрь* у дворецъ качалки, которая основана въ внутреннемъ дворѣ. Не смотря на суровый и строгій видъ *Графа*, черты лица его были прекрасны и правильны; смѣлый взглядъ его обличалъ въ немъ привычку повѣлывать; прекрасныя черныя кудри рассыпались по плечамъ; высокій станъ его придавалъ ему сановитость; обхожденіе его было приятно; ему не болѣе было 30 лѣтъ отъ роду. Въ это время, какъ онъ занялъ былъ привѣтствіемъ *Графини*, *Елена* вышла изъ качалки, опершись на Рыцаря *Барлемона*. Необычайная красота сей дѣвицы столько поразила его, что онъ едва могъ кончить привѣтствіе. Сказавъ нѣсколько несвязныхъ словъ, онъ повелъ *Графиню* между рядами дамъ и Рыцарей, не могли выговорить ни одного слова. Турниръ, праздникъ, знаменитые поѣшители, все было имъ забыто; онъ думалъ объ одной *Еленѣ*, и въ это короткое время успѣла оправить его ревность къ молодому *Барлемону*, подавшему руку тому неземному существу, которымъ онъ пылалъ.

Я не стану описывать вамъ блестящихъ дѣлъ сего дня; цѣлую зиму они были предметомъ разговоровъ для всехъ присут-

спововавшихъ на турнирѣ, данномъ въ зѣмкѣ Гарнѣ. Графъ на всѣхъ поединкахъ оспался побѣдипелемъ, и вы опгадаете, кого избралъ онъ царицею красоты и любви, иначе сказать, царицею турнира. *Елень* принадлежала эта честь.

Прошелъ годъ, и въ зѣмкѣ Гарнѣ снова приготавливалось шоржеспво, по случаю благополучнаго выздоровленія послѣ родовъ Графини *Елены*. Это шило, богатство, знатность *Лудовика де Гарна* ослѣпили молодую дѣвицу, и она сдѣлалась его супругою. Воспоминаніе о прекрасномъ *Клеркѣ* долго оспоривало власть надъ сердцемъ *Елены* у нышней спраспи Графа; но владѣтель д'Эриньи объявилъ свою волю и *Елена* повиновалась. Старая Графиня, въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль защищавшая права любимаго своего Пажы, также принуждена была уступитъ, сколько изъ опасенія, возбуждаемаго въ ней Графомъ *де Гарнѣ*, сполько же изъ желанія видѣть внучку свою знатною дамою.

Пиршество еще продолжалось; обширный залъ освѣщенъ былъ множеспвомъ разноцвѣтныхъ огней, желтыхъ, зеленыхъ, красныхъ, яшмообразныхъ. Богатые приборы, самыя вкусныя блюда, лучшія вина покрывали столъ, за которыми сидѣли знаменитые госпи. Сахарный напитокъ и душистыя вина разгорячили головы собесѣдниковъ. *Елена*, не совсѣмъ еще оправившаяся послѣ родовъ, сидѣла пропивъ Графа и съ обыкновенною своею привѣтливостію опправляла должность хозяйки. *Лудовикъ де Гарнѣ* былъ важенъ и мраченъ; часто суровый взглядъ его измѣнялъ тайному волненію. Онъ зналъ до своей свадьбы, что заставляло *Елену* пропивившя сему союзу; зналъ, что она любила пригожаго Пажы и была имъ любима. Не задолго предъ тѣмъ *Готье* возвратился изъ Рима, окончивъ весьма успѣшно дѣла своей благодѣтельница; Графъ услышалъ о томъ, и ревность совершенно разспроила всѣ его мысли.

Три раза прозвучалъ рогъ; вошедшій капселянъ доложилъ Графу, что Трубадуръ, возвращающійся изъ Палеапшвы, проситъ геспеприниматя.

«Онъ найдетъ его здѣсь, опвѣчалъ Графъ; позови его; пусть онъ раздѣлитъ съ нами ширъ.» И какъ бы желая дать другое направление своимъ мыслямъ, примолвилъ: «его пѣсни и рассказы еще болѣе оживятъ веселіе нашего шршества.»

Спранникъ былъ введенъ. Въ поступкахъ его видно было смиреніе, смѣшанное съ благородствомъ; онъ закутанъ былъ въ широкую епанчу; на обнаженныхъ ногахъ его были прикрѣпленные ремнемъ сандали; на голову большая шляпа съ широкими полями, кои увѣшены были раковинами; въ рукахъ держалъ онъ длинный посохъ, коему вмѣсто набалдашника служила высушенная кора пыквы. Загорѣлое лице его опушалось густою, копья и моложавою, бородою. Въ голосѣ его было что-то мрачное и унылое. Онъ скромно подошелъ къ Графу, и извинился, что онъ не можетъ обнажить головы по причинѣ даннаго имъ обѣта.

— «Уважаю вашъ обѣтъ, Г. Трубадуръ, сказалъ Графъ, хотя онъ и прописанъ нашими правилами въживоспи; но вы конечно не произносили обѣта сохранять молчаніе, и когда вы подкрѣпитесь нѣсколькими вкусными и опборными блюдами, нѣсколькими приемами сахарнаго шпья, то вѣрно не откажетесь почипить романсомъ рожденіе наслѣдника знаменитаго дома *Гарновъ*.»

Спранникъ занялъ назначенное ему на коицѣ стола мѣсто. Между тѣмъ, какое-то чувствіе спраха овладѣло *Еленою*. Взоры ея вспрѣтнулись со взорами спранника, и хотя выраженіе ихъ измѣнилось, но еще сохранился прежній огонь въ глазахъ, которые такъ часто успремлялись на неѣ съ нѣжностію: незнакомецъ былъ *Готье*.

Готье, узнавъ о замужествѣ *Елены*, пораженъ былъ столь сильною горестію, что совершенно предался опчаянію; онъ впалъ въ тяжкую болѣзнь. Нѣжныя попеченія его благодѣтельница избавили его опъ смерти; но счастье навсегда его покинуло. Онъ рѣшился заключиться въ монастырь; но прежде, нежели исполнилъ сіе намѣреніе, онъ хотѣлъ еще разъ, одинъ только разъ взглянуть на милую *Елену*, которую онъ еще обожалъ.

Выздоровленіе ея послѣ родовъ казалось ему благопріятнымъ случаемъ быть ввѣдену въ замокъ. Принятое имъ на себя званіе открывало ему входъ въ оный; по одеждѣ, бородѣ, изсохшимъ и спрадальческимъ чертамъ лица никто не могъ узнать его, кромѣ *Елены*; но она ему не измѣнишь. Мрачный и безмолвный, среди веселыхъ собесѣдниковъ, онъ видѣлъ только *Елену*, на которую по временамъ украдкою кидалъ онъ взгляды.

— Г. Трубадуръ, сказалъ Графъ, обращаясь къ *Готье*, съ котораго онъ не спускалъ глазъ, не хопителн вы усладитъ моихъ благородныхъ гостей какимъ нибудь романсомъ или веселымъ разговоромъ.

— Графъ, голосъ мой ослабѣлъ опъ продолжительныхъ трудовъ спранствія и пляжкой болѣзни, опъ которой я недавно оправился; почему я не въ состояніи удивить васъ вашимъ желаніямъ.

— Графиня *Елена*, попросите справника; онъ вѣрно вамъ не откажетъ.

Елена съ прудомъ произнесла нѣсколько словъ, не смѣлая взглянуть на *Готье*.

— Я повинуюсь, отвѣчалъ Пажъ съ нѣкопрымъ жаромъ.

Онъ началъ такъ:

«*Франческа* была красою благородныхъ дѣвицъ Равеннскаго Княжества. Рѣка По шестнадцатъ разъ видѣла на берегахъ своихъ цвѣтущіе куспарники, съ тѣхъ поръ, какъ опецъ Франчески *Гвидода Полента* въ первый разъ принялъ еѣ въ свои объятія.

«*Паола де Полента* былъ однимъ изъ прекраснѣйшихъ благородныхъ юношей богатой Тосканы; онъ былъ образованъ, храбръ, чувствивеленъ и великодушенъ. *Паоло* былъ двоюроднымъ братомъ *Франчески*.

«*Франческа* любила *Паоло*; *Паоло* обожалъ *Франческу*. Они поклялись вѣчно любить другъ друга.

«*Ланцелотто Малатеста*, человекъ суровый и дикій, но богатый и сильный, прѣбывалъ руки *Франчески*. *Гвидо* не смѣлъ опказать ему; она сдѣлалась Г-жею де *Малатеста*.

«*Франческа* по прѣжнему любила *Паоло*, и *Паоло* не переставалъ обожать еѣ.

«Однажды чинали они вмѣстѣ повѣсть, какъ *Жиневра* плѣнилась *Ланцелотомъ*. Они были одни; чпеніе воспламенило ихъ воображеніе, уста ихъ сладись . . . кнѣга выпала изъ рукъ.

«Въ эту минуту входитъ *Малатеста*, и однимъ ударомъ стубилъ обоихъ любовниковъ.

«Но, что соединила любовь, смертъ того не можетъ разлучить; души ихъ, подобно легкокрылымъ голубкамъ, коихъ одно желаніе зоветь въ общее гнѣздо, воспарили вмѣстѣ къ небу.

«*Малатеста* не испыталъ сладости любви взаимной.»

Г. спранникъ, оставъ сей романъ, прервалъ его съ живостію Графъ. Для пршества нужны болѣе веселыя пѣсни.

Готье возвысилъ голосъ, и какъ бы наспроивъ мандолину, запѣлъ:

«Гондольщикъ, гондольщикъ, гордый *Строци* наполнишь лодку твою цѣхинами, если ты возвращишь ему его лобезную.

«*Строци*, побѣдитель Турокъ подъ Мальпою, *Строци*, предводитель галеръ нашихъ, *Строци*, цвѣтъ нашихъ воиновъ, не могъ завоевать сердце жены своей.

«Гондольщикъ, гондольщикъ, и проч.

«*Строци* женился на прелеснѣйшей дѣвушкѣ, какія когда либо плавали на нашихъ судахъ: это была *Леонора де Кастеллофранка*, съ черными глазами, эбеновыми волосами, эвпрнымъ станомъ дочерей *Наполи*.

«Гондольщикъ, гондольщикъ, и проч.

«*Строци* былъ добрый мужъ, хопя ревнивецъ; но *Леонора* не могла любить его. Почести, богатство мало казались ей лестными; ей нужно было сердце, которое понимало бы еѣ сердце; а *Строци* не рожденъ былъ для любви.

«Гондольщикъ, гондольщикъ, и проч.

«Въ одинъ вечеръ, *Леонора* оставила чертоги *Строци* и убѣжала въ лодку пригожаго гондольщика. Любовь не любитъ чер-

поговъ и бережеть ушѣхи свои не для вельможъ.

«Гондольщикъ, гондольщикъ, гордый *Строци* наполнишь лодку пивомъ цѣхинами: возврати только ему любезную его.»

— Дерзкій пѣвецъ, вскричалъ разгнѣванный Графъ, вскочивъ съ своего мѣста; если бы я не уважалъ правъ гостепрѣимства, ты здѣсь же былъ бы наказанъ за свою безстыдную наглость. Удались отсюда и подь смертною казнію спрашись опять сюда явиться.

Спранникъ вспалъ, и кинувъ на него взглядъ, пылающей удовольствіемъ мести, снялъ шляпу.

Онъ прошелъ мимо Графини и тихо произнесъ послѣднія слова, сказанныя ему *Еленою*, при отпѣздѣ его въ Римъ, коихъ смыслъ ей только былъ понятенъ.

«Безъ пера нельзя писать *Клерку*.»

Спустя нѣсколько дней, *Готье* найденъ умирающимъ у опушки Фалемпенскаго лѣса. Хотя онъ рѣшился удалиться навсегда отъ мѣста своей родины, но не могъ отказатьсь отъ порученія своей благодѣтельницы содѣйствовать ей въ богоугодномъ намѣреніи. На возвратномъ пути изъ Невиля, гдѣ старая Графиня предприняла соорудить часовню св. Екатерины, убійцы напали на *Готье*; опрѣзавъ ему языкъ, они нанесли ему нѣсколько кинжалныхъ ударовъ. Принесенный въ замокъ Плуи, онъ скоро испустилъ духъ, не могши назвать убійцъ своихъ. На груди его нашли тщательное завернутое перо *Елены*, полученное имъ при отправленіи въ Римъ.

При семъ извѣстіи, Графиня *де Гарнь* не могла не опсгадать того, кто былъ виновникомъ сего злодѣйства; она впала въ сильную горячку, и черезъ мѣсяць послѣ похороны *Готье*, коего тѣло положено на Аппиискоемъ кладбищѣ, опустили и ея бездушный пруть въ фамильный склепъ гордыхъ Графовъ *де Гарнь*. Не задолго до смерти своей, при посѣщеніи бабки своей, она просила еѣ соорудить небольшую часовню въ Аппишѣ, въ память *Готье*, и поспаявши на ней надпись: *Безъ пера нельзя писать Клерку*. Часовня сія сооружена въ честь св. Елисаветы, во имя коей построена Аппииская церковь.

Пер. В. Соколовъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Г Е Н І Й.

Ницъ, зависливое око!

Прочь, ничтожные силки!

Я далѣко, я высоко...

Крылья сильны и легки.

Подо мною вѣтеръ споненъ

Въ безпредѣльности высотъ;

Чья-жъ спрѣла меня догонитъ,

Если полонъ мой полѣтъ?

Въ глубь Небесную несомый,

Пусть я встрѣчу вихрь и громы:

Я вступаю съ громами въ споръ!

Я ударю грудью въ пучи,

И сквозь дымъ, сквозь огонь гремучій

Вновь прорвуся на просторъ.

И, въ развѣтъ, какъ всё въ туманъ,

Какъ земля объяна сномъ —

Встрѣчусь я одинъ заранъ.

Съ первымъ солнечнымъ лучомъ.

А. Подолжскій.

С О Н Ъ.

(Изъ *Мицкѣвича*.)

Мнѣ не минушь съ побой разлуки!

Но если, вѣрная любви,

Не хочешь множишь сердца мужъ, —

Про *розно-бытъ* не говори!

*

Предъ ушромъ грустнымъ полной чашей

Допьемъ послѣдній мигъ опрады!....

Наспанеть часъ разлуки нашей:

Изъ рукъ твоихъ я выпью, ядъ!

*

Успа къ твоимъ уснамъ прижму я;

Умру, — но не закрою вѣкъ;

Лицо къ лицу, въ усна цѣлуя,

Пусть сладостно усну на вѣкъ.

*

Когда-жъ раздася гласъ гремучій:

«Возстанъ изъ гроба твоего!»

Тебѣ припомнишься другъ спящій:

Сойдешь съ Небесъ будить его.

*

И вновь на грудь свою паду я,
И скажешь въ объятіяхъ своихъ,
Проснусь, какъ бы дремалъ я жигъ,
Лицо къ лицу, въ уста цѣлуя!

П. Манассинъ.

2-го Сентября 1830.

К. Динабургъ.

Ю. И. П.—У.

Я видѣлъ славныхъ дѣвъ востока,
Я видѣлъ ихъ безъ покрываль;
Какъ сила горнаго попока
Громишь сердца кремнистыхъ скалъ,
Какъ молніи Перунъ огнистый
Вмигъ зажигаетъ дубъ въспвисшій,
Какъ крови жаждущій булатъ
Въ рукѣ поклонника Пророка:
Такъ испущенныхъ дѣвъ востока
Могучь и быспрь и спрашенъ взглядъ!
Онъ бѣшеной горитъ любовью,
Иль дикой мещью воспаленъ —
Онъ по на друга успремлѣнъ,
То на кинжалъ, облитый кровью....
Сихъ жгущихъ взглядовъ для меня
Ужасны, дики выраженья;
Воспичныхъ дѣвъ боюсь я мщенья
И спрасши бѣшеной огня: —
Я помню робкихъ дѣвъ полночи,
Ихъ помно-голубые очи
Милѣй, плѣншпельнѣй спо разъ
Воспичныхъ черныхъ, яркихъ глазъ.

А. Гвоздева.

Шуша.

1828.

С H A R A D E.

Au jeu de dés, lecteur, on connaît mon premier;
Mon second par la mer a ses côtes baignées;
Durant les nuits d'hiver et les froides gelées
Au pauvre voyageur présentez mon entier.

Въ No 17, помѣщенная шарада значить: *Ку-поль*.

M O D E S.

Toilettes de Bal. — Le Bal donné à l'Opéra en profit des indigens offrait des toilettes aussi nombreuses que brillantes. Il y avait beaucoup de coiffures grecques qui allaient à ravir; mais il y en avait bien plus encore qui allaient horriblement. C'étaient des chaînes et des bracelets d'or qui les ornaient; des plumes, des doubles guirlandes, dont une rangée traversait le front, et l'autre entourait la torsade de cheveux. Les couronnes en racine de corail étaient assez nombreuses; d'autres en petites plumes de toutes couleurs, en épis d'or, d'argent ou de diamans. Beaucoup de fleurs; des bouquets détachés placés très de côté dans les coiffures grecques ou demi-grecques; des guirlandes de roses ou de marguerites sans feuilles, entourant la tête et s'arrêtant sous le chou placé en arrière. Une assez grande quantité de guirlandes à la Cérés, et d'autres dispositions de guirlandes cintrées, relevées, penchées avec un goût exquis.

Pl. No 7. Chapeau en velours doublé en satin. — Redingote de satin garnie de fourrure Paremens manchons.

M O Д Ы.

Бальные наряды. — На балъ въ Оперѣ, въ пользу неимущихъ, наряды были сколько же разнообразны, какъ и блистательны. Много было Греческихъ причесокъ, которыя иныхъ весьма украшали, другихъ же безобразили. Убраны онѣ были золотыми цѣпями и браслетами, перьями, двойными гирляндами, изъ коихъ одна положена по лбу, а другая около тюрсады волосъ. Вѣнковъ изъ коралловыхъ корней было весьма много; также изъ мелкихъ перушковъ всякихъ цвѣтовъ, золотыхъ, серебряныхъ и бриллиантовыхъ колосцевъ. Цвѣтовъ множество; отдѣльные букеты, припиленные совсѣмъ на споронѣ, въ Греческихъ или полу-Греческихъ прическахъ; гирлянды изъ розъ или маргаритокъ безъ листьевъ, положенныя вокругъ, оканчивались подъ репейкомъ сзади головы. Также довольно много гирляндъ à la Cérés, колу-круглыхъ гирляндъ, расположенныхъ другимъ образомъ, приподнятыхъ, наклоненныхъ съ отличнымъ вкусомъ.

Карш. No 7. Бархатная шляпа, подбитая апласомъ. — Апласный рединготъ, опушенный мехомъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходятъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 19.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 36-ю картинками модъ, въ С. П. б. 30, съ доставкой и пересылкою 35 рублей.

СУББОТА, МАРТА 5 ДНЯ, 1852 ГОДА.

Съ чернилицей перо заспорило о томъ,
Кто новой Оды былъ изъ нихъ прямымъ творцомъ.
Вошелъ Поэзія, и споръ рѣшилъ высокоумья. —
Такія есть вездѣ чернилицы и перья.

Князь Вяземскій.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

СПЛЕТНИ.

Глава четвертая.

Вы, любезныя барыни и милоспивые господа, помните послѣдній вечеръ въ селѣ гостепріимной Княгини *Чижинской*, и рассказы о пророческихъ снахъ, предчувствіяхъ, мерщивцахъ, прищельцахъ съ того свѣта; помните, какъ весельчакъ *Князь Муромскій* испугалъ всю честную компанію, и какъ храбрѣйшія изъ дамъ убѣжали съ поля честны, подобно какъ Ляхи опъ Генерала *Красовскаго* при мѣспечкѣ Скальдовержѣ. Помните, что это случилось 1 Октября, въ самый день Покрова Богородицы.

22 того же мѣсяца, въ праздникъ Казанскія Божіей Матери, по же обществу, чинно сидѣло въ той же круглой залѣ. Дѣвицы проворно выпивали по канвѣ обновку на мѣбель къ *Екатеринину* дню—именинамъ хозяйки, а мужчины, или сидя подлѣ нихъ напѣвали имъ пошныя сантиментальности изъ чувствительныхъ сочиненій новаго *Стерна*—*Князя П. И. Шаликова*, или, взявшись за руки, прохаживались по комнапѣ. Конноегерскій Капитанъ *Ени-*

сеевъ рисовалъ каррикатуру въ альбомѣ *Княжны Варвары Алексѣевны*; *Факеловъ* держалъ на рукахъ мопокъ красной шерсти, копорую пригоженькая *Анна Ивановна Добрътовская*, стоя передъ нимъ, размапывала; *Княжна Наталья Алексѣевна* на особомъ сполнкѣ разсмапывала съ Гвардейскимъ Поручикомъ *Кроминьимъ* карпинки въ богапомѣ изданіи пупешествія *Дѣнона* по Италіи.

Къ 9-ти часамъ вечера шерсть была размопана, карпинки перелиспованы, карриатура дорисована. Всѣ успѣлись около рабочаго сполы. Подали чай.

Ночь была черна, какъ вороново крыло. Густыя, тяжѣлыя облака заволокли луну и ни одна звѣздочка не проглядывала сквозь мракъ и тучи. Спрашно бушевала буря, ломая сучья въ дубовой роцѣ, деревья скрипѣли, окна спучали, волны широкаго пруда хлестали о глинистый берегъ и мокрый снѣгъ охлопыями сыпался на землю.

Бойкая и вмѣспѣ заспѣнчивая *Княжна Варвара Алексѣевна*, молча, подсыла съ рабопою къ веселому старичку *Михаилу Семѣновичу Башикирову*, игравшему въ шахматы съ Купцомъ *Василіемъ Николаевичемъ Курганскимъ*, человекомъ образованнымъ и пріятнымъ въ

лучшій кругъ общесства.—Подлѣ нихъ сидѣлъ, облокотясь на напуральную проспѣ, украшенную серебрянымъ съ чернью набалдашникомъ, краснорѣчивый А. М. *Дубовиковъ*. «Васъ вѣрно не игра переманила опѣ занимательной бесѣды молодыхъ людей въ спариковскій нашъ уголь?» сказалъ насмѣшливо заслуженный спарецъ *Башикировъ*: «не думаете ли вы опять заспавивъ меня болтать про спарину? Покорный слуга! А поразсказать есть что! На примѣръ, какъ монахъ при раза въ одну ночь являлся Князю *Потѣлкину* и предсказалъ ему близкую кончину его, или, какъ бѣлое привидѣніе бродило каждую ночь по развалившейся оградѣ замка Нейгаузена, какъ Фельдмаршалъ Графъ *Минихъ* спрѣлялъ по нёмъ изъ ружья, и какъ оно, поймавъ на лепу пулю, бросило её обратню къ ногамъ неуспрашаемаго сего Полководца.»—Нѣтъ, нѣтъ! это очень спрашно; мы еще не опдохнули опѣ испуга. Если же вы такъ добры—и въ самомъ дѣлѣ хлопите доспавивъ намъ большое удовольствіе; отвѣчала ему Княжна: по разскажете намъ о разбойникахъ, о Русскихъ разбойникахъ. Я уже слышала опѣ васъ нѣсколько прелюбопытныхъ анекдотовъ о нихъ. Не правда ли, что они спрашно проказничали при Воеводахъ до опкрытія Губерній, и что премудрой *Екатеринѣ* обязаны мы испребленіемъ ихъ шаекъ и безопасностью большихъ дорогъ?—«То-то была великая Монархиня!» съ жаромъ подхватилъ заслуженный спарецъ, оподвинувъ опѣ себя шашечную доску и положи правую ногу на лѣвую: «грознал врагамъ Россіи, нѣжная мать поданныхъ. «*Пускай себѣ поютъ и пляшутъ,*»—говорила она Московскому Градоначальнику Графу *Якову Александровичу Брису*: «народъ, который веселится, злаго не думаетъ.»—Правда ли, что въ спарину разбойники напали на деревни, умерщвляли господъ, грабили ихъ дома? спросила Княжна.—«Испинно такъ было, и я, какъ теперь вижу, что дѣдушка вашъ Князь *Семень Никитичъ* не иначе вѣжалъ изъ Чичкина въ городъ, какъ съ четырьмя вооруженными Гусарами. Они одѣты были въ желтые доломаны съ чернымъ снуркомъ, а мешочки были бирюзовые съ собольею опушкою. Длинная, распудренная коса болталась у нихъ на запятокъ, а насаленныя косточки на

вискахъ. Каждый помѣщикъ имѣлъ у себя оружейную комнапу, увѣшенную мушкетонами, пистолетами, саблями, бѣрдышами и кистенями. Господскій дворъ былъ обрытъ глубокою канавою, огороженъ крѣпкимъ заборомъ, съ оспрыми наверху гвоздями; дубовые ворота запырались на замокъ; злыя собаки спускались на ночь съ цѣпи. Сверхъ всего этаго, дворовые люди и крестьяне поочередно во всю ночь спучали въ желѣзную доску и, распѣвая пѣсни, обхаживали дозоромъ вокругъ селенія. Въ случаѣ нападенія разбойниковъ или пожара, были въ набатъ на колокольнѣ, пребуя, превожнымъ часнымъ звономъ его, помощи опѣ сосѣдей и склкая поселянъ на сборное мѣсто. Это была ужасная година, любезная Княжна *Варвара Алексѣевна*; благодарите Бога, что вы родились во времена счастливейшія, когда Русскіе дворяне могутъ имѣть воронна настезъ, окна безъ ставней, проскакать Муромскіе лѣса и Кавказскія горы, не имѣя при себѣ даже перочиннаго ножичка. Вспаръ, при Имперапріцѣ *Аннѣ Иоанновнѣ*, ни пытки, ни мучительныя казни не успрашали людей; никогда не бывало на свяшой Руси столько душегубствъ, разбоевъ, побѣговъ, какъ въ ея царствованіе. Теперь, нѣтъ въ мѣръ царства, въ которомъ бы большія дороги и большія рѣки были безопаснѣе. Но вы морщипесь опѣ моего панегирика, непергѣливо ждѣте опѣ меня повѣсти о разбойникахъ. Хорошо, я согласенъ, будетъ вамъ повѣсть; только съ пѣмъ уговоромъ, чтобы всѣ мушкеры, здѣсь находящіеся, разсказали каждый по одной въ свою очередь!»—Согласны! отвѣчали молодые люди въ одинъ голосъ.—«Я разскажу спранное происшествіе, случившееся со мною въ прошломъ году зимою;» прибавилъ Поручикъ *Кроминъ*.—«А я свое!» вскрывалъ *Князь Муромскій*.—«На бѣду, со мною не случалось никакой бѣды;» замѣпилъ *Факеловъ*: «однакожь я много слыжалъ про разбойниковъ опѣ спараго нашего управителя, который долго находился при славному сыщикъ воровъ, Полковникъ *Рядкинъ*.»—

«Мнѣ начинать?» сказалъ спарецъ *Башикировъ*,—и вспалъ съ кресель, чтобы придвинуть ихъ къ круглому столу, за которымъ

сидѣли дамы; но сынъ его, Директоръ Училищъ и *Князь Муромскій* предупредили его, схватили кресла и мигомъ перенесли къ сполу. Спарецъ поблагодарилъ ихъ легкою уклонкою головы, сѣлъ, вынулъ пабакерку, поспавилъ её на споль и—положа на него объ руки: «по, что вы здѣсь услышите, узналъ я ошъ покойнаго Сенатора Ивана Владиміровича *Лопухина*»; произнёсъ онъ важнымъ пономъ: «а онъ начипалъ, ревизуя Казанскую Уголовную Палату въ 1801 году. Въ одномъ изъ предмѣспій или слободъ сей опспавной Татарской споллицы, по задворьямъ находилсп лѣспспый скапъ къ рѣкѣ, къ которой каждый обыватель ходилъ по своей пропинкѣ за водою. Въ этой слободѣ жилъ мѣщаникъ, который неизвѣсно за что возненавидѣлъ жену, безпреспанно бранилъ и билъ и, наконецъ, положилъ извеппи её. Въ одно упрю, когда жена его пошла съ вѣдрами черезъ задня ворота за водою, онъ схватилъ ножъ, выбѣжалъ за нею и зарѣзалъ её. (Дамы показываюпъ ужасъ). Торопясь и въ испугѣ, онъ забылъ вынуть ножъ. На шу пору шѣлъ мимо эпаго мѣспа мясникъ съ бойни, и увидя, что она еще жива, сжалился надъ нею—и хотѣлъ выдернуть ножъ; но лишь только взялся онъ за рукоятку, какъ два мапраса, также мимоходомъ, зайѣпили, и вообразя, что онъ убиваетъ мѣщанку, закричали на него: что ты дѣлаешь, разбойникъ! Мясникъ оробѣлъ, выронилъ изъ рукъ ножъ—и пуспился бѣжать; но былъ догнапъ и предспавленъ въ судъ. Оба мапраса подъ присягою показали, что они собспвенными глазами видѣли, какъ онъ пырнулъ ножемъ въ бокъ шѣдшую съ водою женщину. Побѣгъ пуще изблпчалъ его. Онъ приговоренъ, какъ смертоубійца, и по наказаніи, сосланъ на капоргу. Настоящій преспупникъ вскорѣ послѣ того женился на другой и переселился въ Слободско-Украинскую Губернію. Но и шамъ онъ связался съ недобрými людьми, попался въ воровспвъ и, при допросѣ, повинился и въ убійспвѣ первой жены своей. Императоръ *Александръ*, которому Сенаторы донесли о семъ, повелѣлъ возвращиппъ невинно-наказаннаго изъ Сибири и пожаловалъ ему по 1,000 рублей пенсіона. Видите ли, молодые люди, какъ должно

быпъ оспорожну въ рѣшеніи дѣлъ уголовныхъ! Всѣ обспояпельспва были проппвъ мясника, а между пѣмъ—онъ былъ невиненъ. Счаспливъ судья, если умѣетъ довести преспупника до собспвеннаго признанія.»— «Подобное сему случилось въ селѣ Богородицкомъ, гдѣ покойный родилпелъ мой былъ *Діакономъ*»; подхвапилъ *Сократъ-Добрѣтовскій*, коропко знакомый чипапелямъ сихъ лисповъ.—«Бурмиспръ, презвыый и спрогій, былъ ненависпникъ пьяницъ, а попому сельскій кузнецъ, беспросыпный пьяница, весьма часто содержался въ прубной избѣ подъ карауломъ. Однажды, эпо было въ преспольный праздникъ сваяпья Великомученицы *Параскеви*, пьяный кузнецъ запѣялъ драку въ ближней деревнѣ и нечаянно убилъ креспьянами. Испугавшисъ своего преспупленія, они взвалили мѣрпвое пѣло въ обшевни, и въ сумерки подкинули на дорогъ между селомъ и деревнею, въ межевую яму. На несчаспье, надобно было спрогому Бурмиспру проѣзжать пупъ. Онъ увидѣлъ лежащаго въ ямѣ кузнеца, и навѣрное полагаля, что онъ напился пьянъ у праздника, выскочилъ изъ саней и началъ нещадно билпъ его палкою. Бабы и мужики, шѣдшіе пою дорогою, оспановились изъ любопытспва посмопрѣпъ, чѣмъ эпо кончипся: кузнецъ не вспавалъ. Спарикъ прухнулъ, началъ его переворачивать съ боку на бокъ; подскочили другіе креспьяне помочь ему: вышло, что кузнецъ опдалъ Богу душу. Почиптая себя виновнымъ въ его смерти, Бурмиспръ самъ явился въ Нижній Земскій Судъ—и во всемъ добровольно признался. Исправникъ и Секретаръ, знавшіе его, какъ честнаго, разумнаго начальника, точно исполняющаго приказанія Земскаго Суда и волю своего господина, весьма жалѣли о доспигшемъ его несчаспьи, но дѣлатъ было нечего: его посадили въ городскую пюрму. Исправникъ съ Лекаремъ топчасъ оправились на мѣспо для слѣдспвія и свидѣпельспва мѣрпваго пѣла. Они нашли, что у него голова въ двухъ мѣспахъ проломлена ошъ удара, чѣмъ-по круглымъ, и не иначе, какъ желѣзнымъ; ибо топкою палочкою (по деревенски: *бадикомъ*) эпаго нельзя сдѣлатъ. Признавъ Бурмиспра невиннымъ въ убійспвѣ, Исправникъ посгѣшилъ въ дерев-

ню для сыска наспоящаго пресупника по горячимъ слѣдамъ, а памь уже кресьяне въ росхмѣль перессорились и взаимно обвиняли другъ друга. Ему не прудно было добраться до правды: четверыхъ, виновнѣйшихъ связавъ, опослалъ онъ за карауломъ въ городъ, гдѣ и получили они достойное за свое буйство наказаніе. Бурмиспръ освобождень.» —

Добрытовскій кончилъ. Гвардейскій Поручикъ *Кролинъ* повель слово: «въ прошломъ году, предъ самымъ Рождествомъ, ѣхалъ я тройкою на своихъ въ раскидной кибиткѣ съ однимъ кучеромъ, изъ своей Болховской деревни въ Мценскую, къ брату на Святки. Была заметь, густой снѣгъ валилъ охлопьями, обозы взмѣсли дорогу. Пяпъдесятъ верспъ въ одну упряжку гладкимъ зимнимъ пупѣмъ— бездѣлица; одинъ разъ, спѣша заспать пепатръ у Камергера *Плещеева*, я сдѣлалъ 120 вѣрспъ не кормя. Но тогда дорога была, какъ скаперть. Тупъ же лошади взяли по брѣхо, снѣгъ набился въ передокъ и между вязьми. Къ тому же безпрестанно рвались заверпки. Смерклось. Подавивъ пружину у своихъ часовъ съ репетиціею, насчиталъ я 11. Мы подъѣзжали къ уединенной харчевнѣ, споящей на полянкѣ возлѣ дремучаго лѣса.— «Кони припупѣли;» доложилъ мнѣ мой кучерь: «паръ пакъ опъ нихъ и валипъ; коренную совсѣмъ замопало по раскапамъ: не прикажишели часокъ другой покормипъ? Если же ѣхатъ всю ночь: по прѣдемъ къ братцу не въ голось.»—Согласенъ! опвѣчалъ я: полько найдемъ ли здѣсь корму?—«У меня своего овса въ мѣшкѣ четверика съ полпора, а сѣна вездѣ много.»—Поворачивай на дворъ. Мы поспучались: высокій рыжій мужичина вышелъ съ фонаремъ, опшеръ воропа— и опятъ за нами зашворилъ и задвинулъ запоромъ. Я взошелъ въ избу; помоллся— и поклонился хозяевамъ. Ихъ всѣхъ навсе было прое: спарикъ, опецъ хозяина, самъ хозяинъ и жена его, долговязая бабица, съ лицомъ цвѣта гриба подоспника, съ носомъ орлинымъ, съ высунувшимся къ верху подбородкомъ, копорый чупъ не цѣдовался съ носомъ, и совсѣмъ бы заслонилъ роппъ, еслибъ два черные клыка не спояли у входа. (Дамы смѣюпся.) Оккнувъ меня съ ногъ до головы зелѣными ко-

шечьими глазами, расплала она косплявыми руками своими на споль чистую скаперть, а я вынулъ изъ саней въ деревянной чашѣ дорожную провизию, поужиналъ, заппъ спаканомъ Соперна, опрѣзалъ добрый кусокъ пирога и копченаго языка кучеру, опнѣсъ ему и накрѣпко подтвердилъ, чпобъ не крѣпко засыпался. Между пѣмъ хозяйка подмопила къ лавкѣ въ переднемъ углу скамейку, бросила на нихъ охапку соломы, расплала по шей мой ковѣръ; въ головы положила и сафьянную подушку, зажѣгъ восковую свѣчу, лёгъ, закурилъ трубку— и началъ читатъ *Гобмановы повѣсти*. Спарикъ храпѣлъ на печкѣ, баба суепшлась въ коморкѣ; хозяинъ безпрестанно входилъ и выходилъ изъ избы— и всякой разъ, чпо-то шепталъ съ женою. Мнѣ эпо показалось подозрительнымъ. Былъ уже за полночь; хозяйка загасила лучну и нѣсколько разъ уговаривала меня успокоипся. Сама она легла— и захрапѣла. Было уже часъ за полночь; я вспалъ, накиннулъ шинель, вышелъ посмопрѣпъ свою повозку и нашель, чпо мой кучерь, напоивъ вдоволь лошадей и подсыпавъ имъ овса, спалъ богатырскимъ сномъ. Хозяинъ чѣмъ-то занимался въ клепи. Возвратясь, я лёгъ, но не могъ заснуть и вершелся съ бока на бокъ. Наконецъ, когда эпо мнѣ наскучило, я перебрался на печь, а спарика послалъ на свою постелю. Все зашпхло... Я началъ уже дрематъ, какъ шорохъ хозяина, копорый крапся къ двери, свѣялъ сонъ съ глазъ моихъ. Тихохонько распворилъ онъ немного дверь— и раздался выпспрѣль изъ ружья. Хозяинъ вскочилъ въ избу, хозяйка высѣкла огня и, чпо же они увидѣли? Спарика опца своего кровью облипаго, въ послѣднихъ смерпныхъ судорогахъ. (Дамы изьявляюпъ спрахъ разными восклицаніями, претепомъ и пѣлодвиженіями.) Представте же себѣ изумленіе и бѣшенство моего рыжева хозяина. Глаза его сверкали, пѣна била изорпа; онъ въ бѣшенствѣ бросился на меня съ ножомъ въ рукѣ... Погибель моя была опъ меня на волосъ... У меня же не было ни саблп, ни пистолепта; ничего, кромѣ киспеня, купленнаго пріапелемъ моимъ *Никулинымъ* въ Берлинѣ, и перекупленнаго мною у него изъ шалости. Рыжій великанъ, ничего опъ

яроспи не разбирая, хопѣлъ вскочилъ на печную ступеньку, поскользнулся... въ эту минуту, я изъ всѣхъ силъ спукнулъ его киспенѣмъ въ високъ. Повторялъ было не надобно... онъ умеръ. Гайдукъ-баба кинулась на меня съ ухапомъ: съ нею мнѣ управляться было легче. Я не искалъ ея смерти... но, видно пакъ было мнѣ на роду написано... кончилось пѣмъ, что я, опвода руками ея удары, съ размаха свиснулъ ея киспенѣмъ въ запылокъ... и она спремглавъ ударила о земь, заскрыпѣла зубами—и черная душа ея выскочила изъ пѣла. Долго, какъ пораженный громомъ, споялъ я посреди избы, сложа руки и не умѣя дать себѣ опчета: въ пять минутъ всё было кончено! Очнувшись немного, я призвалъ своего кучера, рассказалъ ему, какъ что происходило; вмѣстѣ съ нимъ осмопрѣлъ пѣла, надѣясь, что еспь еще средство помочь имъ... Не было никакого! Лѣвый високъ хозяина былъ прошибенъ до мозга; пульсъ не бился—и онъ уже охолодѣлъ. То же самое и съ женой его. Широкая рана на запылкѣ и смертностъ въ лицѣ не позволяли сомнѣваться въ ея смерти. Немедленно послалъ я своего кучера въ ближнее селеніе за Сопскимъ... Каково же было мнѣ оспаваться одному въ харчевнѣ съ премя мерпвецами? Кромѣ непріятнаго сосѣдства, могли навѣять его соумышленники и умертвить меня. Я не имѣлъ духа оспаваться въ избѣ, а переселился въ баню. Тамъ ежеминутно прислушивался я, не ѣдутъ ли—и два часа ожиданія были самыми мучительными въ моей жизни. Наконецъ послышался скрыпъ саней. Я побѣжалъ въ избу, въ которую вошелъ уже прежде меня Сопскій и двое поняныхъ. Покачавъ головами, поговоря со мною и пошепчавъ между собою, Сопскій объявилъ мнѣ, что сей часъ же ѣдетъ рапортовать Нижнему Земскому Суду о случившемся. Я написалъ опъ себя карандашемъ къ Исправнику записку, въ которой умолялъ его не замедлить своимъ пріѣздомъ и, въ коропкихъ словахъ, описалъ ему свое несчастное похождение. Два спарика оспались караулить мерпвые пѣла, а я опякъ ушѣлъ въ баню.

Не прежде, какъ на третій день прибылъ Земскій Судъ. Провидѣніе, во гнѣвъ Своемъ

пославшее мнѣ сподъ жестокое испытаніе, умилосердилось надо мною неопытнымъ, со-всѣмъ поперявшимся, не походившемъ на человека несчастливцемъ. Въ опспавномъ изъ Оренбургскаго Драгунскаго полка Поручикѣ *Евграфъ Павловичъ Быстровзглядовъ* нашелъ я Исправника по разуму и духу *Екатерины Великой*, учредившей Земскіе Суды. Въжливо раскланявшись со мною, онъ въ топъ же мигъ приступилъ къ слѣдствію, которое со-спояло въ томъ, что, обспавя дворъ цѣпью поняныхъ и приспавя солдатъ наблюдать за ними, приказалъ онъ взломать въ избѣ полъ, самъ пролезъ съ фонаремъ по подполью и подпечью, спрыгнулъ въ подвалъ, перерылъ на пополкѣ землю, перепряхнулъ при себѣ солому, сѣно, муку и, не найдя никакой улики, схватилъ вилы и, въ сопровожденіи нѣсколькихъ креспьянъ, началъ разрывать огромную кучу навоза въ заднемъ хлѣвѣ, опрылъ мѣрпвое пѣло, попомъ другое, потомъ прешье. Всѣ они имѣли несомнѣнные признаки насильственннй смерти. — «Теперь, ребята, концы найдены. Я прозябъ. Надобно выпить водки. Сопской, мигомъ личницу и селянку! А ты, сказалъ онъ пріѣхавшему съ нимъ молодому, весьма порядочно одѣтому приказному: обшарь всѣ углы и-заспреди, и опыщи покраденные пожилки. Даю тебѣ сроку цѣлыхъ 60 минутъ!» — Намъ въ банѣ накрыли сподъ; Исправникъ пригласилъ меня; ѣлъ проворно и, между нѣмъ, успѣлъ рассказать мнѣ, что онъ уже четвёртый выборъ Исправникомъ; что за выслугу безпорочно прѣхъ прехлѣпій получилъ *Владимира* въ пепличку, а за опкрытие въ раскольниковскомъ скиптѣ дѣлапелей фальшивыхъ ассигнацій *Анну* на шею; что онъ поставилъ за правило мирить креспьянъ и никакъ не допускать до пляббы на бумагѣ; что онъ берѣтъ вилки; что *Александръ Львовичъ Большие-Бояриновъ* въ бытность въ здѣшнихъ своихъ воле-спяхъ подарилъ ему *Брегетовы* часы, кои онъ продалъ за 2,000 рублей; что Графъ *Вороновъ* выспроилъ ему домъ; что Генералъ-Лейпнанптъ *Акерманскій* недавно подарилъ четвёрку лихихъ лошадей, и что онъ давно имѣлъ эпаго прокляпаго харчевника на ху-домъ замѣчаніи; но управляющій деревнями

Князя *Стародубовскаго* споялъ за него горою и ручался своею чеспью. — Мы уже скребли пуспую сковороду, когда вошелъ приказный и доложилъ своему Начальнику, что онъ нашелъ множеспво добра въ сухомъ, закладенномъ каменьями колодцѣ, на днѣ коего еспть лазей въ проспранный погребъ. Исправникъ первымъ долгомъ своимъ поспавилъ опипуспшить меня, обязавъ подпискою, что явлюсь, есптьли будетъ надобно.» — Какой пляжкой грѣхъ! загубилъ двѣ души... имѣшь на совѣспн убійспво! съ учаспіемъ сказала Княжна *Наталья Алексѣевна*. «Это не первоученка;» отвѣчалъ нѣскольکو обидѣвшійся храбрецъ: «въ 1828 году я былъ съ отрядомъ гвардіи и мапросами, когда горсптъ Русскихъ ворвалась въ Варну и перепугала и цѣлый гарнизонъ, и жипшелей, и высокоомѣрнаго *Юссуфъ-Пащу*. Тамъ, бросивъ шпажонку, я схватилъ ружьѣ — и, махая прикладомъ, прокладывалъ себѣ дорогу.» Высокій росптъ, жилиспныя руки и скромность, копорая здѣсь въ первый разъ ему измѣнила, заспавили всѣхъ ему вѣрсптъ и уважашъ его за мужеспво.

Конноегерскій Кашптанъ *Енисеевъ*, бѣлокурый, съ голубыми глазами, расправивъ усы, сбирался въ свою очередь порядкомъ попугашъ дамъ спрашною испоріею о разбойникахъ; но офицанптъ доложилъ объ ужиптъ, послѣ копорого многіе собирались развѣхашъ по домамъ; но любопыспспво, мяпелъ и ласковая козьяка удержали ихъ.

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

СЛОВЕСНОСТЬ.

АЛЬБОМЪ ЖЕНЩИНЫ.

(Продолженіе.)

На дверяхъ купца-обманщика, надлежало бы поспавить черную вывѣску, съ надпспью: *публпный воръ*.

Одна дама, провѣзжая чрезъ Булонскій лѣсъ въ Маѣ мѣспцѣ, сказала: «здѣсь чувспвуешь запахъ любви.»

Мѣспта, ознаменованная великими подвигами, наполнены еще воспоминаіемъ ихъ. Они вдыхаютъ въ насъ невыразимое чувспво, копо-

рое поспрясаешъ все сущеспво наше. Мы невольно переносимся во времена героевъ, раздѣляемъ пруды ихъ и долго не можемъ выйпн изъ глубокихъ размысленій.

Недовѣрчивость къ самому себѣ производитъ опасную робость.

Каждая нація должна имѣть своихъ Поэтовъ, копорые бы возвышали поняптія согражданъ своихъ, отвлекаая ихъ отъ низкихъ помысловъ корысплюбія.

Для спокойной жизни нужно имѣть свой разсудокъ, а не спарашъ быть разсудптельнымъ въ глазахъ другихъ.

Женптъба есптъ загадка, копорую всякая молодая дѣвушка хочешъ разгадать.

Воображеніе есптъ лучший живописецъ.

Муцины хвалашъ словами, женщины взглядомъ.

Мнѣ кажется, что пріятно видѣть свѣтъ и вспоминашъ о немъ; но не думаю, чтобы нужно было всегда бытъ въ свѣтъ; надобно разспашъ съ нимъ, пока онъ не сспавилъ насъ, и имѣть досугъ перебрашъ въ памяпн все видѣнное и слышанное, всѣ происшеспвія, всѣхъ людей, копорые мелькнули передъ нами.

Ч У Л К И.

Со времени изобрѣшенія чулокъ, начали вязашъ ихъ изъ шелку. Испорикъ *Говель* говоритъ: «великій и распочптельный Король *Генрихъ VIII* обыкновенно носилъ суконные чулки, пока одпшъ изъ величайшихъ случаевъ не доставилъ ему изъ Испаніи шелковые чулки. Сынъ его, Король *Эдуардъ*, получилъ однажды отъ своего купца *Томаса Грегала* пару дпнныхъ шелковыхъ Инсланскихъ чулокъ; подарокъ сей былъ очень важенъ. *Стовъ* сообщашъ намъ, что *Елисавета* въ третій годъ своего правленія получила въ подарокъ отъ Мисприсы *Монтею* пару шелковыхъ чулокъ; Королева была пажъ довольна, что съ того времени не хотѣла болѣе носитъ другой обуви. Сколь важнымъ почипалось тогда имѣть сію вещь, о томъ можно судитъ по письму *Иакова I*, когда онъ былъ еще Королемъ Шотландскимъ. Письмо сіе писано было къ Графу *де Мару*. Король приказывалъ сему вельможѣ предспавить ко Двору Испанскаго Посла, и

вмѣстѣ съ пѣмъ, прислапъ себѣ чулки для сего случая. Замѣчательно знашь, что побудило его къ тому: «Вы можете быть увѣрены, писалъ *Иаковъ I*, что Король вашъ не явился предъ иностранцами, какъ нищій.»

(Изъ *From the Examiner.*)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

15-й Сонетъ *Мицкевича.*

Я груспенъ, память пѣхъ небесныхъ наслаждений
Въ часъ размышленія всегда оправлена,
Ахъ, другъ мой, сколько пы перенесла мучений!
Бышь можешь, и теперь печали предана.

*

Но пы виновна ли, что слишкомъ красотою
Надѣлена? что пы, своихъ не зная силъ,
Мнѣ слишкомъ вѣрилась, что я былъ слабъ душою,
Что слишкомъ пылкій огонь Творецъ намъ въ души влилъ?

*

Всегда вдвоемъ, одни, въ пиши уединенья
Боролись съ спраспю мы много долгихъ дней;
Достойны были мы другъ друга..... мигъ забвенья

*

Увлѣкъ — иду Творца молнии у алтарей. —
Накажешь пущь меня; я не хочу прощенья —
Чтобъ только не карае печалю живою.

Познанскій.

Кіевъ.

Б Д Ъ Н І Е.

Ужь Небо съ сумрачной поскою
На западъ солнице проводило,
И распавалъ съ нимъ, слезой
Лице земное окрошило;
Ужь полнолуккая луна,
Тоски задумчивой полна,
Средь хора звѣздъ печально бродитъ
И слабый свѣтъ на все наводитъ; —
А я сижу, — въ каршии сей
Я ничего не примѣчаю,
И мыслью пламенной своей
Къ ней въ край далекой улетаю.

Но вопъ въ воспочныхъ небесахъ
Зардѣлись упренія розы,
Всѣ оживилось, на дугахъ
Блещаютъ радоспныя слѣзы;

На встрѣчу солнцу, щебеча,
Пернапыхъ спай попеллся,

И гармонически журча,
Ручьи живѣе полился; —

А я сижу, — въ каршии здѣсь
Я ничего не замѣчаю,

И мыслью пламенной своей
Къ ней въ край далекой улетаю.

Павелъ Чижовъ.

ХИТРЫЙ КОТЪ.

(*Басня.*)

Въ избѣ сидѣлъ однажды кошь голодный,
И видя, какъ игралъ мышѣнокъ молодой,
Подумалъ: «я шебъ негодный,
Ты будешь мой!...»

Онъ краля къ сей добычѣ мнимою,
Навѣрно полагавъ достань свой кусъ любимой.

Хотя мышѣнокъ бѣмъ и малъ,

Но это зналъ:

Что онъ копа,

Хотя бы онъ и ласковымъ казался,

Породѣ ихъ бѣда! —

Теперь же увидавъ, какъ кошь у сыпки краля,
Мышѣнокъ испугался,

И потчасъ объ его намѣреніи смѣкнулъ;
Вьгомъ скорый подъ печь, и въ щелку тамъ прыгнулъ...

Кошь, упустивъ добычу, разсердился;
Но гнѣвъ спарался онъ скривалъ.

«Напрасно пы сосѣдъ прудился;

Тебѣ ли мнѣ пойманъ?»

Ты очень скоръ, за это и лишился

Куска, коннорымъ льспился!...»

Насѣдка спала шакъ пущь Ваську укоряшъ...

Кону шо показалось больно;

Пришомъ онъ былъ самолюбивъ;

И отвѣчалъ ей шакъ: «эхъ полно,
Упрекъ швой, милая, совсѣмъ несправедливъ.

О прелюбезная сосѣдка,

Умомъ извѣспная насѣдка!

Не ужель думаешь, что я могу желать
Мышенка сквернаго поймать;
Съ своимъ умомъ, тебѣ въ помъ должно удив-
ляться,

Что ты могла такъ полагать;
Не съ тѣмъ я шелъ, чтобы его поймать,
А просто съ тѣмъ, чтобы прогуляться.»

*

Такъ очень часто мы, успѣха не имѣвъ,
Не получивъ, чего желали,
Скрывая гнѣвъ,
Предъ всѣми громко вопіяли;
«Опнюдь сего мы не желали,
Не ожидали, не искали.»
А въ сердцахъ кроется печаль,
И въ тайнѣ намъ потери жаль.

М. Делидовъ.

Нижній-Новгородъ.

Ш А Р А Д А.

Мой *первый* слогъ есть человекъ,
Который отъ отца былъ проклятъ въ древній
вѣкъ.

Второй межъ гласными найдете;
По слуху же колъ его произнесете,
То два глагола съ нимъ прочтете.
Последній же мой слогъ Царь Византійскій былъ,
Котораго Орелъ Россійскій успрашилъ;
Гаданья эпохи Царь чрезмерно какъ любилъ.
А *цѣлое* есть звѣрь, его здѣсь не найдете;
Ужель и шумъ шарады не поймете?

М. Делидовъ.

Въ № 18, помѣщенная шарада значить: *As-ile*.

М О Д Е С.

Au bal de M. Périer, ministre de l'intérieur, on remarquait plusieurs coiffures ornées d'une seule plume tournée en spirale et placée avec un art qui serait l'écueil des coiffeurs peu habiles.

La richesse des mantilles était une des plus marquantes distinctions de toutes les toilettes.

Presque toutes les manches courtes étaient ornées de nœuds et de fleurs; même celles forme berret semblaient écrasées au milieu par le bouquet qui y était placé.

— Des turbans en gaze, brodés en or ou en argent, ont les bouts terminés par une frange en torsades, qui vient tomber sur le côté. Mme V*** avait au bal de M. Périer un turban en gaze cerise, autour duquel tournaient les longues tresses de ses cheveux blonds. Le fond du turban laissait à découvert des masses de tire-bouchons. Sur le front, deux tresses de cheveux se séparaient en bandeau. Au milieu, un camée gravé sur purpurine.

Peignoirs. — Quelques peignoirs en satin ou cachemire ouatés, que les femmes portent chez elles, ont les manches *Pagodes*, c'est-à-dire très-larges du bas et sans être froncées, de manière qu'elles laissent entrevoir la manche de dessous, qui est en batiste plissée, montée sur un poignet brodé.

М О Д Ы.

На балѣ у Г-на Перье, Министра внутреннихъ дѣлъ, замѣчено было много причесокъ, убранныхъ однимъ перомъ, свернутымъ винтомъ и пришиленнымъ съ такимъ искусствомъ, что было бы камнемъ препикновенія для неискусныхъ парикмахеровъ.

Наряды наиболѣе отличались богатствомъ манпильи.

Почти всѣ короткіе рукава отдѣланы были бантами и цвѣтами; даже сдѣланные берегами рукава казались раздавленными пришиленнымъ въ срединѣ букетомъ.

У газовыхъ шюрбановъ, вышитыхъ золотомъ или серебромъ, концы обшиты виною бахрамою, упадающею на сторону. На балѣ Г-на Перье, на Г-жѣ В.... былъ шюрбанъ изъ алаго газа, вокругъ обернуты длинныя косы изъ бѣлокурыхъ ея волосъ. Средина шюрбана открыта, гдѣ видно было множество локоновъ. По лбу положены двѣ косы повязкою; въ срединѣ ашпикъ, вырѣзанный на камнѣ *purpurine*.

Шлафроки. — У некоторыхъ шлафроковъ на вѣпѣ, апласныхъ или Кашемировыхъ, носимыхъ женщинами дома, дѣлаются рукава *pagodes*, то есть весьма широкіе, снизу безъ сборокъ, такъ, что видны нижніе баписповые сложенные складочками рукава съ вышнюю обшивкою.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходятъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 20.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 36-ю картинками модъ, въ С. П. б. 30, съ доставкой и пересылкою 35 рублей.

СРЕДА, МАРТА 9 ДНЯ, 1852 ГОДА.

Я былъ рожденъ для жизни мирной,
Для деревенской тишины:
Въ глуши звучитъ голось лирной,
Живятъ неворческіе сны.

А. Пушкинъ.

ПЕРЕСМѢННИКЪ.

СПЛЕТНИ.

Глава четвертая.

(Продолженіе.)

Вы, снисходительныя мои чптапельницы, знаете, что госпни Княгини *Чигкинской* оставались у неё въ деревнѣ ночевать за мясепицею, но гораздо больше изъ любопытства. Имъ хотѣлось слушать рассказы о разбойникахъ. Поутру дамы и дѣвицы играли въ воланъ, въ мячъ; кроили, шили, рисовали, чптапали, шисали стихи въ альбомы. Послѣ объда спарики сѣли за виспѣ, за шахматы, дѣвушки и молодья дамы поиграли въ мушку; но скоро наскучивъ эпою глупою игрою, ушли въ опдазенную жеману, развели розовый огонь въ каминѣ и, усѣвшись вокругъ него, просили *Енисеева* рассказать то, что вчера выслушавъ ужинъ помышала имъ. — «И у меня руки въ крови!» — Тихо проэзнёсь Капитанъ — и вспыхнулъ, какъ макъ въ цвѣтѣ. — «Будучи посланъ за ремонтъ» продолжалъ онъ: «я развѣзжалъ по Новороссійскимъ и Малороссійскимъ ярмаркамъ. Однажды (это было въ Херсонской Губерніи), спѣща въ Нѣ-

жинъ, поздно прѣхалъ я на почтовую станцію, или, справедливѣе сказать: сбшпую изъ земли лачужку. Впереди ожидало меня еще нѣсколько черпоговъ такой же архипектуры: ибо мнѣ еще оставалось проскакать 170 вёрстъ. Мышкавъ было нѣкогда, я преребовалъ лошадей и не слушалъ Спанціоннаго Смотрипеля, убѣждавшаго меня переночевать и пугавшаго разбойниками. Со мною ѣхалъ молодой солдатъ, прусъ прееспественный, другой поварищъ двухспивольное ружьё—былъ понадежнѣе. Я зарядилъ его крупною дробью, положилъ подлѣ себя—и пустился въ путь, смѣясь баснямъ Смотрипеля.

«Мы уже опѣхали вёрстъ десять, какъ, при вынырнушемъ изъ тучи мѣсяцѣ, сидящій на передкѣ солдатъ увидѣлъ что-то черное на большой дорогѣ—и опрапортовалъ мнѣ. Я закричалъ ямщику, чтобы прибавилъ рыси—и мы помчались во весь опоръ. Я вспалъ въ пелѣгъ на ноги и, ухватясь за кушакъ ямщика, началъ рекогносцировать. И дѣйснвительнѣе опкрылъ я толпу людей, споявшихъ впереди насъ посерединѣ большой дороги. Такъ какъ мы неслись очень шибко: толпа разсупилась—и дала намъ проѣхать. Всѣхъ ихъ было пятеро; по плащю и лицу мы потчасъ опга-

дали Цыганъ, но не пѣсельниковъ, не плясунувъ, не лошадиныхъ барышниковъ, а разбойниковъ. Одинъ изъ нихъ опдѣлился отъ толпы, ухватился за мою повозку и — съ длиннымъ ножѣмъ за поясомъ, усмивался вскочивъ къ намъ. Ему трудно было это сдѣлать: ибо въ задкѣ лежалъ пугонабшпый чемоданъ, а на нёмъ вдвое-сложенный мапрацъ. Я давно уже оборотился спиною къ пзвощику, взвѣль курокъ и грозилъ заспрѣлшь бездѣльника, если онъ не опщѣшнся. Однако же онъ не слушалъ моихъ словъ — и успѣлъ закинуть ногу за верѣвку, которою скрученъ былъ задокъ пелѣги. Тутъ я крикнулъ на него въ послѣдній разъ, но видя, что онъ все карабкается и, съ каждымъ мгномъ, пакъ сказать, плотнѣе прираспааетъ къ пелѣгѣ — я прищѣлился. . . . выспрѣлилъ — и мой Цыганъ шлѣпнулся объ-земь. Мы поскакали еще шибче — и съ пѣхъ поръ о нёмъ ни слуху, ни духу, хотя я увѣдомлялъ объ этомъ Земскій Судъ; а по прѣздѣ въ Одессу, доносилъ о семъ Новороссійскому Генералъ-Губернатору.

Съ пѣхъ поръ, мой Цыганы
Какъ канули на дно!»

— «Теперь моя очередь» молвилъ Губернскій Прокуроръ *Павелъ Николаевичъ Зилинъ* (уже съ годъ имѣвшій честь познакомиться съ чинапелями *Литературныхъ Прибавленій*), человекъ не крупнаго роста, но крупнаго ума, чѣрненькой лицемъ, но съ бѣлою совѣспью, не красавецъ, а съ прнвлекапельною физіогномією, благороднымъ пономъ, психкою, но красною рѣчью. «Никто изъ васъ, Милоспнвые Государи!» продолжалъ онъ: «не имѣетъ пакого запаса анекдотовъ о ворахъ и разбойникахъ, какъ я. И пупъ нѣтъ никакого дѣла. Я обязанъ по службѣ разспрнпвать всѣ рѣшенія Уголовной Палаты. И пакъ, справедливоспъ пребуеетъ, чтообы я, вмѣсто одного, рассказалъ вамъ два ужасныя случая. Преупреждаю васъ, что мой рассказъ буаетъ не въ родѣ подслащенныхъ прагедій *Расина*, въ которыхъ слова: *mes feux, ma foi, mes chastes amours* замѣняютъ чувспва, и едва допрогнваются до сердца. Нѣтъ, два неслыханныя злодѣянія, въ здѣшней Губерніи совершенныя, потрѣсуптъ всѣ жнлки ваши, сердце ваше

забѣтса кровью, какъ при представленіи *Шиллеровыхъ* разбойниковъ, *Мюльнеровой* прагедіи *die Schuld*, или созданной для пытки сердца прагедіи *Тридцать лѣтъ нерока*. Прнкажете ли?» спросилъ онъ, значнптельно окннувъ глазами кругъ дамъ. — Сдѣайте одолженіе! умоляли его и пожилыя барыни, и молодыя барышни, и деревенскія жнпельницы съ крѣпкими нервами, и Московки, спраждуція вѣчными спазмами, и смиренномуудрыя Монаспырки, и бойкія воспитанницы Мадамовъ и Мадемуазелей, Фонъ-Нѣмокъ и Миссъ-Англнчанокъ.

— «Вспъ мы не пакъ легко вспламеняемса, какъ Ипаліанки, нервы Славннокъ не пакъ раздражнптельны, какъ у живыхъ Француженокъ. *Монтескѣ* напнсаль: *qu'il faut écorcher un Russe pour lui donner du sentiment*. Хотя это не совсѣмъ правда, однако не совсѣмъ и ложъ» замѣпшла бойкая барыня, Спатская Совѣспница *Елнсавета Карловна Мотовская*.

— «Я съ мужемъ сдѣлала всѣ Французскіе походы;» проворно перебила ея рѣчь скороговорка *Людмила Эрастовна Кивалерова*: «наспотрѣлась на убнпыхъ и раненыхъ, на умнрающихъ съ голода и холода; наслушалася лопанья, хлопанья, преска и грома; спо разъ была въ опасности попаспся въ пѣть; ночевывала зимою въ снѣгу, осенью въ грязи; весною топла, лѣпомъ жарилася на солнцѣ; скакала въ пелѣгѣ, а еще чаще верхомъ въ деньщпкомъ плащѣ, съ однимъ Адьюпанпомъ моего мужа. Какъ знатъ? Можетъ бытъ, нѣкоторымъ дѣвушкамъ, пеперешнимъ нашимъ собесѣднцамъ, суждено бытъ за военными мужьями и по нашимъ спарушнчьнмъ слѣдамъ, побыватъ въ Парижѣ. Вспъ Французы неугомонны, какъ ребяпшкн; они рано или поздно наклнчуптъ своими проказами на себя цѣлую Европу.»

— Чпо вы это за чѣрныя дни намъ прорекаете, мапушка *Людмила Эрастовна*! перекрестясъ сказалъ *Александръ Михайловичъ Дубовиковъ*, у котораго два сына и зптъ убнпы въ 1813 году подѣ Лейпцигомъ. Слава Богу, что ваше предсказаніе не можетъ сбывпся! Франція, охраняемая харпією и воспитанннмъ въ школѣ бѣспвнй Королемъ, благоденспуетъ, и можно поручнпся, цѣлые вѣкы продолгоденспуетъ. —

— «Буду отвѣчать вамъ словами *Наполеона*, сказавшаго, что Бурбоны, во время несчастья своего, ничего не забыли и ни чему не научились; замѣтила его антагонистка.»

— И словами *Вольтера*, который назвалъ Французскій народъ *тигромъ-обезьяною*; добавила *Елисавета Карловна*. —

«Позвольте напомнить вамъ, что вы опѣдалились опть предмета разговора;» скромно замѣнилъ Прокуроръ.

— Ни на полцину иголки! вскричала госпожа *Кавалерова*: мы продолжали о разбойникахъ. —

«Только не о Русскихъ!» возразилъ Прокуроръ.

— Виновата!... —

И вѣщина возстановилась, и Прокуроръ началъ свою повѣсть.

— «Въ городѣ — лѣ жилъ въ собственномъ своемъ домѣ бездѣтный скряга *Костогрызовъ*, съ женою, которая была еще скупѣе его. Во всемъ домѣ были только старая кухарка и наѣмный кучеръ. У эшаго Гарпагона было много денегъ, который берѣгъ онъ въ кованомъ ларцѣ, привинченномъ желѣзными винтами къ полу наглухо. Окна закрывались крѣпкими ставнями съ желѣзными болтами, а сѣни церковнымъ висячимъ замкомъ. Случилось ему получить съ почты большой пукъ ассигнацій и тяжелый мѣшокъ серебра. Глаза у кучера его, выносившаго изъ почтовой конторы и вносившаго въ домъ драгоценную ношу, разгорѣлись: дьяволъ вошелъ въ него. Онъ подговорилъ Губернскаго Правленія приказнаго, да оружейника — убить своего хозяина. Уговорясь съ ними, онъ впустилъ ихъ въ сумерки — и спрячалъ на сѣнницѣ. Ночью, когда *Костогрызовъ* легъ спать, а у кухарки еще горѣла свѣча, кучеръ тихо постучался, и на вопросъ ея: кто тамъ? отвѣчалъ: я, кучеръ *Тома*; у меня зубы разболѣлись; Христа ради прошу дать мнѣ рюмочку *Кизлярки*, авось боль зачихнетъ. Только что сосрадапельная кухарка отворила дверь, какъ онъ ударилъ еѣ ломомъ по головѣ. Вмѣстѣ съ товарищами ворвался онъ въ господскую спальню; и умертвили обоихъ. Попомъ принялись разламывать ларецъ, вынули деньги, раздѣлили между собою, заперли всѣ двери, зажгли домъ,

положа огонь подъ самую спальню, а сами разсыпались въ разныя спороны, куда глаза глядятъ. Пламя распроспранилось — и, не смотря на всѣ усилія полиціи, домъ сгорѣлъ и сокрылъ подъ пепломъ своимъ смертоубійство. Но Провидѣніе не дремлетъ! Кровь человѣческая вопіетъ о мести. Уже прошло нѣсколько дней послѣ пожара; наряжено слѣдствіе, и ничего не нашлось; кости несчастныхъ жертвъ собраны въ гробъ и похоронены, по Христіанскому обряду. Всѣ потухло, какъ пожарное пепелище, но искра зашлась, раздула огонь, а онъ освѣпилъ мракъ козней. И вопъ, какъ это случилось: сосѣды, ходившіе за водою въ домовый колодезь убиеннаго, выпалили опшуда зацѣпившіеся за бадью пѣла двухъ дворныхъ собакъ *Костогрызова*. Оказалось, что онѣ были удушены и, связанныя вмѣстѣ, брошены въ колодезь. Это дало поводъ къ подозрѣніямъ. Предсѣдатель Уголовной Палаты *Андрей Лукьяновичъ Правдовичъ*, правившій тогда должность Гражданскаго Губернатора, горячо взялся за сіе дѣло. Началось спрожайшее слѣдствіе: опрыпы прупы убиенныхъ — и найденъ на головѣ у кухарки проломъ. Вспомнили о кучерѣ; пракпирщикъ показалъ, что онъ весь поопъ вечеръ пьянспвовалъ у него вмѣстѣ съ такимъ-по подъячимъ и такимъ-по оружейникомъ. Повальный обыскъ опкрылъ, что оба они дома не ночевали; что съ пѣхъ поръ, какъ случилась бѣда въ домѣ *Костогрызова*, подъячій всѣ ночи проводилъ въ пракпирѣ за билиардомъ, проигралъ въ при дня до двухъ сотъ рублей — и заплапиль напичнымп новенькимп ассигнаціямп.

«Кучеръ найденъ въ 20-пш верспахъ, на поспояломъ дворѣ; онъ, по совершении смертоубійства, выбрался изъ города — и спѣшилъ пробраться на родину; но въ тѣмную ночь спало ему спрашно. Онъ завернулъ на ночлегъ, упрспилъ хозяина купить ему шпофъ вина, выпилъ его, однако же заснупъ не могъ, а до разсвѣта проходилъ по избѣ. Упрспомъ онъ опправился въ пупъ, сбился съ дороги, и весь день проплупалъ по лѣсамъ, а къ ночи, измокшій, измученный, проголодавшійся — оппять очупился передъ воропнами того же поспоялаго двора. Тупъ онъ поужиналъ, напился пьянъ, легъ на полапяхъ, проспался. На другой день началась

опять та же церемонія; обезпамятѣвшаго опъ пьянства схватили его здѣсь Земскій Засѣдатель, и представилъ въ судъ. Однимъ словомъ, преступники найдены и повинились.»

— «Другой случай еще ужаснѣе;» продолжалъ краснорѣчивый Прокуроръ: «къ чести Россіи, думаю, что это единственныи. Я ни прежде, ни послѣ не слыхалъ о подобномъ.» Тутъ онъ оспановился, понюхалъ табаку—и началъ впорую свою повѣсть: «управитель опчинъ и винныхъ заводовъ оборотливаго Подполковника *Барышова*, часто прѣзжая по дѣламъ въ городъ—скъ, обыкновенно оспанавливался въ Ямской у пономарихи. Въ Декабрѣ минуваго года онъ получилъ по довѣренности своего господина 40 п. рублей за вино изъ Уѣзднаго Казначейства. Онъ заходитъ къ знакомому купцу, гдѣ немножко выпилъ, на веселѣ возвратился на квартиру и, перекладывая ассигнаціи изъ плапка въ походный сундучокъ, расхвастался передъ хозяйкою. Въ полной довѣренности къ давнишнимъ благопріятелямъ своимъ, управитель поставилъ его подъ кровать въ каморкѣ, а самъ поужинавъ, легъ спать. У пономарихи разгорѣлись глаза на споль большую сумму денегъ. Въ ней родилось преступное желаніе завладѣть ими. Она открыла мужу намѣреніе умерививъ госпя. Замѣняя его нерѣшимость и не будучи въ состояніи преодолѣть себя, она, давъ заснуть мужу, тихо встала съ постели, на цыпочкахъ вышла въ сѣни, опыскала попоръ, крадучись вошла въ каморку прѣзжаго, спавшаго крѣпкимъ сномъ, и премо сильными ударами размозжила ему голову. Несчастливцевъ заспоналъ, и, послѣ преняго удара, испустилъ послѣднее дыханіе. Пономарь вскочилъ въ испугъ... поздно!... злодѣйство было совершено. Оспавалось скоронить концы. Вздуди огня, запрягли управительскую лошадь, взвалили на сани прупъ убиваго. Пономарь вывезъ его за городъ въ дремучій лѣсъ, зацѣпилъ санями за пень пакъ, что лошади никакъ нельзя было выпутаться—и пѣшкомъ прибѣжалъ домой еще до разсвѣта.

Между пѣмъ, пономариха смывала и соскабливала съ полу и съ постели кровавыя пятна, зарыла сундучокъ съ деньгами на дворѣ,

и опять легла спать. На несчастье; семилѣтняя дочь ихъ, лежавшая на печи, все видѣла и слышала, и по упру, съ протосердечіемъ младенца начала распрашивать мать свою. «Мы погибли!» вскричала безчеловѣчная. Съ сими словами до полусмерти прибила дочь и выполкала её изъ избы. «Мы погибли!» повторила она: «ребѣнокъ всё расскажетъ.»—Что же дѣлать? спросилъ мужъ ея, сплѣвшій ни живъ, ни мѣривъ, въ переднемъ углу на лавкѣ. «Надобно утопить её!» возразила извергъ-мать: «опведи её сей часъ же къ проруби и брось въ воду.» Бѣдное дитя, обливаясь за дверью слезами, слышала сей разговоръ, понимала ужасный приговоръ себѣ; но, какъ пихой агнецъ, протягивающій горло подъ ножъ мясника, поручала душу свою Богу и покорно дожидалась смерти.

«Отецъ накинулъ ей веревочную пеплю на руку—и повелъ попить. «Ты, любезный папичка, ведешь меня къ проруби, не правда ли?» спросила она у опца дорогою. При сихъ словахъ невинности и послушанія, природа одержала верхъ—и нѣжная любовь ожила въ опцовскомъ сердцѣ. Слѣзы ручьемъ полились изъ глазъ его. Онъ опвязалъ веревку и сказалъ ей: бѣги скорѣе домой! Мать, надѣявшаяся избавиться опъ неё навсегда, взбѣсилась на дитя, а еще болѣе на мужа, немившаго духа утопить её. Эта адская фурія начала придумывать средства извесити свое родное дитя. Она распотила печь жарче обыкновеннаго и, когда пономарь пошелъ въ церковь къ заупрени, связала дочери ноги и руки, зажала ротъ и, бросивъ её въ печь, заворила заслонкою. Изъ трубы поднялся черный дымъ клубомъ и смрадъ распространился по избѣ и улицѣ. Уже сосѣды оспанавливались и съ любопытствомъ посмапривали на пономарихину избу. Въ это время, *Барышовъ*, начинавшій безпокоиться о своемъ управителѣ и о своихъ денежкахъ, взвѣхалъ на дворѣ и, сопровождаемый двумя служителями, кои опворяли ему двери, вошелъ въ избу.... Густой дымъ и удушающій запахъ испугали его: Онъ спросилъ у хозяйки: что у неё варится въ печи? Она, смѣшавшись, съ досадою опвѣчала, что не обязана давать ему опчѣта. Тогда *Барышовъ* приказалъ людямъ опподвинуть за-

слонку и посмотрѣть. Она не хотѣла допустить ихъ. На крикъ ея сбѣжались сосѣды. Заслонку приняли: въ успѣхъ печи увидѣли до половины обгорѣлыя ноги несчастной дѣвочки, которая, какъ видно было, приползла на спинѣ къ заслонкѣ, но не имѣла силъ опираться еѣ; оспальная часть тѣла совершенно изжарилась.»—Какіе ужасы вы рассказываете намъ; прервалъ Прокурора мягкосердечный учитель *Добрытовскій*: посмотрите, ни на комъ лица нѣтъ. Господа, посмотрите разсѣявъ слишкомъ глубокое, непріятное впечатлѣніе, сдѣланное на слушательницъ добрымъ нашимъ *Павломъ Николаевичемъ*, который, не до гнѣвъ ему, не пощадилъ нашихъ сердечекъ. — —

— «Я разскажу вамъ, быстро подхватилъ Генераль-Майоръ *Тихолировъ*: въ 1816 году Штабъ Корпуса Генерала *Раевского* былъ расположенъ въ Кіевѣ; я служилъ въ немъ Дежурнымъ Штабъ-Офицеромъ. У насъ тогда проявился разбойникъ въ родѣ *Шиллерова Карла Мора*, великодушный и безкорыстный. Въ Кіевѣ жилъ въ это время Надворный Совѣтникъ *Петрошенко*, человекъ денежный. У него былъ собственный домъ съ садомъ на концѣ города. Сцена, о которой говорю, происходила въ Іюль, въ самые большіе жары. Совѣтникъ спалъ въ бѣздѣхъ, дверь въ садъ была отворена. Въ полночь, онъ чувствовалъ, что его будятъ, протираетъ глаза — и видитъ вооруженнаго человека, передъ кроватью его стоящаго. «Ты, добрый баринъ;» сказалъ онъ Совѣтнику: «не спороженъ; ночуешь въ лѣсу, дверей не запраешь, а подъ кроватью у тебя шкапулка, а въ шкапулкѣ 10 п. рублей, которые ты вчера получилъ отъ жида *Абдолонимова*. Не всѣ воры на меня похожи; украдутъ, такъ поминай, какъ звали.» Сказалъ, поворопился и исчезъ въ густомъ черешней. Вотъ, сударины мои, какіе романтическіе бывають у насъ на Руси воры, хопя бы въ сказкѣ у *Гобмана*! На блѣдыхъ дамскихъ лицахъ началъ играть помный румянецъ. Испорійка Его Превосходительства всѣмъ полюбилась. «Еще одинъ анекдотъ, подобный этому, Мон Général» умоляла Княжна *Варвара Алексѣевна*. — Гоповъ исполнилъ ваше приказаніе! вѣжливо отвѣчалъ увѣщан-

ный крестами воинъ: «слушайте. Топъ же самый *Копѣйкинъ*, который столь великодушно поступилъ съ Совѣтникомъ, въ томъ же самомъ Кіевѣ обокралъ Соборную церковь Печерской Лавры. Митрополитъ разгнѣвался за сіе на Казначея, а церковнаго Старосту предалъ Уголовному Суду. *Копѣйкинъ*, (который, судя по его великодушнымъ поступкамъ, бывалъ въ подземельѣ у разбойниковъ *Кутанскаго замка* (1); водилъ хлѣбъ-соль съ разбойниками *Средиземнаго моря* (2); видѣлъ на театрѣ разбойниковъ *Иванова* (3); хватался за ножъ при представленіи разбойника *Богемскаго* (4); былъ знакомъ съ разбойниками *Чернаго лѣса* (5), съ разбойникомъ въ *Венеціи* (6); углублялся въ ужасы разбойничихъ притоновъ въ лѣсахъ *Шварцвальдскихъ* (7); спускался въ подземелья замка *Гонштейна* (8);) романтическій разбойникъ *Копѣйкинъ* находился тогда въ Херсонской губерніи. Узнавъ о несчастіи Лаврскаго Казначея и церковнаго Старосты, онъ поспѣшилъ оправдать сихъ невинныхъ людей, и съ первого почпою написалъ къ Митрополиту, что «они оба невинны, что онъ похитилъ церковную казну, которая зарыта имъ въ Песочномъ переулкѣ, въ деревянной конюшнѣ, которая спрятана на углу, подъ прѣпеламъ спойломъ направо, гдѣ Его Высокопреосвященство можетъ приказатъ вѣрнымъ людямъ опрыть «оную.» Тучи, которыми подѣрнулось было лица *Чичкинскихъ* собесѣдницъ, начали примѣнно разсѣиваться. Симвъ воспользовался флота Капитанъ *Якоревъ* и разсказалъ, что въ Кронштадтѣ, въ осеннюю ночь, мошенникъ напалъ на добраго его пріятеля Капитанъ-Лейптенанта *Алексѣя Михайловича Пескина* и прѣбывалъ денегъ. *Пескинъ* нашѣлся и, будпо бы вынимая изъ кармана деньги, вынулъ перочинный ножикъ, проворно ущемилъ боль-

(1) Англійское сочиненіе, пер. съ Франц. 3 части: М. въ Типографіи *Ришеттикова*. (2) Или благодѣтельный Алжирецъ. М. въ Типогр. *Кузнецова*. (3) Трагедія, пер. съ Франц. *Федорова Иванова*. М. въ Типогр. *Бѣжцова*. (4) Романъ, пер. съ Франц. М. въ Типогр. *Крѣзова*. (5) Повѣсть, пер. съ Франц. М. въ Типогр. *Дубровина*, Она же напечатана въ другой разъ въ Москвѣ, въ Типогр. *Всволожскаго*; и названа: *Ужасный Аббеллино*. (6) Романъ, пер. съ Франц. М. въ Универс. Типогр. (7) Романъ въ 4-хъ частяхъ. М. въ Типогр. *Ришеттикова*. (8) *Талия же*.

шой палець правой руки своего неприятеля между осприемъ и рукояткою и, пожавъ, причинилъ ему такую боль, что онъ закричалъ во всё горло, прося пощады. Капитанъ-Лейтенантъ *Пескинъ* преспокойно держалъ его руку въ семь положеній и, такимъ образомъ, привелъ своего пленника на ближнюю гауптвахту.» — Не пора ли кончить ваши рассказы? — сказала старая Княгиня, вошедъ въ комнапу. — «Какъ вамъ угодно!» — отвѣчали всѣ въ одинъ голосъ. «Съ уговоромъ, маминька!» — подхватила Княжна *Александра Алексеевна*, цѣлуя Княгинины руки: «чтобы вы дозволили намъ завтра дослушать были и небылцы, которыхъ многіе не успѣли пересказать намъ.» — Соглашаюсь, отвѣчала Княгиня, съ своею благодушною улыбкою. — «Михайло Семёновичъ, пожалуйста мнѣ вашу руку; я поведу васъ въ споловую; теперь пора пить водку.» — Генераль *Тихомировъ* повелъ *Спасскую Совѣтницу Елисавету Карловну Мотовскую*; Прокуроръ *Глафиру Трифоновну Дуралеймонову*.

Опущивъ à la fourchette, гости и хозяйка пожелали другъ другу покойной ночи и разошлись по своимъ комнапамъ, обѣщаясь завтра вечеромъ опять собраться въ кружокъ,

Прошла веселая и звонкая пора,

И безконечные настали вечера:

Намъ скучно въ рошницахъ, не милы игры, пляски...

Что-жь будемъ дѣлать мы? — Читашъ и слушаешъ сказки!

(Продолженіе въ слѣд. листѣ.)

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРИРОДНЫЙ ГРОМОВЫЙ ОТВОДЪ.

Въ Америкѣ замѣчено, что широколиственный букъ, различный отъ Европейскаго бука, *fagus sylvatica*, не подверженъ громовымъ ударамъ; кажется, что и древніе были того же мнѣнія; паспухи ихъ скрывались во время грозы подъ сѣнью буковъ; они ту же слы приписывали лаврамъ.

Какъ все новое мы привыкли принимаемъ съ нѣкоторою недоувѣрчивостію, то для поль-

зы челоувѣчества, желательнао было бы доувѣрившись въ свойствѣ Американскаго бука посредствомъ опытовъ. Дерево сіе хорошо бы развесити на задворьяхъ и около домовъ въ селеніяхъ; оно служило бы украшеніемъ ихъ и вмѣстѣ защитною хлѣвомъ и жилищемъ отъ грома. Можно бы разсадить сіи деревья около большихъ дорогъ для безопасности проезжихъ, заспануныхъ на дорогѣ грозою. Не нужно опасаться, чтобы кто спалъ рубить сіи деревья. Когда народъ увѣрится въ пользу ихъ, тогда они сдѣлаются неприкосновенными; вышина и стройность ихъ украситъ сельскіе виды и самыя селенія, и тогда гроза будетъ только великолѣпнымъ зрѣлищемъ природы.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ДВѢ ГАЗЕЛИ.

I.

Не давая обѣщанья,

Въ часъ глубокаго молчанья,

Подъ прикрывшемъ пѣмъ густой,

Разъ пришла ко мнѣ Леила

Самой полночью глухой —

И мой уголь освѣтила

Блеска полной красотою,

Въ изліяньяхъ сладкой рѣчи

Ей лобзая перси, плечи,

Взоромъ взоръ ея ловилъ,

И, дивясь дѣвъ милой,

«Какъ прощла ты (я спросилъ)

Мимо пса? не спрашно-ль было?

Онъ бы челядь разбудилъ.»

«Я безъ страха проходила;

(Отвѣчала мнѣ Леила):

Песъ хопъ рыскалъ у воропъ,

Но ему я улыбулась —

Онъ уснулъ: онъ мой приходъ

Счѣлъ зарѣю, что проснулась

И румянитъ небосводъ!» (*)

(*) На востокѣ собаки цѣлую ночь рыскаютъ и бодрствуютъ; за то, едва спанещъ разсвѣтаетъ, онъ прыгаетъ въ конуры — и весь день не показываются на улицахъ.

II.

Сколько раз ни покушался
 Описать твои черты —
 Я въ сравненіяхъ перьялся...
 Дѣва чудной красоты!
 Съ чѣмъ сравнить твои мнѣ очи?
 Жгутъ какъ солнце, и горятъ
 Какъ алмазы тѣмной ночи,
 А чернѣе, чѣмъ гранатъ!
 Кудри тучами нависли
 Вкругъ веселаго чела,
 Гдѣ твои младыя мысли
 Видны какъ изъ за-стекла!
 Ликъ твой—споръ началъ могущихъ,
 Небо въ очеркѣ земномъ.
 На щекахъ твоихъ цвѣтущихъ
 Точно снѣгъ слился съ огнѣмъ...
 Нѣтъ, нѣтъ! какъ ни покушаюсь
 Я схватить твои черты:
 Всѣ я въ очеркѣ сбиваюсь, —
 Дѣва, чудной красоты!

В. Рвановичъ.

НА НОВЫЙ ГОДЪ.

Шель великанъ, по дорога крушая,
 Шель онъ, и въ бездну безбрежную палъ.
 Гордо за нимъ и другой выступая
 Подвигъ годичный, какъ бремя пріялъ. —
 Мчишься, расширя могучія длани
 Онъ, какъ орелъ въ голубыхъ небесахъ;
 Скорби и радости, бури и брани
 Съ нимъ пронесуся, и въ вѣчныхъ справахъ
 Мирно почюмъ на лонѣ забвенья.
 Такъ въ предразсвѣтнхъ, густыхъ облакахъ
 Кроется легкая пѣнь сповиднѣя.
 Но великанъ на щипъ золопомъ
 Выржетъ дивный рассказъ о быломъ,
 Въ память грядущаго, въ даръ поколѣньямъ.

Иванъ Черкасовъ.

Тобольскъ.

Ю. И. П — У.

Моя не сбудется мечта:
 Моей красавица не будетъ —
 Меня забыла или забудетъ.
 Недолго помнишь красота
 О помѣ, кто вѣзъ ошь ней разлукой;
 Она не много красныхъ дней
 Врачишь невольной сердца скукой
 О другъ разлученномъ съ ней.
 День погрустивши въ судьбѣ жестокой —
 И вновь полюбишь наконецъ,
 И знаешь всѣ, что другъ далѣкой
 Для сердца женскаго мёртвецъ.

А. Гвоздевъ.

Тяльсь.

1828.

С H A R A D E.

(A Mlle ***)

Sans mon premier point d'animal qui vive;
 Sans mon second l'hiver ne saurait exister;
 Mon tout sait triompher de tout ce qui m'arrive;
 Mais en voyant tes yeux, il vient de me quitter.

Въ No 19, помѣщенная шарада значить: *Халва-теопъ.*

M O D E S.

Les rubans servent d'ornement aux robes, concurremment avec les fleurs. La coiffure à cheveux lisses sur le front, que ceint un bandeau en or et pierreries, forme par derrière des coques qu'enveloppe une natte: une rose et ses boutons en complètent l'ornement, toujours bon nombre de coiffures de bal élevées, moins que l'an dernier cependant, ainsi que nous l'avons déjà dit. Elles présentent le plus souvent un mélange de coiffures grecques, de coiffures à la Sévigné, auxquelles les coques d'invention plus moderne se marient sans y paraître déplacées.

Les robes à pélerine de cet automne, en gros de Naples noir et de nuances foncées, en tissu de Pondichéry feuille, d'Acanthe, aventurine, ont reparu pendant les jours où la température s'était radoucie, et avec elles, toujours les bibis ou chapeaux à petites passes, dont ceux en moiré étaient de couleurs claires, telles que rose et bleu-ciel, et le plus grand nombre de couleur gris-de-lin ou lapis.

Les toilettes-négligées n'ont rien de nouveau, et on s'en occupe peu en ce moment. Les pélerines sont toujours très-amples et très-longues sur les redingotes. Les manches dans un *statu quo* de largeur épouvantable vers le haut.

On fait encore quelques redingotes en velours ou satin, dont les devans ont des ornemens assez compliqués, mais la plus grande partie se font unies et fermées seulement par des nœuds.

On fait beaucoup de robes en velours à guimpe et manches longues; en guise de boas, on porte quelquefois avec ces toilettes des écharpes en cachemire.

Pl. No 8. Coiffure exécutée par M. Mulot.—Robe de Crêpe avec applications de blonde. Manteau sans envers.

М О Д Ы

Платья отдѣлываются лентами также, какъ и цвѣтами. Въ прическѣ съ гладкими волосами на лбу и повязкою изъ золота и каменьевъ, сзади сдѣланы пепли, обернутыя косою; роза съ распуколками дополняетъ уборку. Бальныхъ высокихъ причесокъ видно довольно много; менѣе однако, нежели въ прошломъ годѣ, какъ мы уже говорили. По большой части замѣтна смѣсь Греческихъ причесокъ и *à la Sévigné*, съ пеплями новѣйшаго изобрѣшенія, которыя однако довольно къ нимъ различны.

Платья съ пелеринками, которыя носили нынѣшней осенью, изъ чернаго гроденапла или другихъ темныхъ цвѣтовъ, изъ ткани Пондшери, цвѣтовъ Аканшовый листъ, aventurine, показались опять на этихъ дняхъ при умѣренной погодѣ, и съ ними всегдашнія *bibis* или шляпки съ маленькими полями; изъ морѣ дѣлаютъ ихъ свѣтлыхъ цвѣтовъ, розовыя, голубыя, а по большой части цвѣтовъ *gris-de-lin* или *lapis*.

Въ проспыхъ платьяхъ нѣтъ ничего новаго, и занимаются ими теперь весьма мало. Пелеринки у редиготовъ продолжаютъ дѣлать чрезвычайно полны и длинны. Рукава, какъ и всегда, ужасно широки вверху.

Дѣлаютъ еще иногда редиготы изъ бархата или анласа, у которыхъ спереди довольно зашпильивыя отдѣлки. Но по большой части дѣлаютъ ихъ гладкіе и сшиваютъ только бантами.

Также много видно бархатныхъ платьевъ *à guimpe* и съ длинными рукавами; къ симъ платьямъ, вмѣсто хвостовъ, надѣваютъ Кашемировые шарфы Карп. No 8. Прическа парикмахера Мюло.—Платье креновое съ блондовымъ приборомъ. Мантия безъ обшлаговъ.

С М Ъ С Ъ

Успѣхи Христіанства.— По новѣйшимъ донесеніямъ миссіонеровъ, жители Тибета весьма склонны къ принятію Христіанской Религіи. Обитатели Пегу и Корея желаютъ озарить себя свѣтомъ истинной Вѣры. Въ Цейлонъ и Мадагаскаръ, въ Персію и Бенгалъ ежедневно возрастаетъ число Христіанъ, а въ Сіамъ, гдѣ Король весьма благосклонно расположенъ къ Французскимъ миссіонерамъ, Христіанская Религія болѣе сползтія до того уважается, что Король многимъ крещенымъ Сіамцамъ ввѣрилъ важнѣйшія Государственныя должности. Не менѣе покровительствуетъ ей подвластный Королю Сіамскому Царь Ангорскій, Монархъ съ отличными умственными способностями. Хотя и въ новѣйшія времена Императоръ Китайскій и Король Кохинхинскій и Тункискій сильно препятствовали распространенію Христіанской Религіи, но при всемъ томъ въ одной провинціи Суп-Шуанъ, съ начала нынѣшняго столѣтія, до 22,000 взрослыхъ и 200,000 дѣтей воспріяли святое крещеніе.

Общество воздержанія.— Подъ симъ названіемъ недавно основалось въ Америкѣ общество, цѣль коего есть совершенное воздержаніе отъ всѣхъ крѣпкихъ напитковъ. Сіе общество теперь уже заключаетъ въ себѣ болѣе 100,100 членовъ изъ всѣхъ сословій. Расходъ крѣпкихъ напитковъ, въ слѣдствіе спаранія сего общества, невѣроятно убавился, такъ что купецъ одного изъ значительнѣйшихъ городовъ пишетъ къ своему пріятелю: что продажа крѣпкихъ напитковъ противъ прежняго на $\frac{3}{4}$ уменьшилась.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

средамъ и

субботамъ.

№ 21.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №.
съ 36-ю картинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
скавкой и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, МАРТА 12 ДНЯ, 1852 ГОДА.

Мой другъ! отъ карпъ меня увозить я прошу,
Бостону жершвы я совсѣмъ не припошу;
За зайцемъ по полямъ съ собаками голился —
Симъ правомъ сильнаго не мастеръ величаться.

Князь Долгорукой.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

СПЛЕТНИ.

Глава четвертая.

(Продолженіе.)

Я не боюсь зимы сердитыя угрозы!

А пусть свѣтъ охлопьямъ, пускай мятель бушуетъ:

Надъ лѣхъ усилимъ мой перемъ торжествуетъ;

Прилетѣвъ вьюги шумъ за ramoю двойной;

Прилпно изъ пепла смотрѣть на свѣтъ густой.

Какъ спранецъ человекъ! онъ съ наслажденьемъ
жаждетъ

Внимать обьдствіяхъ, опъ конхъ самъ не спраж-
дентъ!

Было восемь часовъ вечера, и вчерашнее знакомое намъ особенное общеспво въ домъ радушной Княгини *Чигкинской*, status in statu, находилось въ извѣстной уже намъ круглой комнапъ:

Зимою при огнѣ, какъ бы на сборномъ мѣстѣ,

Всѣ дарованія и всѣ искусства вмѣстѣ:

И творческая кисть, и карандашъ живой,

И арфа спройная съ затѣйливой игрой.

Я назвалъ сіе общеспво особеннымъ попо-
му, что оно соспояло изъ особъ, не играю-

щихъ въ карты. Въ одномъ углу играли въ шахматы.—Любпытные зрители, не дыша, безмолвно наблюдали стратегическій ходъ игроковъ, съ пақимъ учапьемъ, какъ бы дѣло шло о выигрышѣ Бородинскаго сраженія. Въ другомъ

Углу два втрока, проворною рукою

Перчатый на лешу лова лепокъ ладною,

Подъ поподкомъ его пересылаютъ: онъ

Спремителъ, долетѣлъ — и въ пупъ свой обращетъ.

Упалъ ли, брошенный не мешко и не вѣрно?

Вновь съ полу подлптъ, вновь лепитъ легко
мѣрно.

А памъ, гдѣ ярко горитъ зелѣнымъ спек-
ляннымъ куполомъ покрывала лампа

Въ углу на столпкъ: газетъ, журналовъ кучи;

Картинка новыхъ модъ, листъ новостей лешучій!

Вопъ новый водѣвилъ, комедія, куплетъ,

Поэма, альманахъ, романъ: чего памъ нѣтъ?

Всѣ умъ писателей памъ собранъ современныхъ!

Княжна *Наталья Алексѣевна* играла на фортепiano и пѣла, *Енисеевъ* акомпанировалъ ей на скрипкѣ; Кашипанъ-Лейпсипанпъ *Якоревъ* распиралъ краски для прелеспной *Анны Степановны Костевой*, которая раскрашвала

узоръ каковы; другой морякъ, *Ардалионъ Семёновичъ Ботныйскій*, рисоваль въ альбомъ Княжны *Варвары Алексеевны* видъ Сѣвернаго мыса совсѣмъ его величіемъ и ужасами.

Въ это время, почтенный спарець *Михаиль Семёновичъ Башкировъ*, облокопясь, по любимому своему манеру, на просить съ золотымъ набалдашникомъ, Генераль-Маіоръ *Тихонравовъ*, съ черною повязкою на головѣ, Прокуроръ *Зиминъ*, сложа нога на ногу, ближній Княгининъ сосѣдъ и лучший сельскій хозяинъ въ губерніи—*Александръ Михайловичъ Дубовиковъ*, одѣтый съ ногъ до головы въ сѣромъ, какъ Квакеръ: грѣлись у камелька.

Придвинувъ ближе стулъ, я сѣлъ передъ каминъ:

То раздѣвала дрова берёзовыл мѣхомъ,

То рывыкъ барышентъ я занимался смѣхомъ;

Щипцами уголья мѣшала, перегребала

И къ жаркой головѣ ихъ ближе придвигала.

«Помните ли вы, почтеннѣйшій *Михаиль Семёновичъ*,» сказалъ тихимъ голоскомъ своимъ Прокуроръ: «последній, вчерашній анекдотъ о флотскомъ Офицерѣ, пойманномъ вора перочиннымъ ножичкомъ? Рѣдкое присущствіе духа! Въ минуточку неожиданной опасности, угрожающей жизни, не имѣя времени обдумать своего положенія, умѣнье вдругъ выбрать самое лучшее, самое дѣйствительное и единственное средство къ спасенію, признаюсь, даешь мнѣ высокое понятіе о характерѣ этого Офицера.» — Я съ вами во всемъ согласенъ, отвѣчалъ *Башкировъ*; но, позвольте доложитъ вамъ, что вы не такъ назвали это качество; я вижу тутъ не одно присущствіе ума, но и сердца, и воображенія.— «Эта добродѣтель называется *рѣшимость*,» подхватилъ *Добрѣтовскій*, обрадовавшійся случаю показать искусство анапомнить силы душевныя. «Она бываетъ двухъ родовъ—низшаго и высшаго. *Низшаго*, когда дѣло идетъ до моего собственнаго спасенія: тутъ причина—эгоизмъ, дѣйствіе — инстинкъ. Всю цѣну придаетъ ей молниенная быспропа, съ которою человекъ успѣваетъ окинуть умомъ свое положеніе, измѣрять бездну, на краю коей сползъ онъ, приискать способъ избѣжать еѣ — и употребитъ оный. Рѣшимость *высшаго* разряда есть та, гдѣ зло угрожаетъ ближне-

му. Это чистая добродѣтель: ибо заставляеть меня, зажмуривъ глаза, бросаюсь въ опасность за другаго, подвергаю здоровье, жизнь, счастье свое—для спасенія жизни человека, не только мнѣ посторонняго, но совсѣмъ мнѣ неизвѣстнаго и, даже иногда, личнаго врага моего.» — Эта добродѣтель весьма рѣдка; замѣнилъ *Дубовиковъ*: при ней необходимы многія другія душевныя достоинства: сила воли, присутствіе духа, холоднокровіе, пвердосць, храбросць, изобрѣпательность ума, пылокое воображеніе. Все сіе вмѣстѣ взятое—пворитъ Героевъ.— «Мы поговоримъ объ этомъ на досугѣ, а теперь выслушаемъ нѣсколько повѣстей о разбойникахъ!» возразилъ *Башкировъ* съ важнымъ видомъ.— «Я вамъ припомню объ этомъ, при первомъ случаѣ!» заключилъ Прокуроръ.

Во время сихъ разговоровъ, дамы оставили музыку, волавы, панцы, карандаши, кисти, и подошли къ камину. Услужливые молодые люди бросились за стульями—и вопть, составился кружокъ. Взоры всѣхъ обратились на Артиллерійскаго Офицера, Лифляндца *Моргенштерна*, который покраснѣлъ до ушей, смущился, и извинялся, что онъ помнитъ только смѣшное происшествіе съ своимъ Ропнымъ Командиромъ на дачѣ подъ Кременчугомъ. «Храбрый мой Полковникъ лежалъ больнъ въ низкой бесѣдкѣ въ саду;» рассказывала молодой Артиллеристъ: «окна были низки—и одно распворено. Подъ нимъ спояли спклянки съ лекарспвами и пуспылъ.» Воръ взлезъ въ окно—и опрокинувъ въ попьмахъ спклянки, произвелъ ужасный звонъ, который, вмѣстѣ съ громкимъ окликомъ неспавшаго Полковника, до того испугалъ вора, что онъ опрометью выпрыгнулъ назадъ въ окно—и скрылся въ дремучемъ саду. По упру нашли подъ окномъ забытую имъ гитару и связку пряниковъ. Пряники отданы деньщику, а гитару долго берѣгъ мой начальникъ, какъ трофеемъ победы надъ непріятелемъ, ночью сдѣлавшимъ вторженіе въ его предѣлы — и храбро отраженнымъ.» — Напрасно ты такъ робѣлъ! вскричали другіе Офицеры, когда молодой поваричъ ихъ кончилъ. Твой анекдотъ коропокъ, но очень забавенъ! — «Вашъ Полковникъ не потерялъ духа!» замѣнилъ Прокуроръ.— «Теперь

моя очередь;» сказала молодой *Башикировъ*, Директоръ училищъ: «ославя военную службу за тяжелую раню въ голову, опредѣлился сначала въ Департаментъ Министра Юстиціи, и не успѣвъ еще оглядѣться, какъ былъ командированъ съ Сенапоромъ О—мъ въ городъ — въ для произведенія слѣдствія о распрятѣ денегъ и о прочемъ. Въ бытность нашу тамъ, случилось въ — пскѣ, одномъ изъ узднскихъ городовъ —ской Губерніи, чудное происшествіе. Надобно вамъ сказать, что жители сего городка занимающа садоводствомъ и, хотя они спомнятъ подъ однимъ градусомъ Сѣв. широты съ Тудою и Калугою, однако же искусство и трудолюбіе довели тамошніе сады до того, что фуниковыя души и бѣлыя оранжерейныя сливы созрѣваютъ у нихъ на воздухѣ. Не говорю уже о яблокахъ, копорые родятся тамъ удивительной величины, сквознаго налива и всѣхъ возможныхъ родовъ. —скѣ предспавляются издали поштованнымъ въ садахъ, разбросанныхъ по холмамъ и оврагамъ, и по излучистымъ берегамъ двухъ рѣчекъ, сливающихся вмѣстѣ и соспавляющихъ мысъ, на которомъ возвышается монастырь Николая Чудотворца съ каменною оградою и башнями. На мѣсто, мѣщане-садоводцы переходятъ жить въ свѣтлкі, обыкновенно поспроенныя посреди садовъ для прохлады и спорожки.

Одна мѣщанка, у которой мужъ былъ отличный садовникъ и, сверхъ того, въ досужное время хаживалъ на охоту стрѣлять дичь, овдовѣла. У ней оставось двѣ взрослыя дочери, и весьма изрядный достатокъ изъ образцовъ въ серебряныхъ окладахъ, брилліантовыхъ серьгахъ, жемчужныхъ ожерельяхъ, серебряныхъ кружкахъ, ложкахъ и ложечкахъ. Одному Польскому Шляхпичу, опредѣлившемуся въ Уланскій полкъ, тамъ расположенный, пригласилась младшая дочь мѣщанки, черничка, рѣзвушка, болтушка, проказница. Онъ спалъ часто ходитъ мимо ихъ окошекъ; сперва просто только глядѣлъ въ нихъ, потомъ, кланялся съ дочкою, разумѣлся такъ, чпобы не замѣтила мапушка; наконецъ, узнавъ, чпобы мать ходитъ попеременно съ одною изъ дочерей по праздникамъ къ заупрени и ранней обѣднѣ, воспользовался случаемъ — испустилъ съ милою дурочкою въ разговоры.

Послѣ двухъ или трехмѣсячнаго шапочнаго знакомства, онъ предложилъ ей свою руку. Въпренца, безъ вѣдома матери, дала ему слово, обмѣнялась кольцами. Коварный Ляхъ обѣщаль ей писать къ своему отцу, просить позволенія на ней жениться; получа оное, поспчасъ идши къ ея родителнщѣ для непростенія ея благословенія. Въ панихъ, обепояпельствахъ заспала ихъ весна — и вдова съ дочерью переселилась въ садовую свѣтлку. Однажды, эпо было въ Воскресенье, когда она съ старшею дочерью побрела въ монастырь къ ранней обѣднѣ, а младшая, запелмивъ передъ святыми образами лампаду, молилась; Ляхъ поспучался въ дверь; сказалъ ей, что наконецъ онъ получилъ отъ своихъ родителей желанное позволеніе и нѣсколько прекрасныхъ вещей для подарка невѣстѣ. Онъ просилъ, чпобы она его къ себѣ впустила и поспотрѣла бы на присланные ей геспинцы. Робкая дѣвушка нѣсколько минути была въ раздумь, опираясь, или нѣтъ; но убѣждаемая пѣтмъ, копорый въ скоромъ времени долженспвовалъ сдѣлаться ея мужемъ, она его впустила. Лишь только успѣлъ онъ захлопнуть за собою дверь и запереть запоромъ, какъ Ляхъ показалъ ей ружье и, перебнвивъ шпшь, грозилъ застрѣлить её, ежели она не укажетъ ему, гдѣ спряпаны деньги ея матери. Испуганная дѣвица бросилась передъ нимъ на колѣни, плакала, божилась, что о деньгахъ ничего не вѣдаетъ. Холонокровный злодѣй снялъ съ образовъ ризы, вынулъ изъ комода жемчугъ, брилліанты, увязалъ въ плапокъ, взвѣлъ курокъ... приложился... Несчастная, видя, что близокъ послѣдній часъ ея, умоляла его обѣ одномъ, чпобы онъ убилъ её изъ опцовскаго ружья, которое тупь же висѣло на гвоздѣ. Господь Богъ пощадилъ злодѣя! Ляхъ послушался её, приставилъ свое зарженное къ спѣнкѣ, подспавилъ скамейку и полезъ доставать ружье... но только что онъ протянулъ къ гвоздю руку... раздался выстрѣлъ — и смертельно раненный. Ляхъ свалился съ скамейки, зажимая рану рукою. Дѣвица, споль жестоко наказанная за свою неоспорожность, лежала подъ него въ глубокомъ обморокѣ. Разсвѣто... мать веротилась... поспучалась въ дверь... ни отвѣта, ни привѣта! Она спа-

ла спучашь спмнѣ... еще смнѣ. Между пѣмъ дочь, съ нею пришедшая, отворила спавень...и увидя Улана, плавающего въ крови, и ружья, и сеспру, лежащую безъ дыханія, вскрикнула отъ ужаса, задрожала и не могла болѣе произнести ни одного слова, а указывала только рукою матери. Спаруха не потерялась; она кинулась къ сосѣдамъ; привела нѣсколько человекъ. Они разбили дверь попорамн — и застали пресупника еще въ живыхъ. Одинъ изъ нихъ побѣжалъ за Попомъ, другой за Лекаремъ, третій за Кварпальнымъ. Собравшися бабы вспрыскивали водою лежавшихъ въ обморокъ дѣвицъ. Злодѣй, чувствуя приближеніе смерти, во всемъ принесъ Богу и добрымъ людямъ покаяніе, но приобщился св. Таинъ отъ нашего Священника не захопѣлъ, говоря, что онъ Римскій-Католикъ. и почитаетъ Греко-Россійское исповѣданіе ересью. Онъ прожилъ только до вечера. Невѣста-убійца его посприглась въ монахини, въ одномъ изъ опдаленнѣйшихъ женскихъ монастырей. — Насилу досказалъ!» примолвилъ Директоръ Училищъ.

«Если удоспоише выслушать;» тихо проговорилъ Купецъ *Курганскій*, отодвигая отъ себя споль съ шахматами, и обращая рѣчь къ дамамъ: «то и я, по пословицъ: *куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней*, отправлю свою очередь. *Вить на безрыбь и ракъ рыба*; то еспь, я хочу сказать, что на безлюдь и *Юма дворяннѣ*» — Вы много вѣдлн по ярмаркамъ! прервалъ *Михаилъ Селѣновичъ Бацкировъ*, желая ободрить покраснѣшаго отъ застынчивости и заикавшагося молодого купчика: много наслушались и худого и добраго: мы рады васъ слушаемъ, хотя до полуночи. Вить вы, кажеся, сдѣлали водою путешеспвіе на Макарьевскую ярмарку? — «Богъ привелъ побывать и въ Аспрахани, и въ Кизляръ, по пословицъ: *памъ, куда воронъ не занесётъ костей моихъ*. Вонъ извоише видѣшь: покойный *Феофилактъ*, вѣчная ему память! Экзархъ Грузіи, весьма меня жаловалъ въ бытность свою здѣсь епархіальнымъ Архіереемъ. Я не рѣдко имѣлъ честь быть приглашаемъ къ Его Высокопреосвященству и соспавлять паршю въ шахматы.» — Да, онъ былъ искусный игрокъ! замѣнилъ Генераль

Маіоръ *Тихонравовъ*: я самъ играю порядочно; однако же покойный успуналъ мнѣ ладью впередъ — и почпи всегда задавалъ шахъ и мапъ. — — «Высокопреосвященнѣйшій былъ мужъ краснорѣчивый, и въ большіе праздники лучіше люди, послѣ липургіи, изъ Собора заходили поздравить своего Владыку. Фришпыкъ споялъ уже на спомъ. Благословл прапезу, Преосвященнѣйшій, по пословицъ: *отъ избытка сердца уста глаголютъ*, любилъ бесѣдовать съ людьми умными. «Въ бытность мою епархіальнымъ Епископомъ въ — дѣ, разсказывалъ онъ однажды госпямъ своимъ: Ризничій донесъ мнѣ, что въ Соборъ съ спарпной Архіерейской ризы срѣзано нѣсколько нипокъ жемчугу, что все замки цѣлы — и, кромъ разсыпанныхъ по полу зѣренъ, уликъ никакой не оказалось. Черезъ нѣсколько дней поже донесеніе. Я пошелъ самъ въ ризницу, увидѣлъ, что весь полъ усыпанъ мелкимъ жемчугомъ и что съ ризы, въ клѣткѣ унзанной, сорвано, или срѣзано было нѣсколько нипокъ. Узкія окна съ желѣзными рѣшѣтками, желѣзная дверь, толстые своды ручались, что посторонній воръ не могъ никакимъ образомъ входить туда. Я побранилъ Ризничаго, продолжаю Преосвященный, полагая, что онъ иногда за недосугомъ вѣрялъ кому нибудь ключи. Спепенный Иеромонахъ боялся, что эпаго никогда не дѣлалъ. — — Оспая у него ключи, я опдалъ печать опцу Ректору; подпвердя ему, никого безъ себя не впускаю въ ризницу. Мѣры сіи оказались недоспапочны: ибо въ первый праздникъ увидѣли, что съ Архіерейской митры сорванъ спній яхонть. Эпо меня огорчило и привело въ недоумѣніе. Я приказалъ спспавить попаенную съ надворья и внутри спражу. Черезъ нѣсколько дней воръ пойманъ. Не думаете ли вы, спрашивалъ Архіерей, что эпо былъ спачъ великанскаго роста, широкоплечій? Эпо былъ шеспнѣпннй ребѣнокъ. Два негодя, за буянство въ солдапы опданные, улеспили его лакомспвами и деньгами. Желѣзная рѣшѣпка была сдѣлана не въ переплѣтъ, а прямыми вдоль окна спѣлными полосами съ рожками: плупы одинъ рогъ опломлилъ пакъ, что ребѣнку; хопя съ спрудомъ, пролезать можно было. На день, они прикрѣпляли опломленный рогъ во

скомъ столь искусно, что никакъ нельзя было этаго замѣтить!» — *Курганскій* умолкъ. Слѣдъ кончилися рассказы прѣпѣяго вечера.

Госпн оспались. Погода прояснилась, сдѣлался морозъ градусовъ въ 10, безъ вѣтра. На другой день назначено каманье въ саняхъ и условленось, чтобы позавтракавъ, ѣхать къ Полковнику Валерьяну Александровичу *Красносельскому* въ село Беззаботное объѣхать, а оппуда, послѣ чая, въ сельцо *Опраду* къ Александру Михайловичу *Дубовикову* ночевать.

(*Опоптаніе въ слѣд. листѣ.*)

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.

Весьма справедливо обвиняють нѣкоторыхъ нашихъ журналистовъ въ личносѣяхъ и заблѣніи всякаго литературнаго приличія; но кто обвиняеть?... Рѣшеніе этаго вопроса повело бы насъ далеко и заставило бы высказать нѣсколько испинѣ непріятныхъ и можетъ быть, бесполезныхъ для многихъ; по сему, оставляя его неразрѣшеннымъ, обратимся къ нашему предмету.

Издатель одного Московскаго журнала присвоилъ себѣ исключительно право судить и осуждать самымъ рѣшительнымъ и непримѣчнымъ пономъ книги, которыхъ онъ или не читалъ, или читая, не понималъ, или, наконецъ, не хотѣлъ понять. Не имѣемъ охоты доискиваться, которая изъ сихъ причинъ побудила этаго журналиста опозваться о *повѣстяхъ И. П. Бѣлкина*, какъ о подражаніи, кому бы вы думали?... *Ирвингу-Вашингтону!*... Воптъ, что называется съ плеча и на обумъ рубить здравый смыслъ.

Правда, *Ирвингъ* прекрасный разекащикъ: онъ любитъ заупаать происшествія, заинтересовать читателя странностію положенія дѣйствующаго лица; но онъ всегда охотно занимаетъ васъ мелочами и, мастерски ихъ обрисовывая, щеголяетъ выраженіемъ; оптъ этаго слогъ его иногда не ровень, а оспропа часно изыскана, хотя юморъ соспавляетъ главное его достоинство.

У *И. П. Бѣлкина* напроптивъ: происшествія такъ еспественны, что рѣдкій читатель не увѣрился въ ихъ дѣйствительности;

они не заупаны: ибо смѣняются не послушаю или произволу Автора, а потому, что такъ или такъ должно было случиться при извѣстныхъ условіяхъ и обспоятельстввахъ. *Бѣлкинъ* не гоняется за выраженіемъ, но слогъ его легокъ, чиспъ и ровень, шупки его непринужденны и оспропа, столь ярко оппичающая особую складку Русскаго ума, выпадаетъ у него, какъ бы нечаянно и оптъ избытка силы.

Въ чемъ же крипикъ нашель у сихъ двухъ писателей сходство? Если въ простотѣ изложенія самыхъ обыкновенныхъ случаевъ: по мы доказали несправедливоспъ сего мнѣнія, и допуспипъ оное поже, что сказать, будно *И. А. Крыловъ* подражалъ *Гомеру*: ибо, какъ поптъ, такъ и другой брали за основаніе самыя обыкновенные случаи и рассказывали ихъ просто и еспественно.

Наконецъ, журналистъ увѣряеть, что буквы: *А. П. выставленные издателемъ повѣстей Бѣлкина*, были необходимы, ибо безъ *сихъ буквъ никто и не замѣтилъ бы ихъ*...

Не возражая на сіе мнѣніе, расскажем спарую быль:

Къ любшпелю и знапоку живописи пришелъ *Рафаэль*, и не заспавъ его дома, начерпиль углемъ на спѣнѣ головку; возвратившійся хозяинъ лишь увидѣлъ очеркъ *Генія*, закричалъ: «у меня былъ *Рафаэль!*» — Но домашній его шупъ, замаралъ абрисъ великаго художника, говоря: какое неблагоразуміе пачкаеть углемъ спѣну!...

Маркъ Овоктистовъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ТАБАКЕРКА МАРШАЛА ВАДА.

Когда Маршалъ *Вадъ* командовалъ Англійскими и Гайноверскими войскамп, Англичане смѣло разбирали поступки его и Герцога *А...* Во Франціи они были предметомъ колкихъ шупокъ не только въ частныхъ обществвахъ, но и на театрахъ, гдѣ выводили ихъ на сцену въ карикатурѣ. Маршалъ предложилъ Парламенту законъ, касательно обезоруженія гор-

ныхъ жптелей и переменъ ихъ костюма, законъ, который былъ принятъ и приведенъ въ дѣйствіе. Маршалъ былъ спраспный охотникъ до игры, и часто попадалъ въ дурное общество.

Въ одинъ вечеръ, украли у него въ игорномъ домѣ дорогую золотую табакерку, осыпанную алмазами. Онъ пребовалъ, чшобы пошчасъ сдѣлали обыскъ и не выпускали ншкого изъ комнаты, пока не будетъ обысканъ. Нѣкто сидѣлъ по правую руку Маршала, въ Офицерскомъ, весьма изношенномъ и дурномъ мундирѣ. Эпшотъ человекъ увѣрялъ честію, что у него нѣтъ табакерки, что онъ не видалъ её, и скорѣ согласился умереть, нежели позволить себя обыскивать: онъ просилъ Маршала выйти съ нимъ въ другую комнату, готовясь защищать честь свою съ опасностію жизни. Маршалъ, сначала только подозрѣвавшій сего незнакомца, заключилъ изъ опзыра его, что табакерка дѣйствительно имъ похищена, и какъ ему оставалось принять вызовъ, шо онъ приготовился къ поединку. Но къ спыду своему, обнаживъ шпагу, онъ нащелъ табакерку въ пошайномъ карманѣ серпука своего.

Приведенный въ отчаяніе пѣмъ, что усомнился въ честіи война, онъ сказалъ ему, выходя изъ комнаты: «я долженъ, сударь, просить у васъ прощенія, и не прежде увѣрюсь въ полученіи онаго, какъ погда, когда вы согласитесь со мною завпракать и принять меня въ число вашихъ друзей.» За завпракомъ Маршалъ спросилъ его, для чего онъ не допустилъ обыскавъ себя. «Для того, Ваше Высокопревосходительство, что я получаю половинный окладъ и не имѣю друзей; слѣдовательно долженъ беречь каждую копѣйку. Сего дня у меня былъ худой аппетитъ; не могли съѣсть всего обѣда своего, и не желая оставить его, я всунулъ въ карманы ногу и крыло жаренаго цыпленка съ кускомъ хлеба, завернулъ всё сіе въ бумагу. Мысль, что у меня найдутъ эти куски, казалась мнѣ въ 10 разъ страшнѣе поединка.» — Довольно, вскричалъ *Валь*, довольно, благородный человекъ! Вамъ что?... Завпра мы обѣдаемъ у *Санта*. На будущее время я долженъ васъ избавить отъ подобной крайности.

У *Санта* Маршалъ вручилъ ему дипломъ на Капитанскій чинъ съ полнымъ кошелькомъ, дабы онъ могъ прилично снарядиться и отправиться къ своему полку.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

МОЕЙ МАТЕРИ.

(М. Д. Г.)

Дни бѣгутъ; разставшись съ вами,
Вашъ день Ангела, безъ васъ,
За лѣсами, за горами,
Я въ *осной* встрѣчаю разъ.
Ахъ, пора мнѣ ваши руки
Полетѣть, облобызать!
Скучной, жизненной науки
Спаль мнѣ курсъ надѣдать.
Въ многошрудной школѣ свѣта
Спаль лѣнишься что-то я;
Лаской вашей не согрѣда
Въ ней жизнь хладил моя.
Мнѣ, какъ призракъ, часто снится
Счастье вольное полей;
Всѣ милѣй мнѣ спановился
Воздухъ родины моей.
Ваши рощи, ваши нивы,
Вашъ веселый неба сводъ —
Всѣ мой духъ неперемѣливый
Къ вамъ и манишь и влечетъ....
Но просните: я забылся;
Образъ дѣтскихъ лѣтъ, какъ сонъ,
Мнѣ предспалъ; я имъ плѣнился;
Но опдль я пробужденъ;
И сподвижникъ въ жизни новыи,
Свой едва начавшій путь,
Я иду, къ трудамъ готовый;
Рано думать опдохнуть! —
Лишь на краткій срокъ, на время,
Васъ увидѣть, васъ обнять,
Съ плечъ на часъ сложивши бремя,
Сердца вамъ привѣтъ сказать —
Вотъ одно мое желанье.
Сбудется ли? — Можетъ быть. —
Но нескладное посланье
Ужъ пора мнѣ заключить —

Дребнй мой ей Богу жалокъ:

Изстари обычай есть

Въ именинный день подарокъ

Имениннику принесть.

Я же что вамъ шлю такое? —

На почтовыхъ двухъ листкахъ

Размагольствие плохое

Въ незапнйливыхъ спнникахъ.

А. Глбовъ.

Листокъ изъ Альбома П. Г. Силнова.

Скажи, почпо пив, мой поэтъ,

Меца извлекъ изъ онемьня?.....

Во мнѣ погасъ лучъ вдохновенья,

Какъ въ пучахъ упрепий разсвѣль,

И я смопрю на Божий свѣтъ

Безъ гореспи, безъ умненья! —

Подъ шумъ сей жизни боевой

Я сладко спалъ — какъ средь могилы:

Къ чему-жь будишь меня, мой милый?

Опвѣта-ль ждешь на голосъ свой?

Вотще! — Какъ камень гробовой,

Я звукъ издамъ глухой, унылый....

П. Малиссинъ.

15-го Октябръ 1831.

Варшава.

К Ъ Л И Л Е Т Ъ.

Зачѣмъ надменная Лилета,

Желаешь, чтобъ невольникъ пвой

Мечпалъ о имени поэта?

Зачѣмъ приспращною рукой

На жертвенникъ земной богини

Цвѣты Парнасса приносишь,

И неумѣренной гордыни

Незаслуженный гвнъ нвердншь?

*

Ужель любви моей безмолвной

Ты мирныхъ жертвъ не поила?

Ужель надеждою нескромной

Къ щеславно сердце увлекла?

И нѣспой ждешь, чптобы предъ свѣтомъ

Свое украсишь торжестиво,

Чптобъ быль прославленной поэмомъ

Какъ прославляюшь божество?

*

Не льспишь! — спрудна дорога славы;

Не мнѣ по ней, мой другъ! иди.

Презрѣвъ соблазнъ души лукавой,

Спою на скромномъ я пуши.

И такъ, опброшь мечпы кичливы,

Одной любовью лишь живи! —

Безъ славы — можемъ быль щасливы;

Но счастья нѣтъ — гдѣ нѣтъ любви.

П. Галдинскій.

Ш А Р А Д А.

Слогъ *первый*, какъ горохъ, есть овощъ огородный,
Зелѣный, кругленькій, но полѣкко покрупнѣй;

Второй есть крѣпоспной и околородный,

Съ водою и безводный,

Бываешь на верспу, бываешь и длиннѣй.

Онъ менѣ всего похожъ на пирамиды.

А *цѣлое* — пѣвецъ Тавриды.

Въ No 20, помѣщенна шарада значишь: *Gang-froit*.

М O D E S.

Dés robes en velours plain, en cachemire, en satin, en gros-de-Naples, fond uni ou semé de bouquets brodés en soie, ou en gros-de-Naples moiré, telles enfin que les portent les femmes qui ne dansent pas, et des robes de bal, c'est-à-dire, en crêpe, en tulle ou autres tissus légers, pour les jeunes femmes, voilà ce qui sort chaque jour de tous les ateliers de couturières, et ce qui est, en ce moment, à la mode.

Les robes de velours sont presque toutes ornées d'une riche mantille et de manches longues en blonde. Celles en étoffes de soie ont aussi, pour la plupart, la mantille de blonde; mais leurs manches se font parfois en étoffe pareille, quand cette étoffe est unie.

Les blanc, pour robes, est toujours ce qui domine dans les bals. Les robes de crêpe blanc à broderies en or, en soie et or, formant assez souvent la colonne

sur chaque lé, sont très-élégantes. On en voit aussi en crêpe rose, bleu-pâle ou cerise d'un ton léger, qui sont brodées en soie blanche, et dont le dessin représente une branche courante; elles sont également *bien portées*. Nous citerons encore les robes de gaze enrichies d'applications en or, qui doivent être comptées aussi au nombre des plus jolies toilettes qui ont paru dans les bals de cette année.

Les broderies de couleur, sur gaze et sur crêpe, se portent encore; mais plutôt pour soirée que pour les bals.

Les *galères*, flacons d'écaillé incrustée en or, tenant par une chaîne que l'on porte au doigt, sont le complément d'une toilette de soirée.

On voit de très-grands éventails (onze à douze pouces). Ils sont en laque de Chine, et très-remarquables par la beauté des couleurs de leurs dessins.

М О Д Ы.

Платья из неразрзаннаго бархата, Кашемир-выя, апласныя, гроденаплевья, гладкія или вышитыя шелкомъ букетами, изъ морё, наконецъ, какія носятъ женщины, которыя уже болѣе не танцуютъ; а бальныя платья, то есть, креповыя, шюлевья или изъ другихъ легкихъ тканей, для молодыхъ женщинъ; вопшъ что выходить всякой день изъ рабочихъ нашихъ швей, и что теперь въ большомъ употребленіи.

Бархатныя платья почти всѣ дѣлаются съ дорогими маншильями и длинными блондовыми рукавами. Платья изъ шелковыхъ матерій также, по большой части, видны съ блондовыми маншильями; но рукава дѣлаются иногда изъ такой же матеріи, если она гладкая.

На балахъ всего болѣе видны бѣлыя платья; креповыя, вышитыя волопомъ, или шелкомъ съ золотомъ, по большой части колоннами на каждомъ полотнищѣ, чрезвычайно щеголеваты. Также носятъ платья изъ розоваго крепа, свѣтло-голубаго или алаго весьма свѣдлаго; вышитыя бѣлымъ шелкомъ, узоромъ изгибистой вышивью, также въ большомъ употребленіи. Мы упомянемъ также о газовыхъ платьяхъ, убранныхъ накладными золотыми цвѣтами; ихъ можно причислить къ красивѣйшимъ нарядамъ, какіе видны были на балахъ нынѣшняго года.

Вышиванье цвѣтными шелкомъ, по газу и шюлеву, еще въ употребленіи, но болѣе для вечеровъ, нежели для баловъ.

Галеры (les galère) черепаховыя флаконы, обдѣланные въ золотѣ, съ цѣпочкою, которую надеваютъ на палецъ, довершаютъ вечерній нарядъ.

Также въ модѣ весьма большія опухалы (отъ 11 до 12 дюймовъ) Китайскія, подъ лакомъ, и весьма замѣчательныя по красотѣ узоровъ и красокъ.

С М Ъ С Ъ.

Первая ассигнація.—Въ опустошительной войнѣ, предшествовавшей завоеванію Гренады, Испанскій Графъ *Тендилла* въ 1484 году весьма искусно и мужественно оборонялъ взятый у Мавровъ городъ Альгаму въ Гренадѣ. Но у Губернатора наконецъ недоспало золота и серебра для раздачи жалованья войску, которое начало роптать. Въ головѣ Графа (можетъ быть въ подражаніе *Сиду*, который у двухъ Евреевъ заложилъ сундуки съ пескомъ) блеснула счастливая мысль. Онъ взялъ доскушки бумаги и написалъ на нихъ разныя суммы. Онъ роздалъ оныя солдатамъ, съ обещаніемъ выкупить ихъ звонкою монетою, когда непріятель сниметъ осаду. Подъ спроважайшимъ наказаніемъ гражданамъ велѣно было приниматьъ сіи бумажки, какъ наличныя деньги, и народъ охотно бралъ, зная, что Графъ въ состояніи нѣкогда ихъ выкупить. Вотъ первая ассигнація въ Испаніи и можетъ быть, во всемъ свѣтѣ.

Вновь найденный скиптръ Маріи Стюартъ.—При осушеніи озера Локлевенскаго, близъ знаменитаго замка того же имени, въ которомъ содержалась Королева *Марія*, нашли древній скиптръ изъ слоновой кости и серебра, на которомъ вырѣзано имя сей несчастной жертвы. Полагаютъ, что она потеряла его при бѣгствѣ чрезъ сіе озеро.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по
Средамъ и
Субботамъ.

№ 22.

Цѣна годовому изданію,
состоющему изъ 104 №.
съ 36-ю харшинками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
скавкой и пересылкою
35 рублей.

СРЕДА, МАРТА 16 ДНЯ, 1832 ГОДА.

Быть можеть, иногда ты встрѣптишь, хоть ихъ мало,
Людей, которые остряшь на глупость жало;
Тогда, разсвирѣпъвъ и взлвши грозный видъ,
Брани ихъ на поваль, забывъ и честь и стыдъ.

Милонковъ

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

СПЛЕТНИ.

Глава четвертая.

(*Окончаніе.*)

Пусть въжвыи баловень полуденной природы,
Гдѣ тѣнь душистѣе, краспорѣчивѣй звезды,
Улыбку первую привѣтствуетъ весны!
Сынъ пасмурныхъ небесъ полуночной спраны,
Обыкшій къ свисну вьюгъ и реву непогоды,
Привѣтствую душой и пѣсню первый снѣгъ.

Князь Вяземскій.

Деревенское капанье въ саняхъ нимало не
похоже на капанье городское. И топтъ, кпо
не выѣзжалъ изъ Петербурга, или выѣзжалъ
въ Оспъ-Зейскія провинціи, не можеть имѣтъ
о нёмъ понятія. Прекрасныя обшивни съ узор-
чатымъ ковромъ сзади, съ медвѣжьею поло-
стью, спатный кучерь въ синемъ шулуцѣ
самага тонкаго сукна, который широко опу-
шенъ серебрястымъ бобровымъ мѣхомъ, под-
поясанъ золотопканнымъ Персидскимъ куша-
комъ, въ малиновой бархатной шапкѣ на бек-
рень, въ сафьянныхъ сапогахъ съ мѣдными
скобками, въ рукавицахъ съ золотою узорною

насычкою, красавецъ, силачь: настоящій *Ran-
no*, сподъ, правитъ пройкою лихихъ Донскихъ
коней. . .

Какъ вьюга лёгкая ихъ окрыленный бѣгъ
Броздами равными прорѣзываетъ снѣгъ
И яркимъ облакомъ съ земли его взвѣвал,
Сребристой пылюю окидываетъ ихъ.
По жизни такъ скользитъ горячность молодая
И жить торопится и чувствовалъ спѣшитъ!

Въ корень у охотниковъ запрягается или
Казанскій иноходецъ, за которымъ лихія при-
спяжные едва успѣвають уносить поспрон-
ки, или рослый рысакъ,

Красивый выходецъ кипящихъ табуновъ,
Топоча хрупкій снѣгъ
Ревнуетъ на бѣгу съ крылапоногой ланью.

Приспяжные, раскинувъ длинныя гривы и
густыя холки, неся хвостъ прубою, съ ог-
ненными, налипыми кровью глазами и съ го-
ловами, кольцомъ загнутыми, едва касаются
до земли.

Скорость зимней ѣзды нашей почти немо-
върна. Иноспранцы, разинувъ рты, слушами,
когда я рассказывалъ имъ, что у насъ въ Си-
бири ѣздитъ за 300 верстъ на именны, на
вечеринку; что опъ Тулы (175 вёрстъ) и

опъ Рязани (190 вёрспъ) поспѣваютъ въ Москву въ 10 часовъ; что на одной проѣктъ проѣзжаютъ 30 вёрспъ въ часъ, чѣму я самъ дважды былъ свидѣтелемъ: одинъ разъ въ Москвѣ, другой въ Царскомъ селѣ. Но я, говоря о скорой ѣздѣ, увѣзъ васъ за предѣлы земель въ придесятое царство. Возвратимся въ деревню къ Княгинѣ *Чижинской*, а по проспѣнемъ завтракъ, который уже на сполѣ. Передъ крыльцомъ сполпъ двадцать проекъ.

Кони ржутъ грызл броды,
Бьютъ копытомъ съ шерпѣнья.

Между шѣмъ, подѣ предѣдательствомъ хозяйки собранъ капальный совѣтъ, и на ономъ опредѣлено, чтобы въ каждахъ саняхъ ѣхали двѣ дамы и кавалеръ—хозяинъ проѣкки. Дамы и дѣвицы условивались между собою; имена же кавалеровъ вынимались по жребію.

Въ часъ пополудни усмисль и пронулель съ мѣспа. Княгиня, хопя и пожилая дама, но приучена была покойнымъ супругомъ своимъ къ чрезвычайно скорой ѣздѣ. Эту привычку сохранила она и въ самымъ преклонныхъ лѣпахъ, и ея сѣрый шесперпкъ славилъ въ богоспасаемомъ градѣ—скѣ. Первая проѣка, копорю правилъ самъ хозяинъ оной, искуснѣйшій лошадинъ ѣдокъ въ губерніи, *Василій Даниловичъ Свистякинъ*, и на которую съл помѣщикъ села Беззаботнаго, не дожидаясь другихъ (чтобы дасть ему (*) время предупредиль госпей и вспрѣпиль ихъ), помчалась. . . .

Какъ пернатый житель лѣса,
Какъ пустынная спрѣла,
Какъ ошважный кошь Черкеса,
Какъ потокъ съ вершинъ утеса.

До села Беззаботнаго считаеся 14 вёрспъ мѣрныхъ. *Сорвиголовинъ* (Уланскій Подполковникъ, лхачъ, хватъ, дуэлиспѣ, спѣрый знакомецъ чипателей Липературныхъ Прибавлений), копорого они съ собою пригласили, сѣдѣлъ съ *Брегетомъ* въ рукѣ. *Свистякинъ* поспавиль ихъ передъ крыльцомъ въ 26 минуть. «Воптъ эпа ѣзда порядочная;» сказалъ ему, опряхаясь *Сорвиголовинъ*: «je vois, que vous

êtes un homme comme-il-faut!»—Вороня проѣка Гусарскаго Полковника *Благина* принеслась ровно въ полчаса. Всѣ мушны сполли у подѣзда, высаживал дамы, у копорыхъ

Презрѣвъ мороза гпѣвъ и щипшныя угрозы
Румяныхъ щекъ свѣжѣй альн розы
И лилія свѣжѣй бѣлѣла на челѣ.

Сани за санями шмыгали, оспанавлявались; полоспи опспѣгивались. . . . дамы, опираясь на руки услужливыхъ своихъ кавалеровъ, въ одинъ прыжокъ вскакивали на лѣспницу. . .

Украшень ихъ нарядѣ лѣсовъ Сибирскихъ дамы,
И соболя на нихъ черпѣютъ и блестятъ.

Послѣ роскошнаго обѣда, дѣвицы и молодые люди играли въ длинной залѣ въ горѣлки, въ верѣвочку, въ кошку и мышку. Въ восемь часовъ вѣчера заботливыя маперн прервали шры и усадили дочекъ въ госпшной чинно, какъ будто на купеческой сватѣбѣ. Въ дѣвпшъ подали чай, а въ 10 оппѣтъ капанье. Все общеспво прежнимъ порядкомъ опправилося ужинапъ и ночеватъ въ сельцо *Опраду*.

Разспояніе было 18 вёрспъ и все по сполбовой дорогѣ. Сѣдмалась почпи опшпепель

Безоблачно сіяло

Въ звѣздахъ величіе небесъ;
Рѣка, деревни, темный лѣсъ,
Высокій берегъ—все дремало!

И ярко полная луна

Опъ горизонтна подымалась.

Дамы упросили ѣхатъ гораздо пише, чтобы долѣ наслаждапъся припшностью прогулки. Въ сельцо *Опраду* приѣхали почпи въ полночь, успалыя и полусонныя, и, послѣ легкаго на скорую руку ужина, разошлись спать, пожелавъ другъ другу доброй ночи.

Короткій день еще сократили для дамъ рукодѣль; для мушннѣ—осмотрѣ оппичнаго хозяйскаго конскаго завода. Ремонпёръ купилъ семь лошадей для своего полка. Спмн за сполъ со свѣчами, и понгчасъ послѣ обѣда собрались въ кружокъ, дослушпватъ пѣхъ, кои не опправили еще своей очереди.

(*) Вахеряну Александровичу *Красносельскому*. — К.

Привыкший, красноречивый хозяинъ (*) отперзъ золотыя успа свои:

«Опець мой рассказывалъ мнѣ, что въ благодатное царствование Императрицы *Елисаветы Петровны*, проявился у нихъ въ Рязанской провинціи разбойничій Апаманъ *Прошка*, котораго простой народъ прозвалъ *Треклятыиъ*. Онъ былъ изъ купеческаго званія, сынъ честныхъ родителей, бѣгло чиналъ церковную и гражданскую печать, писалъ чисто, и, на погибель себѣ, получилъ отъ природы соловьиный голосъ, игралъ на трехструнной балалайкѣ такъ, что заслушивались; боролся подъ ножку такъ, что Московскіе Бояра держали за него большіе заклады и рѣдко проигрывали, на кулачномъ бою побивалъ сплачей проворствомъ и хитроспью.... О чѣмъ вы, барыни, перешепываетесь? Вамъ кажется, что старикъ *Дубовиковъ* заврался, пуспившись въ рассказы о такихъ вещахъ, о которыхъ непристойно слушать благовоспитаннымъ дѣвушкамъ. А о Римскихъ Гладіаторахъ читаешь развѣ приличнѣе? А о походе Греческихъ мѣологическихъ боговъ заучиваешь наизусть, не уже ли безвреднѣе? А читаешь романы и модныя поэмы о разбойникахъ; смотришь, какъ въ трагедіи рѣжутъ людей разбойники, какъ въ комедіи плути честныхъ проспаковъ обманываютъ, какъ въ водевиляхъ они на расчѣвъ расхваливаютъ злодѣйское ремесло свое — не уже ли деликатнѣе, наспавипельнѣе? Мой герой, *Прошка*, сверхъ талантовъ, которые мною исчислены, имѣлъ и досташокъ, и могъ бы жить припѣваючи; но есть безпокойные умы, которые бываютъ веселы только среди превозгъ, и жирюютъ только тогда, когда окружены опасностями; некраденный кусокъ имъ скоро пріѣдается. Къ сему разряду принадлежали: блаженной памяти *Батый*, *Атила*, новопреставленный *Наполеонъ*, нашъ *Стенька-Разинъ* и мой *Прошка*. Безмятежная жизнь наскучила ему, какъ горькая рѣдка. Онъ договорилъ нѣсколько разгульныхъ молодцовъ и ушелъ съ ними въ Муромскіе лѣса *либеральничать*. Отпощъ напалъ онъ на купцовъ,

(*) Александръ Михайловичъ *Дубовиковъ*, теперь уже давно покойникъ. Миръ праху своему, добрый супругъ, добрый опець, добрый помощикъ! — К.

ѣхавшихъ на Макарьевскую ярмарку, на барки, плывшія по Окѣ.

Не удовольствовавшись такими мелочными нашествіями, онъ замыслилъ нечаянно напасть и ограбить, жившаго въ Зарайской своей деревнѣ, опспавнаго Полковника Князя *Воротынскаго*, у котораго спаринный Боярскій домъ былъ, какъ полная чаша. Планъ атаки былъ масперски начертанъ *Прошкою*. Въ полночь подѣхавъ къ селу съ своею шайкою, онъ поставилъ по срединѣ и обощъ концамъ слободы самыхъ опчаянныхъ разбойниковъ съ пуками горящей лучины и велѣлъ имъ закричать креспьянамъ, если бы они пошевелились, что еѣ зажгутъ со всѣхъ споронъ. Обеспечивъ свой пылъ, онъ съ опспальною шайкою опбѣлъ ворота, дверь въ сѣни и вломился въ хоромы; но Полковникъ, прослужившій всю Турецкую войну въ полѣ съ Графомъ *Минихомъ*, былъ предувѣдомленъ о семъ ночью нападеніи харчевникомъ, который подслушалъ разговоръ переодѣтыхъ разбойниковъ, у него обѣдавшихъ. Князь выбралъ шесперыхъ самыхъ опважныхъ изъ своихъ псарей, роздалъ имъ заряженные ружья, зажёгъ панкадило въ общирной залѣ на анпресоляхъ — и расположился въ заднемъ концѣ оной въ креслахъ, имѣя подъ рукою два Англійскихъ ружья и мушкетонъ. Семейство свое еще засѣпло выпроводилъ онъ въ городъ Зарайскъ. Разбойники, обрысавъ весь нижній эпажъ и не нашедъ памъ ни одной души, бросились по лѣспницѣ въ верхній. Взощедъ, увидѣли они яркое освѣщеніе залы — и опспановились. *Прошка*, какъ Апаманъ, хотѣлъ показатъ имъ примѣръ собою; но лишь только сдѣлалъ онъ шагъ впередъ, какъ мепкая пуля Полковника ударила его въ колено. Онъ упалъ; двое опважнѣйшихъ кинулись было мспидъ за него; но два новые выпспрада подкосили имъ ноги. Въ эпу минушу выскочили изъ засады на чердакъ шеспъ слугъ Княжескихъ съ рогатинами — и загородили имъ опспусть. Тогда Полковникъ бросился на опспальныхъ съ мушкетонномъ, приложился — и закричалъ зынымъ голосомъ, опъ котораго нѣкогда преспепали лошади его двѣнадцати-эскадроннаго Новопрошкаго Кирасирекаго полка: «сдавайсь, бездѣлникъ! или головы ваши сдѣлають съ

вась, какъ шапки!» — Разбойники, испуганные повелипельнымъ голосомъ Полковника, и не имѣя предводителя, упали на колѣни. Ихъ перевязали, также и *Прошку*; остальные съѣли на коней — и рассыпались, куда кто попалъ. — Молодецъ Полковникъ! въ восторгъ вскричалъ Генераль *Тихонравовъ*: «жаль, что это спарина; а вотъ происшествіе въ этомъ же родѣ, случившееся уже по открытіи Губерній и по выпускѣ въ ходъ государственныхъ ассигнацій, слѣдственно, въ осьмидесятихъ годахъ. Изъ Канцеляріи Московскаго Главкомаандующаго, какъ тогда называли нынѣшнихъ Военныхъ Генераль-Губернаторовъ, дезерпировалъ писарь, граммпей, боевая особа, которому, по Русской пословицѣ: *смерть копѣйка, голова наживное дѣло*. Онъ былъ —ской урожденецъ. Торгуя мелочными крестьянскими поварами прежде рекрутства, онъ зналъ свой уѣздъ вдоль и поперѣгъ, и зажиточныхъ мужичковъ; и полстоеумыхъ помѣщиковъ. Онъ намѣщилъ на одного *Кацеля безсмертнаго*, который около сорока лѣтъ не выѣзжалъ изъ деревни, копилъ, счислялъ, считилъ мѣломъ серебряныя деньги и не держалъ своего стола, а обѣдалъ у крестьянъ своихъ поочередно. Плупъ писарь сшилъ себѣ Офицерскій мундиръ, купилъ курьерскій подсумокъ съ двуглавымъ орломъ, перерядилъ двоихъ такихъ же плуповъ, какъ самъ, въ Драгунское платье — и, на двухъ ямскихъ пройкахъ съ колокольчиками, во весь опоръ примчался къ крыльцу скупяти. Спрыгнувъ съ шельги, самозванецъ безъ доклада вошелъ прямо къ нему въ горницу, прочиталъ подложное на свое имя отъ Московскаго Главкомаандующаго повелѣніе, въ которомъ предписано ему: «на скорѣйше отправиться въ —ской Губерніи, —аго уѣзда въ село Прирѣчное, гдѣ, опобравъ отъ владѣльца онаго, «такова-то, всѣ имѣющіяся у него въ наличности: государственный ассигнацій, запечатанъ при немъ помѣщикъ его печатью и доставить къ Главкомаандующему, для изслѣдованія по сильному подозрѣнію въ дѣланіи, имъ такимъ-то, фальшивыхъ ассигнацій.» Онъ попребовалъ ключи отъ сундуковъ, все обшарилъ, и не только ассигнацій, но и рублѣвщи, и имперіальчики увязалъ въ мѣшокъ.... бросился въ шельгу; свиснулъ и поскакалъ

такъ, что пыль вилась сплобомъ, оставя зрипелей сего происшествія съ разнупыми рпамн отъ изумленія. Прежде всѣхъ опомнился помѣщичій парикмахеръ *Лиска*, обучавшійся у цирюльника въ Петербургѣ. Отъ видѣлъ, какъ ложный Офицеръ укладывалъ въ повозку серебряную и золотую монету. — «Витъ онъ посланъ дождаться о фальшивыхъ бумажкахъ;» подумалъ онъ самъ въ себѣ: «на что же забралъ монету? Это что-то не такъ. Реблѣ!» закричалъ онъ дворовымъ людямъ: «витъ это не сыщикъ, а плупъ, который ограбилъ нашего барина. Садитесь-ка на лошадей, догоните его и воропните сюда; мы его допросимъ. Голову мою на плаху, если онъ не повинится.» Въ одно мгновеніе — лакеи, кучера, садовники вывели изъ господской конюшни лошадей и пустились, какъ изъ лука спрѣла, въ погоню, а *Лиска* впереди всѣхъ. Они догнали похитителя, не доѣзжая 7-ми вёрстъ до почтовой станціи. Увидя за собою погоню, самозванецъ пепугался и побѣжалъ было въ лѣсъ; но верховые перехватили; связали ему руки — и въ приумфѣ привезли обранию.» — — — — —

«Вы, *Александръ Михайловичъ*, рассказали намъ о разбойникахъ первой половины XVIII вѣка; Ваше Превосходительство сообщили анекдотъ изъ впорой половины того же столѣтія, а я расскажу вамъ чудный случай изъ XIX вѣка;» вызвался Полковникъ *Пронскій*. «Въ первомъ Кавалерійскомъ дѣлѣ, въ кампанію 1813 года, я былъ тяжело раненъ въ грудь нисполепною пулею. Она пролетѣла насквозь — и оспаневилась подъ кожей. Её вырѣзали; рана закрылась; однако я чувствовалъ нестерпимую боль въ спинной кости, особливо къ дурной погодѣ. Это принудило меня отпроситься на Кавказскія минеральныя воды. Я прѣхалъ въ Константиногорскъ въ концѣ Іюля — и первая новость, мною слышанная, была о томъ, что въ одинъ городъ Кавказской линіи прибылъ молодой Полковникъ, красивой наружности, бѣгло говорившій по Французски и по Нѣмецки. Онъ выдалъ себя за Флигель-Адьютантъ покойнаго Императора, будпо бы присланнаго для вербовки прѣхъ конныхъ полковъ изъ Горскихъ жипелей. Онъ предъявилъ опредѣленію

Командиру свои бумаги, споль искусно поддѣланныя, что не оспавалось никакого сомнѣнія на счётъ его. Для довершенія обмана, онъ чрезъ пуземцовъ вызвалъ Лезгинскихъ Князьковъ и завёлъ съ ними переговоры, а самъ успѣлъ выпребовать 30 п. рублей серебромъ изъ Казначейства и пребоавъ еще 20 тысячъ. Его намѣреніе было, получа послѣднія, бѣжать въ горы, а оппуда черезъ Турецкія владѣнія въ Конспаншнополь. Ему легко было обращеніемъ своимъ обмануть Генерала и Офицеровъ: попому, что онъ былъ изъ хорошей дворянской фамиліи, сынъ богатаго опца, Адьюпантъ Князя ***, впослѣдствіи за непримичные Офицерскому званію поступки разжалованный въ рядовые и бѣжавшій изъ полка. На Кавказѣ всё шло для него, какъ по маслу: ему давали обѣды, его звали на вечеринки; онъ самъ далъ блистательный праздникъ всему городу. Между тѣмъ, надъ нимъ на волоскѣ висѣлъ мечъ правосудія. Казначей, старая лисица, какъ-то, что-то пронюхалъ опъ слугъ про пріѣзжаго Полковника, и скрыпно опправилъ въ Петербургъ эспафетъ прямо къ Министру Финансовъ, а самъ, подъ разными предлогами, замедлялъ выдачу остальной суммы. Легкомысленный самозванецъ такъ завеселился, что и не замѣнилъ, какъ прошло двѣ недѣли. Эспафетъ возвратился, и онъ, совсѣмъ неожиданно, былъ разбуженъ ночью госпями для него непріятыми.

Опрядный Командиръ съ Адьюпантами пожаловали къ нему съ визитомъ. Они надѣли ему на руку желѣзные браслеты въ полпуда вѣсомъ, а къ дверямъ приславили почётный караулъ.» Полковникъ *Пронскій* говорилъ еще, когда спарая Княгиня, разыгравшая робертъ, вошла въ комнапу. «Разсказываешь и слушаешь рассказы о разбойникахъ, такъ и бышь, я позволяю; но вопъ худъ, что нѣкоторые изъ васъ начинаютъ подражать имъ;» произнесла она спрогимъ голосомъ. Вся молодежь повскакала со спульбевъ, и соеавила около Княгини кружокъ, желая удостовѣрившись, хорошо ли они разслушали слова ея. — «Вы удивляетесь, не вѣрите; такъ почно; господа; между вами еспъ воръ, и, чтобы не поминъ васъ долге, я назову его. Александръ Дмипріевичъ!» продолжала она, оборотившись къ Генералу *Тихо-*

нравову: «вы украли сердце у моей *Вареньки*; за это, какъ благородный человекъ, вы обязаны удовлетворить меня и вознаградить эту бѣдную дѣвочку: отдайте ей свое!» Генераль бросился цѣловать у неѣ руки; подошла расплаканная невѣста. . . . Княгиня сняла съ шеи финифтѣный образъ св. Димитрія Ростовскаго, благословила влюбленныхъ и потомъ надѣла на жениха. Начались поздравленія; явилось Шампанское, запрыгали къ попомку пробки

И закипѣлъ виномъ сілющій хрусталь.

А. Кораблинскій.

Село Токсово.

22 Октябля 185 г.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ МОЕЙ ЖЕНѢ, ИГРАВШЕЙ НА ФОРТЕ- ШАНО ВО ВРЕМЯ МОЕЙ БОЛѢЗНИ.

Я слушаю твои плѣнительные звуки,
И каплей здравія и мира каждый понъ
Мнѣ въ душу падаешь, — мои нѣмьютъ муки,
И сердца зашпахаетъ спонъ.

Продли, прѣдли свою мелодью для супруга!
Его спраданья сей гармоньей усладжай!
О вѣрмая моя, о рѣдкая подруга!
Съ побой и въ мукахъ рай!

Не свѣтъ желаешь ты прельщать своей игрою;
Не суешныхъ похвалъ или молвы пустой
Ты ищешь; но въ пиши, подъ кровлею родною,
Играешь для любви одной.

Какъ сладостна и какъ пиша мелодья эпа,
Такъ мирно, радостно мы вѣкъ проводимъ свой;
Блаженъ я близъ тебя, мнѣ милаго предмета,
Ты счастлива со мной;

А если набѣжишь и облачко порою
На ясный горизонтъ безвѣстныхъ нашихъ дней,
Мы ждемъ въ спокойствіи, съ безропной душою
Сіянья скорого лучей.

И. Пожровскій.

ВБЛИЗИ, ВДАЛИ.

(*Отвѣтъ на замѣчаніе дѣвицы S****).

Веселый нравъ и здравыя сужденья,
 Безъ всякаго сомнѣнья,
 Пріятны намъ *вблизи*.

Богатый плащъ и воропникъ бобровый,
 Коль въ нихъ пустоголовый,
 Пріятны лишь *вдали*.

Пустой болтувъ, пировъ и каршъ любилъ,
 Ума и книгъ гонилъ,
 Несносенъ намъ *вблизи!*

Огонь очей, живой въ щекахъ румянецъ,
 И проспелкый нарядецъ —
 Несносны намъ *вдали!*

Запасъ ума и знанія прямые,
 Обычай просные
 Полезны намъ *вблизи*.

Пришворный видъ и свѣское искусство:
 Поддѣланное чувство
 Полезны лишь *вдали*.

Душевный миръ, отъ шума удаленье,
 Свободы размышленье,
 Намъ надобны *вблизи*.

Веселый часъ и чувствъ всѣхъ упоенье,
 И головы круженье,
 Годятся лишь *вдали*.

Словесный пухъ, опкрытый праопцами,
 Бесѣда съ мудрецами —
 Пльншпельны *вблизи!*

М. Корниловъ.

Севастополь.

С Н А Р А Д Е.

Je devine pourquoi tu changes de visage,
 Pauvre joueur: ton jeu manque de mon premier;
 Tandis que ton rival, qui les nombre au passage,
 Espère au moins, par eux, te faire mon dancier.
 Et toi, Reine célèbre autant que malheureuse,
 Tu perds tout en jouant certain jeu meurtrier;
 Mais tu sauras mourir, et ta main courageuse
 Dans ton sein frémissant plonge mon froid entier.

Въ Мо. 21, помѣщенная шарада значить: *Бобровъ*.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Евгеній Онъгинъ, романъ въ стихахъ. Сочиненіе Александра Пушкина. Глава послѣдняя. — Въ Типогр. Департ. Народн. Просвѣщенія, 1832. (въ 12-ю д. л. 51 стран. ())*

Романъ *Пушкина* передъ нами вполне. Теперь уже мы не услышимъ болѣе сомнительныхъ вопросовъ, нѣкогда, слышанныхъ нами отъ чтецовъ - любителей: чѣмъ это кончится? Нѣкоторые изъ нихъ думали, что *Евгеній Онъгинъ* долженъ былъ объѣхать цѣлый свѣтъ и говорить о разныхъ спранахъ его или эпиграммами, или выходками поэтическаго восторга; другіе назначали ему, на каждой станціи отъ родоваго помѣстья его до мыса Финистерре, и даже въ плаваніяхъ до Буэносъ-Айреса и портъ-Джаксона, Донъ-Жуановскія похождения: словомъ, ожидали, что это будетъ la chronique scandaleuse современной эпохи. *Евгеній Онъгинъ* обманулъ ихъ ожиданія. Онъ объѣхалъ свѣтъ пышкомъ и вдругъ попалъ на раупъ въ Петербургъ, или, какъ говоритъ о немъ его историкъ вѣрный:

«Онъ возвратился и попалъ,
 Какъ Чацкій, съ корабля на балъ.»

Если сомнѣнія, относившіяся къ концу эпическаго поприща *Онъгина*, прекратились, то вопросы о самомъ героѣ и его приключеніяхъ не совсѣмъ еще умолкли. Многіе, даже прочитавъ осьмую главу, все еще повторяютъ свои догадки объ *Онъгинѣ*, за поэмомъ, который такъ хорошо отгадалъ, или такъ вѣрно подслушалъ оныя:

«Все шопъ же-ль онъ, или усмирлся?
 Или корчипъ такъ же чудака?
 Скажите, чѣмъ онъ возвратился?
 Что намъ предсказываетъ онъ пока?
 Чѣмъ чинъ дѣдился? Мельмопомъ,
 Космополипомъ, патриопомъ,
 Гарольдомъ, Квакеромъ, ханжой,
 Или маской щегольщепъ иной?
 Или просто будетъ добрый малой,
 Какъ вы, да я, какъ цѣлый свѣтъ?»

(*) Продается въ С. Петербургѣ, во всѣхъ книжныхъ лавкахъ, по 5 р. за экз. — За пересылку въ другіе города прилагается по 80 к.

По крайней мѣрѣ мой совѣтъ:
 Отспать отъ моды обвѣщалаой.
 Довольно онъ морочилъ свѣтъ....
 — Знакомъ онъ вамъ? — И да, и нѣтъ.»

И все еще не видящъ въ немъ одного изъ пѣхъ лицъ, которые *Байронъ* первый разоблачилъ поэтическою, смѣлою своею рукою; одного изъ пѣхъ *типовъ*, которые *Бенжаминъ-Констанъ* такъ вѣрно разгадалъ философскимъ умомъ своимъ (*); словомъ, одного изъ пѣхъ героев романа,

«Въ которыхъ опразился вѣкъ,
 И современный человекъ
 Изображенъ довольно вѣрно,
 Съ его безправственной душой,
 Себялюбивой и сухой,
 Мечпавью преданной безмѣрно;
 Съ его озлобленнымъ умомъ,
 Кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ.»

Еще забавнѣе были сужденія пѣхъ, которые въ *Евгениі Онегинѣ* думали подмѣнить самаго *Пушкина*. *Le style est tout l'homme*, зашвердали они, какъ правило, мысль *Бюффона*, который пудрилъ и наряжался въ лучшее свое платье для пого, чтобы писать; и изъ этаго ложнаго правила вывели они заключеніе, еще болѣе ложное, что поэтъ въ каждомъ созданіи своемъ выставляеть на показъ самаго себя, разоблачаеть свои слабости, причуды, спраннысти, тайны своего сердца и пр. и пр. Въ слѣдствіе сего правила, *Пушкинѣ*

(*) Они точно были еще *типами* въ то время, когда *Бенжаминъ-Констанъ де-Ребекъ* впервые напечаталъ свой романъ; но теперь это уже слѣпки, опшискутые въ известной формѣ: такъ много ихъ разплодилось, такъ общи свѣдѣлись они между современнымъ намъ поколѣвіемъ. Упомянувъ о *Б. Константѣ*, скажемъ, что мы разумѣемъ здѣсь известный его романъ: *Адолъфъ*, весьма хорошо постигнутый и отчетливо переданный на Русскій языкъ Княземъ П. А. *Вяземскимъ*; смѣло и рѣшительно утверждаемъ это, не смотря на школярскія привязки некоторыхъ цепепильныхъ критиковъ, кои не въ состояніи понять того правила, или, почтѣе сказать, той истины, что для всякаго иноязычнаго Автора, опшичающагося оригинальностію мыслей или новостию выраженія, слогъ переводчика долженъ мѣнялься и по возможности приближаться къ подлиннику; что въ подобныхъ случаяхъ, прелататель долженъ, такъ сказать, создавать новый языкъ, быль истиннымъ прошеемъ, угадывать намѣренія подлинни-

ка и поддѣльваться подъ его ладъ, выливаясь въ его формы. Разумѣется, что такихъ трудовъ и усилий прѣбуютъ отъ переводчика сочиненія только пѣхъ писателей, кои заслужили славу Европейскую. Впрочемъ, мы видали примѣры, что и сихъ писателей переводяшь у насъ какъ попола. Свидѣтельствомъ тому можетъ служить переводъ иного же романа: *Адолъфъ*, помѣщенный въ Московскомъ Телеграфѣ 1831 года; переводъ, по всемъ правамъ, могущій назваться достойнымъ собратомъ пѣхъ переводовъ, которые печатаются въ Москвѣ *Василіемъ Логвиновымъ* съ поваричи. Телеграфскій переводчикъ *Адолъфа* не понималъ *Бенжаминъ-Констана*, не понималъ Французскаго языка, не зналъ Русскаго, а болѣе всего не зналъ, за что брался. Метафизическій языкъ Французскаго писателя, подъ перомъ сего самоучки-переводчика, превратился въ какое-то вялое, припорное, пошлое и часто безпожковое болтанье. Короче сказать: переводъ сей достоинъ былъ журнала, въ которомъ помѣщался.

ка и поддѣльваться подъ его ладъ, выливаясь въ его формы. Разумѣется, что такихъ трудовъ и усилий прѣбуютъ отъ переводчика сочиненія только пѣхъ писателей, кои заслужили славу Европейскую. Впрочемъ, мы видали примѣры, что и сихъ писателей переводяшь у насъ какъ попола. Свидѣтельствомъ тому можетъ служить переводъ иного же романа: *Адолъфъ*, помѣщенный въ Московскомъ Телеграфѣ 1831 года; переводъ, по всемъ правамъ, могущій назваться достойнымъ собратомъ пѣхъ переводовъ, которые печатаются въ Москвѣ *Василіемъ Логвиновымъ* съ поваричи. Телеграфскій переводчикъ *Адолъфа* не понималъ *Бенжаминъ-Констана*, не понималъ Французскаго языка, не зналъ Русскаго, а болѣе всего не зналъ, за что брался. Метафизическій языкъ Французскаго писателя, подъ перомъ сего самоучки-переводчика, превратился въ какое-то вялое, припорное, пошлое и часто безпожковое болтанье. Короче сказать: переводъ сей достоинъ былъ журнала, въ которомъ помѣщался.

разнообразны, по бѣдные криптики должны совсѣмъ сблизиться съ толку, или представивши въ одномъ такомъ человѣкѣ цѣлое сполнопрвореніе Вавилонское, съ смѣшеніемъ языковъ, съ многоразличными и рѣзкими противоположеніями обликовъ, нравовъ, свойствъ душевныхъ, привычекъ, спранностей и п. п. Одинъ *Вальтеръ-Скоттъ* долженъ будетъ вмѣстивши въ себя цѣлое народонаселеніе, и, по большой части, ни чѣмъ не лучше того, которымъ заселяется *Ботани-бей*. Одинъ *Гобманнъ* представивши собою цѣлую кунсткамеру уроковъ самыхъ чудовищныхъ, самыхъ несообразныхъ, самыхъ смѣшныхъ или жалкихъ.

Упомянутый нами писатель (*Бальзакъ*), отражая неблагонамѣренные намеки своихъ криптиковъ, опкровенно объявилъ имъ, что онъ «не старикъ, не модный повѣса и не пьяница, что онъ пьетъ только воду, и работаетъ прилѣжно и добросовѣстно.» Убѣдясь ли эпитимъ его криптики, или спануть изслѣдовать его жизнь, поступки и нравственность; но онъ какъ будто бы примирялся съ самимъ собою симъ категорическимъ объявленіемъ.

Не разъ было сказано, что «въ душѣ поэта, какъ въ чистомъ зеркалѣ, освѣщается весь міръ;» слѣдовательно, и всѣ *малые міры* (микроскопы), какъ философы называли существа человеческой породы. Но, подобно волшебному зеркалу, душа поэта надолго удерживаетъ въ себѣ сіи отраженія, и въ мнугны вдохновенія передаетъ ихъ еще полнѣе и живѣе. Писатель, со взглядами многоспоронными, съ дарованіями разнообразными, съ умомъ гибкимъ и примѣчливымъ, подсматриваетъ всѣ черпы, всѣ особености человѣка, и создаетъ изъ нихъ своихъ героевъ, свои дѣйствующія лица. Такъ созданъ характеръ *Евгенія Онѣгина*, можетъ быть изъ множества разныхъ характеровъ, которые поэту случалось вспрѣчать, и которые въ его воображеніи очертились въ одинъ идеаль-

идеаль холоднаго эгоиста, исключительнаго самолюбца, жаднаго ко всякой свѣтской славѣ, хопя, по наружности, и равнодушнаго къ ней. Въ глуши сельскаго уединенія *Гамьяна* влюбляется въ него—онъ отвергаетъ любовь ея; но послѣ, увидѣвъ ея въ столицѣ, блестящею Княгинею, онъ ищетъ любви ея, какъ блага, для того, чтобы паденіе жертвы его надѣлало шуму въ городѣ. Вотъ черта, которою ясно обозначается характеръ главнаго лица поэмы; не говоримъ уже о лицахъ придаточныхъ, не говоримъ о подробностяхъ, споль вѣрно изображающихъ современное намъ общество, міръ, окружающій насъ, міръ Русскій, коего черты, такъ сказать, споль *индивидуальны*, что по крайней мѣрѣ, за оныя никто не рѣшится упрекнуть поэта въ подражаніи кому либо изъ поэтовъ чужеземныхъ.

Н. Н.

С М Ъ С Ь

Противоядіе. — Если искусство саставленія ядовъ въ наши времена достигло высокой степени совершенства, то искусство оспановить ихъ дѣйствіе еще въ гораздо большей степени усовершилось. Слѣдующій случай, засвидѣтельствованный многими учеными, какъ пишутъ въ *Furet de Paris*, можетъ служить тому яснымъ доказательствомъ.—«Два молодые врача, которые пять лѣтъ исключительно занимались наукою, нейтрализировать яды, и изъ коихъ одинъ уже приобрѣлъ себя извѣстность въ лѣпописяхъ Медицины, недавно рѣшились, въ присутствіи знаменитѣйшихъ химиковъ и врачей, дѣлать опыты своего искусства. Они обоудно оправдали себя при раза сряду самыми опаснѣйшими веществами, и каждый немедленно послѣ того вылечилъ себя при раза сряду, не зная однакожъ приготовленія, какое употреблялъ другой.»—Можно ли ииѣть больше рвенія къ искусству? —

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходятъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 23.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 №. съ 36-ю картинками модъ, въ С. П. б. 30, съ до-спавкою и пересылкою 35 рублей.

СУББОТА, МАРТА 19 ДНЯ, 1832 ГОДА.

Держава всякая сильна,
Когда устроены въ ней всѣ премудро части:
Оружіемъ — врагамъ она грозна;
А паруса — гражданскія въ ней власти.

Крыловъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

ЗАМѢТКИ.

1. Въ прежніе времена, богачи обыкновенно завѣщали хоронить себя въ *своихъ вотчинахъ*. Теперь, владѣльцы пысячей душъ предпочитаютъ мѣспечко въ какомъ нибудь монастырѣ — изъ опасенія, чтобъ наследники не продали ихъ съ *вотчинами*.
2. По расчету, сдѣланному однимъ помѣщикомъ по возвращеніи его изъ Москвы, вышло, что жилеть и шейный плапокъ стоили ему *два воза хлѣба*; завтракъ у респорашѣра Яра — *одинъ возъ*; шляпка, шарфъ и пара башмаковъ для жены, *три воза*, и п. д. Что, если наши помѣщики вздумаютъ обнародовать свои расходы и приходы?
3. Почему Н. А. Полевой пишетъ обыкновенно, говоря о величинѣ книги: in 8, in 4, in 12? Развѣ не знаетъ онъ, что по Русски говорится въ осьмушку, въ четвертку, въ 12 д. л.?
4. Сколько блестящихъ прапатовъ, сколько увлекательныхъ теорій — о воспитаніи дѣтей! Казалось бы, что намъ, въ 19

столѣтіи, оспавалось бы полько воспользоваться опытностію прошлыхъ вѣковъ, и привести воспитаніе дѣтей въ систему общую, просную, — совсѣмъ нѣтъ! Старыя теоріи забыты, новыя пропшворѣчаютъ одна другой, — всѣ вздоръ! пакъ какъ земледѣльческая школа, гдѣ собраны всѣ *превосходныя* иностранныя орудія, а пащупъ, съюпъ и орупъ — по Русски, Русскими инструментами!

5. Нѣкоторые *Дипломаты* и *Адвокаты* похожи другъ на друга! Всмотрѣсь только! Всѣ различіе — въ мѣспѣ дѣйствія. Какъ у одного, пакъ и другаго, искусство обманывать, прикрыто веселою наружностію, ласковою улыбкою, любезностію, умѣнемъ жить въ свѣтѣ. Оба — ни на волю не опспупаютъ опъ формъ, не нащупъ лишняго слова, не проговорятся, не забудутъ ни малѣйшаго доказательства своего иска. Если же обстоятельства пребуютъ, говорятъ безъ умолку, пишупъ еще болѣе, пупаютъ дѣло, припленаютъ къ нему всѣ, что было за 1000 лѣтъ предъ симъ, . . . чѣмъ хшпрѣ такой дипломатъ, пѣмъ онъ извѣспнѣе; чѣмъ хшпрѣ *дѣлецъ*, тѣмъ онъ почпеннѣе.

6. Читая въ *Телеграфъ* статьи, подписанныя В. У., поспѣшь воображаю, что слышу болтанье брюзгливой спарушки. О чемъ ни заговорить В. У.— всё худо! *А вотъ какъ было въ мое время!*... И начинаеть свою сказку, длинную, упоминательную; кспаша, или не кспаша, обращается къ романпизму и классицизму, и оканчиваеть—по ефрейторски: всё обспошть благополучно!

П. Станиц....

КОГДА — ТОГДА.

Когда сочинилель многихъ нравспвенныхъ книгъ, *Банкротинъ*, переспанеть вмѣсто жалованья раздавать своимъ слугамъ кулаки: тогда они переспануть жаловаться на него Кварпальному Надзирапелю, Часпному Приспаву, Полщемейсперу, Оберъ-Полщемейсперу, Гражданскому и Военному Губернашпору.

*

Когда *Предателель* переспанеть професорскимъ пономъ учить насъ любви къ Отечеспву; вѣрносши къ Царю, благоговѣнню къ свяпсой Вѣрь: тогда мы переспанемъ указывать на него пальцами, велчапть Тарпюфомъ, называпть волкомъ въ овечьей шкурѣ.

*

Когда *Грубилнинъ* переспанеть почшпать себя выше *Жуковскаго* и *Пушкина*, выше *Загоскина* и *Шевырѣва*: тогда мы переспанемъ сравнивать его съ пылью, которую вѣсперь подпняль къ облакамъ; съ *наукамъ*, который взлещель на вершину Кавказа на хвостѣ орла; съ *мыльнымъ пузырьемъ*, надупымъ, но пуспымъ.

*

Когда *Неучевъ* переспанеть расплачивапться за наёмъ кварпшры съ своимъ хозяевами вмѣсто денегъ—грубоспями, бранью, ругапельспвами, полчками: тогда они переспануть жаловаться на него въ Словесномъ Судѣ, на Съзжей, въ Управѣ Благочинія и въ Совѣспномъ Судѣ.

*

Когда *Саломхвальцевъ* переспанеть велчапть *Гомера*—мяспнкомъ; *Анакреона*—пьяницею; *Титъ-Ливіа*—лжецомъ, *Тацитта*—невѣждою;

когда переспанеть онъ унищжапть *Ломоносова*, посмѣхапться надъ *Державинымъ*, презпшельно говорпшь о Князь *Шаховскомъ*, объ *А. И. Писаревѣ*, спавипть себя выше *Карамзина*, бросапть грязью въ *Каченовскаго* и *Грега*, въ *Булгарина* и *Погодина*, въ *Солова* и *Олина*, въ Князя *Шаликова* и *Раина*, въ *Надеждина* и *Воейкова*, въ *Аладына* и *Филлимонова*: тогда Публика спнметъ съ него дурацкій колпакъ съ погремушками, сппный ему общими успіями изъ разноцвѣпныхъ лоскутковъ бумаги писателями, переводчиками, журналсптами, газетчсками и альманашиками.

*

Когда *Прижиплавевъ* будетъ брапть во взпмки по 10-ппи процентова: тогда не спануть кликать его—кровопійцею. Но вопть бѣда, что у него сильная охопа вымучивапть по 90-спу копѣекъ съ рубля у челобпщчиковъ.

*

Когда *Верхневзоровъ* попроситъ у Публики прощенья въ помъ, что онъ семь лѣтъ надоѣдалъ ей своимъ сочиненіями: тогда она вѣрно скажетъ ему: «Богъ тебѣ проспшитъ, впередъ не дѣлай!»

*

Когда *Горлодраловъ* переспанеть оглушапть насъ своимъ крикомъ, лгавъ и злословпшь всѣхъ и каждаго, прикидывапться императоромъ, корчпшь изъ себя крипшика, рецензента, описателѣ нравова, комика: тогда мы не спанемъ считапть его лгуншикою, хваспуншикою, похвапбшикою, бумагомарашкою.

А. Кораблинскій.

1831 года

Мая 30 дня.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ВОСПОМИНАНІЯ О ШВЕЙЦАРІИ.

(Путешествіе въ Шалунги.)

Изъ ближняго домика мы увидѣли море льда, фуповъ на спо ниже поверхносши, на которой мы находились. Оно проспшраетса въ глубпну предъ глазами зрпшеля. Вправѣ возвышаетса Шармозскій упееъ, немного далѣе Исполнскій, влѣвъ Дрюссскій, позади его Зеленый, а впереди всѣхъ ихъ гора Бошаръ, изо-

бильная пастбищами, гдѣ пастухи проводятъ дѣло съ своими стадами коровъ. Сѣ послѣднiя ходятъ по леднику съ большею удобностию, нежели путешественники. Спереди ледное море раздѣляется на два рукава, изъ коихъ одинъ обращается вправо, а другой ведетъ къ *Саду*: сѣмъ именемъ называется полоса земли, какъ бы волшебною силою перенесенная въ средину льдовъ и ежегодно покрывающаяся прекрасными растѣнiями. Изъ всѣхъ, названныхъ мною улесовъ, съ большею смѣлостию проспирается въ вышину Дрюсскiй. Это огромный гранитъ, похожiй много на Готтисскую колокольню. Онъ выше Монпанвера 5,832 футами и представляетъ собою совершенно острый шпигъ, на который не только нельзя всходить, но самый снѣгъ на немъ не держится.

Къ леднику пробита горная тропинка, которая извивается въ поперечномъ направленiи, и потому сходъ по ней не такъ крутъ и труденъ; достигнувъ ледника, съ трудомъ можно пробираться по оному. Причина та, что поверхность его нисколько не походитъ на прочiя воды, льдомъ покрытая. Она представляетъ болѣе или менѣе высокiе и обширные бугры: такъ, что порою надобно ползти вверхъ или спускаться съ спремнистыхъ скаловъ, у подошвы коихъ зияетъ глубина, иногда проспирающаяся, по свидѣтельству *Г. Состора*, на 300 футовъ, откуда нѣтъ спасенiя. Здѣсь на каждомъ шагу представляются новые виды: въ одномъ мѣстѣ плынутъ длинныя тонкiе слои льда, похожiе на отдѣльныя листья; въ другомъ, вы воображаете видѣть церкви и колокольни; часто встрѣчаются ошнѣсныя стѣны, которыя, подобно непреодолимымъ преградамъ, останавливаютъ путь самаго отважнаго. Но чтобы имѣть общее понятiе о семъ странномъ явленiи, надобно вообразить себѣ море, которое среди самаго волненiя, вдругъ оковано льдами.

Мы недолго спускались на семъ блестящемъ и коварномъ группѣ; самое любопытство не въ состоянiи было заставить насъ пройти нѣсколько миль по сѣмъ леднымъ глыбамъ, чтобы увидѣть садъ, который однимъ только страннымъ мѣстоположенiемъ своимъ привлекаетъ посѣтителей. На возвратномъ пути мы

достигли маленькаго домка и вписали свои имена въ огромную книгу, которую, вѣрно, позволятъ мнѣ назвать Монпанверскимъ альбомомъ.

Мнѣ нравится сей обычай сохранять слѣды путешественниковъ, посѣщавшихъ достопримѣчательныя мѣста. Въ самомъ дѣлѣ, прилично воображать посреди ужасовъ природы важныхъ людей, которыхъ мы привыкли видѣть только въ храмѣ *Оемиды* и прелестныхъ щеголихъ, рѣдко показывающихся внѣ своего будуара. Между прочимъ, мнѣ кинулось въ глаза имя славнаго Академика нашего времени. Нѣсколько словъ, приписанныхъ къ оному, возвѣщаютъ потомству, что одинъ изъ сорокачленнаго сословія подвергался опасности труднаго путешествiя, и былъ въ саду, о которомъ выше сказано.

Въ Монпанверскомъ альбомѣ вы найдете также рисунки путешествующихъ художниковъ. Совѣтую вамъ, которые послѣ меня сдѣлаютъ сiю поѣздку, взглянуть на каррикатуру, подъ названiемъ: *Женевская гибкость*, и на другую, гдѣ толстый Англичанинъ спрашиваетъ проводника своего, нѣтъ ли паровыхъ машинъ для прогулки по леднику. Такъ, люди никогда не перестаютъ шутить; даже и среди самыхъ разительныхъ зрѣлищъ природы и не рѣдко въ ту минуту, когда подвергаются величайшимъ опасностямъ. Слѣдуя общему примѣру, и я вписалъ въ альбомъ свое имя съ моими спутниками, прибавивъ изъ псалма слѣдующее изреченiе: *Si ascendero in caelum, tu illic es* (аще взыду на небо, и Ты тамо); мнѣ казалось, что оно лучше всего выражало чувствованiя, произведенныя во мнѣ на сей столь возвышенной почкѣ земли.

Недалеко отъ Монпанвера дорога ведетъ частiю чрезъ гору, покрытую отъ вершины до низу изрѣдка растѣнiями и обломками скаль. По сей-то крутой дорогѣ, удобной только для пѣшихъ, мы спустились къ подошвѣ ледника, чтобы взглянуть на потокъ, образующий родникъ Арвейрона. Я не стану подробно описывать сей трудный путь. Зрѣлище, представившееся намъ на краю ледника, вознаградило насъ за всѣ труды.

Вправѣ у насъ возвышалась гора, съ вершины коей мы только что спустились; влѣвъ гора *Бошаръ*, о коей я уже говорилъ; лед-

никъ занималъ промежутокъ между обѣими горами и возвышался до самой ихъ вершины; масса граничныхъ скалъ подлѣ Монпанвера, казалось, пропавшая усплю льдовъ, копхъ оспальная тяжесть опиралась на долину. Нѣсколько водометовъ, изъ копхъ одинъ чрезвычайно великолѣпенъ, вырывался изъ моря льдовъ и падалъ по опвѣсному скапу утеса. Сліяніе ихъ образуесть Арвейронскій потокъ. Изъ сихъ водопадовъ существуесть только показавшійся въ нынѣшнемъ году. Прежній ключъ изсохъ, и льдяная пещера, откуда истекалъ оный, и копорую *Коксъ* видѣлъ въ 1776 году, уже обрушилась; мы видѣли однѣ только ея развалины.

Любопытство наше было удовлетворено. Мы сѣли на своихъ муловъ и переправились чрезъ Арвейронъ и Арву. Пополдничавъ наскоро въ Шамуни, мы опсправились далѣе по Сервозской дорогѣ.

Пер. В. Соколовъ.

ЗАМОКЪ ТРЕССОНОВЪ.

Замокъ сей естъ зданіе, замѣчательное для любителей древности. Его башни, его подѣмный мостъ и рвы, его старинныя зубчатныя стѣны съ круглыми по угламъ башнями, неволью переносятъ воображеніе ко временамъ еодалнаго правленія и рыцарства. Впрочемъ, пвердыня сія не сполько славится пеперь пурнирами и блистательными подвигами храбрости, сколько воспоминаніемъ о необыкновенномъ событіи, копорое донинѣ сохранилось между окрестными жителями. Мы сообщаемъ преданіе сіе нашимъ читателямъ въ помъ видѣ, какъ оно рассказано было однимъ спарымъ шюремщикомъ.

Около половины послѣдняго столѣтія, въ семь замкѣ жилъ Г. Трессонъ, владѣтель кропкаго и человеколюбиваго нрава; слава о его добродушіи носилась во всѣхъ окрестностяхъ. Его данники находили въ немъ покровителя и опца. Но по спранному пропшворѣчію, Г. Трессонъ, съ сими превосходными качествами соединялъ жестокость и непреклонность во всемъ, что касается до звѣриной ловаи. Онъ усилилъ еще болѣе строгость законовъ по сей части, кои и безъ того, какъ

извѣстно, были очень жестоки. Не смотря на то, въ окрестныхъ мѣстахъ имѣли приспанище нѣсколько отважныхъ охотниковъ, которые не спрашась запрещенія владѣтеля, охотились въ его заповѣдныхъ мѣстахъ. Впрочемъ, они рѣдко показывались днемъ, а болѣе ночью производили свое опасное ремесло, въ надеждѣ, съ помощію темноты, обмануть бдительность его объѣздной стражи. Въ одну ночь, смѣлѣйшій изъ сихъ охотниковъ, засѣвъ въ засаду въ паркѣ замка, подсперегалъ свою добычу; вдругъ слышавъ недалеко отъ себя шумъ, онъ поспѣшно спряпалъ ружье въ кусты и влезъ на дерево. Едва успѣлъ онъ скрыться въ густыхъ вѣтвяхъ дерева, какъ увидѣлъ въ концѣ большой просади замка карету, запряженную въ двѣ лошади, за копорою слѣдовали нѣсколько слугъ съ факелами. Экипажъ ѣхалъ медленно и осторожно; ничто не смущало пышны ночью; слышны были только размѣренный топотъ лошадей, да шумъ колесъ, пригнплемый хворостомъ и изсохшими листьями. Наконецъ, поѣздъ оспановился недалеко отъ дерева, на копоромъ сидѣлъ охотникъ. При свѣтѣ факеловъ онъ увидѣлъ нѣсколько человекъ съ заступами и лопатами, копорые принялись рыть яму подъ самымъ деревомъ. Въ тоже время два господина, судя по наружности, знапнаго происхожденія, вышли изъ кареты и почпи насилью выпащили изъ неѣ молодую прелестную даму, пышно одѣтую. Она была въ бѣломъ шелковомъ платьѣ; голова убрана цвѣтами; дѣвственныи пучекъ розъ украшалъ грудь ея; все въ ней показывало юную невѣсту, ведомую къ алтарю женихомъ; но волосы ея были распрепаны; заплаканные глаза, блѣдное и унылое лице, изъявляли горестъ и ужась. Болѣе влекомая, нежели поддерживаемая спутниками, она неволью шла съ ними; иногда она вырывалась изъ рукъ ихъ, падала на землю и обнимала ихъ колѣна; охотникъ слышалъ, что она называла ихъ братьями и умоляла пощадить жизнь ея. Все было напрасно; гонители ея казались неумолимыми, и одинъ изъ нихъ съ звѣрскою жестокостью опшполкнулъ еѣ отъ себя.

«Чего вы отъ меня хотите, говорила она, и за чѣмъ привезли меня сюда?»—Вы это знае-

те, сударья. — «Пустота и мрачность сихъ мѣстъ приводятъ меня въ ужасъ.»—Вы здѣсь не однѣ.—«Къ чему эпи погребальныя пригтовленія? Добрые братья, не погубите меня!»—Ваши братья! нѣтъ, сударья, вы ошибаетесь: вы не принадлежите болѣе къ той фамили, которую вы обезславили.—«Заклинаю васъ Богомъ, не умерщвляйте меня! Неужели я должна погибнуть въ цвѣтъ лѣтъ! Какъ ужасна смерть тогда, какъ за минутой предъ симъ я могла быть счастливою!» — Надобно однакожь вамъ рѣшиться на то, сударья: слезы напрасны; послѣдній вашъ часъ насталъ. Вамъ оспается умереть.—«Остановитесь! ради Бога остановитесь на минутой и дайте мнѣ пригтовиться!»—Пора; оставьте ваши жалобы, намъ нѣкогда ихъ слушать.

При сихъ словахъ онъ подалъ знакъ своимъ людямъ; могила была вырыта, и не смотря на просьбы и слезы, несчастная брошена въ неѣ. Еще раздавались прерывистые вопли, но скоро нѣсколько лопатъ земли скрыли злополучную и заглушили послѣдніе ея стоны!... Злодѣйство совершилось!... Двое незнакомцевъ сѣли опять въ карету, которая поскакала прочь; за нею послѣдовали служители, и скоро воцарилась прежняя тишина.

Охотникъ едва переводилъ духъ, спрашася быль открытымъ; наконецъ, когда карета исчезла, и чуть вдали слышенъ былъ топотъ лошадей, онъ осмѣлился слезть съ дерева. Пораженный ужаснымъ явленіемъ, коего былъ свидѣлемъ, онъ былъ въ нерѣшимости, что ему дѣлать; не имѣя нужныхъ снарядовъ, онъ не въ состояніи былъ помочь несчастной жертвѣ брашней злобы. Съ другой стороны, онъ опасался навлечь на себя подозрѣніе въ убійствѣ, если ночью въ лѣсу увидятъ его съ мертвымъ тѣломъ. И такъ, онъ рѣшился идти къ *Трессону* и объявивъ ему о случившемся. Онъ отправился въ замокъ; ворота были заперты; надобно было долго дожидаться, пока ихъ отперли. Наконецъ вышелъ привратникъ: охотникъ просилъ доложить о себѣ *Трессону*, увѣряя, что ему непременно должно тотчасъ увидѣться съ *Трессономъ* и сообщить ему о важномъ дѣлѣ, которое не терпитъ никакого отлагательства. *Г. Трессонъ* былъ уже въ постелѣ; его разбудили;

онъ послѣшно одѣлся и велѣлъ впустить охотника. Послѣдній благосклонно былъ принятъ. *Трессонъ* внимательно выслушалъ рассказъ его; сердце его сильно было расстроено; онъ изъявлялъ живѣйшее безпокойство о томъ, не поздно ли будетъ спасти несчастную. Тотчасъ приказалъ онъ людямъ своимъ идти въ то мѣсто, которое укажетъ имъ охотникъ, и самъ послѣшилъ за ними вслѣдъ. Между тѣмъ, время проходило въ сихъ пригтовленіяхъ, и уже спало разсвѣтанье, когда *Г. Трессонъ* прибылъ на мѣсто: люди его тотчасъ принялись разрывать могилу. Всѣ взоры, устремленные на одинъ предметъ, свидѣльствовали о безпокойствѣ присутствующихъ; сердца ихъ сильно претепали въ мучительномъ ожиданіи. *Г. Трессонъ* болѣе всѣхъ былъ въпревоженъ: надежда, страхъ, сожалѣніе, ужасъ, попеременно волновали его душу, и изображался на лицѣ его. Наконецъ въ глазахъ его блеснула радость, когда онъ увидѣлъ лице молодой дамы, когда она открывъ глаза испустила тяжелый вздохъ. Но надежда польстила только на минутой: несчастная не могла снести открытаго воздуха, которымъ она столько времени не дышала. Это произвело въ ней сильное потрясеніе, и она снова закрыла глаза навѣки.

Тронутый до глубины сердца ея несчастіемъ и красотою, *Г. Трессонъ* пролилъ слезы, и не могши оказать другаго участія въ судьбѣ ея, онъ устроилъ по крайней мѣрѣ для нея пышныя похороны, прилично высокому званію, которое она повидимому носила въ жизни. Воздавъ послѣдній долгъ праху ея, онъ послѣшилъ исполнить другую, столь же священную для него обязанность, употребивъ всѣ старанія къ открытію убійцы; но всѣ розыски были напрасны; не могли узнать ни имени сей молодой дамы, ни причины столь жестокой участи ея; происшествіе сіе до сего времени покрыто непроницаемымъ мракомъ. Между тѣмъ воспоминаніе о немъ сохранилось, благодаря *Г. Трессону*. Брачная одежда, пучокъ розъ и вѣнокъ юной невѣсты, по назначенію его, перенесены были въ церковъ замка, и до самой революціи 1789 года находились въ оной.

ЗАТМѢНІЕ СОЛНЦА НА МОРѢ.

Видъ моря былъ прекрасенъ, пшха была поверхность его, легкіе спруи едва рибили верхи тяжелыхъ валовъ, которые несясь отъ южнаго полюса, разбивались о мысъ Добрая Надежды. Легкій въперокъ, чистое и безоблачное небо, теплый и живописный воздухъ услаждали мореходцевъ. Корабль разскалъ волны моря; паруса его, поблѣвшие отъ продолжительнаго употребленія, обвивались вокругъ мачты; бѣгъ его приближалъ насъ къ Франціи, опечеству, котораго мы не видали уже при года. Всѣ сердца препепали отъ радости; каждый заранѣ восхищался тѣмъ, что обниметь друзей своихъ. Всѣ лишенія, всѣ преперпѣнныя бури забыты при видѣ сей цвѣтущей земли, столь долго желанной, предмета счастливыхъ грезъ во время безпокойнаго сна, прерываемаго качкою корабля, прескомъ и скрипомъ сплоченныхъ досокъ и свискомъ въпра, рвущаго снасти. Взоръ блуждалъ по морю, эпою обманчивой спшхи: по прелесной, подобно первой улыбкѣ дѣвы, по грозной и неукротимой, подобно воплю разгнѣваннаго исполна. Надъ симъ безпредѣльнымъ океаномъ одно небо склонялось шапромъ, опдѣляясь отъ моря преградою тумановъ. Подобно убѣгающей Ипакѣ, котораю щепно обольщала Улисса надеждою, скопившіеся вдали облака представляли собою лѣсиспый край, высокія горы, многолюдные города. Нѣсколько солнечныхъ лучей сквозь облака сія, представляли намъ порпшкки, или нѣкотораго рода разрѣзы ихъ обманчивыхъ зданій. Морскія пшщцы, однѣ порхали подобно голоднымъ хшщникамъ, другія спокойно носились надъ прозрачною поверхностью, которая плѣнипельнѣе всѣхъ луговъ, оживленныхъ дыханіемъ весны. Едва спрѣлка на Брегефовыхъ часахъ показала 45 минутъ одиннадцатаго, какъ небесный блескъ началъ спшкнупъ. Поблѣднѣли лучи солнца, которые проникая сквозь эфиръ, распротраняли въ нашемъ составѣ живописную теплоту. Они почти совсѣмъ угасли. Какая-то попка налега на все живущее; невольная дрожь, судорожное препепаніе пробѣгало по всѣмъ нашимъ членамъ, и блѣдножелтый цвѣтъ, наве-

денный на всю природу, вдыхалъ въ насъ благоговѣнный спрахъ, который еще болѣе усилился, когда кругъ солнца скрылся за лкомъ луны. Затмѣніе было совершенно кольцеобразное. Море, за минуту предъ тѣмъ лазурное, превратилось въ оливковое; небо столь прозрачное и пшхое, подобное образу Создателя, представляло видъ умирающаго отъ желтой лихорадки. Термометръ, показывавшій 27 градусовъ, опустился до 19-ти; и когда кончилось сопркосновеніе двухъ свѣтилъ, имѣющихъ вліяніе на нашу планету, мертвая пшшина все еще пшгопѣла у насъ на душѣ, и сомнительный, желтый цвѣтъ, столь долго утомлявшій глаза наши, казалось, еще царствовалъ, покрывая насъ печальнымъ спшкомъ. Адамаспортъ, эпотъ грозный исполнѣ, котораго *Калиостъ* назвалъ спражемъ на оконечности Южной Африки, близъ мыса, столь спрашнаго для Васко дѣ Гамы; эпотъ исполнѣ, о спшпы котораго разбиваются корабли и волны; котораго пздѣвается надъ яростію бури; Адамаспортъ, казалось, открывался передъ нами по манію Всемощной десницы.

Пер. В. Соголовъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ТРИ ЗАВѢТНЫЯ ПѢСНИ.

Въ дни юности и сладостныхъ томлений,
 Когда душой я мирно ликовалъ,
 Передо мной явился свѣтлый Геній
 И мнѣ пропѣлъ при пѣснѣ завѣщаль.

И первую пропѣлъ уже давно я,
 Игривую, какъ дѣтскія мечты:
 Я пѣлъ любовь, и дружество святое,
 И шумъ пировъ, и Майскіе цвѣты.

Но съ жизнью я съ той поры враждуя,
 Всѣ радостныя спруны оборвалъ;
 Другую пѣсню началъ я, поскуя,
 Но я безъ слѣзъ еѣ не начиналъ.

И пѣсни той болѣзненные звѣки
 Со спонами сдѣлись души моей;
 Уныла пѣснь, какъ поцѣлуй разлуки
 И съ каждымъ днемъ печальнѣй и слабѣй.

Но утомясь душа подъ игомъ горя,
Къ прекрасному любовь уберегла.
И, какъ обломокъ въ бурныхъ волнахъ моря,
Надежду на грядущее спасла.

О не гаси-жь свой факелъ, добрый Геній,
Въ душѣ моей любви не угашай,
И въ рѣдкія минуты вдохновеній
Мнѣ мой объѣтъ свѣтлой напоминай!

Благослови, чпобъ съ рокомъ примиренный,
Когда нибудь, въ кругу моихъ друзей,
Порадовалъ ихъ звучной, вдохновенной
Я пѣсню торжественной моей!

М. Сорокинъ.

12 Февраля
1852.

О Б Ъ Д Ъ.

(Отрывокъ изъ сатиры: Подражаніе Буало.)

Скажи любезный другъ, зачѣмъ пакъ приунылъ
И даже цвѣтъ лица не можь, чпо прежде былъ?
Чпо сдѣлалось съ тобой? ты должень мнѣ при-
знашься.

Согласенъ; но сперва дай съ духомъ мнѣ со-
браться.

Ты знаешь, чпо вчера — Ароновъ, мой сосѣдъ,
Меня къ себѣ позвалъ на праздничный обѣдъ?
Не знаю, живъ ли я, и точно въ самъ дѣлъ

Едва послѣ того душа оспалась въ шѣлъ! —
Пріѣхалъ я къ нему — и вопъ ужъ у крыльца
Вспрѣчаюшь всѣхъ гостей два сына-молодца.

Я только изъ саней, они меня схватили,
И лобызаньями чупь, чупь не задушили!

Насилу вырвался: въ переднюю вхожу,
И чпо-жь, — предспахъ себѣ, у нихъ шупъ на-
хожу?

Лакеи безъ сапогъ въ при липника играюшь,
Кричащъ, шумящъ бранясь, и картами броса-
юшь;

Лубочные липки песпрѣюшь по стѣнамъ;
Бупылки съ проспикомъ мелькаюшь по угламъ;
Собаки бѣгаюшь лягавыя, борзья;

И дѣщи кучеровъ въ опрепьяхъ и босыя —
Съ конюшни прибѣжавъ — себѣ подачки ждушь,
И шумной бѣгопней покоя не даюшь.

Увидѣвъ это всё — тогда липъ догадался,
Чпо вовсе не въ свое я общество попалъ. —

*

А дѣлать нечего! — Въ госпшную пошоль
И въ залъ увидалъ уже накрышый столъ,
Покрышый скашерпью; но пакъ она опряпна,
Чпо полгода на ней всё прибавлялись пяпна.
Приборы сломаны, салфейки всѣ въ дырахъ,
И спулья не вездѣ крѣпюньки на ногахъ. —
Вхожу въ госпшную: — шупъ госпи находились,
Въ боспюничкѣ и ламушь по грошкку пруди-
лись.

Хозяинъ въ плафрокѣ ко мнѣ здѣсь подошелъ,
И съ разной сволочью знакомпшь повелъ.
Спарушки — сидя шупъ, о пряхѣ полковали,
И ссорясь межъ собой — креспились и въздыхали;
Младья дѣвушки, — иной хопъ сорокъ лѣпъ,
Изводящъ рядышкомъ сидѣшь — цѣня весь
свѣпъ —

И въ фанты съ хватами армейскими играюшь;
А тѣ за вздохи ихъ умилъно пазываюшь —
Ту незабудкою, пу розой молодой,
Хопъ двадцать лѣпъ она распалась съ кра-
сосою.

Но это въ спорону; мы съ дамами проспимся,
И къ завпраку скорѣй съ побоею обратимся!
Лакей оборванный, и въ пабакъ весь носъ,
Поставиль съ важносшью къ намъ съ закусками
подносъ:

Въ лампадномъ маслѣ шупъ явилася селѣдка,
Лѣпъ въ сорокъ курица и мѣшаная водка;
Хозяинъ самъ госпямъ закуски подносишь,
И какъ микспуру я — селѣдку проглотиль!
Слуга же, какъ герольдъ, и это было ново,
Такъ громко заревѣлъ, чпо кушанье гошово,
Чпо чупъ не оглушилъ; хозяинъ шупъ привспалъ,
И шествулъ впередъ — обѣдащъ насъ позвалъ. —

Пришли, усѣлися, я только озирался,
И на уборъ спола — сердился и смѣялся.
Внимай, любезный другъ! рѣшилъ разсказать,
И блоды — какъ могу сходнѣе описанъ.

Во первыхъ: шупъ широгъ съ короной величавой
Вздымался на столъ, какъ Ельборусъ дву-
главой.

Въ капуспѣ, *во вторыхъ* — шупъ жирный гусъ лежалъ;
Еще издалека онъ запахомъ пугалъ.

Капаунъ исперзанный, какъ будто послѣ бпшвы,
Зажаренъ съ зайчикомъ — домашнія ловипшы.

Подовы широгы — и пешеревъ хлухой —
Спояли рядышкомъ съ селянкою свиной,

И упка пощяя, по салу выплывала,
Какъ будто бы въ прудѣ съ упяпами гуляла!

А въ довершеніе — суиъ съ горькимъ мпндалемъ —
Въ шарелкахъ преснувшихъ расплавень былъ
кругомъ.

Квасъ кислый и пиво домашнее носили,

И не Бургонскимъ насъ — Медокомъ насъ поили;
Въ стаканахъ пяперней намазана печать,
Что ихъ изволили лакеи полоскать.

Къ несчастью, шипъ изъ нихъ не могъ я опка-
заться,

Пришлось межъ двухъ сынковъ хозяйскихъ мнѣ
попасться.

Злодѣйской сей обѣдъ — въ душѣ я проклиналъ,

И съ сердца — на себѣ чужь волосы не рвалъ;
Но съ каждымъ блюдомъ — мнѣ кричали громогласно

Хозяйскіе сынки, что это всё прекрасно,

И сами наложивъ шарелку мнѣ сполна,

Смошрѣли, чпобъ доль, хопъ пресни — всё
до дна!

А. Башкиловъ.

Ш А Р А Д А.

Я, первое, изъ цѣлаго цѣжусь;

Я, цѣлое, послѣднего боюсь.

Въ No 22, помѣщенная шарада значить: *Aspic*.

М О Д Е С.

Dans les bals donnés cette semaine, les plumes et les fleurs en guirlandes, en couronnes, et les fleurs détachées, ornaient beaucoup de coiffures; mais on y remarquait aussi des couronnes formées d'épis verts et d'épis de diamans, et des couronnes faites seulement en feuillages; c'étaient des feuilles de rosier, de lierre, de chêne, de laurier-rose, et enfin de feuilles formées avec des barbes de plumes vertes.

Les coques de cheveux, en reprenant faveur, ont ramené avec elles une double couronne peu connue, mais dont deux ou trois ont paru dans les derniers bals de la précédente année. Cette couronne, en épis jaune-doré, forme, par devant deux diadèmes, dont l'un passe sur le front, et l'autre, plus élevé, en avant des coques; ces deux diadèmes se rattachent à un léger cordon également en épis, qui ceint la tête par derrière, où il se ferme et fixe la couronne.

Les turbans paraissent avoir subi un changement dans leur forme. Au lieu de s'étendre à droite et à gauche de la tête, ils sont étroits sur les côtés, et s'élargissent par devant et par derrière. Nous en donnerons incessamment le modèle.

Les corsages de robes plissés en cœur sont toujours portés. Les manches courtes bouillonnées, pour soirées, ont des petits nœuds de ruban entre chaque bouillon, ou un seul nœud, à longs bouts, appelé nœud de page, posé en rentrant un peu du côté du corps. Quelques robes de bal ont, au lieu de nœuds de ruban, une bande de blonde de même largeur, et faite exprès pour former ce nouvel ornement.

Pl. No 9. Coiffure composée de roses d'épis et de rubans Robe ornée de rubans et de bouquets de fleurs.

М О Д Ы.

На балахъ нынѣшней недѣли много причесокъ украшены были перьями, гирляндами, вѣнками изъ цвѣтшвъ, и отдѣльными цвѣтами; замѣчены были также вѣнки, составленные изъ зеленыхъ и бриллиантовыхъ колосьевъ и вѣнки просто изъ листьевъ, какъ по: розановыхъ, плющевыхъ, дубовыхъ, Леандровыхъ, и наконецъ изъ липшьевь, сдѣланныхъ изъ волокъ зеленыхъ перьевъ.

Пешли изъ волосъ вошли опять въ употребленіе, и съ ними появились мало извѣстные двойные вѣнки; два или три подобные замѣчены были на послѣднихъ балахъ прошедшаго года. Этомъ вѣнокъ, изъ золотисто-желтыхъ колосьевъ, составляетъ спереди двѣ діадемы, изъ которыхъ одна положена по лбу, а другая повыше передъ челмами; сн двѣ діадемы прикрѣплены къ тонкому шнурку, также изъ колосьевъ; онъ перевязываетъ голову сзади и держитъ вѣнокъ.

Въ формѣ шюрбановъ, кажется, произошла перемѣна. вмѣсто того, чпобъ расширяться съ боковъ, они шупъ узки, а расширяются сзади и спереди. Мы скоро представимъ образецъ.

Лифы, сложенные складками сердцемъ, все продолжаютъ носить. На коропкихъ рукавахъ у вечернихъ платьевъ, сдѣланныхъ флорманн, пришиваются небольшіе банпикки изъ леншъ; между каждой флормы, или одинъ банпъ съ длинными концями, называемый *nœud de page*, пришилленный немного ближе къ шалии. У нѣкоторыхъ балныхъ платьевъ, вмѣсто баншовъ изъ леншъ, пришиваются блондовыя полосы, шириною въ ленту, нарочно сдѣланныя для сего украшенія.

Карп. No 9. Прическа изъ розъ, колосьевъ и леншъ. — Платье, отдѣланное лентами и букетами цвѣтшвъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходятъ по
Средамъ и
Субботамъ.

№ 24.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 №.
съ 36-ю каршинами модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
сривкою и переизыкомъ
35 рублей.

СРЕДА, МАРТА 23 ДНЯ, 1832 ГОДА.

Вся наша жизнь, о Безначальный!
Предъ тайной вѣчностью твоей
Едва минутное мерцанье,
Лучь блѣдный уприсней зари.

Дмитріевъ.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ. СТРАШНЫЙ ОФИЦЕРЪ.

Et me meminisse Juvabit!

У т р о.

Въ прекрасное Ноябрьское утро 181* года, на квартирѣ Офицеровъ, пріѣхавшихъ въ Г* для практической съемки, царствовала глубокая тишина, прерываемая изрѣдка только скрипомъ вороньего пера, усердно черпящаго горку, или щелканьемъ открываемаго и закрываемаго перочиннаго ножичка, да иногда опривиснымъ возгласомъ: «эй, трубку!»—Въ большой съ прѣмь окнами и широкими проспектами залѣ, за прѣмь большими столами чертили планы 6 Офицеровъ. Непремѣнно хочу описать эту комнату: пусть читатели, которыхъ привелъ случай побывать въ ней, её узнаютъ. Я увѣренъ, что если не сравнять они меня въ почтении описаній съ Бардомъ Шопландиномъ, столь не кспавшимъ себя Исторіею, которой бы ему писать не должно было: то, по крайней мѣрѣ, сознаются, что и ему бы нельзя было описать вѣрнѣе малѣйшія подробности сей военной обители. Въ каменномъ двухъ-этажномъ

домѣ купца *Леонтьева*, прямо съ единственной, грязной и въспѣ парадной лестницы, пропустивъ обыкновенныя стеклянныя Русскія на право и на лѣво галлерей, входиле въ залу—и взоръ вашъ встрѣчаетъ и объемлетъ вышереченные при столѣ. На лѣвой стѣнѣ въ военно-системамическомъ порядкѣ висѣло болѣе дюжины охотничьихъ ружей, съ ягташами, панпронпажами, фляжками, дробницами и порошницами, паръ 8-мъ пистолетовъ и по полдюжины шпагъ и сабель; на полкахъ, съ полу начинающихся, и, какъ весьма замѣтно, наскоро сдѣланныхъ, лежали книги, планы, гоговальни, компасы, сложенные 10-пш саженыя цѣпи, ящики съ красками, перья, сургучъ и бумага всякой руки. Въ двухъ проспектахъ между окнами висѣли трубки всѣхъ сортовъ, нѣжно лобызаемыя клесками разнаго размѣра, вещества и цвѣта. У правой стѣны, въ роспѣ человеческій коврами обитой, сполли два разнокалиберные стола, разнокалиберною посудомъ уставленные. Тутъ были перемѣшаны серебряныя тарелки съ жемчужными и фаянсовыми, серебряныя стаканы съ стеклянными и хрустальными, Саксонскій фарфоръ съ Кіевскимъ фаянсомъ; ложки, ножи, вилки серебряныя, желѣзныя и даже деревян-

ныя. Всё это однако же расплавлено, или, почтеннее сказать, в приятном беспорядке, но не без вкуса разбросано. Два проспекта задней спальни, разделенные дверью, в которую вы теперь вошли, любезный чипапелъ, загромождены были кипой чемодановъ, покрытою коврами; она замѣняла широкіе, мягкіе, покойные, роскошные диваны, для пылкой, удалой молодѣжи—обитавшей въ сей комнату.

Ежели прибавить, что на лѣво заколоченная дверь вела въ залу, занятую капелью Конно-Егерскаго полка, въ семь городъ кваршировавшаго; а на право въ маленькую комнату, которая служила спальнею нашей военной молодѣжи: то, боюсь, и самому придирчивому кришкуну въ семь описаній ничего пересудить не останется.

Уже было за-полдень, когда Прапорщикъ N. съ шумомъ оподвинулъ спуль, вскричавъ: «слава Богу, насилу кончилъ этошь проклятой оврагъ и эту несносную гору; мнѣ право легче перелепѣть черезъ первой и вихремъ взнесшися на вершину второй на Донцѣ моемъ, чѣмъ вычерпшпъ ихъ на этой бѣлой бумагѣ. Ну что, друзья, не пора ли шабашшп? вѣдь мы съ 7 часовъ упря какъ привинченные сегодня работаемъ.»—И въ самомъ дѣлѣ пора, сказалъ Поручикъ Валерьяновъ, прикрывая свой планъ Александрійскимъ листомъ. Съ симъ словомъ заскрипѣли еще чепверо спульевъ, всю мебелировку комнаты соспавлявшие; пора, давно пора, сказалъ Зельцеръ; ну пора пакъ пора, подхватилъ Николаевъ, и шестисуспное завтракать раздалось въ залѣ.—Изрядно, даже хорошо, сказалъ Валерьяновъ, смотря работу N.; какъ въ напурѣ вижу этошь оврагъ; вопъ на этой инструменпальной почкѣ закурили мы съ побой прубки, пупъ, возлѣ дерева, подъ которыми мы съли отдохнутъ; только пологоспи пвои не довольно сливаюпся.»—Ахъ, оставъ! прервалъ N.; радуйся, что я до эпоа dospигъ; чорпъ дери всю сиптуацію, по сію пору не могу прѣспшпъ, что принудили меня войши колоновожапымъ; оба экзамена сквозъ слезы выдержалъ; хотѣлъ было и не выдержатъ нарочно, да въ первомъ школа была слишкомъ памянна, а въ Офицёрскомъ и самолюбіе и перспектива эполетная

не дали покрившп душою. Съ моимъ ли пертшпемъ черпшпъ, мнѣ ли возпшлся съ мензулою да цѣлью, и смопрѣшп прямо ли вывелъ линію фейерверкеръ Долгой или бомбардиръ Григорьевъ? Мое дѣло рисовашся на сѣдлѣ передъ взводомъ Гусаръ, и какъ бы мои черные, какъ смоль, усы приспали къ длинному моему подбородку, надъ которымъ вы всё шупшпте. Теперь я самъ опъ себя завишу и все думаю перейши, да съ вами распавашся груспно, а то бы прочъ эксельбанпъ; поли дѣло меньшкѣ съ доломаномъ; а впрое....

«Впрое, очы голубые;» сказалъ Николаевъ.—Оспавъ этошь предметъ, примовилъ Валерьяновъ; только помни мой совѣпъ, любезный N., люби сколько хочешъ, но ради Бога не поропись женишся. Но бросимъ этошь разговоръ; N. какъ разъ взбѣспшся; ей, завтракъ, прубокъ! да что никого не выдапъ, ни Конныхъ Егерей, ни Арпиллерисповъ, пора бы имъ являпся;—кспапи, вопъ идепъ Бостель, а за нимъ Павловъ. Здорово, здорово, раздалось со всѣхъ споронъ. Что пы Павловъ пакъ невесель?—«Что брапъ, сердпшп на свою харю; самъ знаю, что не красива, а все таки больно. Расскажу вамъ свое горе, но дайте напередъ поѣспъ, смерпъ голоденъ!»—И пошпъ! добавилъ Бостель.

Цвѣточки еспли полипы,

Такъ примупся, я вѣрно знаю.

Похожъ я въ эпомъ на цвѣпы;

Гдѣ принять, полипъ быпъ желаю.

И дѣло, дѣло, вскричали N. и Николаевъ.—«Es ist wohl zeit;» сказалъ Зельцеръ.—Kann nicht schaden, прибавилъ Адлеръ. Давайте ѣспъ, грянули всѣ вмѣспъ—и на двухъ подносахъ принесли закуску, на прѣпьемъ водку и бупылки съ виномъ. Одинъ изъ чертежныхъ споловъ очиспился опъ плановъ, и наши молодцы принялись закусыватъ.... и скоро пустыя блюда и тарелки доказали исправность героев, изъ коихъ спаршему не было 25-пильтъ.—«Теперь рассказывай свое горе, Павловъ! будемъ псебя слушатъ; сказалъ Валерьяновъ.—«Рассказатъ не долго, но чуръ не смѣяпся, пѣмъ болѣе, что вы мнѣ пособишп не можете.»—Я не знаю еще горя, которому съ рѣшптельнымъ хотѣніемъ нельзя пособишп! вскричалъ N.—«Полно храб-

рипсья, продолжалъ *Павловъ*; слушай и увидишь: вчера былъ я приглашенъ на балъ къ этому водочному заводчику, который, не знаю за что, тебя ненавидитъ, именно тебя, любезный N.; но это въ спорону; я его ужъ давно отбрилъ за тебя. Госпей было пропасть и въ томъ числѣ Т—вы; ты знаешь, что дочь ихъ слыветъ здѣсь красавицей.»—И кокеткой, прервалъ опять N.—«Не мѣшай мнѣ, продолжалъ *Павловъ*; кокетка или нѣтъ, только эта Т—ва такъ мнѣ показалась, что я, забывъ и свою харю и неловкость, ангажировалъ её на кадрилъ.—Je suis engagée.—Eh bien Mlle, pour la suivante.—Je suis engagée.—Я опошелъ и спалъ въ дверяхъ, любовался этою мпленскою фигуркою, эшми прелестными ножками, эшимъ живымъ взглядомъ, думая, что на третій кадрилъ она отъ меня не увернется. Возлѣ меня споялъ франтъ Секретарикъ и глядѣлъ на неё, какъ на опредѣленіе Губернскаго Правленія. Я сѣлъ на окно; кадрилъ кончился; танцующіе спали расходипсья, и Т—ва, порхая въ дверь, шепнула ему: со мной слѣдующій; я отказала этому страшному Офцеру.

«Вскипѣло решвое; но разсудокъ одержалъ верхъ; я выждалъ конецъ и впорой кадрилъ, подхожу къ Т—вой, и опять жестокое je suis engagée поражаетъ меня. Никто къ ней не подходилъ; я скрѣпился: au moins la suivante avez celle ci, Mlle!—Je suis déjà fatiguée; je n'en pourrais plus.—Признаюсь, хопя стыдно, я скафузился и поѣхалъ домой.»—Ну есть о чемъ канфузипсья, прервалъ съ живостью N. Я шебъ ручаюсь головой, что она будетъ съ побою танцовать, или я не я, а оспальное швое дѣло, только не влюбляйся; она не можетъ сдѣлать тебя щаспливымъ, а пропанцовать её съ побой заспаваю.—Заспавшись! вскричали всѣ въ одинъ голосъ. «Да, заспаваю, но съ вашею помощію; готовъ вѣкъ не переходипсь въ Гусары, вѣкъ не видѣшь моей *Наденьки*, если не принужу Т—ву обрадоваться приглашенію *Павлова* на танцы; но съ вашею помощію, друзья мои.»—Ты напроказничаешь, одурачипсья, и худо будетъ; прибавили нѣсколько голосовъ.—«Друзья мои, что вы такъ на меня нападаете, или я не утѣся, я ли не смиренъ спалъ? вопъ четвертый мѣсяцъ, какъ мы здѣсь, а я еще ни съ кѣмъ не

рубилсь, даже крупно не говорилъ.»—Кромѣ Майора ** полка, котораго заспавилъ извиписья, что онъ проврался, сказалъ *Адлеръ*.—Кромѣ заводчика, котораго чуть не побилъ, сказалъ *Павловъ*.—«Виновать ли я, что на бѣднаго Макара и шишки валяпсья?» продолжалъ съ жаромъ N: «Слушайте, друзья мои, вопъ мое мнѣніе, за *Павлова* надо опмспипсь; онъ не виновать, что не пригожь собою, да и не хорошо дѣвушкѣ танцовать только съ пригожими, эдакъ и мнѣ скоро придется никогда не танцовать. Я рѣшилсь, я хочу чпобъ Т—ва танцовала съ *Павловымъ*. Она даетъ понъ въ здѣшнемъ городкѣ, такъ намъ ли Сполчнымъ уступать? Валяй на пропаую. Будетъ съ побою танцовать, только пособише мнѣ.»—Я съ побой, ich bin dabey.—Пожалуй, pour quoi non?—Изволь; да какъ это сдѣлать? были общія восклицанія. «Очень легко:—эй, Масейка, Семень, сюда.—Ты спупай къ Ш. К. *Триллеру*, сказать, чпобы онъ непременно со всѣми знакомыми Конно-Егерскаго полка, своими и нашими, которые сегодня въ городѣ, завпра у насъ обѣдалъ; ты спупай къ *Гореву* и скажи, что всѣ Артиллеристы, и каждый изъ нихъ кого поймаетъ изъ Инженеровъ, къ намъ завпра опкушаютъ; спупайте, оспальное мое дѣло. Завпра Воскресенье, балъ въ Дворянскомъ Собраніи, Т—ва танцуетъ съ *Павловымъ*, или ни съ кѣмъ.»

Да ты съ ума сошелъ N., сказала *Валерьяновъ*; зовешь 50 человекъ обѣдать, а у насъ 25 р. въ общей кассѣ!—«А лишніе эксельбаншы на что? у кого два, подавай одинъ; у кого три, подавай два; вопъ залогъ Жидамъ; а 1 числа жалованье и деньги изъ дому; словомъ, Т—ва будетъ танцовать съ *Павловымъ*, если вы мнѣ пособише, а ежели откажетесь, такъ придется одному спарапсья.»—Пособимъ, пособишь, чпобы тебя удержатъ отъ глупости, а шалишь тебѣ не дадимъ.—«Обѣцаюсь не шалишь; прощайте.»—Куда?—«Къ купцу *Датову*, забирашь вина на завпрешній день, онъ мнѣ вѣривъ. Пожалуста, *Валерьяновъ*, вели своему Оспапу опличипсья; надо, чпобъ нашъ солдатской обѣдъ всѣмъ понравился; а я самъ обязуюсь не пропускать капли вина, и даже не писать къ *Наденьки*, пока Т—ва не пропанцуетъ съ *Павловымъ*.—А propos, я обѣдаю сегодня у

Наевыхъ; я надѣюсь п ихъ на нашу спорону склонить.»—Эпо непрудно! раздалось со всѣхъ споронъ.—«Вопъ каковы вы всѣ, вѣрипе всѣмъ слухамъ, шчете щаспья вездѣ, гдѣ его нѣпу, а оппалкиваете его, когда оно близко; будь мое сердце свободно, я бы опдалъ его одной изъ нихъ.»—Копорой?—«Да копорой нибудь, и былъ бы щаспливъ.»—При сихъ словахъ *Н.* схватилъ фуражку и вышелъ вонъ.—*Passé pour le diner*, сказалъ *Валерьяновъ*; но не допустимъ его дурачиться, я люблю его какъ брата; жаль только, что вмѣсто крови, ртуть бѣжитъ въ его жилахъ.—Лучше—скажи сѣра и селитра, которые ждуть только искры; сказалъ *Николаевъ*.—А забавно будетъ видѣть *Т*—ву, танцующую съ *страшнымъ* Арпиллерисмомъ, сказалъ *Зельцеръ*.—Молодые сослуживцы пополковали еще между собою; потомъ, кто взялъ книгу, кто сѣлъ писать, кто развалился на диванъ и кто въ самомъ дѣлѣ вздремнулъ,—и пнишина опять водворилась.

(*Окончаніе въ слѣд. листкѣ.*)

НЕ ВСЯКОЙ ДАРЪ — КЛАДИ ВЪ АМБАРЪ.

Русская пословица.

Господинъ Спашскій Совѣтникъ *Ротчевъ* напечаталъ въ *С. Петербургскихъ Академическихъ вѣдомостяхъ* проеграпно благодарность свою Издапелю *Лит. Прибавленій*, за его дѣльныя, на пвѣрдыхъ доводахъ основанныя рецензіи: переводовъ *Макбета* (трагедіи *Шекспировой*) и *Гернани* (трагедіи *Виктора Гюго*). Приемля таковой лестный, искренній опзывъ Спашскаго Совѣтника *Ротчева* съ досподолжною признапельноспію, Издапелъ *Лит. Прибавленій* желалъ бы изъ щцеславія и самокорыспности присвоить себѣ всю благодарность его *сполна*; но совѣспъ, слабыхъ душъ превога, сомовласпно повелѣваетъ ему подѣлшиться оною съ Издапелемъ *Московского Телеграфа* (1). *Г. Полевой* илметъ на то право неопъемлемое, неопровержимое.

А почему, пому слѣдуютъ пункты:

Въ Но 21-мъ *Московского Телеграфа* 1831 года, на спр. 79 и слѣдующихъ напечатано:

(1) Въ Но 18-мъ *Молвы* переводы *Г. Ротчева* также названы *пложими*.

— «*Макбетъ*; трагедія *Шекспира*; изъ сочиненій *Шиллера*; переводъ *А. Ротчева*. С. П. Б. 1830.

«*Гернани*, или Каспильская честь; трагедія *В. Гюго*; пер. *Ротчевъ*. С. П. Б. 1830.

«*Г. Ротчевъ* въ два года напечаталъ переводы четырехъ большихъ драматическихъ пвореній: *Шиллеровой* Мессинской Невѣсты, *Шиллерова* Вильгельма Теля, *Шекспирова* Макбета (съ Нѣмецкаго *Шиллерова* перевода), и *В. Гюго* Гернани. Такая плодовиость изумпельна!»—воскликаетъ *Г. Полевой*.

И, опдохнувъ опъ изумленія, продолжаетъ: «будемъ ли заключать изъ разнообразія пвсъ и быстроты ихъ появленія, что эпо переводы нѣпные и ничпожные? Мы оппбемса. Почтемъ ли ихъ переводами хорошими? И съ эспимъ согласшсья нѣльзя, безъ нѣкоторыхъ условій.

«Переводъ долженъ быть вѣрнымъ спскомъ сущности, внѣшнихъ формъ и малѣшкихъ подробностей подлинника. Тамъ только, гдѣ Авпоръ рѣшительпо непереводинъ, переводчикъ долженъ выкупить себя возможно близкимъ *подражаніемъ*; во всемъ же помя, что переводимо, онъ идетъ вѣрнымъ шагомъ съ Авпоромъ; а главное: передаетъ намъ душу, колоритъ, оппѣнки пворенія чуждаго. Вопъ переводъ совершенный!

«Такихъ немного, и едва ли еспъ даже пакіе переводы (2). Въ новѣшее время, послпгая народность лптерапуръ, самобыпность языковъ, мы убѣждаемса, что подобные совершенные переводы — почти невозможны. Читайте *Бенду* и *А. Шлегеля*, переводившихъ *Шекспира* — превосходно, вѣрно; слышите съ подлинникомъ—не то! Напрасно *Бенда* изумляетъ точностию; напрасно *Шлегель* хочетъ поэзію, звучностию Нѣмецкаго спска замѣнить нѣкоторыя опспупленія: одинъ сухъ, другой прелеспень, но — эпо *Шлегель*, не *Шекспиръ*!

«Хотя съ другою цѣлью, прежде хотѣлъ *передѣлывать* переводы. Такъ поступали Фран-

(2) А переводы *Жуковского*, *И. И. Длптріева*, предложение *Иллады Гюльдегель*, Сонетовъ *Мицкевичевыхъ* *Полланскимъ*, Абидоской Невѣсты *Козловымъ*, Паризны *Вердеревскимъ*, *Шиллеровыхъ* трагедій *Шинковымъ*? — В.

дузы съ Испанцами. Но это было рѣшительное уродованье. *Флоріаны, Дюсисы*, въ глазахъ нашихъ грѣшники неспершимые.

«Средину между пѣмъ и другимъ занимаютъ переводы, которые учившими Французами назывались вспарину: *belles infidèles*. Переводчикъ не передѣлываетъ, не подражаетъ—переводитъ; но какъ? Не слѣдуя съ почтоспю за каждымъ словомъ, за каждою подробностью, онъ держится смысла подлинника, и говоритъ свое. Къ несчастію, внутренній смыслъ такъ бываетъ связанъ съ формами выраженій, какъ душа съ тѣломъ. *Подлинникъ конечно будетъ видѣнъ, но это фантазмагорія, рисунокъ карандашемъ съ картины. Таковы переводы Г. Ротчева* (3).

«Откажемъ ли имъ въ достоинствѣ, а переводчику въ заслугѣ?» — возглашаетъ Издатель *Моск. Телеграфа*, и самъ на свое возглашеніе отвѣтствуетъ: «нельзя, особливо у насъ.»

«Если переводы перваго рода есть истинное, неподдѣльное богатство литературы, за то они рѣдки, и при рѣдкости почти всегда имѣютъ также свои неудобства. Указавъ на Германцевъ, *Бенду* и *Шлегеля*, укажемъ на нашего соотечественника — Господина *Вронченко* (4). Его *Гамлетъ* удивительно вѣренъ подлиннику; но въ немъ также есть недоспапки, именно: нѣтъ той поэтической гармоніи выраженія, какая звучитъ въ стихахъ *Шекспира*. Если бы съ превосходнымъ даромъ хорошо понималъ и вѣрно передавалъ *Шекспира*, въ чемъ никто не откажетъ Г. *Вронченко*, онъ соединилъ опчепчивость и гармонію стиховъ, на примѣръ, *Пушкина*, то болѣе нельзя ничего бы было претбовать для совершенства.

«Не ищите въ Мессинской Невѣстѣ Г. *Ротчева*, этаго древняго шипа, эпой роскоши,

(3) Ну, не правъ ли Издатель Лит. Прибавленій, желая поддѣлиться съ *Полевыми* благоволеніемъ Г. *Ротчева*? — В.

(4) Г. *Полевой* склоняетъ собственные имена, кощачошляса на о. У него выходитъ:

Им. Буало, Род. Буала, Дат. Буалу, Тв. Буалоли, Предл. о Буалъ.

См. сію же книжку М. Т. стр. 81, строки 8-я и 14-я сверху. — В.

хоровъ *Шиллера*;) говоритъ въ заключеніи своей рецензіи Издатель *Моск. Телеграфа*: «ни въ *Вильгельмъ Тель* простоты Швейцарскихъ нравовъ, патриархальнаго смиренія героевъ, въ какомъ являютъ ихъ подлинникъ. Такъ и въ *Макбетъ* нѣтъ суровой дикости, ужасающей поржеспвенности *Шекспира*, а въ *Гернани* роскоши Андалузій, и кипящей спраспями бѣшеной Каспильи, чѣмъ восхищаетъ *Гюго*. Но стихъ Русскаго переводчика *звученъ*, силенъ, часто подходитъ къ подлиннику довольно близко. Еслибъ Г. *Ротчевъ* могъ быть разнообразнѣе въ выраженіи, опспалъ опъ привычки къ несвязнымъ, какимъто разорваннымъ фразамъ и стихамъ и строже смотрѣлъ за ихъ плавностью, стихи его были бы превосходны.»

Не всякой даръ — клади въ амбаръ!

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПЕТРЪ И МАРІЯ.

Лоцманъ, одинъ изъ поэтическихъ образовъ моря; лоцманъ, который родился на пескѣ, спитъ на краю бездны, умираетъ въ волнахъ.

Вы его знаете, онъ живетъ на взморьѣ; одной ногою держится на скалѣ, другою на берегу; небосклонъ служитъ для него садомъ.

Большіе города существуютъ не для него; ему неизвѣстна зелень; шумъ и веселье ему не понятны.

Онъ добрый семьянинъ; лоцману нужны прудолубивая жена, которая бы сушила на солнцѣ волосяную нить уды, проникнутую соленою водою; здоровый сынъ, коего дѣло прикрѣплять верѣвки для подвязыванія парусовъ; дочь, которая плела бы сѣпи и сшивала паруса.

Всѣ это живетъ и дѣйствуетъ на берегу моря, покрытомъ хрящемъ, раковинами, кораллами, пѣною и посыщаемомъ бурєю.

Вѣтеръ! Какъ они его угадываютъ! Когда порывы его колеблютъ хижину, это знакъ благопріятный для мореходца; когда же издали слышны исполнскіе и звучные шаги его, тогда пловцы претещутъ. Какъ имъ понятенъ ихъ звукъ! Ребенокъ говоритъ: чу! буря! Онъ поднимаетъ свой маленькой пальчикъ — и вы

ничего не видите, кроме яснаго неба, спокойнаго моря; ничто не шелохнется: гдѣ же буря?

Вы не слышите её? Посмотрите, какъ вздымается море, какъ небо будто падаетъ на землю, какъ небосклонъ сражается съ небосклономъ; но вопъ приснулъ дождь, воздухъ спановится мрачнѣе и мрачнѣе, раздаются яроспные удары грома. Посреди сей пымы взоръ лоцмана различаетъ сѣрый парусъ, или мачту безъ парусовъ, или корабль безъ мачты, мачту безъ корабля.

«Скорѣе на море, *Петръ!* въ чѣлнѣ, *Марія!* спѣшите опъ берега въ опкрытое море; просны всё!»

Совершился ли благополучно его плаванье, или захлестнѣтъ валомъ чѣлнѣ его? Подобно пшщѣ, подобно мопылькѣ, подобно какъ бы горящему парусу, дымящемуся въ пѣнѣ, онъ скачетъ, лепитъ, капштся, исчезаетъ; онъ глопаетъ и выбрасываетъ изъ себя соленую воду, какъ рыба.

Для чего же подвергаетъ жизнь свою опасности добрый опецъ семейства, бѣдный лоцманъ? Для чего оставляетъ онъ пещлую свою хижину, свою моховую поспель, споль высокую и мягкую? Опца ли онъ вспрѣчаетъ? гибнетъ ли сынъ его? ожидаетъ ли онъ сокровищъ изъ Лимы? получилъ ли онъ въ наслѣдство богатый запасъ сахару, кофе, хлопчатой бумаги, табаку изъ Ямайки или Маракайбо?

Онъ никогда не зналъ, не видывалъ эпаго корабля; бытъ можетъ, онъ врагъ его, врагъ его опечесства, вѣры, бытъ нѣкогда его совмѣспникомъ; что нуды? Эпо его не оппанавлваетъ.

«Сюда, сюда конецъ канапа!»

— Добро пожаловать, лоцманъ! добро пожаловать! взойди на корабль! —

И онъ входитъ на пѣлубу. Капшпанъ обнимаетъ его, мапросы привѣспивуютъ, подшкшперъ закуриваетъ свою трубку и подаетъ ему.

«Тебѣ принадлежитъ кормило корабля! Опнынъ пы начальникъ, власпелнѣ его, послѣ Власпшпеля вселенной!»

И скромный, добродушный лоцманъ, избѣгаетъ обнаруженныхъ скалъ, опмѣлей, шкваловъ, минуепъ залцвы, обходитъ мысы, владѣептъ вѣспромъ, наблюдаетъ компасъ, носъ корабля, и говоритъ: «смѣлье, друзья!»

Такъ, благодаря доброму лоцману, вы увидшесь опяпъ съ друзьями своими на берегу; они ждупъ васъ въ пристани; ваши сестры возмужали со времени разлуки съ вами.

Всѣ будутъ спасены, чай, котораго не останепся пшпъ лоцману; шерспъ, на которой бѣдной женѣ его ншкогда не опдыхалъ послѣ родовъ; золото, изъ котораго не сольютъ и обручальнаго кольца для его дочери.

Конецъ бѣдамъ! буря прошла! вопъ пристанѣ: онъ не вспушптъ въ неё.

«Сколько тебѣ нудно, добрый лоцманъ, за спасеніе корабля, пмущества и жизни?»

— Десять франковъ.

За десять франковъ *Петръ* пожаловалъ жизнью!

Онъ заспушплъ мѣспо своего дяди, погбшаго въ яроспномъ ураганѣ, бывшемъ въ 1788 году, на берегу Паимполя; дѣдъ его пшлъ пу же учаспъ; онъ....вы видите его. Бѣдная *Марія!*

Но онъ оставилъ послѣ себя сына, юношу съ золотыми кудрями, который пакже мореходецъ.

Кпо знаетъ о смерти его? Ни въ одномъ періодическомъ изданіи не сказано о ней.

Что нуды? слезы друзей оросили его могилу.

Какія чувспва возбудилъ бы сей прогашельный предметъ, еслибы живое воображеніе и испшнный паланпъ какого ншбудь Лаурнора одушевилъ его на холспѣ!

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

О счастья, въ жизни сей, различно разсуждають;

Всѣ гоняшся за нимъ и всѣ его желаютъ;

Вопъ, на примѣръ, Дамонъ — счастливый человекъ!

Онъ съ трубкою въ рукѣ проводитъ цѣлый вѣкъ;

И въ цѣлый Божій день — одну заботу знаетъ:

Набшптъ желудокъ свой — поѣсптъ и засыпаетъ!

И нуды нѣтъ ему, что мужъ онъ и опецъ!

Счастливъ ли онъ? — да, счастливъ, какъ глупецъ!

Л. Якубовичъ.

НОЧНОЙ КРИКУНЪ. (*)

(*Баллада.*)

«Проснишесь, люди! полночь била,
Слезами кровлю оросила.
Молишесь! молившы чась!
Усердно Богу помолишесь
За упокой любившихъ васъ.
Проснишесь, проснишесь.»

Юноша.

О ты, чѣй взоръ еще молодой
Печали горькихъ слёзъ не знаешь,
Ты не пугайся, Ангелъ мой!
Не для усопшихъ призываетъ
Тебя полночный эпитъ бой;
Явился тихо, безъ испуга:
Тебя пвой другъ зоветъ и ждётъ!
Явись и пайны въ сердце друга
Твое пусть сердце перельётъ!....
«Проснишесь, люди! полночь била,
Слезами кровлю оросила.
Молишесь! молившы чась!
Усердно Богу помолишесь
За упокой любившихъ васъ.
Проснишесь, проснишесь!»

— Уже ли полночь такъ пройдешь
Печальной, мрачною порою?
И ни листочекъ не спадешь
Мнѣ на главу?... Ночною тьмою
Окрытый другъ пвой долго ждетъ...
Проснись скорѣй, мой Ангелъ ясной;
Къ тебѣ възываетъ онъ давно!...

(*) Съ 1616 года были въ городѣ Дуэ (Douai) учреждены такъ называемые *ночные крикуны* (Crieurs de nuit); ихъ было по одному въ каждомъ изъ шести приходоу сего города. Они начинали свой обходъ съ 11 часовъ вечера и возвѣщали о себѣ сначала звономъ колокольчика, кошорый носили съ собою, а потомъ съвдующимъ окланкомъ:

«Eveillez-vous, gens qui dormez,
«Priez Dieu pour les trépassés.»

21 Сентября 1792 года, во уваженіе просьбы всего города, мѣстное Начальство положило копецъ сему безпокойному обычаю.

Но зовъ перяется напрасно:
Не раскрывается окно!
«Проснишесь, люди! полночь била,
Слезами кровлю оросила, и проч.»

Дѣва.

— Я здѣсь, мой милый, посмотри, —
Младая дѣва прозвучала:
Чпобъ полночь упренной зари
Своимъ презвономъ не подняла;
Ужъ разсвѣпаетъ... Слышамъ, при
На башнѣ только чпо пробило?
Оспавъ скорѣе свой презвонъ;
Народъ разсердился, мой млдой,
Чпо такъ его шревожатъ сонъ.
«Проснишесь, люди! полночь била,
Слезами кровлю оросила, и проч.» —

— Ахъ, Господи!... вскочивъ со сна,
Спарушка шепчетъ и креспился:
Экъ—нынче полночь какъ длинна!
Не до разсвѣпа ли продлился?
Еще не помню, чпобъ она
Такъ долго слёзы проливала
За недовольныхъ упокой.
Когда-бъ она не напутала
Мое-шо дилпашко собой!
«Проснишесь, люди! полночь била,
Слезами кровлю оросила, и проч.»

Её по упру посѣпшилъ
Пришли болпливья сосѣдки,
И спали дѣвѣ говорилъ —
Въ одно, и машушки и дѣпки,
Чпо на минупу глазъ закрылъ
Какой-то имъ покойникъ не далъ...
И дѣву смѣхъ сердечный бралъ:
Подробно эпитъ Ангелъ вѣдалъ
Какой мерпвецъ ихъ сонъ смущалъ!
«Проснишесь, люди! полночь била,
Слезами кровлю оросила.
Молишесь! молившы чась!
Усердно Богу помолишесь
За упокой любившихъ васъ.
Проснишесь, проснишесь!»

Съ Франц. В. Романовичъ.

Листокъ изъ Альбома П. Г. Сілнова.

Далеко отъ своихъ, — неизгнанный изгнанникъ —
Я здѣсь скипаюся, какъ безпріютный спранникъ;

Ни пѣсни жавронка, ни прелести весны
Меня не радуютъ: младенческіе сны

О мнѣхъ, о друзьяхъ, о роднѣ далёкой —
Волнуютъ сильно грудь и будятъ вздохъ глубокой...

Г. Д. Т.

Царство Польское.

С H A R A D E.

Mon premier depuis peu se fabrique en papier;
Qui viendra m'endormir aux sons de mon dernier?

Si les yeux vous font mal, usez de mon entier.

Въ No 23, помѣщенная шарада значить: *Вино-градъ.*

M O D E S.

Bijoux. — Des coiffures grecques et romaines continuent d'être en faveur, et on invente tous les jours de nouveaux bijoux pour les orner. M. Bourguignon vient de faire une flèche très-gracieuse, dont la tête est terminée par une étoile qui est d'un effet charmant au-dessus des coques. Il a fait aussi en pierres de toutes couleurs des pommes de pin, qui scintillent admirablement au travers des boucles et des tresses de cheveux. Les camées ont une vogue toujours croissante; l'aigle-marine se porte aussi beaucoup cet hiver; quant aux diamans on sait qu'ils sont la mode de tous les tems, de tous les âges, de tous les pays; leurs changemens consistent dans leur manière d'être montés. Depuis peu les bijoutiers en ont arrangé en couronne à *la Cérés*. Les épis sont en diamans, et les fleurs en rubis, émeraudes et autres pierres de couleur; les boucles-d'oreilles se font en girandoles, elles ont trois ou cinq poires suspendues à un gros bouton; il y en a de très-jolies en camées assortis au camée que l'on place sur le front lorsqu'on a une coiffure habillée.

М О Д Ы.

Вещи. — Греческія и Римскія прическія все въ большомъ употребленіи, и всякой день выдумываютъ новыя вещи для украшенія. Г-нъ Бургишонъ сдѣлалъ недавно весьма красивую спрѣлу, съ звѣздою на концѣ головки; видъ ея прелестень сверхъ пепель. Онъ сдѣлалъ также сосновыя шишки, изъ разноцвѣтныхъ каменьевъ; онъ удивительно блестятъ между буклями и косами; аква-маринновъ также много носятъ нынѣшней зимою; что-же касается до брилліантовъ, то всѣмъ извѣстно, что они въ модѣ во всякое время, во всякія дѣла, во всѣхъ земляхъ, измѣненія ихъ состоятъ только въ отдѣлкѣ. Брилліанщики недавно начали дѣлать изъ нихъ вѣнки à *la Cérés*. Колосья брилліанновые, а цвѣты изъ яхонтовъ, изумрудовъ и другихъ цвѣтныхъ каменьевъ; серги дѣлаютъ ж-рандолями; къ большой пуговкѣ подвѣшиваютъ при или пять грушъ; еспъ также весьма красивыя серги изъ ашпиковъ, подобранныхъ къ шому ашпикку, который повязываютъ по лбу, при рядной прическѣ.

С М Ъ С Ь.

Смерть Принца Конде. — Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій Медицинской Академіи Докторъ *Маркъ* (такъ пишутъ въ *Gazette Medicale de Paris*. Tome I. No 99) чиналъ судебно-медицинское разсужденіе о причинахъ смерти Принца *Конде*, который въ жизни своей претерпѣлъ многія несчастія и попому былъ весьма склоненъ къ меланхоліи. Изъ сего разсужденія, по спрожайшемъ изслѣдованія обстоятельствъ его смерти, неоспоримо явствуетъ: что сія смерть была слѣдствіемъ самоубійства, а именно, слѣдствіемъ добровольнаго удавленія, а не убійства отъ чужой руки, какъ утверждали нѣкоторые публичные листки тогдашняго времени. Сочиненіе Доктора *Марка* совершенно удовлетворило всѣхъ присутствующихъ, которые слушали оное съ величайшимъ вниманіемъ. Знаменитые врачи *Орфила*, *Эскироль*, *Нукартъ*, *Балли* и многіе другіе дѣлали разныя замѣчанія, которыя совершенно подтвердили мнѣніе Доктора *Марка*.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 25.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 104 NO.
съ 36-ю картичками модъ,
въ С. П. б. 30, съ до-
скавкой и пересылкою
35 рублей.

СУББОТА, МАРТА 26 ДНЯ, 1852 ГОДА.

Мы сплошь на женщинъ негодуемъ,
За вздоръ вспылимъ и приревнуемъ,
Какъ будто вѣчные враги;
Но чуть лишь милая взоръ кинетъ,
Тотчасъ досада вся простынетъ,
И мы — покорные слуги.

Князь Долгорукой.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ.

СТРАШНЫЙ ОФИЦЕРЪ.

(Окончаніе.)

Объяснѣ.

Что юность — время испытанья,
Пусть трудный, почему сказать;
Однакоже, въ комъ нѣтъ желанья:
Пусть этакъ сызнова начать?

«Удастся ли тебѣ N. сдержанъ свое слово?»
сказалъ *Валерьяновъ* своему другу на другой
день, ходя съ нимъ вмѣстѣ кругомъ накры-
тыхъ черпегныхъ споловъ, пославленныхъ
въ этакъ день въ залъ, служащей капелью
Конноегерскаго полка, по сему случаю очи-
щенной.—«Надѣюсь, хопя не знаю почему.»—
Чѣмъ ближе къ развязкѣ, тѣмъ болѣе сомнѣ-
ваюсь въ успѣхъ; но каша заварена, не жалѣй
масла, tu l'a voulu, George Dandin! — «Дѣлать
нечего, а надо T-вой пропанцованъ съ *Павло-
вымъ*, или мнѣ будетъ спыдно глядѣшь на
себя въ зеркаль. Ну, друзья, прибавилъ N.,

вошедшимъ изъ другой комнапы поварищамъ,
4-й часъ, въ 4-ре всѣ сойдутся; я скоро оп-
крою вамъ планъ свой; въ 5-ть объдаемъ.»—
Опъ чего такъ поздно?—«А вопъ опъ чего:
Секретарика я пригласилъ ровно въ 5-ть, такъ
до него надо сговориться; тебѣ и *Бостелю*
поручаю его, любезный *Адлеръ!* Вы, чѣмъ
больше пѣте, тѣмъ презвѣе, а его надобно
напоить такъ, чпобъ онъ заснулъ и не былъ
бы въ состояніи явиться въ Собраніе; но
главное дѣло избрать царцу бала, и пакую,
чпобы . . . : но нѣтъ; il ne faut pas être trop mé-
chant; пусть всѣ танцуютъ, кромѣ T-вой;
я не сдѣлаю ни одного раз ни съ кѣмъ, пока
она не пропанцуетъ съ *Павловымъ*.» —
Мало по малу начали сбираться: Конные Еге-
ри, Архиллериспы, Инженеры; начались весе-
лые рассказы, посыпались забавныя шутки,
оспрые слова. Въ половинѣ 5-го, N. собралъ
всѣхъ присупствовавшихъ въ кружокъ и ска-
залъ: «друзья и поварищи! у меня до всѣхъ
«васъ просьба: одинъ изъ нашихъ обиженъ.»...
Какъ? кто? кѣмъ? подавай сюда виноватаго!—
раздалось въ залъ.—«Легче, легче, друзья мои!
продолжалъ N., вы слишкомъ хорошо воспила-

ны, чпобъ эпога виноватаго по военному проучипь; виноватый—прелеспная дѣвушка—и её можно проучипь, только по опечески.»—Эпо начинаеть быть инпереснымъ, сказали многіе; расскажи намъ эпо пообспояпельнѣ.—*Н.* подробно и съ жаромъ изложилъ вину и родъ оскорбленія и свое, слишкомъ скоро данное слово. «Мой планъ благородной меспи состоипть въ помъ, чпобъ никто, яи одинъ изъ васъ не поднималъ панцовапъ *Т—ву*, пока она не пропанцуепть кадрилъ съ *Павловымъ*. Пслъ того, мы всѣ наперерывъ ангажирuemъ её. Общайте мнѣ эпо.» — Общаемъ, *parole d'honneur!* Эпотъ урокъ будепть для неѣ полезень; она любитъ поважничать!—«Кромъ меня;» сказалъ *Лентевъ*, закручивая усы: «я уже ангажировалъ её на грсфашеръ.» —

— Ну, такъ не ѣди на балъ, а къ грсфашеру я за тобой пришлю, прервалъ его *Н.*, тогда уже будепть всё кончено: или я сдержалъ слово, или только похвастался. — «Такъ и бытъ; *il faut être bon camarade*, жду пвоего посла.»—Все хорошо, сказалъ *Триллеръ*, да вишь въ Благородномъ Собраніи будупть и другіе Офицеры, кромъ насъ: какъ за пѣхъ опвѣчаютъ? — «За Офицеровъ Пушей Сообщенія я опвѣчаю,» сказалъ *Н.*; къ премъ изъ нихъ я писалъ; они всѣ добрые поварищи; за пѣмъ оспаюпся только полковые; пѣ изъ васъ, которые не панцуюптъ, должны упрсипть своихъ знакомцевъ, и поспаратьсь обрапипть ихъ на нашу спорону; эполепная симпатія опвѣчаетъ мнѣ за успѣхи и. . . .»

Идепть, Ваше Благородіе! вскрикнулъ выппанувшійся въ дверяхъ какъ спрунка видный бомбардиръ, близко; уже поровнялся съ домомъ Полицемейстера.—«Да эпого-то мы было и забыли; ну, эпо не трудно; спакана два пуншу, птакъ онъ и о панцахъ забудепть. Хорошо; когда Секретарикъ будепть на лѣспницѣ, кашляни, или чихни; да смопри же, покрѣпче. Теперь, друзья мои, примемъ ласковѣ новаго госпня; а пы, *Адлеръ*, посади его между собою и *Бостелемъ*: на васъ—моя надежда.»

Шампанское рвкой польется,
Ямайской въ пушъ закипипть,
И Секретаръ нашъ птакъ пальется,
Что и жены не разглядипть.

(изъ *Водевилл.*)

А. . . чихи! . . . раздалось въ передней пакъ, чпо окны запряслися—и черезъ при секунды вошелъ въ свѣплосинемъ фраккъ съ маповыми бронзовыми пуговками, въ малиновомъ бархатномъ яшлепъ, съ шляпкой кораблкомъ, киповою проспочкою, въ зеленыхъ перчаткахъ, записной франпикъ города **. Ему не дали опомнипсья, и знакомые и незнакомые жали ему руки, засыпали вопросами о здоревъ. Единспвенный фракъ между сполькпми военными не зналъ, чпо ему дѣлать, кому опвѣчать, кого благодарипть; самоадѣльная улыбка доказывала внупреннее поржеспво его. — Подали водку; общеспво усѣлось на разнаго фасона и цвѣпа спульяхъ обѣдать, и Секретарикъ, какъ будто печалнно, попалъ между *Адлеромъ* и *Бостелемъ*. Никакіе опговорки не пособляли: учпчивость пребовала опвѣчать на пспсы; никакія хпспрости ему не удавались: выпипый спаканъ и недопипыя его рюмки наполнялись магическимъ образомъ; не успѣвалъ онъ выпипть здореве *Бостеля*, какъ уже *Адлеръ* пилъ его здореве; едва успѣвъ перевести духъ, только чпо опворять ропъ, чпобы поблагодарипть послѣдняго, а первый уже опять пилъ его здореве. За споловыми винами слѣдовала Мадера, Наливка, Бшшефъ, и, увы! еще до Шампанскаго, обожатель *Т—вой*, записной панцоръ города, первый щеголь онаго, едва ворочалъ языкъ. Шампанское все довершило, и, вмѣсптъ съ послѣднимъ проглоченнымъ кускомъ, появившійся изъ болѣе, чѣмъ сорока прубокъ, дымъ еще болѣе способствовалъ круженію головы бѣднаго мученика Офицерской дружбы. Чубукъ вывалился изъ рукъ его; полусонный, выпилъ онъ еще поданную ему чашку кофе, на ромъ свареннаго, и упалъ на софу безъ всякаго чувспва. Пяпъ человекъ нѣжно подхватили его за руки и за ноги, опнесли въ другую комнапу—и положили на кровать.—«Виваптъ!» сказалъ *Н.*—и громкій хохотъ раздался.—«Однако же пеперь 8 часъ, въ 10-ть надо бытъ въ Собраніи; я явлюсь прежде; прощайте; кто хочепть здѣсь оспапсья, очень рады; кто хочепть домой, воленъ ипди; кто хочепть—псплай за плапьемъ; можно и у насъ пуалептъ сдѣлать; кому угодно въ виспть—сполы гопповы; роберпа 4 опхвапаетъ не долго. При-

знаюся, *Бостель* и *Адлеръ*, вы арписты.» — На эпопъ разъ мы были полько невинными плунами; возразилъ *Бостель*: наши спаканы полько пахли виномъ; за то, Секрепарёчкины, были поспирповапфе; смѣшеніе винъ также немало помогло ему свалипсья съ ногъ. Потомъ мы за его спиною передавали другъ другу одинъ и попъ же спаканъ, а порожными спускали по спулу; еспли бы не такъ: по и у насъ бы головы болѣли. — «Друзья мои, кпо уходипъ, помни данное слово;» сказалъ N. — Ты, добрый *Лентьевъ*, оспавайся здѣсь, займись шуалепомъ своимъ не раньше 11-ти часовъ, а къ гроепаперу примчипся за побою мой экипажъ. *Зельцеръ*, *Валерьяновъ* и я въ исходѣ девятипаго будемъ въ залѣ Собранія, pour allumer les bougies qui doivent éclairer ou mon triomphe ou ma honte.» —

Мало по малу госпп спали расходипсья; на прехъ сполахъ занялись виспомъ. Одинъ разговаривалъ, другой бречалъ на гипаръ; а часы бѣжали, да бѣжали. Нѣкоторые Офицеры начали одѣваться; запахъ духовъ и помады чувспившпельно заглушалъ табачный дымъ, клубомъ въ форпочки спремившійся. Въ маленькихъ складныхъ дорожныхъ зеркалахъ отражались блестящее шипье воропниковъ, эполепы и эксельбанты; шпоры побрякивали подъ тактъ гипарной мазурки. Пробило 9 часовъ. N. заплелъ эксельбантъ свой по рисунку. Голосъ бомбардира *Григорьева* провозгласилъ, что лошади готовы. Онъ разбудилъ Секрепаря; но не бойтесъ! неусыпные *Бостель* и *Адлеръ* сидѣли уже возлѣ него съ полными покалами лжера. Не поздно ли? спросилъ онъ заботливо. — «Совсѣмъ нѣтъ!» отвѣчали ему Офицеры: мы еще кофе не допили; 7-й часъ; прежде 11-ти мы не ѣдимъ на балъ; выкушайте, эпо васъ подкрѣпипъ; да скиньте фракъ и опдохните; что за церемонія между пріяпелями; мы васъ разбудимъ.» — Какъ сказано: такъ и сдѣлано! — Скоро крѣпкій сонъ объялъ Секрепаря, копорому на эпопъ разъ суждено было не танцовать. — N., *Валерьяновъ*, *Зельцеръ* и *Николаевъ* прыгнули въ санн — и поскакали.

Б а л ъ.

Существоваше челоѡка
 Часами радостей сочтя,
 Ничтожество познаемъ въка
 И въ дрлхломъ старнкѣ днтя.
 Будь крапко поприще земное,
 Летн лишь въ щастьи и покоѣ,
 Рой свѣтлыхъ, легкокрыхъ дней!....

N. съ своими поварищами первые вошли въ залу Собранія, еще не совсѣмъ освѣщенную. Но скоро кенкепы и свѣчи озарили её своимъ блескомъ. Публика спала съѣзжась. Ко всякому входящему Офицеру подходили наши молодцы; шептали два-три слова на ухо, били по рукамъ въ знакъ согласія — значипельная улыбка ихъ общала успѣхъ. N. разсыпался мѣлкимъ бѣсомъ, каждаго привѣспивовалъ; пныхъ подводилъ къ буфету — и кошелекъ его звенѣлъ часпо. Онъ поржалъ между дамами; ни одна спарушка не была имъ забыта; комплименты сыпались изъ устъ его; онъ устроивалъ парпий такъ, что спаршпны и между ними Т — въ были опъ него безъ ума. Семейспва Т — ва еще небыло: важная супруга его всегда пріѣзжала послѣдняя. N. употребилъ эпо въ свою пользу; онъ съ припворною заспѣнчивоспью подошелъ къ Генералу *Лихорубову*, прося его начать Польской, и на слова его, что многихъ дамъ еще нѣтъ, просподоушно опвѣчалъ: «для пого-то мы и осмѣливаемся безпокоипъ Ваше Превосходипельсптво, чтообы къ поѣ поръ, какъ всѣ съѣдутся, молодежи опдѣлапсья опъ Польскихъ.» Снисходипельный Генералъ охопно подаль прпмѣръ, и два Польскихъ кончены до пріѣзда Т — выхъ. Уже первая кадрилъ приближалась къ концу, когда вошли Т — вы. Увы! на эпопъ разъ сонмъ обожапелей не кинулся къ дверямъ, одинъ N. около нихъ верпѣлся; — опыскалъ спулья для матери и дочери, и на вопросъ послѣдней: comment! vous ne dansez pas? опвѣчалъ съ припворнымъ сожалѣнпемъ, что ушибъ на охопъ ногу и эпо лишаептъ его на весь вечеръ сего удовольспвія. — Какъ! вы совсѣмъ не будете танцовать сегодня? — «Развѣ какое чудо исцѣлптъ меня.» — А съ *Наевьяли?* сказала въ полголоса Т — ва. — «Ежели я и по сихъ поръ не выздоровѣлъ: по видно не танцовать

мнѣ сегодня;» примолвилъ также въ полголоса N.—и однимъ прыжкомъ очутился возлѣ *Наевыхъ*. — Танцы слѣдовали за панцами, а прелестная T—ва сидѣла сиропинкою: никто не подходилъ звать еѣ. — Надмѣнная дѣвица, привыкшая не видѣть отбоя отъ приглашеній, слишкомъ занятая собою, теперь присидѣла чепыре кадрили, двѣ мазурки, безконечный капильонъ. Жемчужными зубками прикусывала она розовыя губки; щеки алѣли; она часто обращала глаза къ двери; но никто не показывался, никто не являлся. Одинъ N., какъ зловѣщій вранъ, часто подходилъ къ ней, и своими разговорами развлекалъ еѣ. Между тѣмъ, *Павловъ* всё время сидѣлъ на противоположной сторонѣ залы. N. и къ нему часто подходилъ. Вотъ наконецъ, собирается еще кадрили; *Павловъ* подошелъ къ бѣдной, всѣми оставленной T—вой, и глухое fort bien, Monsieur! вырывается изъ успѣя ея. Всѣ спановятся; какъ нарочно недоспаешь одной пары, и N. съ спаршею *Наевою* спановится противъ *Павлова*. Капельмейстеръ, которому N. что-то шепнулъ, подаѣтъ знакъ — и новый, съ послѣднею почпою изъ столицы привезенный кадрили раздается. Во время панцовъ N. подошелъ къ *Зельцеру* и нарочно громко говоритъ ему: «сдѣлай, братъ, дружбу, пошли мои сани за *Лентьевымъ*; какой же я въперъ, забылъ, что обѣщаль посласть за нимъ!»—Кадрили доказала T—вой, что страшный Офицеръ вовсе не спрашенъ, что онъ даже безенъ; — хопя и не похожъ ни на Аполлона Бельведерскаго, ни на Французскаго Маркиза. Кончилась кадрили, начались вальсы, которые до полуночи не начинались, изъ боязни, чтобы бѣдной T—вой и нечаянно не удалось пропанцовать. Всѣ уладилось самымъ счастливымъ образомъ для N., и—о чудо! около T—вой толпятся; бѣденъкая не успѣваетъ присѣдаться; начинается новый кошпильонъ. Всѣ наперерывъ съ нею панцуютъ; она со всѣми любезна, даже съ *страшнымъ* Арпилериспомъ, только на N. прелестный, пылающій взоръ ея обращается съ злобою. О, какъ догадливы дѣвушки! Одинъ видъ плути N. въ ту минути, какъ онъ послалъ за *Лентьевымъ*, открылъ ей весь заговоръ. Когда же N. подошелъ звать еѣ панцовать:

она не выдержала, и съ колкостью сказала: не вредны ли панцы для ушибенной ноги вашей? Скоро и *Лентьевъ* явился, и послѣ ужина безконечный гротфатеръ вознаградилъ его за снисхожденіе и дружбу къ повариху. Всѣ были довольны, пуще же всѣхъ *Наевы*, которыми всё было извѣстно. Послѣ вкуснаго ужина и до утра продолжавшагося бала, Офицеры возвратились домой и нашли Секретаря еще спящаго, еще хмѣльнаго. — Трудно описать его удивленіе, когда онъ очнувшись въ полдень другаго дня, нашелъ себя между Офицерами, курящими за чаемъ прубки.

Спыдъ... досада... раскаяніе.... Происшествіе сіе долго забавляло нашу молодежь и, можетъ быть, еще теперь памятно жителямъ города **.

Б.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПОЛЕТЪ ДУШИ.

Смотри: вотъ памъ, на оспрѣ скалы,
Вздогнулъ орелъ ширококрылой;
Пошелъ по небесамъ и воздуха валы
Разшпбъ быспропарящей силой;
Вотъ, средь небесъ
Понесся пише....
Все выше, выше....
И вотъ, исчезъ.

Вѣрь: такъ душа, въ прощальный съ плѣномъ день,
Въ своей пемницѣ вспрепенелся
И, свергнувъ цѣпи въ прахъ, въ надсолнечную сѣнь
Орломъ державнымъ понесется;
Какъ спонкій прахъ,
Мглу думъ разгонитъ,
И вся помонетъ
Въ пучинѣ блажь.

М. Деларю.

Г Р У С Т Ь.

Ночь темна, снѣгъ валитъ,
Вѣперъ по полю шумитъ;
Приунылая бесѣда
Въ даль пустынную глядитъ.
«Полно, братъ, горевать!
Прояснился даль опять,
Снова небо просвѣплѣетъ;

Снѣгъ сбѣжитъ съ высокихъ горъ,
Вновь цвѣтны утѣшатъ взоръ,
Поле вновь зазеленѣетъ!

«Въ нашихъ пучныхъ лугахъ,
На обширныхъ степяхъ,
Какъ и прежде, ружья грянутъ....»
— Но почившіе въ гробахъ
Не проснулись, не возстанутъ!

Намъ ихъ жизнь не видна!
Ихъ поселя — холодна!
Братцы! въ память ихъ наполнимъ
Чашу стараго вина.

На холмъ гробовомъ
Пѣсню громкую споёмъ:
Пѣсно шу, что мы пѣвали
Въ дни, какъ въ ихъ кругу живомъ
Шумно, весело живали!

Н. Станкевичъ.

Москва.

КЪ В. Ф. К...

(Изъ стихотвореній Фетъ-Али-Шаха (1)).

Когда ты покрыла своими кудрями
Прелестный свой образъ, подобный лунѣ;
Я началъ въ испугъ молитву шворить;
Что значить, пвердилъ я, что солнце запыми-
лось (2)?

Нашинокъ волшебный изъ устъ твоихъ нѣжныхъ,
Онъ слаще лобзанья и гуріи райской;
Коль старцы и дѣши побою плѣблялись,
Такъ могъ ли я сердце свое сохранишь?
Нарцисъ самъ дивился очей красою;
Блѣднѣюшь рубины глядя на уста;
Красою своею, подобно Царицѣ,
Ты сердцемъ насильно моимъ завладѣла;
И что же нашла въ немъ? одно разрушеніе;
Фіалка смиренно листочки свернувъ,
Хотѣла твоими кудрями завивься;
Дыханье, о дѣва! твое образуетъ

(1) Нынѣ царствующаго Монарха въ Персіи.

(2) По религіи Мусульманъ, во время солнечнаго и луннаго затмѣнія, они должны чптать молитвы, полагая, что сіе явленіе въ природѣ предназначено какое нибудь несчастіе.—Въ сихъ первыхъ четырехъ стихахъ встрѣ-

Источники розы душистой воды (3);
Власы распущенны на ликъ пвой прелестный
Мгновенно глаза омрачили Хаkana;
И онъ въ испуленіи воскликнулъ невольно!
Почпо же ты солнце за тучи зашло (4)?

Съ Персидскаго К. Поговъ.

Ш А Р А Д А.

Начальное мое лепаетъ
И на лицѣ бываетъ;
Шарады членъ *второй*
Швейцаріи герой;

Онъ *Шиллеромъ* еще прославленъ больше въ Свѣтѣ,
Въ его прагедіи опличной, масперской.

А *цѣлое* мое вы въ погребѣ найдете —

И сладкимъ вы его нашинкомъ назовѣте.

Въ No 24, помѣщенная шарада значить: *Col-lyre.*

К Р И Т И К А.

Стихотворенія Василія Романовича. С. П. Б.
1832.

Замѣчанія наши будутъ спроги, но безпри-
спрасны; приговоръ жестокъ, но справед-
ливъ. Перомъ нашимъ будетъ водить чувство
уваженія и доброжелательства.

*

А вопъ и доказательства!

Часть первая.

Звучаль—и звукъ его, съ въками

Переходя изъ устъ *племени*

Давно погасшихъ въ поколенья

Казался гимнъ благодаренья

Свѣтилу, конемъ освѣщенъ

Быль эпомъ Царь *стені*—Мемнонь!

чаются два сравненія: — Поэтъ сравниваетъ сначала
лице своей красавицы съ луною, въ отношеніи къ ея
полнотѣ, и съ солнцемъ, что оно издаетъ блескъ, по-
добно сему свѣтилу.

(3) Слово въ слово: поетъ ея (красавицы) произвелъ на свѣтъ
розовую воду.

(4) Это родъ стиховъ, гдѣ Поэтъ повторяетъ обыкно-
венно въ послѣднихъ стихахъ мысль перваго и вво-
дитъ въ нихъ свос настоящее или вымышленное имя.—
Здѣсь Фетъ—Али—Шахъ называетъ себя Хаканомъ.

Русскіе говорятъ: Царь *стѣни*.

Что ни выброситъ волна,
Всѣмъ довольна *одинако*.

Русскіе употребляютъ въ этомъ случаѣ
слово: *равно*, а не слово: *одинако*.

Куда же *миновалась*
Цвѣтучестъ алыкъ розъ?

Куда миновалась—не такъ! *Цвѣтучестъ*—
это еще больше не такъ!

Откуда блѣдпосшь *взялась*?

Русскіе говорятъ: *взялась*.

Не радують *твой взоръ*.

По правиламъ Русскаго синтаксиса надле-
жало сказать: не радують *твоего взора*.

Не радують *твой умъ*.

По правиламъ Русскаго синтаксиса надле-
жало сказать: не радуешь *твоего ума*.

Евнухъ ревнивый спорожитъ.

У Русскихъ спавиися сила на первомъ сло-
гѣ слова: *Евнухъ*.

И въ пирамиды *становятъ*

Надобно: *становятъ*.

Среди шербешовъ *всѣхъ сортовъ*

Это по Французски—и сверхъ того непра-
вильно.

И облакомъ опъ блюдь душистый
Восходишь паръ *до потолоковъ*.

Не *до потолка* ли?

И гибкіе прелестница *стѣны*.

Эта по Еллински.

Обвила шаль летучій спанъ

По Русски: *обвила*.

Чубукъ отъемлютъ

Высокопарно.

Какъ ключъ *студѣнный* средь степей

Русскіе пишутъ: *студѣнный*.

Въ глубокой тлѣ твоихъ огей

Глубоко и темно!

Сто Снаги берегутъ собой

По нашему: *сто* Снаговъ.

Кпо-жь, избѣжавъ *легкій пикета*

Это на всѣхъ древнихъ, среднихъ и новыхъ
языкахъ дурно.

Съ *сложѣнными* на крестъ руками

На Русскомъ, числомъ языкъ сла на пер-
вомъ слогѣ: съ *сложѣнными*.

Ужъ царствуетъ въ спогнахъ

На спогнахъ.

Та съ головы *піару ей сняла*,

Гдѣ въ золотъ, *оглаженноль* оеиромъ,

Блеститъ *попазъ*.

Или: съ головы *ел* сняла *піару*; или: сняла
піару съ головы *у нея*.

Народъ *удивителъ*, мой милой.

Правильно: *удивителъ*.

Освободивъ ихъ живо опъ спѣспеня

Блнспасельныхъ сандалій въ *ремешкѣхъ*: —

И вошь *персты* на двѣспасенныхъ ногахъ

Г. *Романовихъ* вводитъ ересь въ православ-
ную нашу грамматику, перенося ударенія
по прихоти съ одного мѣста на другое. И
это не одинъ, не два, не три, а сто разъ.

Видишь ли юный *цвѣтокъ*? онъ раскрыся

Благоуханный, *румяный* зарн;

Солнцемъ *прижжѣнный* головкой склонился;

Это по Халдейскъ.

И сосѣды, *изумясь*,

Одногласно восклицаютъ:

Тупъ надлежало бы сказать: *единогласно*.

И наперсникъ сердца юный

Будетъ вѣчно прославлять,

Ударяя въ звонки струны,

Въ *тебѣ* (!) неба благодасть!

Тебѣ.

Разъ пришла ко мнѣ *Ленда*

Самой полночью *глухой*;

Можетъ быть, что это выраженіе пиш-
ческое, а мы, прослые Русаки, поставили бы
въ *самую* *глухую* *полночь*.

Какъ прошла ны—я спрося —

Мило *пса* не страшноль было?

Онъ бы *ислѣдъ* разбудилъ.

Плоховато!

И, *сдается*—сладко *внемлешь*
Взоровъ, сердца тайный звукъ?

Кто, кому *сдаётся*?

И если со *спадомъ* *иду я вездѣ*

Если перевесть это на Россійскій языкъ,
по выдесть: *я иду вчера*.

И только бы *хотѣлъ* *внимать, внимать*
Ея *пльню*, и слышать *щебетанье*.

У каждаго свой вкусъ: я бы *хотѣлъ* *вни-*
мать пльню прелестной дѣвицы и *щебетанію*
воробья.

Опъ ихъ *коварности* докучной

Такого слова нѣтъ въ словарь Россійской
Академіи.

Но еслибъ опъ въ меня *пролилъ*

По Русски: *прѣлилъ*.

Когда проспившись съ эпимъ *свѣпомъ*,
Гдѣ былъ любимъ одной *шобой*,
Вдругъ *разлученъ* съ драгимъ *предметомъ*,
На *вѣкъ* *залягу сиротой*.

А я: *засяду сиротой; загорюю сиротой*.

Тогда *разумное* *летанье*
Взвываетъ свой *воздушный лѣтъ*.

Эпо на *всѣхъ* *языкахъ* *безполково*.

И музыка *обдасть* мой *духъ*

Такъ и *обдаётъ* *галшмапъёю*, какъ *паромъ*
въ *шорговой банѣ*.

Выгналъ *роднителя* *пасть* изъ *дому* *прогъ*.

Русскіе *говорятъ*: изъ *дому* *вонъ*.

Все мое *щастье* *погибло!* Въ *недолгъ*
Жизнь *одного* *скорѣе* *пройдесть*.

Въ Русскомъ языкѣ нѣтъ слова: *недоля*.

Спеть *басни* *предъ* *семьёй*

Пріятная *карпина*: *рыбакъ*, *ѣдущій* *по рѣ-*
кѣ и *сѣющій* *полною* *горспью* *басни!!!*

И не *летятъ* въ *зѣнница*

Въ Русскомъ языкѣ нѣтъ глагола: *мѣститъ-*
ся. Это слово Монголо-Татарское.

Не *зѣнница*; а *зѣнница*.

Овъ *отпльль* *пому* *два* *года*

По Русски: *отпльль*.

На брегъ *выбросили* *прогъ...*

Прогъ — *прочъ!*

Только *дѣва* *поминъ* *друга*
И *шопъ* *день*, когда *отпльль* —
Все, ей *минся*, *отъ* *недуга*,
Все, ей *минся*, не *упльль*.

Отпльль, *упльль*; но это не *главная* и не
единственная *погрѣшность*.

Дѣва въ *бѣломъ* на *ушесъ*

Въ *бѣломъ* *покрывалѣ*, *салопѣ*, *рубщцѣ*, *мѣ-*
шкѣ, или *саванѣ?*

И *пѣсни* ихъ *мрутъ* *сладко* на *брегахъ*

Гораздо бы *лучше* имъ *умирать*, нежели
мереть.

Посреди *кременей* *играя*
Лобызаемыхъ *волной*,
Я *черчу* *воспомяя*
Сердцу *образъ* *дорогой*.

Авпоръ *чертитъ*, *очертя* *голову*.

Въ *капляхъ* *жѣлужной* *росы*

Жемчужной.

Въ *каплѣ* *перлы* *шой* *горя*

Перль *рода* *мужескаго*.

Жизнь *тайнственна* *твоя*,
И *загадкой* *для* *меня!*

И *для* *чипапелей!*

И *слеза* *еще* *ни* *разъ*

Не *скатилася* *изъ* *глазъ!...*

Россійская *грамматика* *пребуесть*, *чтобы*
писали: скатилася съ, или выкатилася изъ...

Ея *всю* *жизнь*—*быть* *самыхъ* *свѣпыхъ* *грѣзъ*
Земная *спрасъ* *печальми* *переткала!*

Нельзя *сказасть*: *грѣзъ*, *надобно* *грѣзъ*. Не *пе-*
реткала, и *переткала*.

Проснишь *люди!* *полночь* *била*.

Не *била*, а *било*.

Своимъ *трезвономъ* не *подняла*.

Правило *пребуесть* *силы* на *последнемъ* *сло-*
гѣ: подняла.

Оспавъ *скорѣе* *свой* *трезвонъ:*

Трезвонитъ *значитъ* *звонитъ* въ *при* *коло-*
кола. *Превращное* *употребленіе* *сего* *слова*

облначаетъ Поэма нашего въ глубокомъ невѣдѣннн того языка, на которомъ онъ рнемо-творствуетъ.

Эхъ, пынче *полночь какъ длинна.*

Ночь бываетъ продолжительна, а *полночь* ннкогда.

Когдабъ она не напугала
Мое-то дитятко собой!

Гримаса!

И сладостнобъ я лобызалъ спусени
Съдалища швоухъ дѣшй.

Нужно ли объяснянть, почему это худо?...
(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

М О Д Е С.

Robes. — Nous avons été à même de remarquer un assez grand nombre de corsages ornés d'une *Medicis*. Cette mode a déjà existé, mais presque toutes les modes ne sont-elles pas dans la même catégorie? et celle du moins a le mérite d'être gracieuse.

Des robes en crêpe blanc, brodées à dessin courant en or et blanc, sont très-élégantes. On en voit aussi qui ont des dessins formant colonnes, or et blanc, et s'élargissant graduellement vers le bas.

Les robes de gaze ou de crêpe, ornées d'applications en couleur ou en or, sont toujours de mode. Les ornemens de fleurs ou de rubans surchargent les manches, qui sont très-souvent à double berret.

Beaucoup de femmes dansent avec des robes en velours. Pour les rendre plus légères, on y met des manches courtes en satin blanc, et un nœud de gaze au bas de la manche.

Les double-mantilles de blonde accompagnent presque tous les corsages de robes en étoffe.

Pour robes de visite, une robe de cachemire noir à palmes montant jusqu'au genou, et ayant un corsage-guimpe, est de très-bon goût.

Le gris est une couleur adoptée par des femmes élégantes pour douillette et pour chapeau du matin.

Sous les chapeaux *bibis* beaucoup de femmes portent leurs cheveux en tire-bouchons à l'anglaise, tombant très-bas sur les joues.

М О Д Ы.

Платья. — Мы имѣли случай замѣтнть довольно большое количество лифовъ, украшенныхъ Медицисою (une *Medicis*). Эта мода уже существовала, но не все ли почти моды въ одномъ разрядѣ? Это имѣетъ по крайней мѣрѣ по достоинству, что она красива.

Бѣлыя креповыя платья, вышитыя разводами золотомъ и серебромъ, чрезвычайно щеголеваты. Также видны платья, вышитыя колоннами, постепенно расширяющимися къ низу.

Газовыя или креповыя платья, отдѣланныя цвѣтными или золотыми накладками, все въ большомъ употребленн. Рукава обременяютъ цвѣтами или лентами; ихъ дѣлаютъ часто двойными берегами.

Многія дамы танцуютъ въ бархатныхъ платьяхъ. Чпобъ онѣ казались легче, то дѣлаютъ къ нимъ бѣлыя апласные рукава и газовые банты внизу рукавовъ.

Двойныя блондовыя манжеты пришиваютъ почти ко всемъ лифамъ изъ матерій.

Для визитныхъ платьевъ считается отличнымъ черное Кашемировое съ пальмами до коленъ, лифъ à *guimpe*.

Сѣрой цвѣтъ принятъ щеголихами для дуэтовъ и упренныхъ шляпокъ.

Многія женщины посятъ волосы шпопорами, на Англійскій манеръ, подъ шляпками *bibis*, чрезвычайно низко спущенные на щеки.

С М Ъ С Ъ.

(Первая эпидемія.) — Вообще первая эпидемія свирѣпствовала въ Греческомъ спавъ подѣ Троею. Первая всеобщая чума, черная смерть, перешла изъ Азии въ Европу въ половинѣ XIV столѣтн. Первая чума въ Берлинѣ (великая чума) открылась въ 1500 году.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ.

Выходитъ по

Средамъ и

Субботамъ.

№ 26.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 104 NO. съ 36-ю картинками модъ, въ С. П. б. 30, съ до-скавкой и пересылкою 35 рублей.

СРЕДА, Марта 30 дня, 1852 года.

Минутны спраники, мы ходимъ по гробамъ;
Всѣ дни упратами считаемъ;
На крыльяхъ радости лепимъ къ своимъ друзьямъ,
И что-жь? Ихъ урны обнимаемъ.

Батюшковъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПОѢЗДКА ИЗЪ ЛАГЕРЯ.

(Повѣсть Клаурена.)

Долго выбиралъ я себѣ невѣсту между кра-савицами своего опечества. Дядя совѣпывалъ мнѣ жениться на богачей, а богачья невѣ-спы мнѣ вовсе не нравились. Впрочемъ, пныя изъ нихъ были весьма недурны собою, и я бы охотно предложилъ руку и сердце какой ни-будь миленькой съ приданымъ во сто тысячъ палеровъ, но онѣ не хотѣли за меня выйти. Я былъ слишкомъ гордъ, и не соглашался гнупъ шею передъ ихъ мѣшками, набишными золопомъ; я былъ съ ними слишкомъ опкрово-вененъ, искрененъ, а опъ, равно какъ папень-ки и маменьки ихъ, пребовали, чпобы я опдалъ себѣ имъ въ неволю. Такъ проходили го-ды, и я все оставался холостякомъ.

Тѣпка моя, супруга вышереченаго дяди, спарушка умная, вспушлась за меня; «къ чему поропшиться нашему молодцу?» сказала она: «женитьба дѣло не шупочное. Онъ найдеть себѣ жену самъ, тдѣ вовсе не ожидалъ.»—

Я принялъ слова сіи за оракулъ, и съ той поры, подъ каждой шляпкою, въ каждомъ бѣ-

ленькомъ плащѣ воображалъ я видѣть свою суженую.

Тыслчу разъ я улыбался: ибо тысячу разъ былъ обманутъ; наконецъ, привыкъ смопрѣть на женщинъ, не думая о женитьбѣ, и такимъ образомъ дѣла шли довольно сносно. Но успе-кло еще нѣсколько лѣтъ, а я все еще не былъ женатъ.

Около сего времени Герцогомъ нашимъ на-значены были маневры. Изъ всѣхъ городовъ и мѣстечекъ войска спятгивались къ сполщѣ; я послѣдовалъ за ними.

Зрители съѣхалось вчетверо болѣе, чѣмъ солдатъ; сіи послѣдніе каждый день производили маневры, а наши братья-зрители жили весело; ѣли и пили очень дурно; плапили за все непомѣрно дорого; мокли подъ дождемъ и сно-сили зной; рыскали каждый день мии по при-и по чепыре; спопыкались и разбивали себѣ до крови носы объ колья палатокъ; опъ пы-ли и пороховаго дыма ничего не видали изъ всѣхъ славныхъ эволюцій и маневровъ, а всѣ единогласно пвердили, что нѣтъ ничего въ свѣтѣ прятнѣ лагерныхъ увеселеній.

Черезъ двѣ недѣли потѣха кончилась; па-латки сняты; полки разошлись и всѣ оппра-

вляись во свояси. Я самъ спѣшилъ нанять себѣ почтовую коляску: ибо пріѣхалъ безъ лакея.

«Счастье ваше,» сказалъ мнѣ Почтампскій чиновникъ: «что вы не прішли нѣсколькими минунами позже; у насъ остаются только двѣ лошади и одна годная коляска.» Въ эту минуну вошла дама съ молодою премьенною дѣвушкою и также потребовала почтовую коляску и двухъ лошадей.

«Остальные экипажи всѣ въ починкѣ, а лошади въ разгонѣ;» отвѣчалъ Почтампскій чиновникъ, прося даму повременить до завтра. Но ей нельзя было долѣе оставаться въ городѣ; ей надобно было непремѣнно въ этотъ же день ѣхать. «Хотя бы вы вчерверо заплатили прогоны, продолжалъ чиновникъ: нельзя. Я сегодня отправилъ семьдесятъ шесть чепверокъ, не считая парь. Обывательскія лошади взяты подѣ полковые обозы; нечего дѣлать, вамъ придется подождать.» При сихъ словахъ, онъ обернулся и пошелъ въ свою комнату.

Въ почтовомъ домѣ мы спановимся уже полу-путешественниками. Мы по неволѣ забываемъ тягоспныя свѣтскія приличія, какъ скоро беремся за спранныческій посохъ. Тогда бываемъ свободнѣе, опкровеннѣе.

Я спросилъ незнакомокъ, куда онѣ намѣрены ѣхать. «Вообразите, какаѣ бѣда;» отвѣчала пожилая дама: «я пріѣхала повидаться съ моими родственниками, которые обѣщались прибыть сюда изъ Шпоренберга; они хотѣли взять съ собою мою племянницу. Но эти добрые люди не сдержали слова: до сихъ поръ ихъ нѣтъ. Я жила здѣсь у моего брата, Совѣтника *Романа*; онъ сегодня ѣдетъ по дѣламъ службы, слѣдственно и мнѣ нельзя здѣсь оставаться; я рѣшилась было ѣхать съ братомъ, потому что его повѣзка мнѣ по пути; все было улажено, почему тотчасъ послѣ моего сюда пріѣзда, я отправила домой свою коляску; но теперь должна сама опвесити племянницу, и къ несчастію не нахожу здѣсь ни лошадей, ни экипажа. Я теперь принуждена нанять кватширу въ гостиницѣ, принуждена. . . .»

— Ни къ чему вы не принуждены, сударыня; моя коляска...позвольте спросить, съ

кѣмъ имѣю честь?...—«Я Форспмейстера *Ридель*.»

— Очень радъ вамъ служить, сударыня. Я сію минуну опправляюсь; ѣду черезъ Шпоренбергъ, и если позволите, то я съ удовольствіемъ вашу племянницу. . . .

Дѣвица покраснѣла. Тѣпка поблагодарила меня поклономъ. «Вы очень милосщивы, судары;» возразила она—«но я не знаю, съ кѣмъ имѣю честь. . . .»

— Моя фамилія *Фонъ-Остенъ*,—опвѣчалъ я смѣло; а чтобы освободить ихъ опъ всякаго опасенія, присовокупилъ: и сверхъ того помолвленный женихъ. Слѣдственно вы можете быть покойны на мой счетъ. —

«Баронъ *Фонъ-Остенъ*? будущій зять нашего Оберъ-Форспмейстера? Очень, очень рада, что могу лично засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе, и поздравить васъ съ такою счастливою партіею.»

— Вы знаете мою невѣсту? — спросилъ я въ смертельномъ спрахѣ. —

«Нѣтъ, Милосщивый Государь, не имѣю чести. Хотя Г. Оберъ-Форспмейстеръ нашъ начальникъ, но мы самые опдаленные въ округѣ вашего будущаго пестя; мы живемъ опъ него болѣе чѣмъ въ 17 миляхъ.»

— Знаю, знаю. Ну чтожь, сударыня! угодно ли вамъ вѣрить мнѣ вашу племянницу?—

«Ахъ, любезнѣйшій Баронъ, не знаю, смѣемъ ли васъ обезпокоить.»

— Сдѣлайте милосщъ, не говорите о безпокоиствѣ; у меня въ коляскѣ довольно мѣста; вы принадлежите къ вѣдомству моего будущаго пестя; вы теперь въ крайности; добрый старикъ почелъ бы за большую неучпивость, если бы я не оказалъ супругъ его подщшеннаго такой ничтожной услуги. —

Послѣ многихъ извиненій и учпивостей предложеніе мое было принято. Обѣ дамы поспѣшили въ свою кватширу, я также. Черезъ полчаса возвратилась дѣвица. Служанка несла ея небольшую поклажу. Совѣтникъ *Романъ*, который, какъ видно было изъ словъ дѣвицы, очень коротко зналъ Барона *Фонъ-Остена*, находилъ мое предложеніе весьма учпивымъ. Служанка принесла опъ Совѣтника тысячу поклоновъ и кучу добныхъ булокъ съ другими същпными припасами на дорогу.

Онъ ужь отпраплялся въ путь вмѣстѣ съ тѣшкою; безъ того, оба пріѣхали бы сами поблагодарить меня лично. Мой Ангелъ-хранитель избавилъ меня опть сего посѣщенія; ибо Совѣтникъ въ такомъ случаѣ, вмѣсто Господина *Фонъ-Остена*, нашель бы меня, и какво было бы мое положеніе?

Ничего нѣтъ мудренаго, что мнѣ въ поропяхъ вздумалось выдать себя за Барона *Остена*: я зналъ случайно, что сей послѣдній вхожъ въ домъ Оберъ-Форспмейстера. Еслибъ Форспмейстера лично знала этаго Господина *Фонъ-Остена*, то я выдалъ бы себя за его близкаго родственника или брата.

Я только мимоходомъ замѣнилъ, что у меня есть невѣста, единственно для того, чтобы Форспмейстера не опасалась ввѣрить мнѣ племянницу. Случайное обспоятельство, что Баронъ *Остенъ* дѣйствительно помолвленъ, меня, признавъ, смущло, но я, не перья присупствія духа, скоро оправился. Однимъ словомъ, моя тройная ложъ, что я женихъ, что я Баронъ *Остенъ* и ѣду въ Шпоренбергъ, доставила мнѣ случай ѣхать съ племянницей въ одной коляскѣ, а этого только мнѣ и хотѣлось.

Въ Шпоренбергъ ли ѣхать или по другому пракипу, было для меня все равно, ибо поѣздка моя не требовала посѣщности; но сидѣть ли одному въ коляскѣ или подлѣ прелеспной племянницы,—въ этомъ была большая разница.

До сихъ поръ красавица не промолвила ни полуслова. Я могъ бы почестъ её за нѣмую, еслибъ она, садясь въ экипажъ, не приказала тысячу разъ поклониться дядюшкѣ и тѣпушкѣ. Она вынула изъ ридикюля кошелѣкъ; въ немъ было весьма немного денегъ. Половину она подарила служанкѣ, которая поцѣловала у неё бѣленькую ручку. Племянница посѣшно опворопилась и въ примѣшномъ замѣшательствѣ съла въ коляску.

Я записалъ въ своемъ сердцѣ: *привязана къ роднымъ, бѣдна, признательна, скромна, невинна, хороша; очень хороша, почти слишкомъ хороша собою.*

Почпаліонъ, какъ сумасшедшій, гналъ лошадей по мостовой; нельзя было слышать своихъ собспвенныхъ словъ. Я принужденъ бы былъ кричать, еслибъ вздумалъ съ нею бе-

сѣдовать, а это неприлично. И такъ я молчалъ, она поже.

Наконецъ мы проѣхали заставу. Упро было прекрасное; вокругъ насъ проспиралась живописныя окрестности.

Взоръ племянницы съ удовольспвіемъ покоился на поляхъ, покрытыхъ жапвою. Но лишь только взоръ сей встрѣчался съ чернѣвшими въ голубой дали горами: по она быспро оптупляла глаза.

Я внесъ въ свою памятную книжку: *чувствительна къ красотамъ природы; безпokoится о будущности.*

Мы проѣхали мило. Племянница все еще не промолвила ни слова, я также. Я твердо рѣшилсѣ, проѣхать мило, не вступая съ нею въ разговоръ. Я почипалъ это за самое вѣрное средство, чтобы обезоружить ея заспѣчливостъ и пріобрѣсти ея довѣренностъ. Нѣсколько успѣлъ я въ томъ, но ужасно мало. Сначала она сидѣла, прижавшись въ самый уголокъ, я также. Гамбургская сахарная бочка очень удобно помѣспилась бы между нами,—такъ далеко сидѣли мы другъ опъ друга. Мало по маду расширились предѣлы ея владѣній; и я непримѣшно подвигался ближе, такъ, что наконецъ мы сидѣли довольно тѣсно другъ подлѣ друга. Она все молчала.

Однакожъ первый мильный сполтъ меня обрадовалъ. Я давно ждалъ его съ неперпѣніемъ, ибо путь я рѣшилсѣ развязать языкъ.

Я завелъ разговоръ. Она опвѣчала коропко, но ласково.

Послѣ впораго мильнаго сполба дѣло шло ужъ гораздо лучше. Она говорила очень хорошо,—говорила съ чувспвомъ; въ каждомъ словѣ сверкали искры ума; еслибъ она была веселѣе, или менѣе добродушна: по я могъ бы назвать её оспроумною.

Я оіятъ хотѣлъ еще кое-что внеспи въ мою зашпеную книжку, но замѣнилъ въ своей спутницѣ сполько любезнаго и добраго, что въ сердцѣ моемъ вышелъ ипогъ: *она премиленькая дѣвушка.*

Мнѣ бы надлежало оставить про себя сіе замѣчаніе; но, не понимаю, какъ это случилось: оно сорвалось у меня съ языка, и племянница до самаго четвертаго сполба оіятъ была нѣма, какъ рыба.

Между тѣмъ мы перемѣнили лошадей, и получили почталіона, котораго былъ женатъ, имѣлъ большую жену, и дорогою жаловался намъ, что онъ крайне бѣденъ, и не въ состояніи заплатить за лекарства и за визиты Доктора.

Когда мы пріѣхали на станцію, то племянница опять взялась за свой кошелекъ и подарила почталіону болѣе половины оставшихся въ немъ денегъ. Она спала за коляску, чтобы я не видѣлъ; но я смотрѣлъ сквозь маленькое окошечко, вдѣланное въ коляскѣ; она спала ко мнѣ спиною, и потому меня не замѣтила. Но я и Опещъ Небесный ея видѣли; мы оба видѣли, что у неѣ въ кошелекъ оспалось не болѣе двухъ или трехъ гульденовъ; что слеза канула на благоприворительную руку, когда она съ почталіономъ подѣлилась своимъ скуднымъ имуществомъ.

Я, дурной человекъ, въ станціонной комнатѣ сунулъ почталіону въ руку необрѣзанный, полный червонецъ. Я думалъ, что онъ расскажетъ племянницѣ о моей благоприворительности, но этотъ неблагодарный былъ еще хуже меня. Онъ взялъ подавнѣе племянницы и мой червонецъ, и поѣхалъ домой, не сказавъ ей ни слова о моемъ Голландцѣ.

Небо подернулось облаками, когда мы отправились въ дальнѣйшій путь; наступилъ вечеръ; спановилось темнѣе; наконецъ не видавъ было ни зги. Коляска переваливалась изъ одной ямы въ другую; но красавица падала на меня, но меня бросало къ ней. Кто находился въ подобномъ положеніи, тотъ можетъ представить себѣ мое терзаніе. Но я держался крѣпко, и чрезъ то по крайней мѣрѣ имѣлъ нѣкую выгоду, что красавица иногда нѣсколько секундъ лежала на моей груди. Сія невинная, Ангельская душа конечно не могла предчувствовать, какое несповное пламя свирѣпствовало тогда въ моемъ сердцѣ. Наконецъ мы пріѣхали на прѣпью станцію. Смотритель совѣдовалъ намъ дожидаться утра. «Дорога прескверная;»—говорилъ онъ: «въ темнотѣ легко можетъ съ вами случиться несчастіе.»—

Племянница, которая не задолго предъ тѣмъ, при каждомъ толчокѣ, чувствовала смертельную спрахъ, охотно согласилась ночевать

на станціи. И я былъ этимъ очень доволенъ.

Намъ подали хорошій ужинъ. Племянница хозяйничала. Я сидѣлъ на супротивъ еѣ. До сихъ поръ я видѣлъ только ея профиль; теперь я смотрѣлъ ей прямо въ милостивое личико. Она скинула капотъ и села съ собой чепчикъ.

Рѣзкій вечерній вѣтерокъ нарумянилъ ей щеки. Въ ея большихъ, души исполненныхъ, черныхъ глазахъ написана была увѣренность въ моей скромности, и сія увѣренность, казалось, происходила изъ сердца. Намъ отдалялъ преузенскій сполникъ. Близехонько пропивъ меня сидѣла дѣвушка во всемъ блескѣ прелестей, по которымъ замѣшательство, быть наединѣ съ чужимъ мужчиною, разливало особенное очарованіе.

Видно исчезала въ ней мало по малу робость, и оставалась одна только дѣвическая стыдливость. Я былъ точно въ томъ положеніи, въ какомъ воображалъ себя женихомъ на канунѣ свадьбы,—я ничего не могъ сѣть. Доморощенное вино станціоннаго Смотрителя превратилось для меня въ огненное Бургонское. Въ эту минуту одна служанка принесла соломы, другая пуховники, покрытые бѣлыми проспьями, и обѣ взгромоздили для насъ на полу широкую, высокую постель, какой въ гаремѣ Персидскаго Шаха не можетъ быть роскошнѣе. Племянница, казалось, вовсе этого не замѣчала. Она ни слова не говорила о снѣ; я также молчалъ.

Мы оба знали, что для насъ послано сіе пышное ложе; но оба приговорились, будто ничего не видимъ. Племянница начала вязать чулокъ; я спалъ къ камину. Она завела разговоръ о моей невѣстѣ. Я очень чувствовалъ, что она почтала мою мнимую невѣсту за брусверъ, за которымъ она намѣрена была обороняться въ случаѣ моего нападенія. Она лично знала дочь Оберъ-Форстмейстера, и была опъ неѣ въ восхищеніи. Еслибъ настопцій Баронъ *Остенъ* споялъ передъ каминномъ, то во всю эту ночь онъ прогрѣзилъ бы о достоинствѣхъ и добродѣтеляхъ своей невѣсты.

Я, молча, слушалъ похвальное Слово моей невѣстѣ. Я думалъ совсѣмъ о другомъ, думалъ

о ней самой. Она слишком далеко увлеклась въ своей выспренной рѣчи: она говорила о счастіи любовниковъ, которые, хотя бы міры ихъ разлучали, вѣчно принадлежатъ другъ другу. Причиною сей небесной взаимной довѣренности она почитала нравственную чистоту истинной любви, и наконецъ утверждала: что прудно представивъ себѣ любовь безъ спокойствія. —

«Такъ предадимся покою!» сказалъ я сухо; ибо она вдругъ открыла всѣ источники своего выпійства, и проболтала бы до утра, еслибъ я не заблагоразсудилъ останавивъ стремительный потокъ ея рѣчи.

Мое предложеніе примѣтно еѣ смутило; ибо она, помутивъ глаза на рукодѣлье, замолчала.

Говоривъ много вообще не годился: мы эвимъ часто порпимъ самое лучшее дѣло. Мнѣ бы вовсе не должно было упоминашь о томъ, что сонъ меня одолеваетъ, а лечь безъ околнчностей. Я, глупецъ, воображалъ себѣ, что и она послѣдуетъ моему примѣру, когда увидитъ, что я уснулъ. Мѣсна было довольно для чепверыхъ.

Я кончилъ, съ чего надобно было мнѣ начать: жаловался на ужасную усалоспъ; извинился предъ нею желѣзнымъ закономъ необходимости въ томъ, что осмѣливаюсь спать въ ея присутствіи; легъ полураздѣтый, и пожелалъ ей доброй ночи съ моего соломеннаго прона. —

Она поблагодарила безмолвнымъ наклоненіемъ головы, и продолжала вязать.

Я не могъ спать. Еслибъ я пропанцовалъ передъ нѣмъ прое супокъ, то и тогда бы не уснулъ.

Надобно было дать этому дѣлу другой оборотъ. Такъ не могъ я провести всю ночь. Я припворился, будно просыпаюсь.

—Боже мой, сударыня, вы еще не почиваете?

«Неужьто, Баронъ, вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что я лягу спать.»

—Развѣ вы давче не говорили, что нельзя представивъ себѣ любовь безъ спокойствія? Я почитаю васъ къ любви способною, весьма способною, слѣдственно.....

«Вы очень хорошо меня поняли; но не хорошо съ вашей спороны, что не хопите меня понимать.»

Я набросилъ на себя плащъ, вскочилъ съ постели и—на все рѣшась—признался ей, что я не Баронъ *Остенъ*, что у меня нѣтъ невѣсты, что по увѣренію моей почтенной пѣпки, я, не ища, найду жену, и что она единственно та, которую я нашелъ, не искавъ. Ваше мнѣніе о покоѣ, сударыня, воскликнулъ я, немного оскорбленный ея сердитымъ лицомъ: не годится, никуда не годится. Я люблю васъ, какъ человекъ только можетъ любить; но спокойствіе опть меня далѣко. Съ той счастливой минутой, въ которую я васъ увидѣлъ, до сего важнаго часа, я не зналъ покоя. Лихорадочный жаръ, угрожающій пожрать меня, пылаетъ во мнѣ. Милый Ангель мой, смѣю ли надѣяться? —

«Ваша любовь не моя!» возразила дѣвушка, краснѣя и негодуя: «вы начали ваше знакомство ложью. Скромность такого человека весьма сомнительна. Меня вѣрили Барону *Остену*, не вамъ. Я одна найду дорогу домой.» —

Она поклонилась, схватила свои вещи и свѣчу, и пошла разбудить жену Смотрипеля.

Я предупредилъ еѣ, и спалъ у дверей.

—Я не смѣю удерживать васъ, сударыня! дѣлайте, что вамъ угодно; но прошу васъ, меня прежде выслушать. Что подумаютъ обо мнѣ въ этомъ домѣ, если вы теперь, въ полночь, разбудите Смотрипельницу; вы сами сдѣлаетесь предметомъ насмѣшекъ. Пощадите мою честь и ваше доброе имя. Если я и не Баронъ *Остенъ*, то по крайней мѣрѣ я честный человекъ. Я открылъ ей мое имя и званіе; признался ей, что единственно для неѣ предпринялъ сіе путешествіе; что когда пѣпка ея спросила меня о моемъ имени, я на обумъ назвалъ одного изъ моихъ знакомцевъ, господина *Фонъ-Остена*; что я пришелъ въ большое замѣшательство, видя, что пѣпка извѣстны отношенія Барона къ дочери Оберъ-Форспмейстера; но что удовольствіе, путешествовать съ ея милою племянницею, преодолѣло всѣ мои опасенія.

—Теперь—продолжалъ я съ просподушною откровенностію: теперь я признался вамъ во всѣхъ моихъ тяжкихъ пресупленіяхъ. Смѣю ли ожидать прощенія? Осчастливитъ ли вы меня опять вашею довѣренностію? —

Племянница нехотпя улыбнулась, опошла
опъ двери, и опложила опяпъ въ спорону
свой дорожный узелокъ.

— Вамъ нужень сонъ, — сказалъ я послѣ
крапкаго молчанія: почивайте преспокойно.
Я не буду болѣ спать.

«Вы опяпъ не ляжете?»

— Нѣтъ. —

«Точно не ляжете?»

— Нѣтъ! клянусь честію! —

Черезъ нѣсколько времени она, молча, по-
шла и легла на постель, не раздѣваясь. Чпо-
бы предохранить её опъ просуды, я на-
бросилъ на неё легонькое шелковое одѣяло,
которое всегда возилъ съ собою; она ласково
поблагодарила. Опвернясь опъ неё, я сълъ
подлѣ каминна.

(Продолженіе въ слѣд. листкѣ.)

К Р И Т И К А.

Стихотворенія *Василія Романовича. С. П. Б.*
1832.

(Продолженіе.)

Тамъ нѣгой *страсть*, *просачиваясь* въ жилы

Во всякомъ спихѣ *просачивается* спрасть
къ безлѣщцѣ.

Храмъ всѣхъ лзыческихъ боговъ,
Юпитеровъ, теперь *Христовий*.

Очень забавно, чпо *пишпъ* воображаетъ,
будпо онъ *пишетъ* по Русски!!!

Коса времени

Время.

То Колизей: на *нелъ* *сребрителъ*
Луна *богатою паргой*.

Вопъ эпо и ново, и смѣло, и запѣйливо.

Разваливъ *геній* *приоблѣкъ*;

Приоблѣкъ, *нелзя* *корчить* Славянскіе вели-
кіе слова въ *проспонародную* форму.

И въ зной *поминательный* *скунатся*
Въ ихъ *прохладительныхъ* *струяхъ*.

Скунатся! — Не понимаю!... *Скунатся?* —
Недоумѣваю.

Гдѣ вотъ *пасселъ* *бѣлый* *волъ*.

Вотъ *совсѣмъ* *лшнее*.

Дочь Юга солпцу улыбнулась —

И спвшпо на рѣку *кошеть*.

Не *кошпцу* ли? Не *корзпнку* ли?

Раздранныя сосны на *телени* скатъ.

Эпо чпо *такое*? Эпо по *каковски*? — Ду-
маю, по *Мордовски*.

Гей! *весла* *на бортъ!* *поглядимъ*,

Присмотрился *живой* *картинъ*.

Вѣсла на *бортъ!* *Присмотримся* къ *живой*
картинъ.

Вдолѣ какъ *сіеть* *безмлъжею*

Сей *степи* *зеркальной* *просторъ!*

Вѣрояпно, *Авпоръ* *хоптѣлъ* *сказать*: *про-*
странство, *обширность*.

Гребцы на *отдыхъ* *сидятъ*;

Вѣрояпно, *отдыхъ* еспъ *название* какой
нибудъ *мѣбели*: *Кипайской*, *Японской*, *Маге-*
ланской.

И *лона* *Спецціи* *стекло*

Въ *обширномъ* *отеркъ* *свѣтлеть*.

Спекло, *зеркало*, *вспаваются* въ *раму*—
свѣплѣютъ въ *оной*.

И съ *орошаемаго* *пдпомъ*,

Челъ, *натуженнаго* *миой*...

Не *вѣдаемъ*, какъ *сѣумѣлъ* *пишпъ* опъ *бла-*
говонія *цвѣтовъ* и *зелени*, *привеспи* *чело* *свое*
въ *споль* *болѣзненное* и *вовсе* не *пишпче-*
ское *положеніе*.

И, *рѣзаясь* *игривою*, *шумной* *толпой*,

Въ *словъ* *рѣзаясь* *удареніе* на *последнемъ*,
а не на *первомъ* *слогѣ*.

Ихъ *пышные* *своды*, *жилица* *Царей*,

Сдаются на *воздухъ* *тяжеснью* *всей*

Вислтъ, какъ *прикованы*, *взоръ* *изумляя*.

Можно *подозрѣвать*, чпо *здѣсь* *слово*: *сдает-*
ся *употреблено* *вмѣспо*: *кажется*, *лнителъ*;
но эпо не въ *попадъ*.

То *пѣсь* *рыбака!* Въ *челнокъ* *одинокой*

Теперь *закидаетъ* на *бвздиъ* *глубокой*

Овъ *сѣпи* *свои*.

Закидываетъ *сѣпъ*, *закинетъ* *неводъ*, *закл-*
даетъ *грязью*, *каменьями*; *вопъ* *эпо* по *Рус-*
ски.

Процальной дѣвы пѣшь!

За по есть *свицдальная*. Какъ обогащаетъ нашъ Авшоръ Россійскій языкъ и какъ искажаетъ его!

Любовь ей *стмила* свѣшь.

Надлежащъ сказаць: *затмила*.

И Марія крестъ съ груди
Отцупляя

Не памъ удареніе: его надобно перенести на первый слогъ: *съ груди*. Крестъ *стмляютъ* съ шеи, а не *отцупляютъ* съ груди. Ссылаюсь на всѣхъ.

Богородица святая
Со младенцемъ на рукахъ
Намъ вѣнокъ сплетаетъ брачный,
И увѣшь имъ *чѣла* намъ.

Въ высокомъ слогѣ, какимъ написаны сіи чепыре стиха, благоприличіе пребуесть выговаривать: *чѣла*, а не *чѣла*.

•Бѣлой *милею* Мадону

Неудачно сокращено слово: *милею*; наспо-
ящій Русакъ сказалъ бы: *милей*.

И, убѣждѣнь, преклонивъ ты колѣны,
Въ молитвы часъ *предъ Выси широтой*.

Нужно ли доказывать, что шупъ съужены
Выси здраваго смысла?

Какъ *фдсфора* горящій океанъ;

Въ Русскомъ языкѣ принято слово: *фос-
фдоръ* съ силою на въоромъ слогѣ.

Такъ два *сердца* вражда вдругъ различитъ,

Здѣсь удареніе на *е*, а не на *а*, въ словѣ *два
сердца*.

На энихъ-то гранитныхъ исполнахъ
Сей голось бурь *свиргльишихъ* гремитъ.

Въ словѣ *свиргльишихъ* сила на послѣдней
буквѣ *ѣ*.

Лблязія перси восторги *колышатъ*;

Въ семъ одномъ стихѣ спраждутъ и смыслъ,
и вкусъ, и языкъ народа православнаго.

Нижеслѣдующій опривокъ не успушаетъ
въ красотѣ предыдущему.

И славу силой испоргаетъ
Не преставай!

Она въ борьбѣ *разодрана*,
Какъ послѣ боя знамена,
Еще прекраснѣй — *лоскутали!*
Какъ по *свѣтлого* (*) съ *огневилъ*
Красивымъ *блужколю* *своимъ*....

Порядочно перепутанъ смыслъ и въ чепве-
роспншій, въ коемъ говорився, что гармонія

Тажъ и доднесъ, хотя легли
Вѣковъ ужъ тысячи, *кажъ* зримый
Спонитъ сей міръ, Творцемъ хранимый!

Къ нему подъ маспъ:

Гармонію мы, ранимъ упромъ,
Вспрѣчаемъ въ *зрѣлицѣ* *зари*,
Когда бѣлѣя перламутромъ
Плыутъ вотъ *облачка* два, три,
Такъ дружно, будто братъ за братомъ,
Въ *краяхъ* блистающія *злапомъ*.

Часть вторая.

Въ пивонхъ объявляхъ *утопая*;

*

Я *утопая* въ небесахъ.

*

И *потому* въ наслажденье....

*

Взоры отпуда далѣко *топига*.

*

Пусть въ сладостномъ забвеньи *потдну*.

*

Я дѣвственной душою *потому!*

*

Я все чинаю ихъ, чтобы *потонуть* въ слезахъ.

*

И *солнце* пурпурное, *тлѣя*,

Въ волнахъ *затопитъ* свой вѣнецъ!

*

Родникъ сей днѣмъ — какъ лёдъ спудѣтъ,

Чушь только ночь — пылаетъ онъ,

Какъ сердце *топучее* въ пѣгъ.

*

Тону въ гармоніи волнахъ.

*

И непорочно *утопалъ*.

*

Прозрачный Сильвъ съ Сильфондою прекрасной,

Чушь день погаснетъ — *тонутъ* въ небесахъ.

*

(*) Солнце.

Блещишь залива полоса;
 И въ ней шамъ *тонуть* небеса.
 *
 Вотъ обновленноу щаспливо
 Въ мѣръ лучшій *потонувъ* душой.
 *
 Земля и небо *тонуть* въ швишиѣ.
 *
 Душою *тонемъ* въ чувствѣ созерцающа.
 *
 Тогда ея (*) мы вяжно слышимъ,
 И какъ въ волнахъ мы *тонемъ* въ ней.
 *
 Ихъ (**) мѣръ паниспвенный чаруешь;
 Въ немъ *тонемъ* мыслью и душой
 Ихъ свѣшлый, мотыльковый *рой*.
 *
 И шопъ блаженшвуешь, кшо, мвишя,
 Какъ бы чуждаясь благъ земныхъ,
 Ошъ легкихъ роевъ устранился,
 Безмолвель, хладень и угрюмъ,
 Участья въ жизни не пріемля,
 Въ пучинѣ *тонеть* шайныхъ думъ.

Здѣсь оспановимся, боясь, чпобъ не упо-
 нупъ въ морѣ беззаконій граммашическихъ,
 синпаксическихъ, риппорическихъ, логическихъ
 и пиппическихъ.

(*Окончаніе въ слѣд. листѣ.*)

CHARADE.

*Addressée à Mme la comtesse de ****

De mon premier votre coeur est l'image;
 J'aime à passer mon second avec vous.

Mon tout est un souhait consacré par l'usage;
 Vous l'auriez tous les jours si j'étais votre époux.

Въ Но 25, помѣщенная шарада значить: *Мушка-Тель*.

(*) Пѣсь. (**) Сильфидъ.

MODES.

Les dispositions de fleurs pour coiffures ont été si variées pendant cet hiver, qu'on pouvait ne plus rien attendre de nouveau en ce genre; les bals qui ont eu lieu dans ces derniers jours nous ont pourtant encore offert trois nouveautés:

La première est une couronne composée d'un léger cordon de fleurs qui passe sur le front, et d'une espèce de massif des mêmes fleurs groupées avec grâce, qui s'élève derrière la tête et forme cache-peigne.

La seconde est la même couronne où le cordon de devant est remplacé par une rivière en diamans.

La troisième, enfin, est une guirlande de fleurs légères et variées, montée égale de grosseur dans toute sa longueur, qui se pose ainsi: un tour au bas de la natte qui enveloppe les coques, un second tour au-dessus de cette même natte; elle se termine par un léger bouquet qui s'élève un peu derrière les coques.

МОДЫ.

Расположеніе цвѣтовъ въ прическахъ нынѣшней зимою было споль разнообразно, чпо, казалось, ничего нельзя ожидать новаго въ семъ родѣ; на послѣднихъ балахъ однако замѣтили мы шри новопши:

Первая, вѣнокъ, сдѣланный изъ легкаго снурка изъ цвѣтовъ, положень по лбу, и родъ куслика изъ тѣхъ же цвѣтовъ, расположенныхъ щеголевато, возвышается сзади головы и служишь прикрытіемъ гребня (cache-peigne).

Вшорая, шакой же вѣнокъ, гдѣ передній снурокъ замѣненъ бриллианшвою пшпкою.

Трешья, наконецъ, гирланда изъ легкихъ и разнообразныхъ цвѣтовъ, сдѣланныя равной ширины во всю длину; она кладется такимъ образомъ: одинъ кругъ ниже косы, которого обернушы пепли, другой кругъ выше шой же косы; она оканчивается небольшоимъ букетомъ, возвышающимся немного сзади пепель.

Поправка.

Въ Но 24-мъ сей газеты чинъ Спашскаго Совѣтника присвоенъ Господину *Ротеву* по ошибкѣ; спѣшивъ испра-
 вить оную.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ПЕРВОЙ ЧАСТИ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИБАВЛЕНІЙ

КЪ РУССКОМУ ИНВАЛИДУ

И Л

1832 годъ.

I.

ПЕРЕСМЪШНИКЪ.

Нерасчетливо, соч. <i>Н. Б—на</i>	стр. 1.
О Циптин, альманахъ Московскаго издѣля	2.
Письмо второе къ Издателю Лип. Прибавленій объ Исторіи Русскаго челоуѣка, писанное <i>Ни-</i> <i>китого Луговыиъ</i>	4.
Визитъ сумасшедшему, соч. <i>Влад—скаго</i>	9.
Чиновникъ 9-го класса, Господинъ Пауковъ, соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	25.
Глупому сыну не въ помощь богатство, аще не купишь мудрости и изрядства, соч. <i>А. Кора-</i> <i>блинскаго</i>	—
Именины у стряпчаго, соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	33 и 41.
Широковѣщательное извѣстіе о нѣкомъ предпола- гаемомъ сочиненіи Терентія Ивановича Кабанова	49.
Осмѣянный мѣняло	50.
Что поѣдешь: по и пожнешь, соч. <i>А. Кораблин-</i> <i>скаго</i>	57.
Мой новый фракъ	65.
На все мода, даже на чувства сердечныя	66.
Ученое Собраніе	73.
Пора! пора!	81.
Семейная прогулка	82.
Двѣ сцены изъ прозаической жизни, соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	89.
Маршнни	92.
Пятница	—
Слово правды	93.
Говоруны, соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	97 и 105.
Бывало—теперь, соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	113.
Теперь—бывало, соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	113.
Горькая участь Господина Владимира Б—шева, соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	121.
Нѣчто о литературномъ предпріятіи Г. Фомъ Кнорринга, соч. <i>Ксенократа Луговаго</i> (роднаго брата <i>Никиты Луговаго</i> , сочинителя Исторіи Русскаго челоуѣка)	129.

Нѣчто объ Александрѣ Анзимовичѣ Орловѣ, соч.

<i>И. Станц.</i>	стр. 137.
Совѣтъ за совѣтъ, соч. <i>Никиты Луговаго</i>	138.
Спленни, Глава IV, соч. <i>Алексыя Кораблинска-</i> <i>го</i>	145, 153, 161 и 169.
Литературная замѣтка	165.
Замѣтки, соч. <i>И. Станц.</i>	177.
Когда—тогда, соч. <i>А. Кораблинскаго</i>	178.
Спрашнній Офицеръ, соч. <i>Нылая Б—н—на</i>	185.
Не всякой даръ—клады въ амбаръ	187.

II.

СЛОВЕСНОСТЬ.

Воръ могильный, преданіе, соч. <i>Селиванова</i>	11.
Анекдотъ о Гаррикѣ	14.
Разсказъ моей бабушки, пер. <i>В. Соколова</i>	19.
Приключеніе на Оперномъ балѣ, пер. <i>его же</i>	21.
Элиза и Евгений, повѣсть, пер. <i>Брянганшова</i>	28.
Шопландская сцена	37.
Колдуны въ Швеціи, сказка	45.
Журналъ молодой дамы	46.
Инвалидъ на островѣ Св. Елены, соч. <i>Трилунаго</i>	51.
Солнечный закатъ на Монбланѣ, пер. <i>В. Соколова</i>	61.
Нападеніе въ распахѣ, повѣсть, пер. <i>В. Тилло</i> . 67, 75 и 82.	
Ульрихъ и Лиза, сказка	101.
Озеро Килларейское, сказка, пер. <i>В. Соколова</i>	107.
Парасоль и зонтикъ, анекдотъ, пер. <i>его же</i>	114.
Московскія новости, соч. <i>И. Станц.</i>	122.
Поездка въ Эрменонвилъ	131.
Могла Козленя	134.
Клеркъ Готье, сказка, пер. <i>В. Соколова</i>	139.
Альбомъ женщины	150.
Чулки	—
Природный громовой отводъ	158.
Табакерка Маршала Вада	165.
Воспомнанія о Швейцаріи, пер. <i>В. Соколова</i>	178.

Замокъ Трессоновъ, сказка	стр. 180.
Затмѣніе солнца на морѣ	182.
Пепръ и Марія, сказка	189.

III.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Разсказъ збишеньщика, соч. <i>Сльпушкина</i>	6.
Развѣтъ, соч. <i>Ознобишина</i>	7.
Къ**, соч. <i>Подолинскаго</i>	15.
Ронщущему, соч. <i>Якубовича</i>	15.
Русская пѣсня, соч. Барона <i>Дельвица</i>	23.
А. А. Дельвицу, соч. <i>Языкова</i>	—
Генералу Красовскому, соч. <i>Теплякова</i>	30.
Ожиданіе, соч. <i>А. Глыбова</i>	—
Видъ горъ изъ степей Козловскихъ, изъ <i>Мицкевича</i> , пер. <i>Познанскаго</i>	31.
Къ сослуживцу, соч. <i>Б. Б—ва</i>	39.
Къ сыну, соч. <i>Степанови</i>	47.
Подражаніе Англійскому, <i>А. Глыбова</i>	—
Признаки, соч. <i>Покровскаго</i>	53.
Страна мечты, соч. <i>А. К—ва</i>	63.
Ау! соч. <i>Языкова</i>	64.
Непроницаемость будущаго, соч. <i>Баталлина</i>	71.
Лучъ надежды, соч. <i>Демидова</i>	—
Медвѣдь и мышенокъ, басня, соч. <i>Алипанова</i>	—
Женщина, соч. <i>Карлгофа</i>	79.
Пляска мертвецовъ, баллада, пер. <i>Петрова</i>	80.
Къ измѣнницъ, соч. <i>Романовича</i>	—
Пѣсня, соч. Барона <i>Розена</i>	87.
Надежда, изъ Гёте, пер. <i>Якубовича</i>	—
Элегія, пер. <i>Покровскаго</i>	88.
Дядь П. Л. Я., соч. <i>Якубовича</i>	93.
Нищета и богатство, соч. <i>Петрова</i>	94.
Къ поэту-ошпельнику, соч. <i>Баталлина</i>	103.
Къ портрету Валшерь-Скопца, соч. <i>Прокоповича</i>	—
Къ Алинь, подр. В.	—
Къ Лауръ, изъ <i>Мицкевича</i> , пер. <i>Познанскаго</i>	111.
Святочное посѣщеніе, соч. Н. Н.	—
Къ***, изъ <i>Мицкевича</i> , пер. <i>Познанскаго</i>	117.
Моя собака, басня, соч. <i>Духовскаго</i>	—
Сказка о спящей Царевнѣ, соч. <i>Жуковскаго</i>	124.
Очи любезной, изъ <i>Кёрнера</i> , пер. <i>Покровскаго</i>	135.
Пустыня, соч. <i>А. К—ва</i>	136.
Геній, соч. <i>Подолинскаго</i>	143.
Сонъ, изъ <i>Мицкевича</i> , пер. <i>Манассина</i>	144.
Ю. И. Познанскому, соч. <i>Гвоздева</i>	—
Сонетъ <i>Мицкевича</i> , пер. <i>Познанскаго</i>	151.
Бдѣніе, соч. <i>Чижова</i>	—
Жирный кощъ, басня, соч. <i>Демидова</i>	152.

Двѣ газели, соч. <i>Романовичи</i>	стр. 158.
На новый годъ, соч. <i>Черкасова</i>	159.
Ю. И. П—му, соч. <i>Гвоздева</i>	—
Моей матери, соч. <i>А. Глыбова</i>	166.
Листокъ изъ Альбома, пер. <i>Г. Сіянова</i>	167.
Къ Лилешъ, соч. <i>Галдинскаго</i>	—
Къ моей женѣ, игравшей на фортепіано во время моей болѣзни, соч. <i>И. Покровскаго</i>	173.
Вблизи, вдаль, соч. <i>М. Корнилова</i>	174.
Три завѣщныя пѣсни, соч. <i>Сорокина</i>	183.
Обѣдъ, подражаніе <i>Боало</i> , соч. <i>Башилова</i>	184.
Счастливыи чловѣкъ, соч. <i>Якубовича</i>	190.
Ночной крикукъ, пер. <i>Романовича</i>	191.
Листокъ изъ Альбома <i>П. Г. Сіянова</i> , соч. <i>Гр. Д. Т—ова</i>	192.
Полетъ души, соч. <i>М. Деларю</i>	196.
Грусть, соч. <i>Станжеска</i>	197.
Къ В. Ф. К., пер. <i>Попова</i>	—

IV.

КРИТИКА.

Невскій Альманахъ на 1832 годъ, изд. <i>Е. Аладынынъ</i>	94.
Сверские Цвѣты на 1832 годъ	118.
Стихотворенія <i>Василія Романовича</i>	197 и 206.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Были, соч. <i>Павликія Атртыкова</i>	31.
Евгеній Опъгинъ, романъ въ стихахъ, соч. <i>Алексаидра Пушкина</i>	174.

V.

СМѢСЬ.

Печатаалась почти въ каждомъ номерѣ.

VI.

ШАРАДЫ, ЛОГОГРИФЪ, ОМОНИМЪ.

Русскія.—*Шарады*: 1) Ось-муха; 2) Изъ-льгъ; 3) Пе-гасъ; 4) По-рогъ; 5) Су-эльеръ; 6) Же-нить-ба; 7) Жид-кость; 8) Ку-поль; 9) Хам-е-леонъ; 10) Боб-ровъ; 11) Вино-градъ; 12) Мушка-Тель. *Омонимы*: 13) Штофъ.

Французскія.—*Шарады*: 1) Bord-eaux; 2) Trou-peau; 3) Char-bon; 4) Pot-eau; 5) Bal-lot; 6) Vane-lit; 7) Cerf-volant; 8) As-ile; 9) Sang-froid; 10) As-pric; 11) Col-lyre; 12) Bon-jour. *Логогрифы*: 13) Мие.

VII.

МОДЫ.

Статьи о новыхъ дамскихъ и мужскихъ Парижскихъ, Лондонскихъ, Вѣнскихъ и Петербургскихъ модахъ были помѣщаемы на Французскомъ и Россійскомъ языкахъ въ каждомъ листкѣ и выдано 9 искусство-выгравированныхъ и раскрашенныхъ каршинокъ.